ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Ирвинг Стоун

ДЖЕК ЛОНДОН

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Стоун — автор ряда романов и биографий, среди которых книги, посвященные Ван-Гогу и Юджину Дебсу. Биография Джека Лондона — наиболее известная из его работ.

Издание снабжено фотоиллюстрациями.

- Ирвинг стоун. Джек Лондон
- Часть I
  - I
  - II
  - III
- Часть II
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX
  - X
- Послесловие
- Основные даты жизни и творчества Джека Лондона
- Краткая библиография
  - I. Сочинения Джека Лондона
  - II. Литература о Джеке Лондоне
- Иллюстрации
- Об авторе

Ирвинг стоун. Джек Лондон

«Если ты утаил правду,
скрыл ее, если ты не
поднялся с места и не выступил
на собрании, если выступил,
не сказав всей правды, — ты
изменил правде».

«Дайте мне взглянуть правде в лицо.

Расскажите мне, какое лицо у правды».

Джек Лондон

Это история о Джеке Лондоне, рассказанная его собственными словами с присущими только ему неподражаемым колоритом, характером и драматизмом. Там, где Джек говорит о себе, ни один биограф не смог бы сказать лучше.

«Моряк в седле» основан на материале пятидесяти опубликованных книг Лондона и двухсот тысяч писем, черновых рукописей, документов, дневников. Все это — сам Джек Лондон; это — рассказ о том, как он работал, любил и боролся.

Ирвинг Стоун

Часть I

I

Ранним июньским утром 1875 года жители Сан-Франциско, проснувшись, прочли в газете «Кроникл» ужасающую историю, женщина выстрелила себе в висок. Дело было в том, что муж «выгнал ее из дому, так как она отказалась умертвить своего еще не родившегося младенца, — пример бессердечия и мучений семейной жизни».

Женщиной была Флора Уэллман, заблудшая овца из семьи Уэллманов, старожилов города Мэслон, штат Огайо. Мужчиной — странствующий астролог-ирландец профессор Чани. Что касается младенца, то ему было суждено стать известным миллионам людей всего мира под именем Джека Лондона.

Статья в «Кроникл» — это поток брани по адресу профессора. Правда, в заключение автор признается, что эта история рассказана друзьями Флоры с ее же слов. Газета обвиняет профессора в том, что он отбывал в свое время срок заключения в тюрьме Тумс, что своих бывших жен — нескольких — похоронил: «растет зеленая трава у их изголовья, и хладный камень лег в ногах». Флору он заставлял гнуть спину у корыта, наниматься в няньки к чужим людям. Он продавал мебель, купленную на деньги жены, выгонял Флору из дому, а когда она отказалась уйти, сам бросил ее.

Правды в этих обвинениях так же мало, как и в заголовке статьи — «Покинутая жена». Флора никогда не была замужем за профессором Чани. Ни малейшего желания кончать жизнь самоубийством у Флоры не было. Рана ее оказалась царапиной и

принесла куда больше вреда профессору Чани — ведь газеты разнесли эту историю по всей стране. Чани был оскорблен и опозорен на всю жизнь. Вскоре после этого происшествия он исчез из Сан-Франциско. Джек Лондон никогда не видел своего отца.

В то время, когда появилась статья в «Кроникл», Флоре Уэллман было лет тридцать. Низенькая, невзрачная, безвкусно одетая, она ходила в очках и в черном кудрявом парике: глаза и волосы ей испортил тиф. Изжелта-бледное лицо с крупным носом, большие уши. Родом Флора была из хорошей уэльской семьи. В 1800 году ее бабушка, миссис Джоэль Уэллман, глубокой зимой с четырьмя детьми перешла через Аллеганские горы от озера Канандейгуа в штате Нью-Йорк до Вэйн Каунти, Огайо. Чтоб совершить подобное путешествие, требовались энергия, мужество и уверенность в себе.

Оба сына миссис Джоэль Уэллман — Хайрам и Маршалл (дедушка Джека Лондона) унаследовали эти качества. Как-то поздней осенью, когда братья гостили в Кливленде, они отправились пароходом на остров в бухте Путин-Бей. На обратном пути — а это был последний рейс в том году — пароход почему-то там не остановился, и мальчики остались на безлюдном острове без пищи и без крова. Наступала зима. Орудуя камнями вместо топора, они ухитрились соорудить из прибитых к берегу бревен такой прочный плот, что смогли на нем добраться не только до материка, но и до самого Кливленда.

Маршалл Уэллман поселился р Огайо в городе Мэслон. Здесь он строил каналы и брал патенты на свои изобретения, главное из которых — угольная топка Уэллмана. Сколотив солидный капитал, он построил себе дом, один из самых красивых в Мэслоне. Там и родилась его дочь Флора.

Флоре Уэллман была предоставлена возможность получить самое разностороннее по тем временам образование. Она училась музыке, окончила колледж, много читала, хорошо говорила, обладала изящным слогом и превосходно держалась в обществе. Девушке из богатой семьи Уэллманов было бы не трудно выбрать себе мужа по душе и зажить, как ее братья и сестры, степенно и благополучно. Но тут в налаженной машине что-то застопорилось; Маршалл Уэллман был искусный изобретатель, однако справиться с непокорной дочкой оказалось ему не под силу. По отзывам друзей, это была девица с легко меняющимся настроением, умная, одаренная, но нервная. Сколько-нибудь строгому порядку, твердым указаниям она поддавалась с трудом. Двадцати лет она перенесла тиф, и после болезни, как говорят, у нее осталась некоторая сумятица в голове.

Когда Флоре исполнилось двадцать пять лет, она собрала пожитки в чемодан и уехала из Мэслона. Для молодой девушки это было неслыханно. Отношения с родителями были порваны на всю жизнь Несомненно, произошел скандал, но об истинной причине этих неприятностей можно только догадываться. Изобретательный репортер «Кроникл» пред полагает, что «Флора приехала к нам на побережье приблизительно в то же время, когда через заросшие шалфеем романтические дали Невады сюда предпринял путешествие профессор». На самом деле Флора встретилась с Чани лишь три года спустя, в Сиэтле.

Биограф Джека Лондона был бы готов пожертвовать многим, чтобы проследить скрытые от нас три года жизни Флоры Уэллман, когда она скиталась из города в город, зарабатывая на жизнь уроками музыки. Оставшиеся сведения наводят на мысль, что это была бы неприглядная история.

Профессор Чани пишет: «…в тех же меблированных комнатах, где Флору считали моей женой, она прежде выдавала себя за жену Ли Смита. Заведение, где мы жили, было весьма солидным, и вот однажды, вернувшись домой, я увидел, что жильцы собрались выезжать и весь дом охвачен ужасным волнением. Не успел я войти в комнату, как Флора закрыла дверь на ключ, упала передо мной на колени и, рыдая, стала молить о прощении. Я сказал, что мне нечего ей прощать. После долгих жалоб и разговоров вокруг да около она, наконец, рассказала мне правду о Ли Смите. Жильцы, сказала она, уезжают из-за того, что знали ее, Флору, почти в одно и то же время под именем мисс Уэллман, миссис Смит и миссис Чани. Стоило мне тогда уступить первому побуждению, и я ушел бы от нее, избавив себя от многих лет страданий. Но у меня самого за плечами была исковерканная жизнь, и, поразмыслив, я простил Флору».

В первый раз Чани встретился с Флорой Уэллман у Йеслера, мэра города Сиэтла. Мэр был родом из Огайо и хорошо знал Уэллманов. Флора в то время гостила у мэра и его жены. Мистер и миссис Йеслер по секрету рассказали Чани, что их гостья — дочь очень почтенных родителей, но в чем-то провинилась. Это неведомое «что-то», очевидно, и заставило Флору уйти из дому. Чани был на короткой ноге с Йеслерами, часто к ним заходил, и когда позже, в Сан-Франциско, увиделся с Флорой, они встретились как старые друзья.

Что за человек был отец Джека Лондона? Немногое известно о его прошлом, кроме того, что он был чистокровным ирландцем и родился в бревенчатой хижине, в штате Мэн. В молодости он много лет провел на море. Невысокий ростом, профессор был такого могучего телосложения, что в шестьдесят лет ухитрился

спустить с лестницы хулигана, которого подослали избить его. Чем он занимался? Писал, издавал журналы, читал лекции, преподавал и составлял гороскопы. Им была собрана обширная библиотека, куда входили книги по философии, математике, астрономии и оккультным наукам. Он был языковедом, способным историком, знатоком библии. Среди близких учеников и последователей он слыл человеком замечательным; среди астрологов был признан одним из лучших. Говорят, что на склоне лет, живя в Чикаго, он посвятил свои недюжинные творческие способности астрологии, занимаясь ею по шестнадцать часов в день. Он страстно и искренне верил в астрологию и считал ее такой же точной наукой, как химия и математика; наукой, способной вытащить человечество из затянувшей его трясины.

Самой большой слабостью Чани были женщины. Когда друзьям случалось упрекнуть профессора в прегрешениях против морали, он, указывая на свой гороскоп, восклицал: «Увы! Так уж мне на роду написано». Его ничего не стоило рассердить, и нелегко было иметь с ним дело: ему непременно хотелось быть вождем, наставником, руководителем решительно во всем. Большую часть жизни он был беден, деньгами не дорожил. Если ученикам было нечем платить, он давал уроки бесплатно и постоянно раздавал то немногое, что имел.

По свидетельству студентов, его лекции всегда слушались с неослабевающим вниманием: ему было о чем сказать, и он знал, как это сказать. Иронизировать он умел как никто. Его друзьям над "многим стоило подумать, если они умели думать. А если не умели, они недолго оставались его друзьями. В городе Портленде, штат Орегон, его еженедельные лекции пользовались известностью. На доске перед слушателями был изображен гороскоп в метр величиною. Перед ним с указкой в руке стоял Чани, предлагая аудитории объяснить значение различных сочетаний звезд. После полуторачасовой лекции он с присущим ему сочным ирландским юмором развлекал учеников забавными историями.

В 1909 году один из его последователей, Джо Траунсон из Гельдзбурга, позднее собрат Джека Лондона по социалистической партии, писал: «Мне особенно нравилось, когда в ходе беседы он, бывало, восклицал: «А-а! Это наводит меня на мысль…» И принимался развивать эту мысль, с блеском формулируя ту или иную научную истину, описывая явления природы, еще никем не подмеченные.

В математике и астрологии он был изумителен, он обучил меня методу расшифровки древних надписей. Он прекрасно разбирался в грамматике. Познания его отличались глубиной, у

него была голова настоящего ученого, поразительная память. Писать он мог без устали по шестнадцать часов в сутки; часто читал лекции, в которых говорил о причинах бедности и средствах борьбы с нею, о том, что богатые становятся все богаче, а бедные — беднее. Человек чрезвычайно многосторонний, он научил меня большему, чем все другие мои наставники, вместе взятые. Как-то раз он сказал мне: «Я вас научу, как вычислить время затмения; какой бы наукой вы ни вздумали заняться, я обучу вас». Одним словом, когда мне нужно было что-нибудь узнать, я шел к профессору Чани».

Траунсон не забывает упомянуть и о недостатках Чани. Профессор ничего не смыслил в музыке, ненавидел поборников женского равноправия; он был верным другом и беспощадным врагом, а после ссоры лишь скрепя сердце признавал достоинства противника. Он брал деньги у атеистов за то, чтоб прочесть лекцию против церкви… и был не в силах держаться вдали от молоденьких вдовушек.

Зажив одним домом с Флорой Уэллман, Чани обосновался в доме на Первой авеню, как в то время называлась улица между Мишшен и Валенсией Он начал сотрудничать в журнале «Здравый смысл», объявившем себя единственным атеистическим журналом к западу от Скалистых гор. Чани писал статьи, прочел цикл лекций по социологии для Общества филоматов, а на дому занимался толкованием гороскопов.

«Профессор поселился в Сан-Франциско с тем, чтобы заниматься *астрологией.* Он намерен также преподавать астрологию тем, кто захочет получить сведения об этом небесном искусстве. Знатоками и горячими сторонниками астрологии были такие умы, как Галилей и Исаак Ньютон. В длинном перечне лиц, выдающих себя в этом городе за астрологов, ни один не имеет представления об этой науке. Астрологами именуют себя обыкновенные шарлатаны, гадающие на картах и на кофейной гуще. Их ворожба и навлекла дурную славу на истинную астрологию. Рабочие часы с 10 до 12 утра и с 2 до 4 дня. Вечерние консультации по особой договоренности».

Чани не был шарлатаном. Большую часть жизни он учил, писал и читал лекции по астрологии бесплатно. Из этого ясно, что он не занимался сознательным жульничеством за счет легковерных. Вот анекдот, по которому можно судить, какое место он нанимал в своей области.

Однажды в городе случился пожар. Сгорел дом. Подозревали поджог. Хозяин дома обратился к профессору Чани. Профессор сказал, что в поджоге участвовали трое, и описал их с такой точностью, что хозяин отправился к преступникам и объявил, что

Чани уличил их. Те тут же сознались. Если сказал Чани, отпираться бессмысленно.

Воскресными вечерами Чани читал лекции по астрологии в Чартер Оук Холле. Билеты у входа продавала Флора — по десять центов каждый. Некоторое время лекции давали хорошие сборы, хотя кое-кто приходил, чтоб поиздеваться над лектором.

Лучшим свидетельством ума и взглядов Чани можно считать его статьи, напечатанные журналом «Здравый смысл»: «Бедность: ее причины и средства борьбы с нею», «Как поступать с преступниками?». В статье «Человек должен уметь предсказывать будущее» он пишет: «Неправильная система обучения внушила нам, что будущее принадлежит богу и самая попытка человека заглянуть в будущее — богохульство. Вера в это прививается с раннего детства, и, вероятно, девять десятых жителей Соединенных Штатов склонны недоверчиво относиться к утверждению, что можно предсказать будущее. Их позиция подобна той, которую занимали люди до Галилея Воспитанные на догме, что земля плоская, они с отвращением взирали на всякого, кто утверждал, что она кругла. Когда папа с кардиналами заточили Галилея в темницу за утверждение, что земля движется по орбите, простым людям казалось, что этот человек, один из первых мучеников во имя науки, наказан по заслугам»

Статьи Чани написаны хорошим языком, аргументация — убедительна, манера изложения — четкая, ясная. Видишь, что автор — человек всесторонне образованный, достаточно смелый, чтобы говорить откровенно. Он любит людей и хочет научить их стремлению к совершенству У него современные, передовые взгляды. В статье о криминологии он пишет, что преступника удерживает не столько суровость, сколько неизбежность наказания. В другой статье он предлагает филоматам организовать братскую общину. Мужчины, женщины и дети будут собираться раз в неделю. Взрослые станут писать и обсуждать сочинения на различные темы, дети — заниматься музы кой, обучаться искусству композиции и критики. Род человеческий будет совершенствоваться, и спустя несколько поколений порок и преступление исчезнут.

Флора же была не только астрологом, но и страстной спиритиской. Она проводила спиритические сеансы, на которых публике предлагалось общаться с духами близких, посылать им вести о себе. Можно было по лучить от них совет, как повести дела — торговые или сердечные, как уследить за легкомысленным супругом, уладить ссору: ведь незримым духам куда удобнее наблюдать земные дела. В 70-х годах прошлого века спиритизм стал очень моден; по всему Сан-Франциско

устраивались десятки сеансов, и приверженцы спиритизма доходили до того, что испрашивали одобрение духов, даже когда собирались нанять экономку.

Несколько месяцев, прожитых в Сан-Франциско, Флора и Чани были счастливы. Флора вела хозяйство, давала уроки музыки, устраивала спиритические сеансы, читала лекции о спиритизме. В палатке с земляным, посыпанным опилками полом Чани читал лекции по химии, астрономии и оккультным наукам, а Флора, стоя в дверях, отбирала у посетителей билеты. У них были друзья среди астрологов, они пользовались доброй славой и в своей области были первыми. Флора, по-видимому, любила профессора и очень хотела, чтоб он на ней женился. Но Чани был слишком занят лекциями в Обществе филоматов о «Явлениях физической, умственной, моральной и духовной жизни». Профессору было не до суетных дел вроде женитьбы.

Когда Джеку Лондону исполнился двадцать один год, он написал Чани, спрашивая, отец ли он ему. 4 июня 1899 года, через двадцать четыре года со дня появления статьи в «Кроникл», Чани ответил.

Называя Лондона «дорогой сэр», он соглашается «исполнить его желание сохранить все в молчании и тайне» и дает свое толкование событий.

«Я никогда не был женат на Флоре Уэллман, — пишет Чани, — но с 11 июня 1874 года по 3 июня 1875 года мы жили вместе. Я в то время не мог быть ей мужем: сказались лишения, нужда, чрезмерная умственная работа. Отцом вашим, следовательно, я быть не мог, и кто ваш отец, не знаю».

Уступая просьбе Джека Лондона помочь установить истину, Чани повторяет молву, которая весной 1875 года связывала имя Флоры с двумя другими мужчинами. В то же время он с готовностью признается, что «из первых рук ничего не знает». Затем следует одна из самых горестных страниц, какие когда-либо были написаны человеком. «В свое время я был весьма нежно привязан к Флоре, но наступили дни, когда я возненавидел ее со всей силой, на какую способен страстный человек. Как многие, кто побывал в подобных обстоятельствах, я даже собирался убить ее и себя самого. Впрочем, время исцелило мои раны. У меня не осталось к ней дурного чувства. Что касается вас, я вам горячо сочувствую: могу вообразить, каково было бы мне на вашем месте… В газетах писали, будто я выгнал ее из дому за то, что она не соглашалась сделать аборт. Статья была перепечатана и разослана по стране. В Мэне ее прочли мои сестры, и две из них стали мне врагами. Одна умерла, убежденная, что я виноват. Вся родня, за исключением одной сестры в Портленде, в штате

Орегон, — мои враги, которые по сей день клянут меня за то, что я их опозорил. В то время я напечатал брошюру, где приводилось полученное от начальника полиции донесение сыщика. Из него было ясно, что меня оклеветали. Тем не менее «Кроникл» и другие газеты не пожелали опровергнуть свои лживые утверждения. Тогда я перестал защищаться. Многие годы жизнь была мне тяжким бременем. Но отношение ко мне в конце концов все-таки изменилось. Теперь у меня есть друзья, и они считают Чани человеком порядочным. Мне идет семьдесят седьмой год, и я абсолютно беден».

Неудовлетворенный этим ответом, Джек Лондон, настойчиво требуя информации, снова написал Чани и получил от него последнее письмо, в котором профессор продолжает отрицать свое отцовство. «Расстались мы вот почему: в один прекрасный день Флора сказала: «Ты знаешь, чего мне хочется больше всего? Стать матерью. Ты слишком стар. Предположим, я найду мужчину, хорошего, милого человека, — неужели ты не согласишься, чтобы у меня был от него ребенок?»

Я ответил, что да, соглашусь. Только этому человеку придется содержать ее. Нет, ей нужно всегда жить со мной и считаться супругой профессора Чани. Приблизительно через месяц она сообщила, что беременна от меня. Я подумал, что она просто решила испытать меня, не поверил и поднял страшный шум в надежде отговорить Флору от ее затеи. Споры шли весь день и всю ночь. Когда рассвело, я встал и сказал ей, что она никогда больше не будет мне женой. Увидев, что я говорю серьезно, она мгновенно притихла, на коленях подползла ко мне и, рыдая, стала вымаливать прощение. Я не хотел ее простить. Правда я все еще считал, что она только делает вид, будто ждет ребенка. Но характер у нее был несносный, и я уже давным-давно подумывал, что придется с ней расстаться.

Уйдя от меня, Флора отправилась к доктору Раттли. Там она прошла на задний дворик и быстро вернулась с револьвером в одной руке и коробкой патронов в другой. На лбу с левой стороны виднелась рана, по лицу текла кровь. На вопрос миссис Раттли, что случилось, Флора сказала: «Маленькая женщина попробовала застрелиться, но не сумела сделать это как надо». Поднялась ужасная суматоха. Собралась толпа, человек полтораста, грозя повесить меня на первом фонаре».

Все экземпляры изданной профессором брошюры исчезли, но есть свидетели, читавшие ее в свое время. В докладе сыщика утверждалось, что револьвер был старый и с тех пор, как его в последний раз смазали, не стрелял. Пахло от револьвера не порохом, а ружейным маслом. Метрах в десяти от Флоры на

заднем дворике работал плотник, но выстрела он не слышал. Если бы Флора, как утверждает, действительно стреляла в себя, у нее на лице остались бы следы пороха, а их не было.

Интересно, что Чани, стремясь доказать, что попытка застрелиться была инсценировкой, и не подумал сам взглянуть на рану Флоры, чтобы убедиться, настоящая она или мнимая. Не говорит он об этом и в своей брошюре. Основания у него были веские: что у Флоры был шрам на виске, подтвердили ее падчерица Элиза Лондон-Шепард и внук Джон Миллер. Чани, очевидно, был намерен установить, что, если Флора и нанесла себе рану, то отнюдь не при помощи такого смертоносного оружия, как револьвер. Это мог быть, скажем, кусок металла с рваными краями. Но даже если бы Чани и доказал свою правоту, это ему не помогло бы.

Почему Чани не хотел признать себя отцом Джека Лондона? Нелегко вступать в права отцовства под самый конец жизни. Связь с Флорой Уэллман стоила ему тяжелых страданий, и он не испытывав ни малейшего желания снова с головой окунуться в эту историю, в течение стольких лет отравлявшую ему жизнь. Джек Лондон был ему чужим; незнакомое имя, пустой звук — не более. От Флоры и Джека Лондона Чани нужно было лишь одно: чтоб его оставили в покое.

После неудачной попытки покончить с собой Флора нашла приют в доме сотрудника «Кроникл» и владельца журнала «Здравый смысл» Вильяма Г. Слокамба. Там она жила, пока не появился на свет Джек.

Что касается Чани, он поехал в Портленд к сестре — единственному человеку, который еще верил ему после неудачной попытки оправдаться. Здесь он прожил много лет, собрал превосходную библиотеку, печатал памфлеты, издавал астрологический альманах. У него появились ученики и последователи. Позже он переехал в Новый Орлеан, где выпускал журнал, посвященный оккультным наукам, и в уплату за пансион обучал на дому двух мальчуганов. Последним городом, где он жил, был Чикаго. Там под конец жизни он женился, объявил себя директором астрономического колледжа и кое-как перебивался, толкуя гороскопы — по доллару за каждый. По словам одного из учеников, профессору было предсказано, что он умрет раньше, чем кончится XIX столетие, и будет похоронен во время снежного бурана. Так и случилось. Совпал даже день.

Вплоть до того самого дня, когда родился ее сын, Флора Уэллман читала публичные лекции о спиритизме и участвовала в спиритических сеансах. Жители Сан-Франциско запомнили, как с торчащим огромным животом, причудливо одетая, распустив по

плечам накладные черные локоны, она стоит на помосте, сгорбившись в три погибели. Им было жаль эту хрупкую женщину — одинокую, покинутую. Несколько раз сердобольные собирали деньги ей в помощь.

14 января 1876 года «Кроникл» снова упоминает — правда, на этот раз несколько мягче — имя Чани: «Сан-Франциско, 12 января, у супруги У. Г. Чани родился сын». Под именем Джона Чани мальчик прожил лишь восемь месяцев, пока Флора не вышла замуж за Джона Лондона.

Джон Лондон, американец английского происхождения, родился в Пенсильвании, учился в сельской школе. В девятнадцать лет он был старшим обходчиком участка железной дороги Пенсильвания — Эри и женился на Энн Джен Кэвит, был с нею очень счастлив и нажил десятерых детей. Лондон ушел с железной дороги, стал фермером. Когда началась гражданская война, он сражался на стороне северян, пока не потерял после тифа одно легкое. После войны он получил около Москвы (штат Айова) участок государственной земли и занялся сельским хозяйством. Он работал плотником и каменщиком, был шерифом и дьяконом в методистской церкви. По воскресеньям после проповеди он приводил к себе обедать священника.

Вскоре после смерти Энн Джен Кэвит один из сыновей Лондона, играя в бейсбол, получил сильный удар мячом в грудь. Посоветовав отправить мальчика в Калифорнию, климат которой поможет ему поправиться, врач забыл сказать, что на протяжении двух тысяч километров в штате насчитывается несколько климатических районов. Единственным известным Лондону в Калифорнии городом был Сан-Франциско. Он погрузил больного сына и двух младших дочерей в поезд и отправился на запад. После десяти дней, прожитых в туманах Сан-Франциско, мальчик умер.

Тогда Лондон выписал из Айовы в Калифорнию супружескую чету — вести его хозяйство и присматривать за девочками. Несколько месяцев муж с женой смотрели за детьми, а потом мужу предложили работу вдали от Сан-Франциско. Супруги уехали, и Лондон снова остался один с дочерьми. Девочек пришлось поместить в Протестантский приют для сирот — платное заведение на Хейт-стрит.

Джону Лондону в те дни было лет за сорок Все, кто помнит его, говорят, что это был симпатичнейший человек — мягкий, добрый, с привлекательной внешностью. Он еще оплакивал жену и сына, когда один приятель по работе уговорил его пойти на спиритический сеанс. «Пойдем, Джон. Может быть, они дадут о себе знать». Но вместо вестей от старой жены Лондон получил

новую.

Нельзя сказать достоверно, когда встретился Лондон с Флорой — до или после появления на свет ее сына, но о том, что Флора не была замужем за Чани, он, несомненно, знал. Сама Флора, выступая в Чартер Оук Холле с суровыми нападками на профессора — он в то время уже уехал из города, — заявила об этом публично. В то время многие не могли понять, зачем Лондон женился на Флоре. Особенно крепким здоровьем он, правда, похвастаться не мог, зато был обеспечен прекрасно и человек был приятный. Знакомым женщинам он нравился, в особенности хорошенькой актрисе, с которой он по субботам ходил навещать своих девочек в сиротский приют.

Джону Лондону в Сан-Франциско жилось одиноко. По характеру он был семьянин, тосковал о жене и домашнем уюте, хотел, чтоб у девочек была семья, мать. У Флоры был общительный характер, с ней было интересно поговорить, она играла ему на рояле, заполняя тоскливые часы одиночества, ухаживала за ним, когда ему случилось заболеть гриппом. Через две недели после того, как Джон слег в постель. Флора в субботу — день свиданий с родными — появилась в сиротском приюте и сказала девочкам, что отец заболел и что отныне она будет их новой мамой. Девочки не поверили. 7 сентября 1876 года Флора Уэллман поставила подпись «Флора Чани» на брачном свидетельстве и, забрав восьмимесячного сына, переехала в квартиру Джона Лондона в рабочем районе к югу от Маркет-стрит. Когда семейство устроилось, Джон отправился в приют и привел домой дочерей. Старшая. Элиза, была некрасивой восьмилетней девочкой, бесхитростной, очень взрослой и самостоятельной для своих лет. Отец повел Элизу показать комнаты и сказал, что ребенок — ее брат. Впервые в жизни взглянув на Джека, Элиза увидела, что его лицо облепили мухи: Флоре не пришло в голову купить кусок москитной сетки, чтобы завесить младенца. Не говоря ни слова, Элиза сделала бумажный веер и села у кроватки отгонять мух. В это мгновенье не по годам серьезная восьмилетняя девочка взяла Джека под свою опеку, которую свято соблюдала до того самого дня, когда похоронила прах Джека Лондона на холме, возвышающемся над Лунной Долиной.

Флоре материнские обязанности пришлись не по душе. Беспокойная, темпераментная, легко поддающаяся настроениям, она была слишком занята музыкой, лекциями, спиритизмом. Ей было некогда следить за мальчиком, который в то время начал прихварывать. По совету врача семья переехала из города в сельский район Бернал Хайте. Флора занялась поисками

кормилицы. В доме напротив жила негритянка миссис Дженни Прентис, только что потерявшая ребенка. Она и стала Джеку кормилицей, приемной матерью и другом на всю жизнь. Высокого роста, большегрудая и ширококостная, няня Дженни была черна как уголь. Женщина она была работящая, верила в бога и гордилась своим домом, семьей и положением в обществе. Она брала Джека на колени, пела ему негритянские колыбельные песни, щедро дарила ему всю бурную любовь, какая досталась бы ее собственному ребенку, если бы он был жив. С Элизой и няней Дженни маленький Джек не нуждался в лучшем уходе.

Через год семья опять вернулась в людный рабочий район Натома-стрит, 920. К этому времени Джек уже учился ходить, катая за собой игрушечную красную колясочку. Элиза сажала в коляску свою куклу, и Джек катал ее туда и сюда по тротуару. Однажды, придя из школы, Элиза увидела, что кукла разбилась на мелкие кусочки — Флора дала игрушку сыну, но не позаботилась привязать ее к коляске.

Два года Лондоны жили в длинной узкой квартире трехэтажного деревянного дома. Флора пустила жильца, его денег за пансион хватило, чтоб нанять слугу-китайца. Джон Лондон работал плотником и каменщиком, но работы не хватало: Запад все еще находился в лапах кризиса 1876 года. Джон вскрывал упаковочные ящики для большого магазина, позже служил агентом зингеровской компании швейных машин — скромный, но все-таки заработок.

Когда Сан-Франциско охватила эпидемия, Джек и Элиза заболели дифтеритом. Лежа в карантине в одной кровати, дети были при смерти.

Как-то Элиза ненадолго пришла в сознание и успела услышать, как Флора спрашивает у врача:

«Скажите, можно их будет похоронить в одном гробу, подешевле?» Пока мать Джека беспокоилась о похоронах, отчим метался по городу в поисках опытной сиделки и врача, чтобы спасти детям жизнь. Услышав, что в Окленде, на той стороне залива, есть врач, который успешно лечит дифтерит, Джон с первым паромом отправился к нему и уговорил приехать в Сан-Франциско. Доктор прижег белесые дифтеритические язвы, влил детям в глотки серы и… двойные похороны не состоялись.

Когда Джек и Элиза выздоровели, семья переехала в Окленд — залитый солнцем сонный пригород Сан-Франциско, который начинал в то время разрастаться. Они сняли удобный домик из пяти комнат на Третьей улице. Не довольствуясь случайными заработками Джона, Флора целыми днями пропадала из дому, поглощенная планами быстрого обогащения Самые большие

надежды она возлагала на план, который заключался в том, чтобы продавать владельцам пивных заведений сусальное золото, золотить рамы картин, висящих над стойкой.

Если хозяина не удавалось убедить, что позолоченные рамы выглядят несравненно лучше. Флора взбиралась на стойку и золотила их сама.

Несколько позже в Окленд должна была приехать няня Дженни, чтобы быть поближе к своему «белому дитятке». А пока заботы о ребенке целиком свалились на плечи Элизы, которая стала ходить в школу с ним вместе, иначе ей пришлось бы сидеть дома. Она объяснила учительнице, почему ей приходится приводить братишку с собой. Та поставила для него около кафедры деревянный ящик и давала малышу книжки с картинками, которые он сосредоточенно рассматривал, сидя за ящиком, как за партой. На школьном дворе четырехлетний мальчуган наслаждался, играя с детьми; Элизе часто перепадало от девочек то яблоко, то какое-нибудь украшение, только бы она разрешила Джеку посидеть с ними.

Вскоре Джон Лондон решился на новое предприятие и открыл в рабочем квартале Окленда на углу Седьмой и Перальта-стрит лавочку продовольственных товаров. Семейство разместилось в четырех комнатах за магазином. Именно здесь Джек в первый раз почувствовал, что отношения в семье не ладятся. В черновых заметках автобиографии, задуманной под названием «Моряк в седле», Джек Лондон рассказывает: однажды шестилетним ребенком он случайно услышал, как в комнате за лавкой ссорятся отец с матерью. Отец корил ее внебрачным ребенком. «Я была так молода», — защищалась Флора.

Дела в магазине шли удачно. Джон Лондон отлично разбирался в продуктах. Объезжая дальние фермы, он скупал лучшие фрукты и овощи. Флора и Элиза вели торговлю за прилавком, а Джек совершал экскурсии по магазину, не забывая всякий раз лакомиться сластями и орехами. Няня Дженни подыскала себе домик в Аламеде, недалеко от Окленда, и Джек проводил там целые дни, играл с ее детьми, ел за ее столом — добрая женщина смотрела и ухаживала за ним, заботилась, как о родном сыне. К ней Джек шел за утешением и за советом. Наигравшись до устали с другими детьми во дворе, он забирался к няне на колени и слушал с детства знакомые колыбельные песни и сказки, доставшиеся Дженни Прентис в наследство от ее народа.

По-видимому, это было счастливое для семьи время. Одна Флора оставалась недовольной: с ее точки зрения дела подвигались недостаточно быстро. Она познакомила Джона с

человеком по имени Стоуэлл и уговорила мужа взять его в компаньоны, чтобы расширить дело и скорее разбогатеть. Вместе с семьей Стоуэлла Лондоны сняли на углу Шестнадцатой и Вудс-стрит большой дом в современном стиле. Район был солидный, респектабельный. Магазин стал больше, дело так разрослось, что Джону Лондону нужно было все время проводить на фермах, закупая товар. Стоуэлл распоряжался магазином и доходами. Лондон уже больше не знал, что делается в магазине. Однажды магазин встретил Джона зияющей пустотой: Стоуэлл продал все запасы продуктов, все торговое оборудование и, прихватив выручку, скрылся.

Оставшись снова без гроша, Джон Лондон вернулся к единственному по-настоящему любимому делу: к ферме. Он арендовал в Аламеде участок земли в двадцать акров под названием Девенпорт и стал разводить для рынка кукурузу и овощи.

Для Джека это был грустный период. Детей вокруг не было, играть было не с кем, и, предоставленный самому себе, он невольно сделался молчаливым и замкнутым.

Лондон понимал толк в хозяйстве, в его руках дело пошло бы на лад, если бы Флора примирилась с принципом «от добра добра не ищут». Но не тут-то было. В семье Флора слыла женщиной умной и оборотистой, и Джон доверил ей дела. Он никогда не имел представления, на что у нее идут деньги: по счетам она, судя по всему, не платила. Сама Флора свято верила, что обладает недюжинными умственными способностями, и в надежде разбогатеть вечно затевала все новые авантюры — то накупала лотерейных билетов, то биржевых акций. Намерения при этом у нее были самые лучшие, но она была абсолютно безответственным в деловом отношении человеком. К тому же даже в самых мелких делах по хозяйству она настойчиво обращалась за руководством к духам усопших. Женившись, Лондон больше не ходил на спиритические сеансы, но Флора тем не менее то и дело собирала у себя спиритов. Среди комнаты во время сеанса ставили стол, клали на него шестилетнего Джека, восемь пар рук тянулись к нему, и стол вместе с мальчиком начинал двигаться, кружиться по комнате.

Жуткие сборища, тревожный разговор, подслушанный в Окленде, в комнате позади магазина, унаследованная от родителей душевная неуравновешенность, неумение сдерживаться, расшатанная нервная система, доставшаяся ему от Флоры, — все привело к тому, что мальчик стал беспокойным. Порой ему угрожало серьезное нервное расстройство.

Флора была женщина маленькая — мужу не доставала до

плеча, — но сцены она закатывала грандиозные, не по росту. Кроме того, у нее было еще «сердце». За столом с ней то и дело случались сердечные припадки, и тут дети — все трое — должны были укладывать ее в постель и всячески хлопотать вокруг нее. Заботы по дому соответственно доставались Элизе, и тринадцатилетняя девочка стряпала. убирала и стирала на всю семью.

О детстве Джека Лондона ходит множество рассказов, в известной части, впрочем, мало достоверных Относиться к ним следует весьма осторожно. Если не считать периодических приступов неврастении, Джек был нормальным, здоровым ребенком, незлобивым, с золотым характером. У него были волнистые светлые волосы, синие глаза, гладкая чистая кожа и чуткий рот, вздрагивавший от малейшего волнения Здесь, в Аламеде, он пошел в школу, но самыми счастливыми были для него часы, когда он бродил по полям с Джоном Лондоном: отчим был его кумиром.

По субботам семья отправлялась в оклендский театр Тиволи, где во время действия публика угощалась сандвичами с пивом. Джон сажал Джека на стол, чтоб тот видел, что происходит на сцене, и мальчик смеялся и хлопал в ладоши. Как-то раз, играя на кухне под присмотром Элизы — она мыла пол, — он ударился об острый край раковины. Рана шла через лоб к носу. Вспомнив, как отец залечивал у лошади порез на ноге, Элиза наложила на рану паутины и замазала сверху дегтем. В субботу Джон забинтовал мальчику голову и, как всегда, повел в театр. Но в следующую субботу Флора отказалась взять его в театр с забинтованной головой. Она велела Элизе либо сцарапать у Джека деготь со лба, либо сидеть с ним дома. Обоим детям хотелось увидеть представление. Поставив Джека посреди кухни, Элиза отодрала со лба мальчика деготь вместе со струпом, и Джек всю жизнь ходил со шрамом на лбу.

Лондоны к этому времени обзавелись хорошим домом, купили корову. Овощей было сколько угодно. Свой урожай Джон сортировал, сбывая для рынка только все самое лучшее. Овощи похуже он отдавал тем из соседей, кто жил в нужде. Продавая товар только высшего сорта, он завоевал среди заготовителей репутацию отличного поставщика. Он мог бы и дальше получать изрядные доходы с Девенпорта, но проходит совсем немного времени, и он оставляет усадьбу и перебирается в Сан-Матео, городок на берегу залива, несколько миль южнее Сан-Франциско. Судя по рассказам членов семьи, Лондоны переехали потому, что на старой ферме им не хватало места, чтобы разводить лошадей. Вряд ли Джон сам решил бросить Девенпорт. Возможно, его

склонила к этому Флора своими соблазнительными рассказами о том, как быстро можно разбогатеть, устроив конный завод. А быть может, она просто забыла уплатить по счетам, и семья была вынуждена уйти с насиженного места. На растянувшемся вдоль одетого туманом берега участке в семьдесят пять акров Джон Лондон сажал картофель, пас лошадей и сдавал в аренду пастбища. Джек ходил в школу на горе, где один и тот же учитель одновременно вел занятия с четырьмя-пятью классами разных возрастов. В свободные часы они с Элизой шли к берегу и шлепали по воде, собирая съедобных моллюсков. Местность вокруг была пустынная, невзрачная, берег суровый, изрезанный. Джек провел здесь самый мрачный год своего детства. Друзей у него не было: от фермы до фермы было далеко, да и соседи были либо итальянцы, либо выходцы из Ирландии. Флора их не любила. Светлые минуты наступали в те дни, когда они с Элизой брели далеко на соседнюю ферму посмотреть итальянскую свадьбу или танцы. Да еще когда они с Джоном садились в высокую повозку и ехали с картошкой на базар в Сан-Франциско.

Джеку это время запомнилось как самое голодное в его жизни. Он вспоминал, как однажды до того изголодался, что вытащил у одной девочки из корзины с завтраком тоненький ломти «мяса. А когда другие школьники, насытившись, бросали объедки, только гордость мешала ему поднять их с грязной земли.

Джеку исполнилось восемь лет, когда Джон Лондон купил в рассрочку ранчо в Ливерморе — восемьдесят семь акров земли в теплой долине за Оклендом. Семейство поселилось в старом фермерском доме. Джон посадил ряд олив вокруг ранчо, разбивал виноградники, фруктовые сады, возделывал поля. Впервые после приезда в Калифорнию он купил собственный участок земли и здесь был намерен обосноваться прочно. У Джека тоже появились несложные обязанности по хозяйству: он отыскивал яйца, собирал дрова, таскал воду из колодца. Частенько он забирался на козлы рядом с отцом, когда тот ехал с товаром на оклендский рынок. Джек не перестал любить отчима и называть отцом даже после того, как узнал, что между ними нет кровного родства. От Лондона Джек перенял страсть к сельскому хозяйству — такому, которое ведется по всем правилам науки. Пока Джек не знал, кто его настоящий отец, ему казалось, что эта склонность у него в крови.

Здесь же, на ранчо, мальчику открылась истинная страсть всей его жизни — ее он действительно унаследовал от отца, профессора Чани. Этим заветным талисманом, верным советчиком, неиссякаемым источником знаний была любовь к

книгам. Учитель дал ему почитать «Альгамбру» Ирвинга; у соседей средь случайно собранных книг ему попались «Африканские путешествия» Поля дю Шейю, жизнеописание Гарфилда, а главное — «Синья» Уйда, лирично написанная история жизни внебрачного сына итальянской девушки-крестьянки и странствующего художника — история, которую Джеку в основных чертах суждено было повторить. Пройдя сквозь нужду и лишения, герой, книги становится одним из крупнейших итальянских композиторов.

Джек пишет, что Синья раздвинул горы, заслонявшие ему горизонт; все на свете становилось возможным — нужно было только решиться. Элиза вспоминает, как в то время он однажды сказал ей: «Знаешь, Лиза, я до сорока лет не женюсь. Заведу себе большой дом, а одну комнату наполню только книгами». К сорока годам у него был большой дом и несколько комнат, полных книг.

Любил Джек уходить с Джоном в поля, любил читать вместе с Элизой, а все-таки невеселыми были два года в Ливерморе. Джек был не так уж мал, чтобы не чувствовать, как неладно в семье. В доме было неуютно — всех угнетала Флора с ее вечной сумятицей, с ее сценами, сердечными припадками и причудами. Нельзя сказать, что она плохо обращалась с сыном, и он любил мать, как всякий нормальный ребенок. У нее просто не хватало на Джека нежности. За добрым словом и лаской он шел к Элизе. А тут еще Флора взяла жильца с пансионом, ветерана гражданской войны по имени Шепард — средних лет вдовца с тремя детьми. Шестнадцатилетняя Элиза и без того должна была готовить, вести хозяйство и смотреть за Джеком. Теперь ей прибавилась еще одна забота: опекать детей Шепарда, старшему из которых было тринадцать лет.

Всего год прожив на ранчо, Джон Лондон снова завоевал себе в Окленде репутацию поставщика лучших овощей, и на его товар всегда находился спрос. Виды на будущее стали так радужны, что впервые в жизни Джеку купили в магазине нижнюю рубашку. Мальчик был в восторге: до сих пор он носил только грубое, сшитое дома белье И тогда Флора, снова недовольная тем, что дела подвигаются чересчур медленно, задумала деловую комбинацию. Она принялась то и дело возить Джона через залив в Сан-Франциско, свела его с хозяином большого отеля и добилась контракта, по которому Джон начинал разводить кур, а хозяин отеля скупал у него весь товар — яйца и птицу.

В птицеводстве Джон Лондон не понимал ровным счетом ничего. Он взял деньги под залог дохода с ранчо, построил огромные курятники, брудеры с паровым отоплением, и какое-то время — недолго — хозяин отеля в Сан-Франциско действительно

покупал у него весь товар. Потом на Джона обрушились сразу три несчастья: Элиза, ухаживавшая за птицей, вышла замуж за Шепарда и уехала с ранчо. Часть кур унесла эпидемия. Остальные перестали нестись. Лондон вложил деньги в оливы, сады и курятники Когда истек срок закладной, платить было нечем, банк отказал Лондону в праве выкупа. Снова очутившись без крова, Лондоны погрузили пожитки в фургон для картофеля и отправились в путь.

Мозг Джека Лондона был похож на чуткий сейсмограф, улавливающий малейшее колебание. А в «колебаниях» недостатка не было: в течение ближайших тринадцати лет на долю семьи доставались лишь бедность да неизменные неудачи. Лондон часто говорил, что не знал детства. Бедность шла по пятам, самые ранние воспоминания были отравлены ею.

Джон Лондон навсегда отказался от столь милой его сердцу жизни фермера и вернулся в Окленд. Оставшись без Элизы, десятилетний Джек горевал о ней, не переставая. Крепкий, с темно-голубыми глазами, он стал красивым мальчиком. Драться он не любил, но в Гарфилдской школе царил раз и навсегда установленный калифорнийский обычай: все мальчишки должны драться между собой, на то они и мальчишки. Скоро и Джек научился пускать в ход кулаки. Больше всего ему нравилось охотиться на уток или удить с отцом рыбу на аламедской набережной. Джон Лондон подарил мальчику маленькое ружье и удочку. Вечные несчастья, поспешные переезды семьи, чувство ужаса и отвращения к спиритическим сеансам, подозрение, что у него не такой отец, как у других, — все это сделало Джека застенчивым, скромным, несмелым. Не в силах что-либо изменить, оба — взрослый мужчина и мальчик —.в равной степени страдали от Флоры и все сильнее привязывались друг к другу.

Улучив свободную минутку, они вдвоем удирали из дому и целыми днями пропадали у моря Любовь и доверие отчима и пасынка друг к другу были безграничны, хотя любовь эта носила оттенок грусти.

В Окленде на Семнадцатой улице Восточной стороны Лондоны сняли домик с эркером. Рядом находилась текстильная фабрика «Калифорния Коттон Миллз», куда были выписаны девушки-работницы из Шотландии. Управляющий фабрикой предложил Лондону сдавать им комнаты с пансионом. Убитый, подавленный, зная, что ему никогда уж не вернуться к земле, Джон согласился. Да и немного оставалось работы, за которую он мог взяться в свои пятьдесят пять лет.

У Флоры была неплохая голова, и всякий раз, когда

предпринималось что-то новое, она, по крайней мере сначала, умела извлечь из этого пользу. Мужа. сведущего в хороших продуктах и знавшего им цену, она посылала за покупками, а сама ведала кухней Двадцать девушек-шотландок были довольны, управляющий. — тоже, а Лондоны выручили такой солидный доход, что прошел месяц-другой, и они оказались в состоянии сделать первый взнос, чтобы купить свой домик в рассрочку. Когда фабрика выписала новую партию работниц, Джон по настоянию Флоры купил участок земли по соседству и выстроил на нем еще один коттедж, где и разместились девушки.

Некоторое время все шло хорошо. Второй дом принес еще больший доход: на этот раз Флора вела дело осторожнее, чем когда-либо. Но вскоре присущая ей неуравновешенность взяла верх. Флора охладела к своим обязанностям. Дела поправлялись, но недостаточно быстро, а кроме того, что тут интересного — содержать пансион? Разве не найдется сколько угодно дел, с помощью которых она, с ее умом и энергией, может заработать состояние? Она начала транжирить деньги, на что — никто не знал. И когда подошел срок платить по двум закладным, денег не оказалось. Банк забрал оба дома и вместе с ними последний постоянный заработок Джона Лондона.

Пока предприятие родителей процветало, маленький Джек сделал великое открытие: на свете есть Оклендская публичная библиотека. Вот уже пять лет как он умел читать, а попалось ему за это время всего пять настоящих книг. Все прочее составляли зачитанные грошовые бульварные романы и старые газеты — на фермах ничего лучшего не было. Мальчик смутно чувствовал, что есть другие, еще более прекрасные книги, но как их получить? Ему и не снилось, что на белом свете существует публичная библиотека — дом, где хранятся тысячи книг, и любую можно прочесть бесплатно, только спроси. Джек считал, что его духовное рождение произошло в ту минуту, когда с шапкой в руках он, не веря своим глазам, остановился в дверях деревянного здания библиотеки. Неужели на земле может быть столько книжек? На долю будущего писателя выпали тяжкие испытания, когда он мучался, не находя себе места; его ждали поражения, его презирали, от него шарахались, как от зачумленного, но никогда уж больше с того дня он не был одинок.

В публичной библиотеке он впервые встретил образованного человека — женщину, которая среди книг чувствовала себя как дома. Мисс Айна Кулбрит, поэт-лауреат штата Калифорния, видела, как загораются у мальчика глаза, когда, любовно поглаживая корешки книг, он бродит вдоль полок. Раньше чем она успела прийти к нему на помощь, он уж натолкнулся на такие

«взрослые» книги, как «Приключения Перигрина Пикля» Смоллета и «Новая Магдалина» Уилки Коллинза.

Вскоре, узнав, что больше всего ему хочется читать о приключениях, открытиях, путешествиях по суше и по морю, мисс Кулбрит стала откладывать специально для него множество таких книг. Джек полюбил ее всей душой. Все, что она ему давала, он старался прочесть в один день, чтобы назавтра, возвращая книги, снова увидеться с нею.

Изголодавшийся по чтению мальчуган пожирал одну книгу за другой. Он читал в постели, за столом, по дороге в школу и домой, на переменах, когда другие школьники играли. Нервный, впечатлительный, обладающий богатым воображением, он радовался, что вместе с героями книг может взлетать на вершины счастья и погружаться в бездну отчаяния, когда их настигают беды и пораженья. За короткое время он проглотил столько книг, что совершенно издергался, и всем твердил одно и то же: «Уходи, не раздражай меня». Начитавшись рассказов о путешествиях былых времен, о романтических похождениях мореплавателей, он пришел к опрометчивому выводу, что Окленд — самое подходящее место: отсюда он и отправится бродить по белу свету; нужно лишь ухитриться сбежать, и его ждут увлекательные приключения.

Джон Лондон теперь стал безработным. Пришлось искать жилье поскромнее, и семья переехала на улицу Сан-Пабло, рядом с Двадцать второй. Недалеко жила няня Дженни, и Джек часто забегал к ней. Он знал, что там можно рассказать о своих горестях и радостях, там накормят за няниным столом, причешут, хорошенько вымоют шею у раковины и отпустят, ободряюще потрепав по плечу.

Отчим, как ни старался, не мог найти постоянную работу, и кормить семью стало обязанностью одиннадцатилетнего Джека. Он вставал затемно, заходил за своей пачкой газет и шел разносить по адресам.

После школы он совершал еще один рейс.

Двенадцать долларов — плату за работу — он каждый месяц целиком отдавал Флоре. Кроме того, по субботам он работал у торговца льдом, развозившего свой товар на фургоне, а по воскресным вечерам устанавливал кегли в кегельбане. Теперь, сражаясь с другими газетчиками, наблюдая скандалы в барах, глядя на колоритные сцены оклендского порта, всегда полного судов, он знакомился с подлинной жизнью, без прикрас. В порту были китобои с Ледовитого океана, охотники за диковинками, вернувшиеся с Южных морей; контрабандисты с грузом опиума, китайские джонки, парусники из северных штатов, устричные

пираты, греческие рыболовецкие фелюги, почерневшие от копоти грузовые суда, плавучие дома, шаланды, шлюпы, рыбачьи патрули. От тяжелой домашней обстановки десятилетний мальчик искал спасения в книгах о приключениях. Теперь, в тринадцать лет, он бежал из дому к морю.

Джон Лондон, наконец, отыскал себе место ночного сторожа на складе Дэвис Уорф. Это не означало, впрочем, что Джек сможет тратить заработанные деньги как ему вздумается. Ему никогда не разрешалось покупать игрушки, будь то волчок, шарики или перочинный нож. Поэтому лишние газеты он выменивал на вложенные в пачки сигарет серии картинок с изображениями знаменитых скаковых лошадей, парижских красоток, чемпионов бокса. Собрав полный комплект, Джек мог получить взамен вожделенные сокровища, на покупку которых его сверстникам родители давали деньги.

Он стал заправским торгашом, что весьма пригодилось ему впоследствии, когда нужно было вытягивать с издателей деньги за рассказы. Он научился распознавать стоимость вещи чутьем, таким острым, что приятели-мальчишки, сбывая старьевщику собранные лоскуты, бутылки, мешки и жестянки, призывали его на помощь и платили комиссионные.

Айна Кулбрит рассказывает, как в те времена он являлся в библиотеку, неся под мышкой пачку газет, — плохо одетый, неловкий беспризорник — и просил «почитать что-нибудь интересное». Он был готов наброситься на каждую книгу с заманчивым названием. Если верить мисс Кулбрит, он был самонадеян и не сомневался, что добьется успеха. Так появляется первое основное противоречие в натуре Джека: хаос, царивший дома, сознание, что он — незаконнорожденный, сделали его робким и застенчивым. Но могучий ум вселял твердость и уверенность в себе.

Из того, что известно о его школьных годах, лишь немногое заслуживает внимания. Его одноклассник Фрэнк Эзертон рассказывает, как однажды Джек услышал, что китайцы, члены тайного общества, набираясь сил для решительных схваток, едят мясо диких кошек и платят за него большие деньги. Друзья смастерили рогатки и стали ловить диких кошек на Пьедмонтских холмах; заработав деньги, Джек хотел бросить школу и сделаться писателем.

Этот рассказ Эзертона — характерный пример воспоминаний под влиянием последующих событий. В большей степени соответствует характеру Джека Лондона другой эпизод. Приятели наняли в порту лодку, отправились охотиться на коростелей и случайно уронили в воду 22-калибровый револьвер Джека. Фрэнк

умел плавать, и Джек потребовал, чтоб друг нырнул за револьвером на глубину тридцать футов. Когда Фрэнк отказался, Джек в припадке ярости швырнул весла за борт, и друзьям пришлось несколько часов беспомощно болтаться на воде.

В школе каждое утро ученики пели хором. Заметив, что Джек молчит, учительница потребовала объяснений. Он ответил, что она сама не умеет петь, детонирует и только испортит ему голос. Учительница отправила его к директору, но тот отослал Джека с запиской, в которой говорилось, что можно освободить ученика Лондона от пения, но что взамен Джек должен писать сочинения каждое утро в течение той четверти часа, когда другие поют. Впоследствии Джек приписывал этому наказанию свою способность писать каждое утро тысячу слов.

Наряду с книгами самой большой страстью в его жизни было море. Каждую свободную минуту он проводил в яхт-клубе, надеясь, что выпадет случай помочь любителям парусного спорта, а кстати и подработать немного для дома. Владельцы яхт полюбили его за смелость: он был способен залезть на утлегарь в самую бурную погоду, нисколько не боясь вымокнуть до нитки. За небольшую плату его нанимали мыть палубу и как могли учили водить небольшие суда. Вскоре он один мог взять риф во время сильного ветра.

К тому времени, как ему исполнилось тринадцать лет, он ухитрился скопить два доллара — подчас он считал себя вправе не отдавать Флоре пять-десять центов. На эти деньги он купил старую лодку и стал ходить на ней по всем извилинам дельты, а иногда решался ненадолго выйти в залив. Ненадолго — поневоле: старая калоша протекала, на ней не было выдвижного киля. Ее то и дело заливало водой, она врезалась в другие лодки, опрокидывалась, но испытания и ошибки стали для Джека хорошей школой. Он был на верху блаженства, чувствуя, как ходят под лодкой волны, ощущая на губах соленый привкус океана. Один-одинешенек на своей лодчонке, он командовал, поворачивая ее: «Круче к ветру!»

Тринадцати лет он кончил начальную школу. В классе он считался знатоком истории. Произносить речь на выпускной церемонии предложили ему — без сомнения, по этой причине. Но показаться было не в чем — не нашлось приличного костюма, он не мог даже явиться на торжество. О том, чтоб поступить в среднюю школу, нечего было и думать — заработки отчима становились все более случайными. Джек продолжал разносить газеты, по вечерам продавал их на оклендских улицах, подметал в Визель-парке бары после воскресных пикников. Этот бедно одетый паренек с открытой белозубой улыбкой, стойкий,

вспыльчивый, впечатлительный, брался за любую работу.

Целый год, ничего не говоря Флоре, мальчик работал сверхурочно и мало-помалу скопил шесть долларов, чтоб купить подержанный ялик и таким образом обрести свободу. Еще доллар семьдесят пять центов — и он покрасил свою посудину в яркий, веселый цвет. Еще два доллара за месяц сверхурочной работы — и есть парус. Наконец удалось наскрести доллар сорок центов на пару весел — и перед ним широко распахнулся огромный заманчивый мир. Джек уходил все дальше по заливу Сан-Франциско, рыбачил во время отлива на острове Гоут Айленд и возвращался вечером, вместе с приливом, вслед за последним паромом. Ветер венчал могучие волны белыми шапками, обдавал Джека брызгами, лодку заливало водой, а он распевал морские песни вроде «Снесло его ветром» или «Виски, Джонни, виски». В открытом ялике он пересекал залив при сильном юго-западном ветре, и матросы с рыбацких шхун говорили, что он плетет небылицы, потому что проделать такое невозможно.

Он был не просто храбр — он был безрассуден. Чем сильнее была непогода, тем отчаяннее он рисковал. Вечно размышляя о том, кто же он такой в самом деле, он мысленно называл себя викингом, потомком могучих мореплавателей, в открытой лодке пересекавших Атлантический океан. «Я сын воинственного народа, — говорил он себе, — я англосакс и ничего не боюсь». Так как он действительно ничего не боялся и будто сроднился с морем, он сделался одним из самых искусных лодочников на коварных водах залива.

В том году ему каждый день удавалось урвать для своей любимой лодки час или два — от продажи газет, от случайной работы. Но вскоре — Джеку не было еще пятнадцати лет — отчим попал под поезд и получил тяжелые увечья. Теперь Лондоны жили в старом домишке на берегу и терпели самую беспросветную нищету и лишения. Поблизости было много лачуг, построенных из обломков потерпевших крушение или отслуживших свое судов. В доме было запущенно, грязно; Джек ходил в лохмотьях, непрестанно терзаясь голодом — духовным и физическим. Он нашел постоянную работу на консервной фабрике, ютившейся в заброшенной конюшне у полотна железной дороги. Платили ему там десять центов в час, а его рабочий день — самый короткий — продолжался десять часов; случалось работать и двадцать. Порой несколько недель подряд не удавалось кончить работу раньше одиннадцати часов ночи и предстояло еще проделать длинный путь пешком домой: на трамвай денег не хватало. В половине первого он добирался до постели, а в половине шестого Флора уж трясла его за плечо,

стараясь сорвать со спящего мальчика одеяло, за которое он отчаянно цеплялся. Свернувшись калачиком в постели, Джек все-таки залезал под одеяло. Тогда, собравшись с духом, Флора стягивала всю постель на пол. Спасаясь от холода, мальчик тянулся вслед, казалось, он вот-вот упадет. Но вспыхивало сознание, он успевал вовремя встать на ноги и просыпался.

Одевшись в темноте, он ощупью шел на кухню к осклизлой раковине. Обмылок, зловеще-серый от мытья посуды, не пенился, несмотря на все усилия. От сырого полотенца, грязного и рваного, на лице оставались волокна. Он садился за стол и получал кусок хлеба и чашку горячей бурды, ничем не напоминавшей кофе. На улице было ясно, холодно; он зябко ежился. Звезды еще не побледнели, город лежал, погрузившись во тьму. В фабричных воротах Джек всегда оглядывался на восток: между крышами на горизонте тускло брезжил рассвет.

1 января 1891 года он завел у себя в записной книжке раздел под названием «Приход и расход». Под рубрикой «Приход» значится сумма в пятнадцать центов. С 1 по 6 января он истратил пять центов на лимоны, десять — на молоко и хлеб. Это было все, что он мог купить до новой получки. Десять с половиной долларов из этой получки были отданы за квартиру, потом он купил масла, керосину, устриц, орехов, пончиков и другой снеди. Двадцать пять центов стоили пилюли для Флоры. Среди других расходов записаны пятьдесят центов за стирку; по-видимому, Флора не особенно утруждала себя, чтобы свести концы с концами.

Неделя за неделей, месяц за месяцем — время шло утомительно долго. Джек тянул свою лямку. Он больше не мог бывать в библиотеке, читал по ночам, засыпал над книгой. Измученный, он спрашивал себя: в том ли заключается смысл жизни, чтоб стать рабочей скотиной? Сильный, коренастый, он мог трудиться как чернорабочий, но интеллект, темперамент, воображением — все восставало в нем против механического труда.

Ему вспоминался ялик, бесцельно стоящий у лодочной пристани и обрастающий ракушками, вспоминался ветер на заливе, восходы и закаты, которых он никогда теперь не видит; острое, как ожог, прикосновение соленой воды к телу, когда ныряешь за борт. Уйти в море — это значило уйти от тупой, однообразной работы и все-таки поддерживать семью. По его собственным словам, то была пора расцвета его юности, когда им владела жажда приключений, мечта о вольной, полной опасностей жизни.

По воскресеньям, когда он выходил прогуляться на ялике и

околачивался невдалеке от берега, ему случалось сталкиваться с пиратами-устричниками. Это была компания любителей выпивки, авантюристов, искавших легкой наживы. Они устраивали набеги на чужие устричные садки в устье залива и по хорошей цене сбывали добычу на оклендской пристани. Джек знал, что они редко добывают меньше двадцати пяти долларов за ночь «работы». А со своей лодкой можно выручить и двести долларов с одного «улова». Услышав, что один из бывалых пиратов по прозванию Френч Фрэнк («Француз») хочет продать свой шлюп «Рэззл-Дэззл» («Пирушка»), Джек мгновенно решился: «Куплю!» Он не умел прислушиваться к строгому голосу дисциплины, заставлявшей его товарищей крепко держаться за свою изнурительную, зато честную работу.

Но где мальчишке, считающему каждый грош, добыть триста долларов? И он прямым сообщением отправился к няне Дженни. Она работала медицинской сестрой. Может ли она одолжить деньги своему белому сыну? Что за вопрос! Все, что есть у няни, принадлежит ему.

В ближайшее воскресенье Джек сел за весла в самый разгар, веселой попойки явился на «Рэззл-Дэззл» со своим предложением. Наутро он встретился с Френч Фрэнком в пивной «Ласт Чане», чтоб уплатить за покупку блестящими двадцатидолларовыми золотыми няни Дженни. Едва спрыснув сделку — это был первый в его жизни глоток виски, — Джек со всех ног помчался к пристани, в одно мгновение поднял якорь и, повернув реи так, чтоб паруса взяли крутой бейдевинд, трехмильными галсами вышел на ветер, в залив. Острый бриз рябил фарватер, врывался в легкие, гнал рыбацкие шхуны, гудевшие, чтобы развели мосты. Стремительно шли мимо краснотрубые буксиры, покачивая «Рэззл-Дэззл» в кильватере.

От склада тянули барку с грузом сахара. На воде сверкало солнце, вокруг пенилась, бурлила, кипела жизнь. Вот он, весомый, осязаемый, мятежный дух романтики и приключений!

Завтра он станет устричным пиратом, морским разбойником, вольным как ветер, если это возможно в его время и на этих предательских водах.

Поутру он запасется водой и провиантом, поднимет большой грот-парус и, захватив конец отлива, выйдет навстречу ветру. А после, едва начнется прилив он сбавит паруса, спустится вниз по заливу к острову Аснарагус Айленд и встанет на якорь в открытом море. Наконец-то сбудется его мечта: он проведет ночь на воде.

II

К своему изумлению, Джек обнаружил, что, купив у Френч Фрэнка за триста долларов «Рэззл-Дэззл», он получил в придачу и «королеву» устричных пиратов. Мэми была подружкой френч Фрэнка, но вот Джек явился на «Рэззл-Дэззл» договориться о покупке, и, взглянув в открытое лицо красивого парня, Мэми влюбилась. Ей было шестнадцать лет, этой хорошенькой, своенравной девчонке без роду, без племени. Джэк рассказывал, что она была добра и сердечна. В маленькой каютке на «Рэззл-Дэззл» она устроила ему настоящий дом — первый в жизни теплый домашний очаг. Джек был самым молодым из «пиратов», на других судах женщин не было, и он был вынужден не только кулаками защищать свое право оставить подружку на шлюпке, но даже чуть не погиб от руки ревнивого Френч Фрэнка.

В ту ночь Джек впервые вышел на «промысел», имея на борту в качестве команды черноусую портовую крысу по кличке «Спайдер» («Паук»). Спайдер и раньше служил на «Рэззл-Дэззл» и согласился остаться при новом хозяине. Собрались пираты: Большой Джордж, Сатана Нельсон-младший, Устрица, Виски Боб, Ники Грек и еще человек двенадцать; кое-кто из бывших заключенных — все ребята не робкого десятка, рослые, в морских сапогах, в рыбацкой одежде, с пистолетами за поясом. Наметили план действий, и под прикрытием темноты флотилия тронулась. Шел большой отлив июньского полнолуния; в Ловер Бей — низовье залива — на воду спустили лодки и гребли, пока днища не уткнулись в мягкий ил. Джек втащил свой ялик на большую отмель, поближе к берегу, и начал собирать устриц. Мешок мигом

наполнился; пришлось вернуться на судно за новым. На заре он поспешил назад в Окленд к раннему базару, где хозяева пивных и гостиниц покупали устриц. Продав свой улов, он обнаружил, что за одну ночь получил столько же, сколько на консервной фабрике за три месяца работы — разве не удачное приключение, да еще в пятнадцать лет! Он возвратил няне Дженни часть долга, а остальное отдал на хозяйство Флоре.

За несколько недель Джек прочно утвердился среди самых отчаянных пиратов. Френч Фрэнк попробовал было налететь на «Рэззл-Дэззл» со своей шхуной, потопить ее и забрать Мэми. Но на палубе «Рэззл-Дэззл» стоял Джек с наведенным на Френч Фрэнка дробовиком в руках, придерживая ногой румпель, чтоб судно держалось по курсу. Пятидесятилетнему сопернику волей-неволей пришлось повернуть штурвал и впредь держаться подальше. Как забыть то утро, когда гордый Джек привел «Рэззл-Дэззл» к берегу с таким большим грузом, на который почти невозможно рассчитывать, когда твоя команда состоит из одного человека! А ночь, когда пираты ходили в Ловер Бей и только судно Джека успело к рассвету на якорную стоянку в Аспаргус Айленд! А памятный четверг, когда флотилия полным ходом неслась к началу базара! На «Рэззл-Дэззл» не было руля, но первым пришел Джек и «снял сливки», продав свой товар без конкурентов ранним утром в пятницу.

Когда на палубу являлись полисмены, он вскрывал отборных устриц, обильно сдабривал их перцем, ставил на стол и, не давая гостям опомниться, все подливал им в кружки пива из большого кувшина.

Он был общительным пареньком, любил своих друзей пиратов и хотел, чтобы они любили его. Когда они пили, пил и он, они напивались, и пятнадцатилетний Джек, стараясь доказать, что он мужчина, пил наравне с завзятыми пьяницами. За ним укрепилась слава одного из искуснейших моряков, беспощадного в драке и в то же время любителя посмеяться вовсю. Теперь его считали своим, относились как к равному.

В промежутках между набегами, когда флотилия стояла у причала, он шел в Оклендскую библиотеку, подолгу разговаривал с мисс Кулбрит и отбирал пачку книг домой, на «Рэззл-Дэззл». У себя в каютке он запирался, чтоб приятели не застали его врасплох, ложился на койку и принимался глотать книгу за книгой, заедая их леденцами и тянучками.

В пиратской флотилии то и дело случались попойки, вспыхивали драки с поножовщиной и стрельбой: то уведут чужое судно, то подожгут парусник, а то, глядишь, повздорили компаньоны, среди команды завязалась ссора — и готово: удар

ножа, убийство. Для Джека это и была настоящая жизнь, без прикрас, вольная и дикая; недаром он зачитывался рассказами о морских скитальцах и разбойниках, о городах, отданных победителю на грабеж и разрушение, о кровопролитных схватках. От песчаных карьеров на отмелях оклендской дельты, где пираты-устричники сводили счеты, где сверкали ножи и противнику швыряли в глаза песок, шел прямой путь к подвигам, необъятным, как сам мир, где сражаются во имя любви, ради высоких, благородных целей.

Долгие месяцы ходил Джек на своей «Рэззл-Дэззл», выплачивал долги няне Дженни, кормил семью, сотни раз пускался в опасные авантюры и душа в душу жил с Мэми в каютке своего шлюпа.

Спустя некоторое время он подружился с двадцатилетним головорезом, носившим имя Сатана Нельсон-младший. Джек с восхищением смотрел на старшего товарища, синеглазого и светловолосого, поджарого, могучего, как Геркулес. Настоящий викинг! Во время пьяной потасовки, в которой принимала участие вся пиратская флотилия, Сатане Нельсону прострелили руку, а его судно «Рейндир» («Северный олень») село на мель и дало пробоину. Джек подрался со своей «командой», то есть со Спайдером, и Спайдер поджег большой грот-парус «Рэззл-Дэззл», а потом удрал. Тотчас же на палубу хлынула ватага пиратов из другой враждующей команды, пробила у «Рэззл-Дэззл» борт, подожгла и затопила судно. Тогда Джек с Сатаной Нельсоном сообща отремонтировали «Рейндир», заняли у Джонни Хейноулда, хозяина кабачка «Ласт Чане», денег, чтобы купить провиант, набрали в бочонки свежей воды, и, подняв паруса, «Рейндир» отправился к устричным садкам.

Ничто на свете не доставляло Сатане Нельсону такой радости, как водить свое судно на волосок от гибели! Были у него и другие странности: например, каким бы бурным ни было море, он никогда не брал риф. Сколько раз они просто чудом спасались от верной смерти! Никому и в голову не пришли бы затеи, на которые отваживался Сатана Нельсон. Джек ни на шаг не отставал от него; мало того, он стремился превзойти своего капитана. Разве он, подобно Нельсону, не был бесстрашным викингом?

Они совершали свои пиратские набеги, рыская вверх и вниз по судоходным бухточкам и проливам. На сотни миль уходили они вдоль речек, впадающих в залив, и в одну ночь набирали добычи не меньше чем на сто восемьдесят долларов. Тем не менее они вечно сидели без денег: стоило сойти на берег, как этот бешеный Нельсон пускался в отчаянный разгул, он искал тех

же острых ощущений, которыми наслаждался, играя на море в прятки со смертью и каторжной тюрьмой. Джек считал, что и на суше не годится отставать от приятеля: тот — стакан виски, он — два, хотя, по правде говоря, у него никогда не было особенного желания напиваться.

Вскоре он уже без труда глотал противное, неразбавленное виски. Он полюбил чувство опьянения, дикий смех и песни, буйные драки, случайных друзей. Причудливые фантазии, возникавшие в его мозгу, заставляли его, как ему казалось, говорить с особым блеском. Как только они исчезали, он вновь напивался. Он всегда был человеком крайностей, и неуверенность в себе принуждала его доказывать себе самому и другим, что он не хуже, а лучше остальных, что для него нет ничего невозможного. Король пиратов должен был стать королем пьяниц.

Семья бедствовала, но Джек не заботился о ней, спуская в барах деньги, необходимые на еду и квартиру. Видавшие виды «старики» с набережной, сами люди пьющие, негодовали, глядя, с какой неслыханной быстротой спивается пятнадцатилетний морячок— их недавний подсобный рабочий. Ему сулили год жизни, не больше.

Как-то ночью, промотав все деньги, мучаясь жаждой, но, как все пьяницы, надеясь, что стаканчик все-таки случайно перепадет, они с Сатаной Нельсоном сидели в пивной Оверленд Хаус. Неожиданно ворвался Джо Гусь с новостью: есть случай выпить бесплатно и сколько душе угодно — на политическом митинге в Хейварде. Нужно лишь надеть красную рубашку, пожарную каску на голову и нести на параде факел. Только и всего! После парада открылись ресторанчики, и компания с оклендской набережной переходила из одного в другой, плотным кольцом окружая стойки, залитые виски. Но Джеку с приятелями такой способ показался недостаточно быстрым, и, оттеснив буфетчика, они стали сами брать с полок бутылки. Потом всей ватагой шли на улицу, отбивали у бутылок горлышки о цементную обочину тротуара и пили.

Джо Гуся и Сатану Нельсона жизнь научила осторожно обращаться с неразбавленным виски. Джека — нет. Раз виски ничего не стоит, значит, нужно пить сколько влезет. За эту ночь он влил себе в глотку больше двух кварт. Когда пришло время возвращаться в Окленд, он почувствовал мучительное удушье; все нутро его горело. В поезде он разбил факелом окно, чтобы глотнуть воздуха; это послужило началом пьяной потасовки, в которой его так двинули, что он потерял сознание. Семнадцать часов спустя он очнулся в приморской ночлежке, куда его приволок Сатана Нельсон. Он был так близок к смерти, что еще

шаг — и исполнилось бы предсказание старожилов с набережной: этот не протянет и года.

Будь Джек таким же, как другие пираты, он продолжал бы ходить на «промысел» и пить, пока пуля в голову не уложила бы его, как Сатану Нельсона, на скамью в морге бенициского судебного участка. Он мог утонуть или погибнуть от ножа в спину, как его друзья Устрица и Виски Боб; мог, как Спайдер и Ники Грек, кончить тюрьмой Сан-Квентин, куда попадали за дела посерьезнее, чем устричный «промысел».

Но что-то в нем восставало против бессмысленного прожигания жизни, влекло к неизведанным землям, к жизни более достойной. После каждой попойки с Сатаной Нельсоном он забивался в каюту «Рейн-дира», запирал дверь и раскрывал свои любимые книги. Мутило от виски, но книги исцеляли его, новые томики: «Свет погас» Киплинга, «Тайпи» Мельвиля, «Жерминаль» Золя, «Социалист-любитель» Шоу. Айна Кулбрит отложила их для него, когда, свеженькие, еще сохранившие запах влажной типографской краски, они прибыли из Нью-Йорка.

Медленно, ощупью старался Джек выкарабкаться на другую дорогу, когда с ним случилось одно происшествие. Выдался богатый улов, и они с Сатаной Нельсоном на три недели погрузились в беспробудное пьянство, перемежавшееся, как выразился сам Джек, редкими моментами частичного отрезвления. Как-то в час ночи, мертвецки пьяный, он, спотыкаясь на каждом шагу, тщетно пытался взобраться на палубу своего шлюпа пристани в Бенициии и сорвался в воду.

Его захватило кипящим водоворотом Каркинесского пролива и понесло по течению. Потом он вспоминал, как в припадке отчаяния решил, что утонуть — это было бы самым блестящим завершением его короткой, но бурной карьеры. Находиться в воде — блаженство само по себе, а, кроме того, ведь именно так и умирают герои!

Когда его проносило мимо людной, ярко освещенной набережной Салано, он ухитрился двигаться бесшумно. Его не обнаружили, опасность миновала, и он обратился к далеким звездам с панихидой по самому себе, радуясь превосходной идее распрощаться со всем и вся. Освещенный сиянием звезд, он лежал на спине, глядел, как проплывают мимо знакомые огни набережной, красные, зеленые, желтые, и меланхолично посылал каждому огоньку сентиментальное «прости». Однако холодная вода отрезвила его, и он пришел к выводу, что умирать все-таки не стоит. Сняв с себя одежду, он рывком повернул к берегу поперек течения. На заре он оказался в бурных водах у острова Мэр Айленд, где сталкивались в яростной схватке стремительные

потоки из Каркинесского пролива и пролива Вальехо. Он выбился из сил, окоченел от холода. Ветер с суши гнал рябь, вода попадала в рот. Еще несколько мгновений — и замечательные романы «Зов предков», «Морской волк», «Железная пята», «Мартин Иден», «Лунная долина», «Время не ждет», «Межзвездный скиталец» и сто великолепных коротких рассказов в придачу скрылись бы в волнах залива Сан-Пабло. К счастью, его заметили с греческой рыбачьей лодки, возвращавшейся с уловом в Вальехо, и втянули его, бесчувственного, через борт. Безудержному пьянству был положен конец на много лет.

Несколько дней спустя, когда с грузом устриц Джек и Сатана Нельсон шли к Бениційской пристани, их окликнул таможенный чиновник и предложил оставить сомнительное ремесло устричных пиратов и стать агентами службы рыбачьего патруля. Залив Сан-Франциско был битком набит греческими браконьерами — ловцами семги, китайцами — охотниками за креветками, нарушавшими государственные законы рыбной ловли. Поймав с поличным, их не сажали в тюрьму, а штрафовали. Условия работы были таковы: Джек получает половину суммы, изъятой у пойманных нарушителей. Одна сторона игры в «полицейские и воры» была Джеку основательно знакома; он с радостью согласился и был назначен агентом патрульной службы.

Его первым заданием была облава на китайских креветчиков, расставлявших сети с такими мелкими ячейками, что сквозь них не проходили даже мальки. Джек, Сатана Нельсон и еще четыре агента на «Рейн-дире» и на рыбачьей шаланде вышли с наступлением темноты, встали на якорь под отвесным утесом мыса Пиноль и на рассвете с береговым бризом наискось пересекли залив. Впереди, растянувшись полумесяцем мили на три, лежала флотилия креветчиков. Каждая джонка крепко держалась на поплавках сети, расставленной для ловли креветок. Китайцы спали в трюмах.

Джеку было ведено сбросить на одну джонку Сатану Нельсона, на другую — патрульщика Джорджа, а самому водвориться на третью. Подойдя к первой джонке с подветренной стороны, он развернул грот-парус по ветру и стал скользить вдоль кормы таким тихим ходом, что Сатана Нельсон легко ступил на палубу джонки. Но тут в морскую раковину затрубили тревогу; на палубы высыпали полуодетые китайцы. Джек подвел «Рейндир» к другой джонке, чтоб дать Джорджу прыгнуть на палубу. Потом, опустив грота-шкот, он полным ходом понесся против ветра прямо на джонку, стоявшую с подветренной стороны. Суда с треском столкнулись, смяв длинное весло с правого борта

джонки. Зловещего вида рябой китаец, повязанный шелковым желтым платком, испустив леденящий душу вопль ярости, уперся в нос «Рейндира» остроконечным шестом и принялся расталкивать сцепившиеся лодки. Джек на несколько мгновений замешкался, чтобы опустить кливерфал, и в тот самый миг, когда «Рейндир» стал отходить от джонки, перемахнул на нее с линем в руках и закрепил линь.

Безоружный, стоял он один лицом к лицу с пятеркой угрожающе надвинувшихся на него китайцев. За поясом у каждого был заткнут длинный нож. Не двинувшись с места, Джек выразительно опустил руку в карман. Китайцы отступили. Он потребовал, чтобы с носа джонки был спущен якорь. Они отказались. Тогда Джек прошел вперед, бросил якорь и, не вынимая руки из пустого кармана, заставил китайцев погрузиться на «Рейндир». Затем он подошел к другой джонке, где под дулом пистолета, наведенного Джорджем, сбились в кучку китайцы.

Креветчик в желтой повязке как бы невзначай задел Джека и, убедившись в том, что он безоружен, тут же стал подговаривать своих скрутить и сбросить за борт обоих патрульщиков. Джордж — у него-то как раз был револьвер — струсил и потребовал, чтобы Джек высадил китайцев на отлогий берег у мыса Педро. Джек отказался, и тогда Джордж направил револьвер на товарища.

— Ну как, и теперь не повернешь к берегу?

Револьвер и шестнадцать вооруженных ножами китайцев… Упустить пойманных с поличным? Позор! Джек внезапно выбросил руку вверх и низко опустил голову. Пуля не задела его, пройдя слишком высоко. Он схватил Джорджа за запястье, и тут на него бросились китайцы. Джек круто повернул Джорджа, чтоб удар пришелся на него, и, выхватив оружие, толкнул недавнего товарища на Желтую Повязку. Китаец споткнулся и вслед за Джорджем рухнул на палубу. Воспользовавшись моментом, Джек навел на своих пленников револьвер.

На его долю из штрафа досталось почти сто долларов.

Приключениями подобного рода изобиловали и последующие месяцы. Был случай, когда ему пришлось, спасая жизнь, мчаться вдоль набережной Мартинис. По пятам с ревом неслась орава рыбаков: он только что поймал двоих на месте преступления и арестовал их. В другой раз он застиг двух браконьеров за незаконной ловлей осетров и в погоне за ними долго кружил вокруг судна, груженного пшеницей. Однажды он так и не смог угнаться за двумя рыболовами, вооруженными запрещенной снастью. Они брали осетра, как полагалось, на удилище, но зато поднимали на крючках больше тысячи фунтов рыбы.

Почти год работал Джек в патрульной службе, сталкиваясь в повседневной жизни на море и на суше с честными, бесстрашными патрульщиками, с игроками, матросами, содержателями баров, рыбаками, портовыми грузчиками, штурманами океанских судов. Эти люди видывали виды. Не было в мире порта, куда бы они ни заходили, и в каждом были новые женщины, новые, необыкновенные приключения. Кровавая драка, тайное убийство — им было знакомо и это. Всякий раз, выходя на «Рейндире» в залив или возвращаясь на берег, Джек проходил мимо Золотых Ворот, пролива, ведущего в Тихий океан. За этими Воротами — Восток с его тайнами и опасностями. Это о них так красочно рассказывали бывалые люди, это они вставали перед ним со страниц библиотечных книг. Джеку было семнадцать лет.

Рослый, сильный, отважный, он выглядел и чувствовал себя мужчиной. Он хотел увидеть мир, и лишь один путь вел к этой заманчивой цели.

С той самой минуты, когда, купив за два доллара дырявый ялик, он четыре года тому назад вышел в залив, судьба Джека была решена: ему на роду было написано ходить по морям. На доках Сан-Франциско швартовались шхуны, грузовые суда, пассажирские пароходы: было из чего выбирать. И Джек выбрал самый романтический корабль из всех, один из последних парусников, державший курс на Корею, Японию, Сибирь бить котиков. Он не зря без конца перечитывал «Моби Дик» — роман Мельвиля.

«Софи Сазерленд» была быстроходной шхуной водоизмещением в восемьдесят тонн. Необъятные полотнища парусины тянулись на сотню футов от палубы до клотика главной стеньги. В каюте на баке, где Джек оставил рундук с пожитками, с обеих сторон до самого носа стояли койки; штормовки, морские сапоги, фонари висели по стенам.

Джек, никогда не выходивший из Золотых Ворот, записался все-таки матросом первого класса, чтоб получать по более высокой ставке. Другие члены команды провели на море не один год; корабельная сноровка досталась им ценой долгих и тяжелых испытаний. По большей части это были сухие, костлявые ребята, выходцы из Скандинавских стран. В море они ушли подростками; став моряками, они считали, что подростки должны им прислуживать. Они были возмущены, что этот молокосос считает себя настоящим матросом. Плохо пришлось бы Джеку, если бы он не сумел доказать, что знает свое дело! На шхуне в открытом море, где некуда бежать, его за семь месяцев замучили бы до полусмерти!

Но Джек долго терся среди моряков и хорошо изучил их

несложную психологию. Он твердо решил работать так, чтобы переделывать ничего не приходилось. Когда тянули веревки, он не просто делал вид, что тянет, а действительно трудился вовсю. Он знал, что глаза товарищей украдкой, но придирчиво следят за ним, и поставил себе за правило, когда наступала его вахта, выходить на палубу с первыми вахтенными, а в кубрик спускаться с последними, никогда не оставляя за собой незакрепленные шкоты или другой такелаж. Он был всегда готов взобраться по вантам, чтоб выбрать или потравить шкоты марселя; очень скоро понял назначение нескольких новых для него снастей и мог называть все румбы компаса.

На третий день пути, когда у руля была его смена, «Софи Сазерленд» попала в шторм. Капитан сомневался, сможет ли семнадцатилетний матрос держать корабль по курсу при яростном ветре и большой волне, но, последив за рулевым минут пять, одобрительно кивнул головой и пошел вниз ужинать. Джек сражался со штормом. На палубе не осталось ни души. Ветер хлестал в лицо, растрепавшиеся волосы лезли в глаза, а Джек ликовал: ему доверили судьбу всей команды. Целый час он вел судно по курсу Ни одной победой в жизни не был он так горд и доволен!

Но вот улеглась буря, «Софи Сазерленд» бойко шла вперед, и Джек по лицам товарищей заметил, что прежней неприязни как не бывало. Иной раз, правда, не обходилось без потасовок: в узком кубрике было тесно, недолго и ногу отдавить, а этого норовистый матрос первого класса спустить не мог. Но, вообще говоря, путешествие оказалось очень удачным. После шторма выдались погожие деньки — пятьдесят один день безоблачного пути. По ночам Джек лежал у себя на баке, растянувшись на спине, заложив руки за голову. Звезды светили ярко, близко, как будто кто-то нашил их на парусину, растянув ее как тент над кораблем. В теплые дни матросы раздевались догола на палубе и окатывали друг друга из ведра соленой водой. Джек подружился с Большим Виктором и Акселем; в тот рейс их звали не иначе, как Неразлучная Тройка. Приятно проводить часы на баке, слушая, как товарищи плетут морские небылицы о страшных бурях и неслыханных уловах. Когда станет скучно, можно пройти на корму, где, развесив ружья по стенам кубрика, улеглись на свои койки охотники. У них всегда в запасе уйма необыкновенных историй, а кулаки хранят следы тысячи потасовок. Поздно ночью, сменившись с вахты, когда по всему баку раздавался богатырский храп, Джек уходил в другую жизнь — легко и незаметно, так же как в то время, когда был устричным пиратом. Пристроив книгу к стальной стенке на носу, держа в одной руке блюдечко с горящим

фитилем, а другой переворачивая страницы, он ночи напролет читал рассказы Мельвиля и Джекобса, купленные на аванс, читал «Мадам Бовари» Флобера и «Анну Каренину» Толстого, взятые из личной библиотеки мисс Кулбрит.

Наконец «Софи Сазерленд» миновала вулканические рифы архипелага Бонин, пройдя между рифами в закрытую гавань, где стояли десятка два таких же морских бродяг, бросила якорь. По заливу на остроносых каноэ сновали туземцы, крутились японцы в сампанах.

Семилетним мальчиком, прочитав «Африканские путешествия», Джек начал мечтать. Прошло десять лет, и он пробил себе дорогу на край земли и теперь своими глазами увидит все, о чем раньше читал в книгах. Он дрожал от нетерпенья — так хотелось сойти на берег и подняться по дороге, терявшейся в зеленом ущелье, возникавшей снова на голом склоне лавы, бежавшей наверх среди пальм и цветов, мимо незнакомых туземных деревень. Наконец-то он выйдет удить рыбу на сампане!

Неразлучная Тройка сошла на берег. Джек был приятелем, значит, оба — Большой Виктор и Аксель— должны пригласить его выпить. Они тоже были его друзьями, значит, и ему следовало поставить бутылочку. У стойки им встретились знакомые с набережной Сан-Франциско, попутчики по другим рейсам, друзья по устричному промыслу. После каждой встречи полагалось снова выпить — что еще может быть лучше на свете, чем добрые товарищи?

«Софи Сазерленд» простояла в заливе архипелага Бонин десять дней, но Джек так и не поднялся по дорожке, вьющейся среди цветов вдоль деревушек. Зато он завел сотни друзей среди китобоев, наслушался бесчисленных историй, вволю покутил с приятелями, участвовал в опустошительном набеге на туземное селение, распевал под звездами разухабистые хоровые матросские песни, был ограблен мальчишками — беглыми юнгами, — короче говоря, вел себя, как старый морской волк.

Набрав в бочонки воды, «Софи Сазерленд» полным ходом пошла на север. Джек, которому предстояло работать на веслах, много дней трудился, обтягивая весла кожей и оплетая уключины, чтобы бесшумно подкрадываться к котикам. Настал день, когда впередсмотрящий разглядел вдали японские берега, и тут они наткнулись на огромное стадо котиков. Вместе со стадом они шли на север, преследуя котиков до самых берегов Сибири, безудержно опустошая стадо, убивая и снова убивая, выбрасывая освежеванные туши акулам, складывая шкурки. Доставив охотника обратно на шхуну, Джек принимался орудовать

длинным, как у мясника, ножом, освежевывая котиков. Каждый день приходилось работать на скользкой от жира и крови палубе, заваленной шкурками и тушами. Из шпигатов алыми потоками хлестала кровь. Это была жестокая, грубая работа, но в глазах Джека она превращалась в славное приключение. Он наслаждался каждой минутой.

Прошло три месяца, и котики отправились в лучший мир, а «Софи Сазерленд» — на юг, держа курс На Иокогаму, с горой шкур на борту и солидной выручкой в перспективе. В Иокогаме бок о бок с теми, кто вместе с ним смотрел в лицо смерти, Джек пил и усмехался украдкой, вспоминая, как всего пять месяцев назад его считали мальчишкой, не имеющим права называться моряком.

Вернувшись в Сан-Франциско, он поставил приятелям по бутылке виски, распрощался, сел на паром и отправился домой, в Окленд.

Семья была по горло в долгах, кое-как перебиваясь на несколько долларов — жалованье Джона Лондона, служившего констеблем Бруклинского района. Из денег, заработанных на «Софи Сазерленд», Джек заплатил по счетам, купил себе подержанную шляпу, пальто, фуфайку, две рубашки по сорок центов, две смены белья по пятьдесят. Оставшиеся деньги он отдал Флоре. Пылкое увлечение миром оклендской набережной остыло; кончилась тяга к бродячей жизни. Несколько дней он блаженствовал среди книг. Потом взялся за дело.

Время было тяжелое: финансовая паника 1893 года повергла страну в жестокую депрессию; восемь тысяч предприятий потерпели крах, в том числе много банков. Предприятия, кроме самых необходимых, закрылись: возросло число безработных. Тех, у кого была хоть какая-то работа, считали счастливчиками. Десять центов в час — вот самое большее, на что мог рассчитывать в Окленде здоровый мужчина. Рабочие бастовали, капиталисты отвечали локаутами, и возможность получить работу с каждым днем отдалялась.

Единственное, что удалось найти Джеку, было место на джутовой фабрике: десять центов в час, один доллар за десять часов работы. Станки на фабрике стояли бесконечно длинными рядами.

Торопливо вращались веретена; в теплом, влажном воздухе летали густые хлопья корпии. В непрерывном шуме приходилось кричать во все горло, чтобы тебя услышал сосед. У станков стояли дети всех возрастов, начиная с восьмилетних. Изнуренные постоянным недоеданием, искалеченные машинами, страдающие рахитом и чахоткой, они работали шестьдесят часов в неделю,

чтобы получить два доллара.

Примерно в этот период Джека стали, как он любил говорить, «волновать неведомые склонности и молодые силы» — эту довольно-таки вычурную фразу следовало понимать так: он стал интересоваться девушками. На «Рэззл-Дэззл» ему была женою Мэми. Знал он и других видавших виды женщин с залива Сан-Франциско. Теперь семнадцатилетний парень вдруг стал так стыдиться грубых привычек, которые перенял у своих неотесанных дружков, что в обществе самой обыкновенной вежливой девушки умирал от смущения. Прежде он так старался поскорее стать мужчиной и так был занят этим, что решительно ничего не знал о девушках.

Он был «с той стороны» и поэтому имел мало шансов познакомиться с хорошенькими, милыми и чистенькими девушками, которые ему теперь нравились. У него появился новый приятель, кузнец-подмастерье Луис Шатток. По словам Джека, этот малый был непревзойденным мастером всяких безобидных затей и считал себя умудренным опытом, бывалым горожанином. Луис сделался наставником Джека. После работы молодые люди шли домой ужинать. Потом, умытые, в свежих рубашках, они покупали в кондитерской сигареты и сладости. Пойти к какой-нибудь девушке домой, в гости? Не пустят. На танцы? Но обоим приходилось дома платить за еду и квартиру, так что карманных денег оставалось всего центов семьдесят пять. Вечерами оставалось только прохаживаться по улицам. Луис все старался показать приятелю, как бросить красноречивый взгляд, как улыбнуться, приподнять шляпу. Смотришь, тебя и заметят: вот послышался нерешительный смешок — тут-то и надо заговорить. Но Джек был скромен и застенчив. Девушки оставались для него чем-то удивительным и недоступным; в решающий момент присутствие духа изменяло ему, самоуверенный вид сменялся робким, а развязность, совершенно необходимая в подобных случаях, исчезала бесследно.

Кое с кем он все же познакомился. Изредка он приглашал какую-нибудь девушку в Блер-парк. Трамвай — двадцать центов как не бывало! Мороженое — две порции — тридцать центов… и потом всю неделю сиди без гроша. Его слабостью были ирландки; в записной книжке появились адреса: Нелли, Долли, Кэти — фабричные девчонки, которым нравилось, что он без устали танцует, нравились его шутки и заразительный смех. А ему больше всех нравилась Лиззи Коннеллон, гладильщица из одной оклендской прачечной. У Лиззи было славное личико и острый язык: за словом она в карман не лезла. Она подарила Джеку свое золотое кольцо с камеей, чтобы все видели, кто ее дружок.

Наконец пришла любовь. Ее звали Хейди. На собрании Армии Спасения они случайно оказались рядом, Джек и эта шестнадцатилетняя девушка в шотландском беретике и юбке, доходящей до края высоких шнурованных ботинок. У нее было тонкое овальное лицо, красивые карие глаза, каштановые волосы и нежный рот. Джек влюбился с первого взгляда.

Они встречались украдкой, на полчаса, и он до конца изведал все сумасшествие юношеской любви. Он не был уверен, что это самая глубокая любовь, но что эта была любовь сладостная — он ни минуты не сомневался. Его называли Королем Устричных Пиратов. Он миг наравне с настоящими мужчинами идти куда угодно, хоть на край света, умел водить корабли, оставаться на палубе в шторм и непогоду. Он бывал в самых темных портовых притонах, мог постоять за себя в любой перепалке с отпетыми головорезами, «свистать» всю команду к стойке. Но как себя вести с этой тоненькой девочкой, безгранично несведущей в житейских делах — в такой же мере, в какой, как ему казалось, он был искушен и опытен, — этого он не ведал. Им и встретиться-то удалось всего раз десять и столько же раз обменяться поцелуями — короткими, невинными и необыкновенными. Они нигде не бывали, даже на дневных представлениях. Он тешил себя уверенностью, что она, конечно, любит его. Сам-то он ее любил, в этом не было никаких сомнений. Больше года он мечтал о Хейди во сне и наяву. Она навсегда осталась для него дорогим воспоминанием.

Как-то вечером Флора, прекрасно помнившая, что отец Джека писал книги, вошла к сыну с номером газеты «Сан-Франциско Колл» и принялась уговаривать его написать что-нибудь и послать на конкурс, объявленный газетой. Несколько мгновений Джек колебался. Но тут в его памяти всплыл тайфун, с которым «Софи Сазерленд» пришлось сразиться у берегов Японии. Присев у кухонного стола, он стал сочинять рассказ. Он писал быстро, гладко, почти без усилий. На другой день рассказ был закончен, отделан, насколько хватило умения, и отослан в редакцию «Колл». Он был удостоен первой премии — двадцать пять долларов. Вторую и третью получили студенты Калифорнийского и Станфордского университетов.

Прошло сорок пять лет, но, читая «Тайфун у японских берегов», находишь рассказ все таким же свежим и сильным. В ритме повествования слышатся мерные вздохи моря, напряженное внимание не ослабевает ни на секунду; образы встают как живые. Музыка звучит во фразах, написанных семнадцатилетним подростком, не закончившим среднюю школу. «Колл» писала: «Самое поразительное — это размах, глубокое понимание,

выразительность и сила. Все выдает молодого мастера». Пророческие слова!

День, когда вышла эта статья, был самым счастливым в жизни Джона Лондона с тех пор, как он покинул Айову. Флора только посмеивалась втихомолку, радуясь своей выдумке, а Джек тут же засел за кухонный стол писать новую морскую быль. Однако газета «Колл» не была литературным журналом — рукопись прислали назад. В записной книжке этого периода Джек внес в графу расходов тридцать центов на почтовые марки и бумагу: следовательно, он продолжал писать и отсылать рукописи в журналы.

Если бы Джек сам взялся регулировать «Финансовый приход и расход», как раньше, когда работал на консервной фабрике, семья, пожалуй, могла бы жить сносно. Увы, он отдавал заработок Флоре. Оклендский житель Томас Э. Хилл вспоминает, как его сестра, у которой Лондоны снимали квартиру, попросила жильцов съехать, потому что Флора ей задолжала за два месяца.

На джутовой фабрике Джеку обещали прибавку — четверть доллара в день. Но, проработав там несколько месяцев, он увидел, что хозяева не намерены сдержать слово. Джек ушел с работы. Десять центов в час — больше не получишь, занимаясь черной работой. Всегда останешься на самом дне кормушки. Убедившись в этом, он решил приобрести специальность. Новому открытию под названием «электричество», казалось, принадлежит будущее, и Джек решил стать электромонтером. Явившись на электрическую станцию Оклендского трамвайного парка, он сказал директору, что не боится любой работы и готов начать с самых азов. Тот поставил его в подвал на переброску угля: тридцать долларов в месяц и один выходной. Подавать уголь кочегарам, поддерживавшим огонь в топках, приходилось и в дневную и в ночную смену. Работая даже во время обеденного перерыва, Джек редко кончал раньше девяти вечера — на круг выходило тринадцать часов в день. Заработок, таким образом, снижался до восьми центов в час — меньше, чем он получал в четырнадцать лет на консервной фабрике. От топок несло нестерпимым жаром. Обливаясь потом, Джек насыпал уголь в чугунную тачку, взвешивал, вез в кочегарку и сбрасывал на железные листы перед печами. Когда кочегары не поспевали за ним, Джек нагромождал целую гору угля, подпирая ее, чтобы не осыпалась, крепкими досками.

Ему вновь пришлось стать рабочей скотиной.

Возвращаясь домой затемно, он был так измучен, что не мог есть. Умыться и свалиться в постель— единственное, на что он оставался способен. Для книг, для хороших девушек, для того,

чтобы ощущать самый вкус и цвет жизни, не хватало ни времени, ни сил.

Ведь и по воскресеньям он был занят на работе. Он стал худеть. Целые дни напролет он, как в кошмаре, двигался в удушливо-жарком мареве угольной пыли — снова не мог понять, почему эта работа так мучительна для него; ведь он справлялся с делами и потруднее, работал вровень с людьми старше и сильнее его. Наконец один кочегар из жалости рассказал ему, что у них всегда было два подручных: один работал с дневной сменой, другой — с вечерней. Оба получали по сорок долларов в месяц. Подвернулся Джек, молодой, горящий желанием учиться, и директор уволил подручных, а Джека заставил управляться за двоих. Джек спросил: «Почему же ты раньше не сказал?» — «Потому что директор пригрозил выгнать меня в шею», — отвечал кочегар.

Несколько дней спустя этот же кочегар показал Джеку заметку в оклендской газете: один из бывших подносчиков угля — Джек, сам того не зная, работал на его месте — кончил жизнь самоубийством: он не мог найти работу, чтобы прокормить жену и троих детей. Джек отшвырнул лопату.

Дни бешеной работы кончились тем, что он проникся отвращением к физическому труду. Раб или бродяга — золотой середины не найдешь! Он был молод и силен, он любил жизнь. Его безудержно влекло к опасностям и приключениям. Не лучше ли потешить себя вдоволь, побуянить, шатаясь по белу свету, чем сгубить свою молодость и здоровье в угоду людской алчности?

Джек пришел к такому заключению в апреле 1894 года. В то время безработица в Соединенных Штатах возросла до умопомрачительных масштабов. На родине Флоры, в городе Мэслон, штат Огайо, человек по имени Кокси собирал армию безработных, готовясь повести ее на Вашингтон и потребовать у конгресса пять миллионов долларов, чтобы дать людям работу на постройке новых больших дорог. Газеты уделяли Федеративной армии Кокси столько внимания, что в ряде американских городов стихийно возникали отряды. В Окленде некто Келли сформировал из безработных военные роты и договорился с железнодорожниками, что людям будет обеспечен бесплатный проезд в товарных вагонах.

Услышав об армии Келли, Джек живо ухватился за эту возможность. Он поступит в армию и вместе с ней отправится в Вашингтон. Трудно было устоять против столь заманчивого приключения. Он подводил этим Флору и Джона Лондона, но это удерживало его не больше, чем в те дни, когда он сменил консервную фабрику на сомнительные доходы устричного пирата.

В этом не было ничего удивительного: нельзя сказать, чтобы его родители сами были ярыми приверженцами строгой дисциплины и самопожертвования или неукоснительно выполняли свои моральные обязательства.

Армия генерала Келли должна была двинуться из Окленда в пятницу, 6 апреля. Когда во второй половине дня Джек и его приятель Фрэнк Дэвис добрались до сортировочной, где формировались товарные составы, выяснилось, что рано утром армия уже уехала. Тогда Джек воскликнул:

— Давай, Фрэнк, едем! Бродяжить — это по моей части; будем зайцами пробираться к востоку на товарных, пока не догоним армию Келли.

Не прошло и часа, как он разыскал готовый к отправлению состав. Незаметно приоткрыв раздвижную дверь товарного вагона, он забрался туда вслед за Фрэнком и закрыл за собою дверь.

Раздался свисток паровоза. Джек лежал в темноте и улыбался.

Джек сказал Фрэнку Дэвису, что он не новичок в бродяжничестве, и это была правда. Не первый раз он шел на дорогу. Три года тому назад, когда ему было пятнадцать лет, в устричном промысле наступило временное затишье. Шлюп Джека стоял в конце пароходной пристани в Бениции, а сам он сидел на палубе и грелся на теплом солнышке. Свежий ветер обдувал его щеки; мимо, увлекаемые приливом, бурно пронеслись волны. Джек сплюнул за борт, чтобы измерить скорость течения, и, увидев, что с приливом можно дойти почти до Сакраменто, поднял парус и отдал швартовы.

В Сакраменто он пошел на речку купаться и встретился с компанией подростков, загоравших на песчаной отмели. Они говорили на особом языке, совсем не так, как те, с кем водился Джек. Это были «дорожные ребята». По сравнению с их похождениями устричный промысел казался детской забавой. Каждое слово манило Джека в новый мир, мир вагонных осей и планширов, «слепых» багажных вагонов и «товарных пульманов», «быков» или «фараонов», «отбросов» или «падали», «легавых», «беглых», «табачников», «загребал», «котов», «стариков», «зеленых пижонов». С каждым словом его все сильнее притягивала Дорога. Он стал членом «толкучки», то есть шайки.

У него появилась кличка «Сейлор Кид» — «Морячок». Главарь шайки Боб прибрал его к рукам и из «кутенка», или «неженки», вышколил бывалого «пижона», или «дорожного парня». Его успешно научили «зашибать по малому на главном ходу», то есть клянчить на центральной улице; показали, как «прокатить»

пьянчужку, «почистить» «тугой узелок», «стибрить» пятидолларовую стетсоновскую твердополую шляпу с головы богатого китайца из долины Сакраменто. Один раз его, как участника уличной драки, забрали в полицию, и он три дня отсидел в тюрьме.

Вскоре ему объяснили, что по закону Дороги настоящим «дорожным парнем» становишься не раньше, чем пересечешь Сиерру-Неваду на площадке «слепого» вагона с дверью посредине. Вот почему однажды ночью Джек и недавно приставший к шайке Френч Кид стояли в темноте у полотна Центральной Тихоокеанской, дожидаясь экспресса. Когда поезд поравнялся с ними, приятели на ходу уцепились за край площадки «слепого» вагона. Френч Кид сорвался и попал под колеса. Ему отрезало обе ноги.

Боб заранее предупредил Джека: пока не проедешь Роузвилл с его констеблем, злым как собака, сиди на «палубе», то есть на крыше вагона. Потом спускайся на заднюю «слепую» площадку почтового. Но… экспресс мчался через Сиерру-Неваду, минуя щиты от снежных заносов, пролетая тоннели, а Джек так и не отважился слезть вниз на полном ходу. Всю ночь он трясся на «палубе», пока, перевалив хребет, поезд не остановился у станции Тракки. «Сдрейфил!» От ребят из «толкучки» он скрыл свой позор, и по возвращении в Сакраменто его встретили с распростертыми объятиями и провозгласили стопроцентным бродягой.

Через неделю-другую Сакраменто ему надоел, и, забравшись в товарный поезд, он вернулся в Окленд. Прошло три года, и вот он снова стал /«товарищем ветра, который бродит по свету».

Джек с Фрэнком Дэвисом сошли с «товарного пульмана» в Сакраменто — и напрасно. В четыре часа дня армия Келли двинулась в Огден. На экспрессе «Трансконтинентальный» им посчастливилось продержаться до Тракки, а там их «спустили в канаву» — иными словами, вышвырнули из поезда. В ту же ночь они еще раз попробовали вскочить на восточный экспресс. Фрэнку это удалось, Джек отстал. Зато с товарным ему повезло. В вагоне было холодно, и все-таки он умудрился так крепко заснуть, что не проснулся, даже когда состав перевели на запасный путь в Рено. Этот день Джек провел в Рено, наблюдая, как на всех углах и перекрестках безработные собираются в отряды, готовясь выступить на восток. Сотни безработных по всей линии шли вслед за головным отрядом Рабочей армии Келли.

Джеку во что бы то ни стало надо было догнать Фрэнка. Не дожидаясь, пока сформируется рота безработных, он пустился в путь и целые сутки ехал в товарном вагоне, а потом до четырех утра проспал в паровозной будке в Водсвордском депо, пока не

пришлось уносить ноги от мойщиков. Дальше он отправился с первым товарным, забившись в тендер — «слепняк». В карман его пальто залетела искорка от паровоза. Вспыхнуло пламя, и затушить его, когда поезд движется со скоростью сорок миль в час, оказалось нелегкой задачей. Пальто и пиджак пришлось выкинуть, они были испорчены безнадежно.

Ночью в Виннемуке он догнал Фрэнка. Было решено дождаться отряда из Рено и дальше двинуться вместе. Но подвернулся товарный поезд, и соблазн оказался слишком велик: друзья забрались в вагон и поехали дальше на восток. Через два дня они снова расстались, и в записной книжке Джека появились торопливые, написанные детским почерком строчки:

«Дорога потеряла для Фрэнка всю прелесть. Исчезла романтика приключений, осталась лишь суровая действительность, гласящая: «Трудно — терпи!» Итак, Фрэнк решил вернуться на запад. Ну что ж! Он немало повидал, это пойдет ему на пользу. Кругозор его расширился, теперь он лучше понимает, что представляют собою «низы» нашего общества. И в будущем, выбравшись из нужды, он, конечно, мягче, добрее посмотрит на встречного бродягу. Сегодня вечером он тронется на запад, я — на восток. Мне предстоит колоть уголь на паровозе до самого Карлина».

Для Джека прелесть бродячей жизни заключалась главным образом в отсутствии однообразия. В «Стране Хобо», в этом бродяжьем царстве, — причудливая, вечно меняющаяся жизнь; невозможное случается на каждом шагу, за каждым поворотом притаилась в кустах новая неожиданность. Один день не похож на другой, врезаясь в память быстрой сменой неповторимых картин. По ночам Джек путешествовал в товарных и пассажирских составах, а когда наступало обеденное время, «закидывал ноги» — иными словами, выпрашивал подаяние с черного хода или попрошайничал на главной улице. Он встречался с сотнями таких же «хобо», вместе с ними странствовал зайцем по железным дорогам, отдавал в общий котел курево и деньги, «кипел» — ссорился, готовил в «джунглях» — притонах — традиционное блюдо бродяг «маллиган», «зашибал по малому на главном ходу», резался в карты, слушал и плел сам немыслимые истории и, покупая право путешествовать на самых скорых, выполнял приказания «профессионалов».

Однажды его «сбросили в канаву» — спустили с поезда — в пустыне Невада, и целую ночь пришлось пешком добираться до ближайшей узловой станции. Дело было глубокой зимой. В нагорных пастбищах стояли холода, снег лежал на вершинах, печально завывал ветер, а Джек, как «прожженный» бродяга, из

щегольства не запасся одеялом. Нередко случалось ему часами «закидывать ноги» у кухонных дверей и уходить несолоно хлебавши. Или, приехав в незнакомый город за полночь без гроша в кармане, ночь напролет трястись от холода в «джунглях» у железной дороги. Случалось, что он ночевал, примостившись на паровозной раме, «скотосбрасывателе», осыпаемый дождем горячей золы, мечтая хоть ненадолго вздремнуть под пыхтенье паровоза и пронзительный скрип колес. Как-то раз, голодный как волк он получил подаяние — огромный сверток в газетной бумаге — и со всех ног помчался в укромное местечко поблизости насладиться пиршеством. В свертке влажным комом лежал сладкий домашний пирог, оставшийся от гостей. Джек сел на землю и заплакал.

Именно «забрасывая ноги», он достиг совершенства в искусстве вдохновенно сочинить тут же, на месте, подходящую к случаю историю. Ведь успех дела зависел от того, хорошо ли подвешен язык! Едва открывалась дверь на черном ходу, как он должен тут же раскусить свою жертву и придумать рассказ, соответствующий ее характеру и наклонностям. В Рено черную дверь открыла пожилая добродушная «мамаша», и Джек в мгновение ока превратился в чистого как слеза, невинного юношу. Ему трудно говорить… Ни разу в жизни не протягивал он руки за куском хлеба… Лишь муки свирепого голода склонили его на поступок столь низменный и недостойный. Он просит милостыню — он! И добродушной хозяйке, чтобы как-то рассеять это отчаянное смущение, осталось только уговорить его зайти в кухню «посидеть» — сущее наслаждение для бродяги.

Несколько позже в Гаррисбурге (штат Пенсильвания) он постучался с черного хода как раз в то время, когда хозяйки — две старые девы — садились завтракать. Его пригласили зайти в столовую и разделить с дамами трапезу: гренки с маслом и яйца в рюмках. Пожилым девицам был совершенно незнаком веселый лик Приключения. Говоря языком Благородных Бродяг, они всю жизнь работали в одной смене. Джек был голоден: он всю ночь путешествовал на тендере. Служанка не успевала подавать на стол яйца, гренки и кофе, снова яйца, гренки и кофе, а дамы затаив дыхание слушали повесть Джека о дикой и вольной жизни. В разморенный, стиснутый узкими рамками, сладко надушенный мирок ворвался могучий ветер настоящей жизни, насыщенный крепкими запахами пота, борьбы и опасности. Этот завтрак остался в памяти Джека на всю жизнь. Можно смело предположить, что и старые девы навсегда запомнили сногсшибательные истории — плод богатой фантазии «гостя».

Когда странствовать было невмоготу, когда двери

зажиточных хозяев упорно не открывались, когда в богатом доме его отказывались покормить, а голод становился невыносимым, Джек шел к беднякам. В лачуге с выбитым окном, заткнутым тряпками, усталая, надорванная работой хозяйка всегда найдет что-нибудь съестное, бедняки никогда не отказывали в том, чего им самим не хватало. Убедившись в этом, Джек потом говорил, что милосердие — не кость, брошенная собаке. Милосердие — кость, которую ты разделил с ней, потому что сам голоден не меньше собаки.

Больше всего Джек любил увлекательные и опасные состязания с поездной бригадой: он ведь задался целью доказать, что он — величайший из Благородных Рыцарей Дороги, Король Хобо. Прежде чем роскошный трансконтинентальный экспресс «Оверленд» ночью выходил из депо, Джек обычно забегал вперед и, когда поезд проходил мимо, вскакивал на первый «слепой» вагон. Но вот его заметила бригада. Поезд остановился. Джек соскакивает с площадки и мчится вперед, в темноту. На сей раз на площадке «слепого» сидит тормозной кондуктор. Однако со «слепой» площадки в поезд войти нельзя, значит, пока состав не набрал скорость, кондуктор должен спрыгнуть и вскочить в задний вагон. Джек стоит так далеко впереди, что, когда поезд проходит мимо, кондуктора на «слепом» уже нет и можно спокойно прыгать. Спокойно, но с той оговоркой, конечно, что он может сорваться и погибнуть. Ему кажется, что угроза миновала, но в следующее мгновение поезд останавливается и за Джеком приходит кондуктор, ехавший на паровозе. Джек спрыгивает с площадки, несется вперед. Теперь, когда поезд поравнялся с Джеком, кондуктор сидит на первом «слепом». Джек вскакивает на второй. Кондуктор покидает первый и тоже появляется на втором. Джек прыгает вниз с другой стороны и что есть силы, перегоняя поезд, бежит обратно на первый… Кондуктор пускается вдогонку, но поезд набирает скорость, кондуктор отстает. Джеку снова кажется, что он в безопасности… Внезапно кочегар обдает его струей воды из насоса… Поезд замедляет ход… Джек несется вперед, в темноту…

Он чертовски горд. Еще бы! Кто он? Жалкий бродяга! А из-за него четыре раза остановился «Оверленд» — уйма пассажиров, великолепные вагоны, правительственная почта и две тысячи лошадиных сил, нетерпеливо бьющих копытом в паровозной топке Так идет игра, не переставая, всю ночь напролет. Чтоб улизнуть от вездесущего кондуктора, Джек взбирается на «палубу», спускается и, широко расставив ноги, едет на буферных брусьях смежных вагонов, ныряет под состав и «скачет верхом на палочке», то есть путешествует на оси под вагоном. Сейчас в

погоне участвуют оба кондуктора, кочегар, проводник и машинист. Восемнадцатилетнего юнца так и распирает от гордости: он берет труднейшие вершины «профессии» — и как! Что за беда, если, проиграв, он заплатит за эту забаву страшной ценой! В том-то и состоит ее прелесть!

Он шел на невероятный риск. Он прыгал с поездов на полном ходу, а однажды летел по воздуху с такой скоростью, что сбил с ног и оглушил полицейского, стоявшего на перекрестке и наблюдавшего за проходящим поездом. Он «скакал на палочке» по скверным дорогам — дорогам, где кондуктора ведут игру по-иному: они берут толстый сцепной шкворень и кусок каната, идут на переднюю площадку вагона, под которым едет бродяга, и швыряют шкворень туда, под вагон. Прут ударяется о рельсы, отскакивает, и бродяга убит или смертельно ранен. Но Джек не боялся. Чем рискованнее, тем интересней. Викинг он или нет? И не он ли переплывал залив Сан-Франциско при свирепом юго-западном ветре?

А колечко Лиззи Коннеллон у него выудил корыстолюбивый кондуктор, обнаруживший Джека в товарном вагоне. Дело было в горах, и вокруг свистела снежная буря — что поделаешь!

Если ночь была очень холодной, Джек пробирался в депо и спал в паровозной будке. Приходилось ночевать и на котлах электростанции, задыхаясь от неимоверной жары. Днем он ходил в библиотеку читать, а по ночам всегда старался попасть на курьерский поезд в «слепой» багажный. Вот что он пишет об этом — с восторгом:

«Я был полон решимости продержаться на поезде всю ночь. Спасаясь от преследований поездной бригады, я глубокой ночью ездил в «слепых», в паровозном тендере, на скотосбрасывателе, на рамах «двуглавых» — составах с двумя паровозами, на «палубе» и на площадках в центре состава». Ночью было так холодно, а днем так жарко, что у него на лице начала лупиться кожа; по собственному описанию, он был похож на человека, обгоревшего на пожаре.

Все эти подробности и тысячи им подобных jh педантично заносит в свою записную книжку. С семидесяти трех страниц дневника времен Дороги встает юноша, мягкий, тонкий, добрый, несмотря на окружавшую его грубость приятелей-головорезов и собственные поступки довольно низменного порядка. Дневник заполняют характерные зарисовки — портреты случайных встречных, отрывки подслушанных разговоров, замечания о том, что привело самых разных людей на Дорогу, словечки из жаргона бродяг и железнодорожных «зайцев», описания городов, происшествий и похождений. Эти карандашные записи были

сделаны в товарных вагонах, в депо, в притонах и кабачках, несмотря на это, они поражают безыскусственной прелестью поэтичной речи. Прирожденный писатель виден в каждой строке. Каждая страница дышит здоровой радостью крепкого парня, влюбленного в головокружительную, вечно новую и захватывающе интересную жизнь.

Впрочем, этот повышенно-радостный тон изредка меняется; не всюду звучит неизменное «я — за!». Душевное равновесие внезапно сменяется подавленностью, и в дневнике появляется запись, посвященная праву на самоубийство. Читая ее, невольно возвращаешься к той ночи, когда Джек сорвался в воду с пристани в Бениции и решил пойти ко дну — конец, достойный героя. Всю жизнь он ясно слышал этот зов смерти.

Захваченный снежным бураном на вершине Скалистых гор, он совсем было замерз на открытой площадке «слепого», но тут мягкосердечный кондуктор сообщил ему, что на другом пути стоит товарный, а в нем отряд безработных из Рено — это была часть армии Келли. Забравшись в вагон, Джек увидел, что внутри, вплотную друг к другу, чтоб согреться, растянулись восемьдесят четыре человека. Поставить ногу было некуда; он сразу наступил кому-то на руку и попал в «молотилку». Его швыряли из конца в конец вагона, пока он, наконец, не угодил на незанятый краешек соломенной подстилки. Этим своеобразным обрядом было отмечено его вступление в ряды Рабочей армии.

Народ в армии был славный: одни — безработные, действительно надеявшиеся, что конгресс даст им работу; другие — бродяги, приставшие к ним просто так, чтоб вместе проехаться. Попадались и юнцы вроде Джека, жадные искатели приключений. Поезд мчался сквозь снежную вьюгу, а в вагоне началось нечто похожее на «Тысячу и одну ночь»: было постановлено, что каждый из восьмидесяти пяти пассажиров теплушки обязан выступить с первоклассной историей. В случае неудачи очередную Шехерезаду ждала «молотилка». Джек пишет, что это была оргия превосходных рассказов, ничего равного ей он уже больше не встречал.

Двадцать четыре часа отряд из Рено, замурованный в тесном вагоне, пережидал буран. Никто не проглотил и маковой росинки. За стенкой вагона потянулись равнины Небраски, и тогда, сложившись, члены отряда послали местным властям городишки Гранд Айленд телеграмму приблизительно такого содержания: «Восемьдесят пять здоровых голодных мужчин прибывают обеденное время. Накормите». Ровно в полдень поезд остановился у Гранд Айленд. Городская полиция и члены специальных комитетов по приему «гостей» отконвоировали прибывших в

гостиницы и рестораны, накормили и препроводили обратно к поезду, задержанному на станции до погрузки.

В час ночи прибыли в Омаху, где их вышел встречать особый полицейский взвод, и они сидели под охраной полисменов, пока не переправились через Миссури в Каунсил Блаффс. Генерал Келли, стоявший лагерем в парке Шатоква, приказал присоединиться к нему. Пять миль под проливным дождем! Джек со своим новым приятелем, светловолосым двухметровым верзилой, по кличке «Швед», проскочили сквозь цепочку полицейских и отправились на поиски убежища. Вскоре они нашли пустой передвижной бар на огромных бревнах-опорах. Здесь Джек провел самую скверную ночь в своей жизни. Сооружение стояло на высоких подпорках, внутри завывал ветер, врывавшийся сквозь зияющие щели. Промокший до костей Джек забился под стойку и там, дрожа, молил всех святых, чтоб поскорей рассвело.

В пять утра, посиневший от холода, едва живой, он на товарном поезде вернулся в Омаху и потащился выпрашивать на завтрак у кухонных дверей. Потом поглазел по сторонам и пошел в лагерь Келли. На мосту его остановил сборщик пошлин. Кто-то из сострадания дал парнишке двадцать пять центов — «четвертак» на поезд до парка Шатоква. Добравшись до лагеря, он доложил о прибытии генералу Келли и был назначен в последнюю шеренгу арьергарда.

Владельцы железных дорог между Омахой и Чикаго были настроены недружелюбно и не решались предоставить армии товарные составы для бесплатной переброски людей на восток: боялись, как бы другим не стало повадно. Их составы сопровождали вооруженные пинкертоновские сыщики, нанятые для охраны от Келли и его ребят. Армия залегла вдоль полотна. Два дня и две ночи людей, а вместе с ними и Джека, заливало дождем, било градом, засыпало мокрым снегом. Тогда две молодые женщины из Каунсил Блаффс подговорили одного паренька увести паровоз, на котором работал машинистом его отец, а комитет сочувствующих из Омахи кое-как сколотил товарный составчик. Поезд был подан к расположению армии, но выяснилось, что места для всех не хватает. К общему сожалению, состав вернулся в город.

Ряд неудачных стычек с властями закончился тем, что генерал Келли решил вести армию походным порядком в Вашингтон на соединение с генералом Кокси. Прихватив двенадцать фургонов с провиантом и лагерным инвентарем — дар жителей Омахи и Каунсил Блаффс, — армия выступила в поход. Келли выступал а- голове колонны на вороном коне,

преподнесенном восторженным жителем Каунсил Блаффс. Со знаменами и флагами армия имела весьма внушительный вид. Через два дня у Джека прохудились башмаки. Он было сунулся к интендантам, но те заявили, что сапог — для него во всяком случае — нет. Пришлось идти в носках. На другой день он так стер себе ноги, что мог с трудом передвигаться, и в виде протеста пошел босиком. Только тогда интенданты быстренько выдали ему какую-то обувь.

Жители штата Айова встретили их по-дружески, радушно. В какой бы город ни вошла армия, все население с флагами высыпало навстречу. Как только солдаты Келли разбивали лагерь, к их бивакам тянулись толпы горожан — спеть хором песню, послушать политические речи, посмотреть, как местная девятка сражается в бейсбол с командой армейцев. «Чистые женские голоса, — пишет Джек в дневнике, — сливались с охрипшими от непогоды голосами солдат Рабочей армии». Джек с гордостью отмечает, что армия производила на всех превосходное впечатление. Многие удивлялись, что солдаты умеют прекрасно держать себя, что у них честные, открытые лица.

Но Джек и здесь был верен себе: терпеть не мог строгой дисциплины, любил все делать сам по себе и горел желанием узнать решительно все о стране, по которой путешествовал. Как наступала ночь, он незаметно пробирался мимо часовых и бежал осматривать город. Он снова натер волдыри и твердо решил, что дальше поедет товарным, но местные шерифы снабдили армию фургонами для тех, кто не мог идти пешком. Впрочем, не успели еще дойти до города Де Мойн, как это удовольствие кончилось… Джек поклялся, что скорей сядет в тюрьму, чем пройдет хоть два шага на своих распухших ногах. Он добрался до станции и, «сыграв на сочувствии публики, собрал на билет».

Когда пришли в Де Мойн, солдаты Келли заявили, что все стерли ноги. Хватит, черт побери! Дальше они не пойдут. Две тысячи паломников забили город до отказа. Задыхающийся город разместил солдат на заброшенном печном заводе и скармливал им шесть тысяч порций в день, а в это время местные власти лезли из кожи вон, чтоб уговорить железнодорожную администрацию перевезти армию до следующей станции. Железнодорожники были неумолимы. Джек отдыхал, играл в бейсбол, поправился, отоспался… Тогда в городе провели сбор денег, армия выстроила себе плоты и поплыла вниз по течению реки Де Мойн.

Сейлор-Джек — Морячок и еще девять человек из его роты — все, по его словам, энергичные ребята, деляги, — выбрали славную посудину и отправились вниз по реке, регулярно

опережая армию на день, а то и на сутки. Завидев впереди городок, они поднимали американский флаг и, назвавшись передовой лодкой, авангардом, требовали отчета, какие меры приняты по снабжению армии. Фермеры тащили продукты, и Сейлор-Джек с приятелями снимали сливки: брали себе табак, молоко, масло, сахар и консервы. Нельзя было назвать их совсем бессовестными, ничуть! Они оставляли для армии мешки с мукой и бобами, говяжьи туши. Но жили они, нужно прямо сказать, припеваючи. Посудите сами: они не варили кофе на воде. Зачем? Ведь молока сколько угодно! Джек допускал, что армии приходилось несладко, но что поделаешь. В их десятке были парни лихие и предприимчивые — само собой разумеется, они абсолютно не сомневались, что «кто смел, тот и два съел».

Возмущенный генерал Келли послал легкий ялик, чтоб преградить путь «авангарду». Ничего не вышло. Тогда он отправил двух верховых предупредить окрестное население. После этого Джека и его компанию принимали, мягко говоря, с холодком Волей-неволей пришлось двигаться дальше вместе с армией. Прибыли в штат Иллинойс. В Куинси, по слухам, самом богатом из небольших городов Соединенных Штатов, Джек весь день «закидывал ноги» и возвратился с таким количеством белья, носков, рубашек, обуви, шляп и костюмов, что хватило бы на полроты. Жители Куинси услышали от него тысячу историй, одну лучше другой. Позже, начав писать, он сокрушался, что так расточительно обходился в былое время с обильными плодами своего вдохновения.

Но увы, дни довольства и сытости миновали! В течение тридцати шести часов фермеры не дали армии бесплатно ни глотка. Солнышко стало припекать все сильнее, весна была не за горами, воздух наполнился пьянящими запахами… и Рабочая армия целыми отделениями и взводами начала разбредаться. Джек наспех нацарапал в своем дневнике: «Завтра утром сматываю удочки. Голод невыносимый». Все девять речных удальцов дезертировали вместе с ним. Генерал Келли с горсточкой людей упрямо продвигался вперед. В конце концов, дойдя до Вашингтона, он нашел генерала Кокси… в тюрьме. Опередив свою эпоху, Кокси требовал от федерального правительства обеспечения безработных. Сменилось немало правительств, прежде чем в стране пришли к тому же выводу и другие. И этого человека полицейская охрана Капитолия арестовала за хождение по газонам!

На экспрессе «Каннонболл» («Пушечное ядро») Джек доехал до Джексонвилля, на пассажирском поезде линии Канзас Сити — до Мэсон Сити, а там забрался в состав для перевозки скота и всю

ночь мчался в Чикаго. На почте его ждали письма из дому и четыре «зелененьких» по доллару каждая — от Элизы. В магазине подержанного платья Джек купил себе ботинки, шляпу, пару брюк, пиджак и рубашку. Вечером сходил в театр, поглядел на город и за пятнадцать центов переночевал на кровати — впервые с тех пор, как уехал из Окленда. На другой день он сел на паром и переправился на ту сторону озера в штат Мичиган, в город Сан-Джозеф, где жила с семьей Мэри Эвергард, сестра Флоры. Джек пробыл в удобном домике Эвергардов несколько недель, страницу за страницей писал свои заметки, нагуливал жирок, растаявший в голодные дни, понемножку копался в земле и с удовольствием разрешал тете Мэри баловать и пичкать себя, а сам занимал свою родню необычайными рассказами о Дороге. К середине лета он добрался «зайцем» до Нью-Йорка. Он завел себе привычку «закидывать ноги» по утрам, а днем спасаться от палящего зноя в садике у Сити Холл — городского управления. Он по дешевке покупал книжные новинки в бракованных переплетах и прохлаждался, полеживая на травке и запивая чтение ледяным молоком по центу стакан.

В один прекрасный день он подошел к толпе зевак, обступивших мальчишек, которые азартно «резались» в «камушки», как вдруг раздался отчаянный вопль: «Быки! Спасайся, кто может!» Толпа рассеялась. Джек с книгой под мышкой не спеша направился в свой садик, как вдруг заметил, что к нему идет полисмен. Не обращая внимания, Джек шел своей дорогой, но тут полицейский с размаху стукнул его по голове дубинкой и сбил с ног. Оглушенный, ослепший от боли, Джек с грехом пополам поднялся на ноги и пустился наутек. Если бы он остался на месте — ему не миновать бы месяца тюрьмы на Блэкуел Айленд за сопротивление полиции.

Через пару дней Джек в товарном вагоне приехал в город Ниагара Фоллс и прямым путем отправился к водопаду. Не в силах оторваться от необычайного зрелища, он как зачарованный просидел там весь день, забыв о еде. В одиннадцать часов ночи он все еще сидел у водопада, глядя, как на темной воде играет лунный свет. Потом он направился за город, перелез через забор и заснул на чьем-то поле. Проснувшись в пять утра, он возвратился к водопаду. Город еще спал. Вдруг он заметил, что навстречу идут трое: два «хобо», а между ними «легавый» — полицейский агент. «В какой гостинице вы остановились?» Тут бы придумать название отеля, но Джек не нашелся. Его задержали как бродягу и отправили в городскую тюрьму. Наутро шестнадцать арестованных сели на скамью подсудимых. Судья — он же «по совместительству» и секретарь — вызывал одного

бродягу" за другим и, не мешкая ни минуты, осудил всех подряд на тридцать суток исправительных работ.

Джеку надели наручники — он оказался в паре с долговязым негром, — сквозь наручники пропустили стальную цепь, так что восемь пар арестантов оказались скованными вместе.

Их повели по улицам Ниагара Фоллс на вокзал. В поезде Джек поделился табачком с арестантом, сидевшим позади. Слово за слово, а там выяснилось, что новый знакомый повидал уже не одну тюрьму, так что ему хорошо известны все обычаи и повадки тюремной жизни. Они подружились. Заключенных доставили в исправительною тюрьму округа Эри. Джека обрили наголо и честь честью обрядили в полосатый арестантский костюм. Рано утром заключенных выстроили вплотную, в затылок друг другу и вывели через тюремный двор — разгружать суда на канале.

Труд был тяжелый, а держали заключенных на хлебе и воде. Раз в неделю, правда, было мясо, но есть его было почти невозможно. Прошло два дня, и арестант, с которым Джек познакомился в поезде, явился к нему на помощь. Среди надсмотрщиков нашлись его приятели, старые тюремные крысы. Он был немедленно назначен коридорным старостой и, в свою очередь, выхлопотал такую же должность для Джека. Обязанность коридорного состояла в том, чтоб раздавать заключенным хлеб и воду и вообще присматривать за порядком. На лишние ломти хлеба Джек выменивал книги, табак, подтяжки или английские булавки, чтобы потом обменяться с долгосрочниками на мясо.

Глазам «старшего» было открыто все, что творилось в камерах коридора. Джек видел, как бьются в припадке эпилептики, как узники сходят с ума. На его глазах людей били до-полусмерти, а одного спустили с восьми пролетов каменной лестницы и на каждой ступени осыпали градом ударов; тюрьма была истинной камерой пыток, где беззащитных арестантов ждали неописуемые ужасы. Джек близко сошелся с другими надсмотрщиками, с охраной, с краткосрочниками и долгосрочниками. Он узнавал сотни людей, слушал их истории, запоминал их особые словечки, научился видеть мир их глазами, слился с ними воедино. И все это время не терял расположения своего приятеля. Много часов провели они за теплой дружеской беседой, намечая, какие «дела» по воровской части обстряпать на воле.

Наконец кончился срок. Друзья вышли на свободу, «зашибли по мелочи» на главной улице Буффало и зашли в пивную пропустить по кружечке «особого». Перед ними уже пенилось пиво, когда Джек под каким-то предлогом оставил приятеля наедине с кружками, вышел из пивной через заднюю дверь, перемахнул через забор и пустился вовсю, не останавливаясь,

пока не добрался до станции. Вскоре товарный состав уже уносил его на запад.

Несколько месяцев понадобилось ему, чтоб проделать три тысячи миль по железным дорогам Канады. Лишь талант не раз спасал его от тюрьмы: он умел выдумать историю, способную убедить любого полисмена, что перед ним кто угодно, только не бродяга. Приходилось и голодать — он не говорил по-французски, а фермеры в Канаде боятся бродяг. Случалось, что, проехав целую ночь в вагоне-рефрижераторе, он едва мог поутру выбраться наружу, чтоб раздобыть еды.

И все-таки приключения пришлись ему по вкусу. Особенно хорошо было целую тысячу миль катить в груженном углем товарном вагоне. На каждой остановке Джек выбирался в город «стрельнуть» еды, возвращался с добычей на свое угольное ложе и пировал, наблюдая, как мимо пробегают канадские леса и равнины. Наконец он приехал в Ванкувер, поступил матросом на «Уматиллу» и вернулся в Сан-Франциско.

III

Сколько ни ройся в документах и записях о Джеке Лондоне, поиски ни к чему не приведут: ранее года, проведенного им на дне, среди беднейших из бедных, именуемых на языке социологов «попранная десятая», он и не помышлял о социализме. Он был, как он сам называл себя позже, ярым индивидуалистом. Этот индивидуалист заодно с компанией дружков, не задумываясь, обманом оставил без пищи своих товарищей — армию Келли, потому что «инициатива была в наших руках и мы горячо верили, что «провиант» существует для того, кто пришел за ним первым». Когда этот же индивидуалист был коридорным в «исправилке», он и не думал раздавать излишки хлеба несчастным арестантам — нет; он вынуждал их платить натурой — скудными запасами табака, пива и мяса. Он обладал завидным здоровьем, крепкими мускулами и желудком, способным переварить гвозди. Он буйно радовался своей молодости и никому не уступал ни в работе, ни в драке. Ему казалось, что он будет вечно, как бушующий ураган, нестись по земле, побеждая все и вся своей силой и превосходством. Он гордился долей могучего избранника самой природы.

Потом он узнал, как пополняются ряды «попранной десятой». Это было поразительно. Это открыло ему глаза. Он воображал, что на Дорогу идут по доброй воле, повинуясь лишь тяге к скитаниям, стремлению сбросить с себя бремя ответственности, в поисках приключений. Другие бродяги — бездельники, тупицы, лентяи или пьянчуги. Известная часть этих людей действительно представляла собой отбросы, и тут любая социальная система

оказалась бы бессильна. Джек это понимал. Но в большинстве — в этом он убедился очень скоро — это были те же «белокурые бестии», такой же превосходный человеческий материал, как и он сам, рабочие и матросы. Их исковеркала нужда, тяжкий труд и несчастья, а потом их вышвырнули на Дорогу, как старых, отработавших кляч.

И вот они бродяги: нечего есть, нечего надеть, нечем укрыться в непогоду. Вместе с ними Джек месил грязь, шагая по дорогам; вместе просил милостыню с черного хода, лязкал зубами от холода в товарных вагонах и на бульварных скамьях — и слушал их рассказы. Они начинали так же, как он, а кончили этой помойной ямой на дне социальной бездны.

Тут были люди, которых выбросил с работы хозяин, потому что их изувечил ничем не защищенный станок; люди, потерявшие здоровье на фабриках, работавшие по четырнадцати часов без воздуха и уволенные за ненадобностью; люди, состарившиеся в своей лямке и вытесненные другими, молодыми и сильными. Тут были кустари, не сумевшие найти себе применения, когда настали новые времена, и люди, труд которых заменили машины; взрослые мужчины, чье место заняли женщины и дети, получавшие меньше; другие лишились работы из-за кризиса и уж больше никуда не устроились.

Тут были рабочие, у которых не хватало квалификации, чтоб управляться с новым техническим оборудованием; бродячие сезонники, которых сама профессия заставляла четыре-шесть месяцев в году болтаться без дела; были неспособные, посредственные, затравленные рабочие, жертвы конкуренции, шлаки хаотического производства. Они предпочли бродяжничество трущобам. Тут были участники забастовок против непомерно долгого рабочего дня и низких заработков; предприниматели занесли их в черные списки, а их место получили штрейкбрехеры.

Джек увидел, что через пять, десять, двадцать лет и его место займет кто-нибудь сильнее и моложе, а он поневоле станет бродячим или оседлым обитателем трущоб. Он усвоил две вещи: во-первых, нужно получить образование, чтоб работал мозг, а не мускулы — орудие скоропортящееся и легко заменимое. Во-вторых, если экономическая система забирает у человека лучшие годы жизни, а потом выбрасывает на свалку разлагаться заживо и подыхать с голоду, значит, в такой системе кроется порок. Ибо она создает трагическую ситуацию для человека, для семьи, принуждает общество к жестокости и расточительности.

Ко времени возвращения в Окленд он убедился, что его образ мыслей и отношение к жизни изменились; он поверил в нечто

новое, впрочем, во что именно, он и сам как следует не понимал. Где найти ответ? Он снова взялся за книги. От рабочих и других попутчиков с Дороги, среди которых попадались люди образованные и начитанные, он немало слышал о профессиональных союзах, о социализме и рабочей солидарности и, таким образом, получил ориентир, указывающий ему, как взяться за поиски.

Прежде всего он узнал, что современный социализм насчитывает всего около семи десятков лет. Значит, это совсем молодое учение, оно появилось на свет па несколько лет раньше его матери. И Джек почувствовал, что ему необычайно повезло, он современник этого учения, он застал его в самом зародыше, можно сказать, совсем немного опоздав, чтобы сделаться одним из его зачинателей. И этого было уже достаточно, чтобы воодушевиться. Он пошел дальше.

Стоп! Оказывается, революция порождается не людьми, а экономическими условиями. Колыбель современного социализма, Франция, восстала, чтоб сбросить непосильное ярмо — прогнившую монархию, и не успела оглянуться, как ей навьючили на спину не менее тяжкое бремя — буржуазию. Машинное производство пришло рука об руку с увеличением рабочего дня, снижением заработной платы и циклической безработицей; трудящиеся очутились в худших условиях, чем при беспутных и расточительных королях. Возникла необходимость новой революции, на этот раз экономической, а не политической. Необходимость породила социалистов-утопистов, подметивших, что лишь немногие утопают в богатстве, в то время как большинство, неустанно трудясь, живет в бедности. Это наблюдение привело к социализму.

Джек обратился к трудам Бабефа, Сен-Симона, Фурье и Прудона, к первым выступлениям в печати против частной собственности. Социалисты-утописты впервые разграничили экономические классы; выдвинули утверждение, что частная собственность покоится на человеческом труде. Они потребовали отмены нетрудовых доходов и наследования богатств, выдвинули революционную концепцию, что социальная реформа должна быть функцией правительства.

За пять центов Джек купил в писчебумажном магазине коричневый блокнот и своим небрежным, размашистым почерком стал записывать, какие цели ставили перед собой эти пионеры социализма, попытавшиеся представить себе систему производства, при которой каждый обязан трудиться и все обеспечены работой. Он отметил, что, подготовив почву для революции, эти люди не указали средства построения

социалистического государства, надеясь, что капиталисты из христианских побуждений сами устроят для рабочих социализм.

Как-то на Дороге он услыхал от одного странствующего философа о «Коммунистическом Манифесте». Джек раздобыл «Коммунистический Манифест» и жадно впился в строки с таким ощущением, как будто бы на этих страницах внезапно и чудом заговорили его собственные мозг и сердце. Он безоговорочно сдался перед доводами Карла Маркса, ибо нашел у него метод, который не только дает человеку возможность построить социалистическое государство, но в силу исторической и экономической необходимости заставляет его принять социализм. Джек торопливо записал в своем блокноте:

«Вся история человечества — это история борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых; история этих классовых схваток демонстрирует развитие экономической цивилизации, подобно тому как учение Дарвина показывает эволюцию человека. С приходом крупной промышленности и концентрированного капитала достигнута ступень, на которой эксплуатируемые классы могут получить свободу от классов правящих, лишь раз и навсегда освободив общество в целом от всякой эксплуатации, угнетения, классового неравенства и классовой борьбы».

Далее Джек узнал из «Коммунистического Манифеста», что научный социализм требует отмены частной собственности на землю и полной отмены наследственных прав. Заводы, средства производства, средства связи и транспорт являются собственностью государства, и все богатства, за исключением средств потребления, являются общим достоянием коллектива. Жирной чертой он подчеркивает в «Манифесте» призыв социалистов, обращенный к рабочим всего мира:

«Коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения. Они открыто заявляют, что их цели могут быть достигнуты лишь путем насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя. Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Так Джек пришел к заключению, что на свете нет ничего более великого, чем социализм.

Решив жить не мускулами, а головой, Джек взялся за дело.

Весь год, проведенный на Дороге, он вел дневник и теперь знал наверняка, что жизнь приобретет смысл и даст ему счастье, только если он напишет свои рассказы, от которых у него

раскалывалась голова.

Наметил он себе и учебное заведение, где завершится его образование, — Калифорнийский университет в Беркли, совсем близко от его дома, если добираться трамваем.

Да, но ведь он так и не учился в средней школе! По заведенному порядку ему до университетской скамьи предстоит еще просидеть три года за школьной партой.

Новенькому Оклендской средней школы девятнадцать лет. На нем плохо отглаженный темно-синий костюм явно не по фигуре, шерстяная рубашка с отложным воротником. Крепко сбитый и, очевидно, не из слабеньких, загорелый и вечно растрепанный— то и дело ерошит свою рыжевато-каштановую шевелюру. Жует табак: вернувшись в Окленд, он еще не успел расстаться с привычкой, заведенной на Дороге. Табак заглушал зубную боль, а у Джека все зубы были испорчены. Элиза предложила брату сделку: она платит дантисту, Джеку запломбируют зубы, выдернут гнилые и вставят новые, но он должен бросить жвачку. Джек с готовностью согласился. Довольный блестящими новыми зубами, он приобрел зубною щетку — первую в жизни.

Ходил он сутулясь — еще одна привычка тех времен, когда он обивал чужие пороги. В классе сидел с отсутствующим видом, откинувшись на спинку парты, вытянув ноги во всю длину, заложив руки в карманы. Повернет голову туда-сюда, а по лицу то и дело пробегают тени. Потом спохватится, встряхнется и снова сидит улыбаясь. Когда его вызывали, он приподнимался с явным трудом и отвечал полусидя, опираясь руками о парту, тихо, почти неслышно и как можно короче. Кончив, он сейчас же шлепался обратно на скамейку, как будто окончательно обессилев.

Его окружали четырнадцати-пятнадцатилетние мальчики и девочки, по большей части дети состоятельных родителей, не успевшие еще побывать нигде, кроме Сан-Франциско. Джеку они казались сущими младенцами. И вообще образование, конечно, открывает путь к лучшей жизни, это верно, но уроки, которые он должен отсиживать — французский, история Рима, алгебра, — это для него игрушки. Он и не пытался скрыть от одноклассников, что скучает за этим пустяковым занятием, что его интересуют дела, достойные людей зрелых, — впрочем, они еще в этом не разбираются.

Ему хотелось стать вровень с товарищами, но это как раз и не получалось. Он мог с интересом прислушиваться к общему разговору, но едва кто-нибудь из одноклассников заговаривал с ним, он раздражался и тут же уходил. Здесь снова проявилось основное противоречие его натуры, впервые подмеченное Айной Кулбрит: крайняя самоуверенность, уживавшаяся бок о бок с

застенчивостью, скованностью и ощущением своей неполноценности. Школьники считали, что он чем-то обижен, поэтому и сердится, когда они хотят втянуть его в свои дела. Им было просто не под силу его раскусить. Его одноклассница, Джорджия Лоринг Бэмфорд, говорит, что иногда по сияющему улыбкой лицу было видно, что у него нрав милого ребенка. А бывали моменты, когда он выглядел бродягой и, казалось, гордился этим. Шапку он засовывал в карман, а после уроков вытаскивал и, нахлобучив на голову, мчался на улицу, по-матросски размахивая руками.

Но даже если бы школьники Оклендской средней и приняли его в свою среду, он не смог бы уделить им ни минуты. Во время забастовки железнодорожников Джон Лондон устроился в специальную охрану депо, но Джека он содержать не мог. По субботним и воскресным дням Джек старался подрядиться на какую-нибудь случайную работу: стричь газоны, выбивать ковры, бегать по поручениям. Выкраивая ему на еду и на книги, Элиза из своих скромных средств купила велосипед, чтоб он мог ездить в школу. С деньгами у него всегда было туго. Когда привратнику Оклендской средней понадобился помощник, Элиза устроила на это место Джека. После занятий Джек оставался в школе подметать помещение и мыть полы в уборных. Много лет спустя он с гордостью писал своей дочери, что каждое окно в ее школе вымыто его руками.

Как-то раз компания школьниц, видела, как он с парой бродяг — приятелей с Дороги — входил в пивную. Начались разговоры: он-де водится с дурной компанией, он привык пускать в ход кулаки… А тут еще Джек взялся убирать в школе, и стена, отделявшая его от других учащихся, стала совсем неприступной.

Впрочем, в школе обнаружилось нечто стоящее— литературный журнал «Эгида». Когда туда взяли его очерк «Острова Бонин», Джек пришел к заключению, что школа в конце концов неплохая штука. Очерк, вышедший в январском и февральском номерах 1895 года, написан талантливо, свежо и живо — вот почему его и теперь еще приятно читать. Яркими штрихами автор рисует картину жизни промысловой флотилии, острова, по-человечески тепло и любовно написаны люди, а лучше всего — язык, в котором каждое слово звучит как музыка. Вид собственного произведения в печати гораздо лучше заставил Джека понять писательское ремесло, чем все критические замечания, которыми так щедро снабжал его преподаватель английского языка, с отвращением отвергавший его свободную, непринужденную манеру, его бурные порывы, его восхищение природой.

В марте «Эгида» поместила рассказ «Сакечо Хона Ази и Хакадаки», потом два рассказа, посвященные приключениям на Дороге, поражающие богатством специфического языка и глубоким проникновением в психологию обитателей Страны Хобо. Один был назван «Фриско Кид», другой — «И Фриско Кид вернулся назад».

Забастовка на железной дороге кончилась, а с нею — работа Джона Лондона. Теперь вся семья надеялась только на Джека. Он был вынужден искать побочные заработки, работать еще напряженнее. На себя денег не оставалось совершенно. Товарищи заметили, что он одевается все хуже и хуже. От вечного переутомления, от нехватки еды и сна он стал нервным и раздражительным. Он писал о себе честно, и школьники узнали, что в прошлом он матрос и бродяга. Девушки не желали иметь с ним ничего общего. Тот факт, что он пишет, не только не примирил всех с тем, что казалось в нем странным, но еще сильнее заставлял сторониться его. Он любил писать в свободные от работы ночные часы, наслаждался книгами, которые получал из библиотеки на все шесть абонементов семьи Лондонов. Но в те дни ему не хватало того, что составляет человеческое счастье: дружбы, любви, места под солнцем….. Их не было. Но вот он вступил в дискуссионный клуб имени Генри Клея.

Клуб Генри Клея был единственным местом, где собиралась оклендская интеллигенция. Членами его были молодые учителя, врачи, юристы, музыканты, студенты, социалисты — этих людей связывал интерес к окружающему миру. Они, как никто другой в Окленде, судили о человеке по уму, а не по платью. Джек посидел молча на одном-двух собраниях, а потом включился в дискуссию. Члены клуба оценили четкий и логичный ход его мыслей, им нравился сочный ирландский юмор Джека, его яркие морские и путевые рассказы, его нашли веселым и интересным собеседником. На них произвела впечатление не только его страстная вера в социализм, но и солидный запас знаний, уже приобретенных им в этой области. А для Джека в этот период важнее всего было то, что он им понравился, что его приняли дружески, как равного. Это теплое отношение помогло Джеку сбросить с себя неловкость и скованность, угрюмое выражение как ветром сдуло с лица. Он высоко поднял голову, он говорил теперь свободно и с исчерпывающей полнотой. Он нашел свое место.

Из членов клуба Джеку больше всего понравился тонкий кареглазый молодой человек по имени Эдвард Эпплгарт, юноша из интеллигентной английской семьи, обосновавшейся в Окленде. Эпплгарт был умен, остер и проницателен. Они с

Джеком были ровесники и подолгу гуляли вместе, проводя свободные часы в дружеских беседах, помогая друг другу ясно, логично мыслить. Для Эпплгарта Джек был не бедно одетым, плохо воспитанным юнцом с сомнительной репутацией, *а* умным, насмешливым, много повидавшим человеком, нищим в настоящий момент, но находящимся на пути к успеху.

Эпплгарт привел Джека к себе и познакомил со своей сестрой Мэйбл (Чарминал Лондон в своей книге «Жизнь Джека Лондона» зашифровал Мэйбл Эпплгарт под вымышленным именем Лили Мэйд.). Едва перешагнув через порог, Джек влюбился мгновенно, безудержно и без оглядки.

Мэйбл Эпплгарт была существом эфирным, с одухотворенным выражением широко открытых голубых глаз и пышными золотистыми волосами. Джек сравнивал ее с бледно-золотым цветком на стройном стебельке. Она говорила красивым голосом, а ее звонкий смех казался Джеку музыкой. Мэйбл была на три года старше его. В ней не было и тени притворства. Она училась в Калифорнийском университете, специализируясь в области английского языка и литературы. Джек диву давался, какая уйма аккуратно уложенных знаний хранится в этой хорошенькой головке. Ее манеры были безупречны; выросшая в сфере искусства и культуры, она обладала тонким чувством такта и уменьем держаться. Джек любил ее, как богиню, которой можно лишь поклоняться. Прикоснуться к ней — святотатство. С каким восторгом увидел он, что Мэйбл относится к нему по-дружески, как к равному. Если бы он знал! Грубая мужская сила, теплой волной струившаяся от него, так же влекла ее, как Джека — ее хрупкость.

Джек стал частым гостем в беспорядочном, наполненном книгами и картинами доме Эпплгартов. Они делились с ним книгами, познаниями, опытом — в тех областях, куда его нога еще не ступала. Он внимательно следил за жестами Эпллгартов, их речью. В скором времени соленые словечки стали мало-помалу уходить из его лексикона, остались в прошлом матросская походка вразвалочку и грубоватые манеры. Его стали приглашать к себе другие члены клуба. В их домах он тоже познакомился с интеллигентными девушками, одетыми в длинные, до самого пола, платья, и за чашкой чая беседовал с ними о поэзии, искусстве и тонкостях грамматики. Он стал мягче, и улыбка все чаще скрашивала резкие, четкие линии его лица. Он целиком, с глубокой любовью посвятил себя новым друзьям.

До учащихся Оклендской средней школы дошли восторженные отзывы о Джеке Лондоне, обаятельном и исключительно одаренном юноше, которого, несомненно, ждет

блестящее будущее, и, поглядывая на своего скучающего, плохо одетого одноклассника, они ломали головы: куда девался у старших здравый рассудок?

Члены недавно сформированной Оклендской социалистической партии (Стоун, по-видимому, имеет в виду Социалистическую рабочую партию. Социалистическая партия США была создана позднее.) — одной из первых на тихоокеанском побережье — предложили Джеку вступить в их организацию. Здесь он встретил таких людей, как представитель Британской социалистической рабочей партии Остин Льюис, встретил немецких социалистов, изгнанных из родной страны, — социалистические партии были запрещены в Германии, — людей опытных и зрелых.

Для Джека их общество сыграло роль точильного камня, до блеска отточившего его орудие — ум. Социалистическая организация в Окленде представляла собой группу людей, объединенных скорей духовными, чем экономическими интересами. Они собирались вечерами помузицировать, выпить кружку пива, поразглагольствовать, разбирая тот или иной политический вопрос. Это были интеллигенты, теоретики, не принимавшие непосредственного участия в классовой борьбе: партия пока что не имела в своих рядах ни одного рабочего. Как ни благодарен был им Джек за. науку и приятную компанию, он не верил, что социализм — достояние интеллигенции. Социализм принадлежит рабочим и их союзам — тем, кому ходом истории предначертано вести классовую войну, участвовать в боях революции и основать всемирное социалистическое государство, которое, как учил Карл Маркс, явится следующей ступенью развития цивилизации.

Он начал ходить на рабочие митинги, рассказывал о социализме в профессиональных союзах, слушал речи в Сити Холл Парке. Однажды, вскочив на скамейку, Джек обратился с речью к большой толпе. Он взволнованно говорил, что капитализм — это система организованного грабежа.

Взяв рабочего за горло, капиталист выжимает из него все, что тот создает своим трудом, все до последнего доллара, а потом отбрасывает *как* ненужный хлам, *г.* Не проговорил он и десяти минут, как послышалось цоканье копыт по мостовой Бродвея, у ограды парка остановилась черная тюремная карета и к Джеку подошли два полисмена. Его провели сквозь толпу к карете, заперли стальную дверцу, провезли по улицам Окленда и швырнули в тюрьму. Джек было запротестовал: он находится в Америке, где людям предоставлена свобода слова, а социализм не преступление. Дежурный в полицейском участке возразил:

— Социализм, может быть, и нет, но публичная речь без разрешения карается законом.

Оклендские газеты поместили эту историю под огромными заголовками, где Джека называли «мальчик-социалист». Это прозвище осталось за ним на долгие годы.

Как Джек Лондон стал социалистом? Он рос в бедности, был знаком с голодом и лишениями, узнал горькую правду о судьбе рабочего человека. Но ведь сотни тысяч его современников-американцев, выросших в голоде и холоде, верили в капиталистическую систему, их цель состояла в том, чтобы захватить свою долю богатства. У Джека в свое время хватило ума понять, что при любой цивилизации определенная часть людей с Дороги останется вне работы и жизни. Точно так же он отдавал себе отчет в том, что трудности, доставшиеся ему на долю в юности, лишь в какой-то степени были результатом антисоциальной сущности американского капитализма, что голодал он главным образом из-за необдуманных затей своей матушки, лишивших Джона Лондона заработка.

Стал бы Джек Лондон социалистом, если бы Флора не вмешивалась в дела Джона Лондона и семья жила безбедно?

Пожалуй, да. Следует оговориться, что в этом случае из него скорее всего вышел бы социалист-теоретик или утопист, а не социалист-пролетарий, человек дела. Его удовлетворило бы постепенное — из столетия в столетие — внедрение социализма путем парламентских реформ. Он не поднялся бы с воинственным призывом: «Пролетарии, соединяйтесь! Сбросьте оковы! Силой сотрем с лица земли правящий класс грабителей и хищников!»

Джек видел в социализме систему, продиктованную логикой исторического развития производственных и социальных отношений, систему столь же неопровержимую, как таблица умножения. *Объем* усвоенных им мыслей был пока еще ограничен, но он держал в руках средство, снабдившее его научным *методом* мышления. Он обладал способностью упрямо, не сбиваясь с пути, следовать за ходом определенной системы взглядов и мужественно принять ее выводы, в какой бы мере они ни противоречили его первоначальным убеждениям.

Кроме того, у него был неисчерпаемый источник раздора со всем светом: его внебрачное происхождение. Он не мог враждовать по этому поводу с матерью, этим зла не поправишь. Не мог он и вынести свою обиду на свет; затаившись в темной глубине, она созревала помимо его сознания. В окружающем мире он видел лишь один конфликт, равный по масштабам его внутреннему разладу: а именно — свержение господствующего класса классом угнетенных, представителем которого был он сам.

Члены Торговой палаты и представители влиятельных кругов оклендского общества пришли в негодование. Кто-то осмелился проповедовать уничтожение существующего строя, да еще в парке городского управления! В тюрьму его! Однако когда дело разбиралось в суде, судья принял, во внимание возраст подсудимого. Джека выпустили с предупреждением, что если нечто подобное повторится, его упрячут в тюрьму.

Стоит отметить, что после смерти Джека Лондона мэр Окленда Дэвис посадил в его честь дуб в Сити Холл Парке, недалеко от того места, где Джек был арестован за свою первую пылкую речь.

Арест и поднятая вокруг него шумиха сильно подорвали положение Джека. Ему остались верны только оклендские социалисты, Эдвард и Мэйбл Эпплгарты и кое-кто из других членов клуба Генри Клея. Джек жаловался в те дни, что даже настоящие люди, которые относятся к нему прекрасно, считают недопустимым, чтобы их сестры в его обществе появлялись на людях. Перед ним закрылись двери многих домов, куда его ввели члены клуба.

Что касается прочих обитателей Окленда, те лишь укрепились в своем впечатлении, что он весьма неприятная личность. Ведь хорошо известно, что он был бродягой, человеком вне закона; в дни, когда он был устричным пиратом, его тысячу раз видели на набережной пьяным и в дурной компании. И родом он был из бедной семьи, докатившейся до самых низов и живущей в худшей части города. Оклендские обыватели были уверены, что если ты социалист, то, во-первых, ты человек безнравственный, а во-вторых, с твоей головой не совсем ладно. Социалист был явлением столь необычным, что к Джеку послали газетных корреспондентов. Когда он смело заявил, что коммунальные сооружения должны перейти в собственность городского самоуправления, он был заклеймен как анархист, смутьян и краснорубашечник. Интервью появились в печати в виде исследований по. патологии, посвященных чудачествам ненормального субъекта. Джек содрогнулся, представив себе, что написали бы о нем газеты, если бы он признался, что верит в обобществление всех средств производства.

Мэйбл Эпплгарт была шокирована арестом Джека и недовольна оскорбительным интервью, появившимся в газетах. Тем не менее этот эпизод ничего не изменил в их отношениях. Они как нельзя лучше дополняли друг друга: здоровый, жизнерадостный, грубоватый Джек и хрупкая, утонченная, интеллектуальная Мэйбл. То они ездили кататься на велосипедах, то устраивали пикники в заросших золотистыми высокими

маками полях на Берклийских холмах, откуда был виден весь залив, то отправлялись на долгую прогулку в его ялике. Однажды ранним летом в воскресный день они тихонько плыли вниз по устью залива. Мэйбл чинно сидела на носу в пышном белом платье и шляпе с полями и читала ему печальные стихи Суинберна таким покойным и ровным голосом, что Джек заснул. Начался отлив, и лодка села на мель. Мэйбл не трогала Джека; она знала, как мало ему приходится отдыхать. Проснувшись, он должен был закатать свои единственные парадные брюки выше колен и перенести спутницу по вязкому илу на берег: первый случай, когда дама его сердца находилась так близко от него.

Первый семестр в школе Джек в среднем кончил хорошо — с оценкой «Б» (Оценка «Б» примерно соответствует нашему «хорошо», опенка «А» — «отлично».). Проработав все лето, чтоб помочь семье и скопить несколько долларов вперед, на школьные нужды, он возвратился в Оклендскую среднюю школу. В «Эгиде» по-прежнему появлялись его статьи и рассказы. Уже целых десять — ни больше, ни меньше. В коротких рассказах, таких, как «Еще один несчастный» или «Кто верит в привидения?», заметно верное природное чувство композиции. «Еще один несчастный» — история многообещающего молодого музыканта. Подобно герою Уйда Синье, юноша хочет покорить своей музыкой весь мир. Пройдя сквозь годы испытаний и убедившись в том, что талант у него самый скромный, он рад был пиликать на скрипке хоть в дешевой пивной, своем последнем пристанище. Как-то ночью он убивает себя, поняв, как недоступно далека мечта его детства.

В рассказе «Сквозь шторм», созданном на основе морских похождений на «Софи Сазерленд», автор радуется красотам, ежеминутно сменяющим друг друга. Он следит за полетом строгих, полных грации чаек, любуется великолепными морскими закатами, наблюдает за стаями дельфинов, за китом, выпускающим свой фонтан с наветренной стороны корабля; он видит, как по ночам смутно маячит впереди рулевой, а паруса теряются под темным сводом небес. В каждом звуке — гармония. Музыкой кажется скрип блоков, стон уходящей ввысь тугой парусины, плеск воды, захлестнувшей танцующий в волнах нос корабля, удар летучей рыбы, наткнувшейся на парус.

Он ликует, когда природа хмурится, когда черные штормовые тучи затягивают небо, а воздух ревет вокруг, как невидимый злой дух, и вместо палубы под ногами кипящие пенные потоки. Радость борьбы горячит кровь, когда побеждены надутые паруса, когда справляешься с непослушной веревкой; и прекрасной симфонией звучат для него матросские песни — песни человека, в яростной борьбе за жизнь побеждающего природу.

Он нежно любил природу за ее красоту, но прежде всего он любил ее силу, ее несокрушимую мощь, в сравнении с которой люди казались ему пигмеями.

Редакция литературного журнала Оклендской средней придерживалась либерального направления. Об этом свидетельствует тот факт, что в «Эгиде» появилась социалистическая статья Джека «Оптимизм, пессимизм и патриотизм», в которой он обличал власть имущих в том, что они преграждают народным массам путь к образованию. Почему? Да потому, что образование заставит их восстать против своего рабского положения. Он предъявлял капитализму тяжкие обвинения: слишком долгий рабочий день, потогонная система, неуклонное снижение заработной платы, следствием чего может явиться лишь социальный и нравственный упадок общества. «Американцы, патриоты и оптимисты, пробудитесь! — восклицает он. — Вырвите бразды правления у продажных властителей и несите образование массам».

В школе знали, что Джек умеет говорить красноречиво и убедительно, вот почему ему предложили выступить на торжественном диспуте в честь начала рождественских каникул. Можно с полной уверенностью сказать, что тема диспута была весьма далека от социализма. Но вот, когда слово взял Джек, не прошло и пяти минут, как, переступив с ноги на ногу, оратор обрушил на разодетую публику — на школьников, их родителей и друзей — свирепую обличительную критику с позиций социализма. Одна из присутствовавших пишет в воспоминаниях, что никогда не слыхала ничего подобного.

Джек говорил, что настало время разрушить существующее общество и что он сам готов бороться с ним любыми средствами и силами. Он говорил с необычайным жаром. Казалось, он забыл, где находится, и его руки уже тянутся к горлу классового врага. Кое-кто испугался, другие решили, что это шутка; некоторым зрелище показалось достойным жалости; они утверждали, что юнец не отвечает за свои поступки, что он просто-напросто страдает манией величия в скрытой форме. Представители комитета просвещения требовали крутых мер.

Вполне вероятно, что Джек ухватился за единственную возможность, после этого последнего выпада он больше не вернулся в Оклендскую среднюю школу. Чтоб кончить ее, понадобилось бы еще два года, а ему как раз исполнилось двадцать лет и терять время было некогда.

Бросив Оклендскую среднюю, он поступил на подготовительные курсы в Аламеде, чтобы подготовиться в университет к осенним вступительным испытаниям. Деньги дала

Элиза. На курсах Джек проучился всего пять недель. Он делал такие быстрые успехи, что владелец учебного заведения вернул ему деньги и предложил оставить курсы. Как он сможет поддержать свою хорошую репутацию, если в университете узнают, что двухгодичный курс подготовки можно пройти за четыре месяца?

Пять недель, проведенные на курсах, не прошли бесследно. Помимо фактического материала, он познакомился с методом работы. Три следующих месяца он просидел взаперти у себя в комнате и «долбил» книгу за книгой по девятнадцать часов в сутки, не вставая из-за стола, зубрил математику, химию, историю и английский. Он отказался от клуба Генри Клея, от собраний социалистов, пожертвовал даже драгоценными часами в доме Эдварда и Мэйбл Эпплгарт. Утомление давало себя знать: плохо работала голова, ныло тело, подергивались от усталости веки, но воля не дрогнула ни на секунду.

Так прошли двенадцать недель, а потом Джек поехал на трамвае в Беркли и провел там несколько дней, сдавая экзамены. Затем, ничуть не сомневаясь, что будет принят, он одолжил чью-то лодку, принес в каюту одеяла, пакеты и банки с едой и рано утром успел вместе с отливом выйти из бухты. С первыми. волнами прибоя он направился вверх, по заливу и помчался вперед, подгоняемый попутным ветром. Над Каркинесским проливом вставал туман, когда за кормой остались старые береговые знаки — он познакомился с ними впервые, когда носился с Сатаной Нельсоном на «Рейндире», который никогда не убирал паруса. В Бениции он привязал лодку к причалу и поспешил на баржи.

Здесь он застал старых приятелей из рыбачьего патруля. Когда по пристани пронесся слух, что вернулся Джек Лондон, сюда начали заглядывать рыбаки — тряхнуть стариной и выпить за здоровье приятеля. Джек полтора года не брал в рот спиртного и тут напился до зеленых чертей.

Поздним вечером его бывший начальник по патрульной службе дал ему лодку — на таких лодках промышляют лосося. Джек пополнил свое снаряжение рыбацкой жаровней, кофейником, сковородкой, купил кофе, мяса, свежей рыбы и снялся с причала. Прилив кончился, и могучий отлив, борясь с яростным ветром, вздыбил крутые волны. В Сасунский залив, побелевший от злобно бурлящих потоков, Джек повел свою шаланду. Вздымающиеся волны наполнили ее водой чуть ли не по колено, лодку захлестывало, болтало во все стороны, а Джек хохотал и распевал во все горло «Не обижай мою до-о-очку» и «Сюда, бродяги-игроки!», празднуя вступление в мир, где

работает и побеждает человеческий мозг.

Посвежевший после семидневного плавания, он вернулся, чтоб приступить к занятиям в университете. Рассказывая, как выглядел в то время Джек, Джеме Хоппер говорит, что он представлял собою необычайное сочетание скандинавского матроса и языческого бога древней Греции. Два недостающих передних зуба, беззаботно оставленных где-то, в драке, придавали ему совершенно мальчишеский вид. Хоппер говорит, что едва впервые увидел Джека на университетском дворе, как в глаза ему будто брызнул солнечный свет. Волнистая копна его волос казалась «сотканной из золотых лучей солнца», бронзовой от солнца была сильная шея в вырезе мягкой, открытой у ворота рубашки; глаза сверкали, как море под солнцем. Одет он был небрежно, свободно; широкие плечи чуть раскачивались на ходу — память о днях, проведенных на палубе. Он был полон безудержного энтузиазма и гигантских замыслов и собирался ни больше ни меньше как пройти все курсы по английскому языку и литературе, большую часть курсов естественных наук, истории и философии. В заключение Хоппер говорит, что Джек «излучал щедрое солнечное тепло», был бесстрашен, молод, трогательно чист и кипел бурной энергией.

Здесь он встретил одну бывшую ученицу Оклендской средней, на которую год тому назад его поведение и внешность произвели отталкивающее впечатление. Каково было ее изумление, когда она увидела, как он чист, опрятен, счастлив, как свободно чувствует себя в новом окружении. Куда девались неловкость и мрачный вид? Застенчивости, душившей его в обществе школьной мелюзги, как не бывало! Много часов проводил он в университете вместе с Мэйбл Эпплгарт. Здесь же были и его товарищи из клуба Генри Клея. Среди студентов за Джеком уже установилась репутация человека, совершившего отчаянные, романтические поступки.

У него появилось много друзей. Он пользовался уважением и любовью.

В Калифорнийском университете был сильный состав преподавателей, и хорошая библиотека. Джек от души наслаждался работой. Его заметки, посвященные экономическим и политическим вопросам, появлялись в оклендской газете «Тайме», а рассказы — в таких местных журналах, как «Вечера у домашнего очага» и «Любитель богемы», но в университетский литературный журнал «Запад» он, по-видимому, ничего не давал. Он по-старому то здесь, то там брался за случайную работу, а оставшись без гроша, шел занять сорок долларов у Джонни Хейноулда, владельца пивной «Ласт Чане» — той самой, где он

спрыснул покупку «Рэззл-Дэззл» первой в жизни рюмкой виски.

С шести лет зная, что Джон Лондон — отчим, Джек никогда не слышал и намека, который подсказал бы ему, кто его настоящий отец. Теперь до него каким-то образом дошло, что это Чани. Откуда он узнал об этом? Возможно, сам Джон Лондон, чувствуя, что близится его конец, рассказал Джеку правду — ведь это могло помочь ему разобраться в себе самом. Возможно, Джек слышал пересуды оклендских или сан-францисских старожилов: многим из них было известно его происхождение. Его матери и профессору Чани была посвящена статья — кто знает, может быть, он случайно наткнулся на нее в «Кроникл». Может быть, ему подсказали, чтоб он заглянул в номер этой газеты, где было напечатано известие о его рождении, и Джек обнаружил, что он появился на свет под именем Чани. Наконец брачное свидетельство с подписью «Флора Чани», выданное через восемь месяцев после сообщения в «Кроникл», Флора всегда держала в шкатулке со сломанным замком!

Джек поделился своим открытием с Эдвардом Эпплгартом. День был теплый, солнечный; друзья как раз проходили по Бродвею мимо старого колледжа святой Марии. Эдвард рассказывает, что Джек был в страшном замешательстве и попросил у него разрешения дать Чани адрес Эртгартов Он решил ничем не выдавать матери, что знает о ее бурном прошлом. Во-первых, он боялся причинить ей боль, а во-вторых, совсем не хотел, чтоб она перехватила ответное письмо Чани. Он просил Чани разрешить сомнения, которыми ему было суждено терзаться до конца своих дней «Кто мой отец? Правда ли, что о моей матери шла дурная молва, как о женщине безнравственной? Была ли она душевнобольной?»

За первый семестр он получил оценку по разряду «А» и «Б» и, проработав рождественские каникулы, вернулся в университет. Через несколько недель, однако он увидел, что все его попытки получить образование обречены на провал. Долгое время ходили слухи, будто он оставил университет по вине одного профессора английского языка, написавшего на полях поданной Джеком рукописи — это был короткий рассказ — греческий синоним слова «дрянь». Истинная причина куда более прозаична Джон Лондон ходил по Аламеде от двери к двери, торгуя всякой мелочью, — как ветеран гражданской войны он получил на это разрешение Но он был так слаб, что не мог прокормить себя и Флору. Эта обязанность легла на Джека. Если бы не бедность, есть основание полагать, что он продолжал бы учиться в университете, печатая в «Западе» очерки и рассказы Кто знает, быть может, набравшись терпенья, он выполнил бы все

требования учебной программы и закончил университет.

Несмотря на то, что семья отчаянно нуждалась, он решил в последний раз испытать судьбу, прежде чем отправиться на поиски новой работы. Он рассудил так все равно рано или поздно он станет писателем Так не лучше ли сесть за стол и писать? А вдруг что-нибудь удастся устроить? Вдруг он сможет содержать семью? Зарабатывать не доллар в день — ходячую ставку на трудовом рынке, — а больше? Пять лет он читал, рассуждал и спорил на самые разнообразные темы, обогащал свой мозг, воспламенял воображение Он видел природу во всей ее красоте, во время шторма и в непогоду — незабываемые картины! Он смотрел в лицо опасности, работал плечом к плечу с людьми самых разных национальностей. Пришло время поделиться своими сокровищами.

И Джек снова заперся в комнате. Он писал упорно, день за днем, по пятнадцати часов в сутки. Из-под пера так и лились, сменяя друг друга, солидные очерки, научные и социалистические трактаты, короткие рассказы, юмористические стихи, трагические ямбы и тяжеловатые спенсеровы строфы эпических поэм Охваченный первым приступом творческой лихорадки, он забывал о еде; он говорил, что из всех, кто был когда-либо так сильно одержим болезнью творчества, он один сумел избежать рокового конца

Едва отпечатав рукописи, он отсылал их на восток, тратя последние гроши на почтовые марки. Когда они возвращались обратно, он по дешевке продавал свои книги и вещи и, занимая, где мог, продолжал писать Однако когда в доме не осталось ни цента, Джек отложил карандаш и пошел наниматься в прачечную Бельмонтской академии, где учился в свое время Фрэнк Норрис За еду и квартиру платить не приходилось, так что заработок — тридцать долларов в месяц — он мог отдавать Флоре, оставив себе только на табак. Его работа заключалась в том, чтобы сортировать, стирать, крахмалить и гладить белые рубашки, воротнички, манжеты и белые брюки студентов, преподавателей и их жен.

Долгие недели он гнул спину над нескончаемыми грудами белья, работая ночами при электрическом свете, чтобы не залеживалось грязное белье. Набитый книгами сундучок, с такой надеждой привезенный им из дому, так и остался нераскрытым, когда рабочий день был окончен, он ужинал на академической кухне и валился в кровать. По воскресеньям он был способен только лежать в холодке, читать комиксы и отсыпаться за всю неделю — восемьдесят рабочих часов Изредка, если был не слишком измучен, он садился в воскресенье на велосипед и катил

в Окленд, чтоб несколько часов побыть вместе с Мэйбл Эпплгарт. Он знал, что загнан в тупик, но куда ему было деваться? Уйти на другое место? Не все ли равно? Если работаешь ради хлеба насущного, некогда отдыхать, некогда читать и думать, некогда жить. Он просто стандартная машина, которой отводится ровно столько пищи и сна, чтоб она не отказала на другой день. Долго ли ему еще надрываться на бессмысленной работе? Как найти путь к жизни, которая ему по душе? Ответ дала судьба. В Клондайке обнаружили золото, и когда весной 1896 года туда хлынула первая гигантская волна золотоискателей, Джек был в числе первых. Флора и Джон Лондоны жили на его тридцать долларов. Чтоб заработать для них эти тридцать долларов, он бросил университет, бросил писать. Что ж! Это его не остановило. Он шел на зов Приключения.

На выручку снова пришла верная Элиза. Клондайкская лихорадка не миновала и ее мужа, хотя ему было уже за шестьдесят. Элиза заложила дом за тысячу долларов, пятьсот взяла из сбережений и снарядила своих мужчин в дорогу. Джек и Шепард отправились в Сан-Франциско, где вовсю развернулась выгодная торговля снаряжением, необходимым для путешествия на Аляску. Джек с Шепардом купили куртки на меху, меховые шапки, красные фланелевые нательные рубашки, одеяла, палатку, печурку, полозья, ремни и инструменты для постройки нарт и лодок, а кроме того, по тысяче фунтов провианта на каждого.

12 марта (Чармиан Лондон называет другую дату: 25 июля 1897 года.) 1897 года они отплыли на «Уматилле» — том же самом корабле, на котором Джек приплыл в Сан-Франциско после скитаний по Дороге. Опять он был самым молодым в разношерстном сборище людей, этот крепкий парень, не уступавший лучшим из них в споре, в драке, в работе. В нем не было и тени хитрости или злобы. Все ему нравились, и все платили ему приязнью. На «Уматилле» Джек подружился с Фредом Томпсоном, с шахтером Джимом Гудманом и плотником Слоупером. В трудные дни, ждавшие их впереди, эти четверо оставались неразлучными друзьями.

«Уматалла», до отказа набитая отважными золотоискателями, вошла в канал и встала на якорь у города Скэгвей. Возбужденных, одержимых нетерпением путешественников переправляли на шлюпках и высаживали на берегу Дайи. Там среди многопудовых мешков со съестными припасам и инструментом и одеждой, предназначенными защитить их от арктической зимы, тысячи будущих старателей бешено торговались, нанимая индейцев-носильщиков. Когда Джек с Шепардом отплывали из Сан-Франциско, им сказали, что за переноску багажа через

Чилкутский перевал индейцы берут шесть центов с фунта поклажи. К тому времени, как они добрались до дайского берега, носильщики взвинтили цену до тридцати и сорока центов. Стоило ошеломленному золотоискателю на мгновение замешкаться, как цена подскакивала до пятидесяти.

Если бы Джек и Шепард дали эту цену, они остались бы без единого доллара, и от Юкона их вернули бы назад «желтоногие» — северо-западная конная полиция, требовавшая, чтобы, кроме тысячи фунтов провизии, каждый старатель имел при себе пятьсот долларов наличными. У многих не было ни средств, чтобы платить по такой цене, ни сил, чтоб с тюками на спине проделать убийственно-тяжелый путь через Чилкутский перевал. Эти, признав себя побежденными, с обратным рейсом отплыли на «Уматилле» в Сан-Франциско, и с ними — Шепард. Джек остался, остались Томпсон, Гудман и Слоупер.

Стоял еще только апрель, но впереди ждали месяцы тяжелой, работы: предстояло перевалить через Чилкут, протащить весь груз за двадцать пять миль к озеру Линдерман, переправиться через озеро, миновать пороги, подняться на сотни миль вверх по Юкону и добраться до Доусона, к золотоносной реке Клондайк. И все это раньше, чем грянут морозы и преградит путь зима. Джек, как специалист по морскому делу, купил челнок. Тщательно погрузив в него провизию, друзья потянули лодку на веревках навстречу течению по реке Дайе, иначе говоря, Линнскому каналу. Достигнув через семь миль подножья Чилкутского перевала, они сгрузили поклажу с лодки, сложили в укромном месте и, пользуясь бурным весенним течением, возвратились в Дайю за новой порцией груза. Много недель пришлось им трудиться, налегая на бечеву, пока все восемь тысяч фунтов груза были доставлены к подножью перевала.

Как известно, Чилкутский перевал — один из самых трудных для переноски клади: каменистый склон поднимается почти вертикально. Джек взвалил на плечи сто пятьдесят фунтов груза и начал брать подъем. С подножья до вершины на шесть миль пути растянулся сплошной поток людей. Те, кто был постарше и послабее, кто оказался недостаточно смелым, кто всю жизнь просидел в своей конторе, не брал в руки груза тяжелее карандаша, теперь, не выдержав, свалились без сил по сторонам дороги. С первым пароходом эти люди возвращались в Штаты.

Летнее солнце припекало все жарче. На полпути Джек сбросил с себя пальто и куртку и двинулся вперед с удвоенной энергией, поражая воображение индейцев своей пламенной фланелевой рубашкой. Каждый переход отнимал день. Девяносто дней понадобилось Джеку, Гудману, Томпсону и Слоуперу, чтоб

переправить через вершину восемь тысяч фунтов своей поклажи. Ни одна написанная им книга не доставила Джеку большего удовлетворения, чем тот факт, что он, выйдя вместе с индейцами-носильщиками, многих оставил позади, хотя его груз был так же тяжел, как у любого из них.

Новая партия золотоискателей откололась и повернула назад у берегов озера Линдерман: негде было достать лодок. Джек с друзьями опять укрыли свои припасы в надежном месте и каждое утро шагали по восьми миль вверх вдоль берега к лесопилке, на скорую руку сооруженной Слоупером. Срубив несколько деревьев, они укрепили их и вручную распилили на доски. Теперь Сейлор-Джек должен был руководить постройкой двух плоскодонных лодок. Он назвал их «Юконская красавица» и «Красавица Юкона» и в день спуска на воду посвятил каждой из них поэму.

Он выкроил из брезента и сшил паруса, в рекордный срок переправил лодку на ту сторону озера; шансы попасть в Доусон до наступления морозов, таким образом, увеличились. Оставив позади Линдерман, друзья достигли верховья Юкона и приготовились к решающему броску. У порогов под названием «Белая Лошадь» путники увидели, что берег облепили тысячи лодок, а у лодок толпятся тысячи людей. Планы их были сорваны: все лодки, попытавшиеся проскочить через пороги, шли ко дну вместе с командой. Томпсон сказал:

— Иди, Джек, посмотри, что это за пороги. Если слишком опасно…

Джек привязал обе лодки к берегу. Его обступили со всех сторон. Многие никогда в жизни не садились в лодку, но все в один голос убеждали его, что пороги — верная смерть. Джек поглядел на Белую Лошадь и, вернувшись к товарищам, заявил:

— Пустяки! Все другие старались бороться с течением, чтоб не налететь на каменную гряду. Мы пойдем по течению, и нас пронесет мимо.

Закрыв груз брезентовым парусом и закрепив его по краям, он поставил Слоупера с веслом на колени в носовой части, Томпсона и Гудмана поместил в центре, а сам уселся за руль на корму. Под ободряющие крики с берега лодка устремилась вслед за основной массой воды, невредимо промчалась через пороги и, достигнув спокойного места, причалила к берегу. Друзья пошли за второй.

Джека тотчас же засыпали предложениями перевезти через пороги другие лодки. Он назначил цену: двадцать пять долларов за раз. За несколько дней он заработал на порогах три тысячи долларов для своей партии. Можно было бы заработать еще тысяч пять, но шла вторая половина сентября — они и так задержались

слишком долго.

В устье речки Стюарт, в семидесяти двух милях от Доусона, нагрянула зима — действительно как снег на голову. Двигаться дальше стало невозможно. Четыре товарища завладели пустой хижиной на берегу Юкона, нарубили дров и окопались, готовясь выдержать долгую осаду. Зима застигла в устье Стюарта человек пятьдесят-семьдесят, среди которых были врач, судья, профессор и инженер. К берегу реки отлого спускались высокие холмы, местами прорезанные руслами ручьев. Вокруг простирались еловые леса; землю укутал снежный покров более метра толщиною. Долгий путь к Доусону неизбежно приводил к хижине Джека. Из трубы лениво поднимался соблазнительный белый дымок, предвещавший тепло, покой и уют. На этот дымок и пришли в хижину Время-не-ждет, Луи Савой, Пикок, Прютт, Стивене, Мейлмут Кид, Дэл Бишоп, охотники, индейцы, «желтоногие», *чечако,* закаленные старожилы, люди со всего света, которые обрели бессмертие в увлекательных рассказах об Аляске, написанных Джеком Лондоном.

Здесь Джек провел чудесную зиму: общество разнообразное, но всегда приятное, в лагере сколько угодно книг. Джек сам пронес через Чилкутский перевал «Происхождение видов» Дарвина, «Философию стиля» Спенсера, «Капитал» Маркса и «Потерянный рай» Мильтона. Однажды старатель, местный старожил, попав в страшный буран, полуживой еле добрел до хижины. Комната была битком набита народом. В густом табачном дыму все кричали разом, размахивали руками. Услышав, q чем это сборище спорит с таким ожесточением, старатель решил, что в схватке со снежной бурей лишился рассудка. О чем же шел опор? О социализме.

Однажды вечером В. Б. Харгрейв, хозяин смежной хижины, случайно подслушал горячий спор о теории Дарвина. Спорили судья Салливан, доктор Б. Ф. Харви и Джон Диллон. Джек лежал на койке, тоже прислушивался к разговору и что-то записывал. Когда друзья запутались в каком-то вопросе, он подал голос:

— То место, ребята, которое вы тут никак не можете процитировать, звучит примерно так…

И он процитировал отрывок. Тогда Харгрейв сходил в домик по соседству, куда взяли «Происхождение видов», и, вернувшись с книгой, сказал:

— Ну-ка, Джек, выдай нам этот кусочек сначала. Проверим по оригиналу.

По словам Харгрейва, Джек повторил выдержку слово в слово.

Харгрейв вспоминает, что, когда он впервые пришел к Джеку,

тот сидел на краю койки, скручивая папироску, Гудман стряпал, Слоупер мастерил что-то по плотничьей части. Джек, оказывается, начал оспаривать ортодоксальные взгляды Гудмана, и теперь Гудман упорно парировал выпады друга. Прервав разговор, Джек поднялся навстречу новому человеку с такой ясной улыбкой, таким радушием и гостеприимством, что всякая сдержанность немедленно растаяла. Гостя тут же втянули в спор.

Харгрейз утверждает, что Джек был от природы добр, безрассудно щедр — воистину друг из. друзей, король славных малых. Ему была свойственна внутренняя деликатность, которая и в самом грубом окружении оставалась нетронутой. А если в споре противник не мог выкарабкаться из сетей собственных путаных рассуждений, Джек, закинув голову назад, разражался заразительным хохотом. Оценка, которую на прощанье Харгрейв дает Джеку, так искренна, что в ней не хочется менять ни слова:

«Не одну долгую ночь, когда всех других уже одолевал сон, просиживали мы с Джеком перед пылающими еловыми поленьями и говорили, говорила часами. Лениво развалясь, он сидел у грубо сложенной печки, отсветы огня играли на его лице, освещая мужественные, красивые черты. Что это был за превосходный экземпляр человеческой породы! У него было чистое, полное радости, нежное, незлобивое сердце — сердце юноши, но без тени свойственного юности эгоизма. Он выглядел старше своих двадцати лет: тело гибкое и сильное, открытая у ворота. шея, копна спутанных волос — они падали ему на лоб, и он, занятый оживленной беседой, нетерпеливо отбрасывал их назад. Чуткий рот — впрочем, он был способен принять и суровые, властные очертания; лучезарная улыбка; взгляд, нередко устремленный куда-то в глубь себя. Лицо художника и мечтателя, но очерченное сильными штрихами, выдающими силу воли и безграничную энергию. Не комнатный житель, а человек вольных просторов — словом, настоящий человек, мужчина. Он был одержим жаждой правды. К религии, к экономике, ко всему на свете он подходил с одной меркой: «Что такое правда?» В голове его рождались великие идеи. Встретившись с ним, нельзя было не ощутить всей силы воздействия незаурядного интеллекта. Он смотрел на жизнь с непоколебимой уверенностью, оставаясь спокойным и невозмутимым перед лицом смерти».

Фред Томпсон купил сани и собачью упряжку и вместе с Джеком отправился разведывать месторождения золота вверх по многочисленным ручьям, питающим воды Юкона. По свидетельству Томпсона, Джек был специалистом по части путевой жизни. Он умел разжечь костер во время метели, состряпать чудные лепешки, вкусно поджарить бекон; так

натянуть палатку, что в ней тепло было спать и при тридцатиградусное морозе. А Джек, вероятно, сказал бы, что все это — пара пустяков для бродяги из бродяг, который весь год спал под открытым небом без всяких одеял и варил еду в консервных банках, сидя у костра в бродяжьих «джунглях» где-нибудь у железной дороги. Джек с Томпсоном начали свои розыски на Гендерсоне, впадающем в Юкон милей ниже Стюартского лагеря. Там, где быстрое течение помешало льду, они всадили в дно совки и, вынув их, увидели, что в прилипшем песке поблескивают крупинки. Задыхаясь от волнения, они застолбили участок и, погоняя собак, пустились обратно в Стюарт, поделиться доброй вестью. Обитатели лагеря, все до единого, пешком или на собаках двинулись занимать участки… «Можешь считать, что золото у нас в кармане, — заявил Джеку Томпсон. — Четверть миллиона как пить дать». Как тут было не размечтаться: он вернется в Окленд с мешками, набитыми золотом; широко и безбедно заживут Флора и Джон; он отплатит Элизе за все ее добрые дела и возьмет в жены Мэйбл Эпплгарт; теперь у него будет достаточно времени, чтоб писать и писать.

Мечтать пришлось недолго. Старожилы, тоже бросившиеся к Гендерсонову ручью, вернулись с громким смехом. То, что Джек принял за крупинки чистого золота, оказалось просто слюдой. Томпсон говорит, что, насколько можно было судить, Джек не испытал слишком сильного разочарования; еще на «Уматилле» он говорил Томпсону, что едет на Аляску не рыться в песке, а собирать материал для книг. И все-таки вряд ли он мог остаться совершенно безучастным к потере этой «как пить дать» четверти миллиона.

Из тех, кто знал Джека на Аляске, лучше всех пишет о нем Эмиль Дженсен, послуживший Джеку прообразом Мейлмута Кида. «Благородный человек», — так вспоминал о нем позже писатель. Дженсен пишет, что первое слово привета на холодном угрюмом речном берегу он услышал от Джека.

— Сразу можно сказать, что вы моряк и к тому же с бухты Сан-Франциско, — сказал Джек. — Видно хотя бы по тому, как вы пристали к берегу — гладко, без единого толчка, несмотря на сильное течение и плавучий лед.

Дженсен добавляет, что эти слова сопровождались мальчишеской дружеской улыбкой и прямым искрящимся взглядом. Неизменно приветливый, Джек никогда не падал духом, всегда был надежным товарищем. Когда кто-нибудь не соглашался с его социалистическими убеждениями, Джек говорил:

— Подождите, вы еще не созрели, все придет в свое время.

По словам Дженсена, домик Джека всегда был средоточием всеобщего интереса: по ширине и многогранности натуры, по уменью приковать к себе внимание слушателей он не знал себе равных. Случалось, чья-то история звучала не слишком правдоподобно, и беседующие, недоверчиво пожав плечами, расходились. Джек не уходил. Все упорнее расспрашивал он рассказчика, выпытывал каждую мелочь.

В повседневной жизни лагеря решительно все таило для него глубокий смысл, оправдывало каждый час его существования. Он всюду находил нечто новое, ценное — будь то партия в вист, спор или лучи холодного полуденного солнца, сверкающие на южных склонах холмов. Хранил ли он благоговейное молчание, дивясь тому, как загораются ночью снега под таинственными небесами, или, не помня себя от волнения, наблюдал, как вздувается в половодье могучая река, он постоянно трепетал от предвкушения — что впереди?

Дженсен рассказывает забавную историю о том, как Джек дал ему «Происхождение видов». Когда Дженсен пожаловался, что книга написана слишком трудно для него, Джек предложил ему в качестве более легкого чтения книгу Геккеля «Загадка вселенной». Но и эта оказалась не по зубам. Тогда Джек выудил из-под груды одеял свое заветное сокровище — «Потерянный рай» Мильтона. Дженсен признался, что не любят стихов. Добравшись вниз по Юкону до хижины, где, по слухам, была книга Киплинга «Семь морей», Джек вернулся к Дженсену и умолил друга прочесть хоть несколько страниц, чтоб почувствовать красоту поэзии. Когда Дженсен, не отрываясь, прочел все до последней строчки, Джек воспринял это как огромную победу.

Строчки, в которых Дженсен воздает должное Джеку, заслуживают того, чтобы привести их полностью:

«Общение с Джеком было освежающим, полезным и плодотворным. Он никогда не прикидывал:

стоит ли еще рисковать, будет ли от этого польза? Он просто был всегда тут как тут, готовый обойти весь лагерь, если нечего читать; подсобить везти сани с дровами; на два дня исчезнуть в поисках пачки табаку, если видел, что мы раздражаемся по пустякам от нехватки курева. Будь то крупная услуга или пустяковая, прошеная или непрошеная, он предоставлял в твое распоряжение не только себя, но и все свое имущество. Лицо его освещалось никогда не меркнущей улыбкой».

Много часов провел Джек на койке, читая, занося на бумагу впечатления об Аляске. Он записывал все: услышанные истории, споры, в которых принимал участие, словечки, взгляды, портреты и характеристики людей, побывавших в его доме. Томпсон даже в

1937 году ворчливо вспоминал, что иногда не мог упросить Джека наколоть дров: парень, видите ли, был слишком занят проповедью социализма!

Многие старожилы Аляски подтверждают, что зимой 1896 года в стюартском лагере социализм был излюбленной темой. Джек был отнюдь не одинок в своих убеждениях; многие верили в экономические положения социализма. Старателям не бросался в глаза комизм ситуации: они, воинствующие индивидуалисты, устремившиеся в погоню за золотом с целью личного обогащения, проводят свободные часы, восхваляя социализм — философию коллективизма. Джек возразил бы, что тут нет ничего странного: пионеры, смелые люди, так же не боятся исследовать незнакомые, полные опасностей далекие страны, как и незнакомые, полные опасностей теории.

Когда, наконец, пришла весна, Джек затеял дерзкое предприятие — пошел по стопам своего деда. Маршалл Уэллман в свое время соорудил плот и на нем проплыл от залива Путин-Бей до Кливленда — от границы до границы. Джек с доктором Харви разобрали хижину доктора, связали бревна в виде плота и спустились по реке к Доусону, где и продали бревна за шестьсот долларов.

Доусон оказался развеселым палаточным городком с пятитысячным населением и непролазной грязью на главной улице, по обеим сторонам которой выстроились салуны. В них не только пили. В них спали, покупали продукты, совершали сделки, плясали с танцовщицами из дансингов и проигрывали золотой песок игрокам-профессионалам. Продовольствия не хватало, порция яичницы с ветчиной стоила три с половиной доллара, рабочим платили в день унцию золота — примерно семнадцать с половиной долларов. Со всех концов света в город съехались крупные авантюристы. Великое множество проституток под присмотром конной полиции было переправлено за реку, в так называемый Луз Таун. Подвесной мост на веревках длиною в квартал соединял берега реки. Джек отметил, что тех, кто опасался переходить через мост, среди старателей насчитывалось немного.

Томпсон рассказывает, что в Доусоне Джек палец о палец не ударил. Говоря по правде, он все-таки несколько дней поработал, вылавливая из реки бревна и буксируя их лодкой на лесопилку. Но, с другой стороны, зачем работать, если можешь появляться где угодно без денег? Он был желанным гостем у стойки; золотоискатели считали за честь угощать его, лишь бы он слушал их бесконечные рассказы. Он знал, как вызвать человека на разговор, вытянуть из него историю, которая была нужна ему

куда больше, чем дрянное виски. Женщинам он нравился, потому что был хорош собой и умел поговорить. У него нет денег? Ну и что же? Зато с ним не соскучишься! Когда слушать было некого, он устраивался где-нибудь на улице и занимал собравшихся собственными рассказами. Вечера он проводил в игорных домах, наблюдая и записывая. Слушал он именно тех, кого нужно, — охотников и старожилов, живших на Аляске до открытия клондайкского золота. Джек по кусочкам впервые восстановил достоверную историю этих мест. Он знал, какой материал ему требуется, знал, как его добыть: собирая ценные сведения для своей будущей работы, он вел расспросы по особому, им самим разработанному методу.

На Аляске не было свежей зелени, и Джек заболел цингой. Лицо его покрылось сыпью, а немногие сохранившиеся зубы расшатались. Его положили в Католический госпиталь, куда Томпсон, по собственным словам, внес небольшую плату за его содержание. Здесь его лечили, пока он не окреп для дороги. В июне уроженец Кентукки Тейлор, Джон Торнсон и Джек в утлой открытой лодчонке отплыли из Доусона и проделали тысячу девятьсот миль вниз по Юкону и вдоль Берингова моря. Джек вел лодку. Они двигались под палящим полуденным зноем, а по ночам причаливали к берегу и располагались на ночлег. Плыли через юконские равнины, звеневшие мириадами комаров; миновали пороги; смотрели, как англосаксы пляшут в местных деревнях с девушками-индианками.

По ночам, когда товарищи спали, Джек охотился на дикую птицу, хотя цинга покрыла сплошными кровоподтеками нижнюю половину его тела, а левую ногу так стянула, что он не мог ее разогнуть. Каждый день он делал-новые записи в блокноте — о том, как заливаются на заросших островах малиновки, трещат перепелки, нестройно кричат чайки и гагары, как летят дикие гуси, как вспархивают кулики, как красива ночь, когда тихо плывешь вниз по реке. А потом он отмечал на полях: такой-то материал хорошо пойдет в журнале «На свежем воздухе», а такой-то — в «Спутнике юношества».

Чтоб покрыть расстояние в тысячу девятьсот миль, Джеку и его друзьям понадобилось девятнадцать дней. Они благополучно проплыли вдоль побережья Берингова моря и причалили у форта святого Михаила. На корабле, идущем от святого Михаила в Британскую Колумбию, Джек устроился шуровать уголь, а оттуда в четвертом классе путешествовал до Сиэтла. Пробраться от Сиэтла до Окленда товарными поездами для прожженного бродяги не составляло труда.

Он приехал домой без гроша в кармане. И все-таки именно

он, не добыв на Аляске и унции золота, заработал на золотой лихорадке больше, чем любой старожил, застолбивший участок на золотоносном ручье Бонанза.

Часть II

IV

Дома, на Шестнадцатой улице Восточной стороны, 962, Джек узнал, что умер Джон Лондон. Это было большое горе. Ничего, кроме доброты и дружеского участия, от отчима он, никогда не видел.

До сих пор само собой подразумевалось, что глава семьи — Джон Лондон. На хлеб насущный зарабатывал именно он, насколько позволяли преклонные годы и слабое здоровье. Теперь главой дома стал Джек. У него прибавилась еще одна забота: Флора усыновила малыша Джонни Миллера, внука Джона Лондона от младшей из дочерей, привезенных им в Калифорнию. Пятилетний мальчик обрел в лице Флоры преданную мать, щедро расточавшую ему всю нежность, которой так недоставало Джеку в печальные годы детства.

Джек стремился лишь к одному: стать писателем. Это решение было продиктовано не прихотью, не жаждой славы и богатства, не желанием видеть свое имя в печати. Оно пришло изнутри, было продиктовано властным требованием всей его натуры, его таланта. Его записная книжка была заполнена характерными зарисовками времен Дороги, сценами из быта Аляски, отрывками диалогов, сюжетными композициями — непрошеные, они сами ложились на бумагу, потому что Джек от рождения был наделен способностью остро воспринимать, глубоко чувствовать и свободно владеть словом для передачи своих впечатлений.

На протяжении почти двух тысяч миль пути вниз по Юкону на корабле, уносившем его от форта Святого Михаила в Сиэтл, он

набрасывал планы и отбирал материал для рассказов, которые собирался написать, вернувшись домой. В Клондайке он был свидетелем таких схваток и столкновений, которые не желали оставаться в его голове и сами просились на бумагу.

Чувство долга находило на Джека приливами. Продавая газеты и работая на консервной фабрике, он до последнего цента отдавал свой заработок на еду, квартиру и лекарства для Флоры, а потом отказался от постоянного заработка и стал устричным пиратом. Деньги, добытые пиратским промыслом, шли на нужды семьи, пока он не начал транжирить их а диких попойках. Возвратившись из плаванья на «Софи Сазерленд», он купил себе лишь кое-что из одежды, к тому же подержанной, и тут же отдал матери все, что получил на корабле. Когда он работал на джутовом заводе, на электростанции, в прачечной, он брал себе семьдесят пять центов в неделю — и только. Шли томительно-однообразные месяцы примерного поведения, потом пружина останавливалась, чувство долга улетучивалось, и Джек удирал на Дорогу или в Клондайк на поиски приключений. Теперь, в двадцать два года, весь охваченный настоятельной потребностью создавать, отдать жизнь творчеству, он снова мог бы остаться глухим к зову долга и впервые имел бы для этого серьезную причину.

Вместо этого он твердо решил на время отказаться от своих замыслов. Рассказы подождут. После шестнадцати месяцев вольной жизни чувство долга вновь овладело им с удвоенной силой; «пружина» снова заработала. Он не согласится обречь мать и ее приемыша на лишения. Ведь рассказы нужно еще написать, а потом продать! На это уйдут месяцы. Нет. Близкие нуждаются в самом необходимом; значит, он должен немедленно найти работу.

Стояли трудные времена. Дальний Запад все еще переживал последствия кризиса 1893 года, пять лет тому назад загнавшего Джека на джутовую фабрику, где платили пять центов в час. Проворчав сквозь зубы, что в капиталистическом обществе — обществе стяжателей — вечно тяжелые времена, Джек пустился на поиски. Много дней проходил он по улицам и портовым набережным — теперь нельзя было достать и самой грязной, самой черной работы. Он попытал счастья в каждой оклендской прачечной — у него ведь был опыт по этой части. Безуспешно.

Из последних денег он истратил два доллара на объявления в газеты. Он сам ходил по объявлениям престарелых инвалидов, искавших компаньона; ходил из дома в дом, продавая швейные машинки, как Джон Лондон в Сан-Франциско двадцать лет тому назад. Он чувствовал, что на рынке рабочей силы он — выгодный

товар: крепок, здоров, сто шестьдесят пять фунтов чистого веса. И при всем этом он не мог найти ничего, кроме случайной работы, такой же самой, какой занимался учеником Оклендской средней: тут скосить газон, там подстричь живую изгородь, помыть окно, выбить ковры на заднем дворе. Даже доллар в день заработать удавалось редко.

Мэйбл и Эдвард Эпплгарты устроили в честь его приезда обед. Среди приглашенных были старые друзья Джека из дискуссионного клуба Генри Клея. Джека трясли за руки, хлопали по плечу — они так рады, что он вернулся к ним в Окленд. Тронутый теплым приемом, Джек на славу угостил их рассказами о Клондайке и… каждого зазывал в уголок: «Не знаете ли, где найти работу?» Никто не знал.

После шестнадцати месяцев разлуки, после суровой жизни среди старателей Стюартского лагеря и Доусона Мэйбл показалась Джеку еще нежней и прекрасней. Когда последний из членов клуба, наконец, распрощался и ушел, а Эдвард тактично удалился к себе, Мэйбл потушила верхний свет, тихо взяла Джека за руку, подвела к роялю и, аккомпанируя себе, стала петь. Это были песни, которые он слушал в тот день, когда впервые пришел в этом дом, и она почувствовала, как ее и тянет и отталкивает его грубая мужественность и сила. Джек стоял прямо перед ней, опершись на рояль, опьяненный музыкой, тонким запахом духов. Мэйбл видела, как светятся его глаза. И она — она его любит! Разве не поэтому с такой полнотой звучит ее мелодичный, негромкий голос? Словами сентиментальной баллады она признается ему в любви. Да, но еще не время открыться, он не имеет права увести ее из этого изысканного дома, лишить ее книг, картин, музыки. Что может он предложить ей? Поношенное тряпье да полуголодное существование?

Наутро ему попалось на глаза объявление в оклендской газете: проводились отборочные экзамены для работы на почте. Джек стрелой полетел на главный почтамт, прошел испытания и выдержал, набрав 85,38 очка. Если бы для него сразу же нашлась свободная вакансия, он бы в скором времени уже бегал по своему маршруту вдоль оклендских улиц с почтовой сумкой через плечо.

Случайно подвернувшаяся работа не заполняла его день целиком, да и денег на семью не хватало. В воскресном приложении к выходящей в Сан-Франциско газете «Экзаминер» Джек прочитал, что минимальная ставка в журналах — десять долларов за тысячу слов. У него готов интересный материал — он чувствовал, как рассказы просятся на бумагу.

Усевшись за грубый деревянный стол, поставленный Флорой в его крохотную — два с половиной на три метра — комнатку, он

написал повесть — тысяча слов — о путешествии в открытой лодке вниз по Юкону и вечером отослал ее в Сан-Франциско редактору «Экзаминера». Ему и в голову не приходило, что так начинается его литературная карьера, — он просто старался заработать десять долларов, чтобы задобрить квартирного хозяина и продержаться, пока не освободится место почтальона. Он ведь уже решил отложить штурм литературных высот до тех времен, когда умудрится сколотить сотню-другую долларов или по крайней мере не будет единственным кормильцем в семье.

Но, вкусив радость творчества, он уже не мог оторваться — и немедленно ушел с головой в повесть для «Спутника юношества» — тысяч эдак на двадцать слов. У него уже был наметан глаз на подобные произведения — он читал этот журнал в библиотеке; длину главы он рассчитывал, исходя из стандарта. Не успел он отдать себе отчет в том, что происходит, как готовы были семь из серии рассказов об Аляске, давным-давно сложившиеся у него в голове. Стоило ему чуть-чуть приоткрыть шлюзы, как обильный поток хлынул в едва заметную щелочку и с ним нельзя было совладать.

О почтовой вакансии что-то не было слышно. «Экзаминер» не прислал десяти долларов; мало того, даже не подтвердил, что рукопись получена. Оставшись без гроша, без куска хлеба, Джек заложил велосипед, подаренный ему Элизой, чтобы ездить в Оклендскую среднюю. Последовало категорическое требование домохозяина: «Платите или убирайтесь», — и Джек заложил часы — подарок Шепарда, мужа Элизы. Заложил макинтош — единственное, что осталось ему в наследство от Джона Лондона.

Подвернулся старый портовый приятель с завернутой в газету фрачной парой. Стащил? Объяснение звучало не слишком убедительно. Джек отобрал у него сверток, вручил взамен пару сувениров, привезенных с Аляски, а фрачную пару заложил за пять долларов. Большая часть этих денег пошла на марки и конверты: рукописи росли горой, нужно было рассылать их в журналы. Он по-прежнему не отдавал себе отчета в том, что становится профессиональным писателем. Просто человек попал в крайне стесненные обстоятельства, не может найти работу, помощи ждать неоткуда — вот очертя голову он и старается извлечь пользу из своего непризнанного таланта: ему во что бы то ни стало нужно достать денег — денег на хлеб. А там освободится место, и он поступит на работу.

Наступила зима, а он все еще ходил в легком летнем костюме. Бакалейщик на углу отпускал ему в долг, пока товару не набралось на четыре доллара, а потом отказал и был тверд как скала. Мясник из лавки напротив оказался добрее, но и тот

дальше пяти долларов не пошел. Элиза, верный друг, тащила Лондонам все, что могла урвать со своего стола, подсовывала Джеку мелочь на бумагу и табак — без них он не мог существовать. Джек похудел, щеки у него ввалились, пошаливали нервы. На рынке рабочей силы он бы уж больше не выглядел товаром высшего сорта. Раз в неделю была возможность поесть мяса — и досыта: у Мэйбл. Он с трудом сдерживал аппетит за столом — любимая девушка не догадается, что он голодает! Надежды его оставались радужными. Журналы платят десять долларов за тысячу слов — это он помнил твердо. В каждой отосланной рукописи — от четырех до двадцати тысяч слов. Если возьмут хоть одну — семья спасена.

А в глубине души, поддерживая его дух, не гасла надежда: а может быть, — чего не случается! — возьмут два или даже три рассказа? Тогда-то уж он сумеет зарабатывать литературой, тогда не придется по воле безысходной нужды становиться почтальоном. Он не рассчитывал на золотые горы; десять долларов за тысячу слов — на большее он не надеялся. Таким образом, даже если бы каждая строчка пошла в печать, он получил бы не более трехсот долларов в месяц. А вернее всего, сто пятьдесят или даже меньше!

Хватаясь за соломинку, — а вдруг напечатают? — он так глубоко-погрузился в свои рассказы, что с трудом отрывался от стола, чтобы скосить газон или выбить ковры. Семья докатилась до точки. Флора не зря вытерпела двадцать лет почти непрерывного голода. Она была закалена, и только это ее выручало. От недоедания Джек ослаб, потом и вовсе свалился. Просто собраться с мыслями — и это было теперь для него почти невозможно. Он таскал на себе такое тряпье, что пришлось отказаться от единственного вечера в неделю у Мэйбл. В конце концов он дошел до того, что рад был бы опять взяться за угольную тачку на электростанции и получать тридцать долларов в месяц. С каждым днем ему становилось все хуже. Тело терзал голод, душу — неуверенность в будущем. Снова мысли его обратились к самоубийству, как в ту памятную ночь на Бениційской пристани, как в тоскливые дни на Дороге. Если бы Джек не боялся бросить на произвол судьбы Флору и маленького Джонни, он покончил бы с собой. Друг его детства, Фрэнк Эзертон, пишет:

«Джек составлял прощальные письма, как вдруг к нему пришел проститься один приятель — тот тоже решил, что хватит тянуть канитель». По-видимому, стараясь отговорить друга, Джек отыскал такие красноречивые доводы, что заодно разубедил и себя.

И тогда-то, в одно безрадостное утро в конце ноября, на имя Джека пришел тонкий продолговатый конверт из литературного журнала «Трансконтинентальный ежемесячник». Журнал, известный по всей стране, основанный Брет-Гартом в Сан-Франциско в 1868 году. Один из рассказов об Аляске принят! Он послал туда «За тех, кто в пути». Рассказ напечатают! С быстротою молнии он стал подсчитывать в уме: рукопись в пять тысяч слов, десять долларов за тысячу, значит, здесь чек на пятьдесят долларов. Спасен! Можно продолжать писать! Воображение с трепетом срывало пелену, за которой скрывались светлые перспективы будущего. Он опустился на край кровати и дрожащими пальцами надорвал конверт.

Чека не было. В конверте лежало только официальное уведомление редактора, что рассказ «признан годным». По выходе его в свет автор получит пять долларов. Пять долларов! Он просидел над рукописью пять дней! Тот же доллар в день, что и на консервной фабрике, на джутовом заводе, на электростанции, в прачечной! Потрясенный, не в силах шевельнуться, дрожа от озноба, он сидел, уставившись застывшим взглядом, в одну точку. Его одурачили. Легковерный болван! Поверил воскресному приложению! Оказывается, журналы передергивают в игре — платят цент не за слово, а за десять! Да, на такие деньги не проживешь. Содержать семью? Об этом нечего и думать. Пусть он создаст хоть шедевр, пусть пойдет, в ход все, что выводит на бумаге его жирный карандаш. Надежды нет! Богатые — только они могут позволить себе роскошь писать. Он потащится стричь газоны. Он будет выбивать ковры. Надо как-то продержаться, пока освободится место на почте.

В тот же день на имя Джека пришел еще один тонкий продолговатый конверт. Если бы не это совпадение, сам Джек пережил бы этот день, но его творчество — никогда. На этот раз — из журнала «Черная кошка», выходившего на востоке. «Черная кошка» получила рассказ, написанный в короткий период лихорадочной работы между Калифорнийским университетом и паровой прачечной Бельмонтской академии. Владельцем и издателем «Черной кошки» был некто Умстеттер, немало сделавший для поощрения молодых американских писателей. Умстеттер писал Джеку, что рассказ его «скорее длинноват, чем сильноват», но если Джек выразит согласие, чтобы рукопись из четырех тысяч слов была сокращена вдвое, то он, Умстеттер, немедленно вышлет, ему чек на сорок долларов.

Согласие? Да ведь это согласие означает двадцать долларов за тысячу слов, то есть вдвое больше, чем он думал. Его не одурачили. Он совсем не болван. Он действительно сможет

прокормить семью, занимаясь любимым делом. Он написал Умстеттеру — пусть сокращает рассказ вдвое, лишь бы выслал деньги. Обратной почтой Умстеттер выслал сорок долларов. Вот как и почему, говорит Джек, он все-таки не выбыл из игры.

Первым делом он направился в ломбард и выкупил велосипед, макинтош и часы. Потом уплатил долги: четыре доллара бакалейщику, пять — мяснику. Он натащил в дом тору снеди, купил подержанный зимний костюм, бумаги, пачку карандашей.

Взял напрокат пишущую машинку. Вечером на кухне он устроил пирушку, а наутро заехал за Мэйбл Эпплгарг. Сев на велосипеды, они проехали рядом через город и взобрались на свой излюбленный холм. Стоял прелестный ясный день. Солнце подернулось дымкой; то тут, то там пробегал ветерок. В ложбинах между холмами, похожие на легкую ткань, сплетенную из чистого цвета, прятались лиловые облачка тумана. Тусклым блеском расплавленного металла отливал залив; парусники покачивались на месте или медленно плыли, отдаваясь ленивому течению. На другой стороне смутными очертаниями парил Сан-Франциско. Едва угадывалась вдали окутанная серебристым маревом глыба горы Тамальпайс, а дальше, на горизонте, поднимались от Тихого океана и тянулись к берегу крутые глыбы облаков.

Здесь, лежа в высокой траве рядом с первой женщиной, которую он полюбил, Джек рассказал о том, что «Трансконтинентальный ежемесячник» и «Черная кошка» приняли его рассказы. Мэйбл вскрикнула от радости. Большой путь проделал Джек за каких-то три года! Она счастливца за него. Рука Джека тихонько потянулась к ней, обняла ее и медленно, ласково притянула поближе. Руки девушки легли на его теплую загорелую шею; Мэйбл показалось, будто она чувствует, как в ее слабое тело переливается его сила.

Мэйбл Эпплгарт была полной противоположностью Джеку. Он был крепким, сильным; она — тоненькой, хрупкой. Он пренебрегал условностями; она только ими и жила. Он шел трудной мужской дорогой, ничем не защищенный от жестокого мира; она жила под надежной защитой, окруженная заботой и вниманием. Он ломал традиции; она им подчинялась. В нем бурлила кипучая жизненная сила; ее влекло к тишине и уединению. Он был никому не подвластен; она целиком подчинялась матери — эгоистичной, властной женщине, зорко следившей за каждым ее шагом. Джек знал, что миссис Эпплгарт возлагает на будущее Мэйбл большие надежды, собираясь выдать ее замуж за человека состоятельного, чтоб поправить дела семьи: капитал, привезенный мистером Эпплгартом из Англии, был

вложен неудачно: предприятие лопнуло,

Джек не боялся миссис Эпплгарт. Даже в самом худшем случае справиться с ней будет не труднее, чем с незарифленным «Рейндиром», штурвалом «Софи Сазерленд» во время шторма, «слепыми» вагонами трансконтинентального экспресса или порогами Белой Лошади.

Уплетая толстые бутерброды, упакованные Джеком еще с вечера, влюбленные решили, что в течение года будут помолвлены, а к тому времени Джек так прочно встанет на ноги, что они смогут пожениться. Маленький домик, полки с книгами, по стенам— картины, рояль, чтоб Мэйбл могла играть и петь для Джека. Рабочая комната, где он будет писать первоклассные рассказы и романы. Жене придется просматривать рукописи — нет ли случайно погрешностей против грамматики.

У них будет достаточно денег и множество интересных, умных друзей. Они будут вместе воспитывать детей, путешествовать и будут очень счастливы, очень!

Догорал сверкающий день, а они все сидели, поражаясь великому чуду любви и странной прихоти судьбы, столкнувшей их друг с другом. Заходящее солнце окунулось в облака, клубившиеся на горизонте, небесный купол порозовел. Мэйбл в объятиях Джека негромко запела: «Чудесный день, прощай». Когда она допела до конца, он еще раз поцеловал ее, и, доверив свои судьбы друг другу, они рука в руке спустились с холма и на велосипедах вернулись в Окленд.

Из сорока долларов, присланных «Черной кошкой», у Джека осталось ровно два. Он накупил марок, чтобы разослать рукописи, возвращенные журналами Востока. Прежде он забросил их под стол — не было денег, чтобы купить марки. И вот он опять окунулся в работу, отсылая рукописи, как только они выходили из-под машинки. Но одна ласточка не сделала весны: другие его рукописи возвращались с обычной формулой отказа. Продукты постепенно таяли на полках кухни. Часы, велосипед, макинтош и, наконец, теплый, зимний костюм отправились обратно в ломбард. Пусть журналы платят по центу за слово, пусть хоть по доллару, ему-то что? Он не может продать ни строчки.

16 января 1899 года ему прислали письмо из почтового ведомства: вызов на работу. Постоянное место. Работа на всю жизнь. Шестьдесят пять долларов в месяц. Можно обедать ежедневно, завести приличный костюм — новый, не подержанный: такую роскошь он не мог позволить себе в двадцать три года. Можно накупить книг и журналов — как он изголодался по ним! Можно на славу обеспечить Флору и Джонни. А если Мэйбл согласится на время пожить в его семье, можно сразу

пожениться.

Джек и Флора трезво, взвесив все «за» и «против», обсудили положение вещей. Если он будет и дальше писать, им предстоит вынести годы лишений. Но, допустим, он станет почтальоном. К чему тогда обильный стол, новое платье, книги и журналы? Разве он затем живет на земле, чтобы наряжаться, ублажать себя вкусной пищей и развлекаться чтением? Нет. Он живет, чтобы творить. Он способен вынести все лишения, на которые обрекает себя художник. Яства?

Материальные блага? Каким серым и мелким кажется все это человеку, обладающему сокровенным источником высокой радости — талантом! Но вот Флора— что поддержит ее в трудную минуту? Если бы она закатила сцену, изобразила сердечный припадок, стала бы слезно молить его, Джек, может статься, поступил бы на почту. Но эта мать, родившая сына на свет вне брака, лишившая его любви и нежности, отравившая его юность нуждой, сумятицей, горькими обидами, теперь твердо объявила ему, что нужно писать, нужно работать над рассказами, что у него есть талант — стало быть, он добьется успеха. Неважно, если это случится не скоро. Он может твердо рассчитывать на ее поддержку. Ибо успех Джека на поприще писателя явился бы торжеством Флоры Уэллман, заблудшей овцы семейства Уэллманов из Мэслона.

Теперь, когда решение было принято раз и навсегда, Джек с присущей ему твердостью горячо и страстью взялся за дело. Чтобы стать писателем, нужны были две вещи: знания и уменье писать. Он понимал, что ясно пишет тот, кто ясно мыслит. Если он мало образован, если в мыслях путаница и неразбериха, откуда ждать точного стиля? Лишь достойные мысли находят достойное выражение.

Он знал: ему предстоит нащупать внутренний пульс жизни; сумма его. активных знаний должна стать для него *рабочей философией,* сквозь призму которой он будет рассматривать мир, чтоб все измерить, взвесить, подытожить и объяснить. Нужно получше узнать историю, познакомиться с биологией, с теориями происхождения и развития жизни на земле, с экономикой и сотней других важных отраслей знания. Они увеличат его кругозор, дадут перспективу, раздвинут границы области, в которой он собирается работать. Они снабдят его рабочей философией, и подобной не будет ни у кого другого. Они научат его мыслить самобытно, помогут найти новое, существенное, к чему прислушается пресыщенное ухо мира. Он не намерен писать банальные пустячки, поставлять сладенькие пилюли для мозгов, страдающих несварением.

Итак, он взялся за книги и повел осаду за заключенную в них мудрость. Он был не школьником, который перед экзаменом зубрит от сих и до сих, не случайным прохожим, остановившимся на дороге, чтобы согреть руки у великих огней знания. Он добивался знаний со страстью влюбленного; торжествовал, узнав новый факт, усвоив новую теорию, опрокинув старую точку зрения, чтобы утвердиться в новой: одержана еще одна победа!

Он исследовал, выбирал, отбрасывал, пытливо анализировал прочитанное. Блеск имен не ослеплял его, не внушал благоговения. Великие умы оставляли его равнодушным, если не дарили ему великих идей. Традиционные рассуждения весьма мало значили для этого человека, который попирал все традиции на своем пути. Он сам повергал в прах идолов, его не пугали и не отталкивали чужие мысли, идущие наперекор общепринятым устоям. Он был честен и смел, он шел к истине прямой дорогой и превыше всего любил правду — это и были четыре обязательных условия для познания мира.

Несмотря на пробелы в образовании, он ощущал в себе природные задатки ученого. В мире знаний он ориентировался не хуже, чем в штурманской рубке, не пугался неизвестных книг: он знал, что его трудно сбить с дороги, на которой он провел достаточно времени, чтоб знать, какие земли надо разведать. Он был не из тех, кто подходит к книге с отмычкой, чтобы осторожненько взломать замок и украдкой стащить содержимое. Когда Джек Лондон, прокладывая тропу сквозь дебри, натыкался на новую книгу, он набрасывался на нее, как голодный волк, припавший к земле для прыжка. Он вонзался зубами в глотку; он яростно боролся с книгой, пока она не сдавалась, и тогда жадно высасывал из нее кровь, пожирал ее плоть, разгрызал кости так, что каждая клеточка становилась частью его существа, передай ему свою силу.

Он пошел назад, начав с отца экономической науки Адама Смита и его «Богатства народов», к двинулся дальше; проштудировал Мальтусову «Теорию народонаселения», «Теорию распределения» Рикарди, «Теорию экономических гармоний» Бастиа, ранние немецкие теории стоимости и прибыли, «Участие в распределении доходов» Джона Стюарта Милля — и еще дальше, в исторической последовательности, пока не, дошел до основоположников научного социализма — здесь он почувствовал под ногами знакомую почву.

Знакомясь с политическими учениями, он начал с Аристотеля, вместе с Гиббоном прошел сквозь расцвет и падение Римской империи; проследил, как возник и развивался конфликт между церковью к государством в средние века. как повлияли на

политическую структуру реформации Лютер и Кальвин; в книгах английских мыслителей Гоббса, Локка, Юма и Милля познакомился с началами современных политических концепций; узнал, как, вызванная к жизни экономической революцией, возникла республиканская формула правления. Изучал труды философов: Гегеля, Канта, Беркли, Лейбница; антропологов: Боаса, Фрезера. Он и прежде читал Дарвина, Гексли и Уоллеса. Теперь он вернулся к ним с гораздо более глубоким пониманием. По социологии он глотал все, что мог найти: работы, посвященные безработице, цикличности производства и кризисам, причинам и способам ликвидации бедности, условиям жизни в трущобах, криминологии, благотворительности; с головой зарылся в теории тред-юнионизма.

Все прочитанное он тщательно конспектировал, завел карточный каталог, чтобы иметь под руками нужный материал. Но метод установления связи между различными направлениями человеческой мысли, усвоенными Джеком для его рабочей философии, — этот долгожданный метод он нашел только после того, как открыл «Основные начала» Герберта Спенсера. Эта встреча явилась, пожалуй, самым замечательным приключением в его насыщенной приключениями жизни. Как-то раз, просидев долгие часы над Уильямом Джемсом и Френсисом Бэконом, он написал еще сонет в виде закуски и забрался в постель с книгой под названием «Основные начала». Наступило утро, а он все читал. Продолжал он читать и весь день, сползая время от времени на пол, когда уставал лежать в кровати.

Он понял, что до сих пор лишь скользил по поверхности, замечая отдельные явления, накапливая отрывочные сведения, прибегая к неглубоким обобщениям. Все в мире представлялось ему беспорядочным и переменчивым, все совершалось по прихоти случая, все явления казались ничем не связанными друг с другом. И вот пришел Спенсер. Этот человек привел все его знания в систему, свел их воедино, показав его изумленному взору вселенную, в которой все так уяснимо, так конкретно, что она похожа на модель корабля в стеклянной банке — такие любят мастерить матросы. Никаких случайностей; все подчинено непреложному закону. На Джека это открытие подействовало гораздо больше, чем открытие золота на Гендерсоновом ручье: можно было не сомневаться, что монизм Спенсера не обманет, не окажется слюдой.

Герберт Спенсер сорвал с его глаз пелену, опьянив Джека, открыв ему сокровенные тайны. В куске мяса, лежавшем у него на тарелке, Джек видел теперь сверкающий сгусток солнечной энергии. Продумывая в обратном порядке все ступени

превращения этой энергии в мясо, он проходил миллионы миль, добираясь до ее источника. Потом он представлял себе дальнейший ход превращений: вот она становится мускульной энергией его руки, когда рука режет мясо. Но мускулы повинуются приказаниям мозга, и Джек мысленно видит сверкающий сгусток энергии в своем мозгу. Его мозг и солнце состоят из одной и той же материи, взаимно проникают друг в друга. Герберт Спенсер показал ему, что все вещи в мире связаны — от самых далеких звезд в просторах вселенной до последнего атома в песчинке под ногою. Человечество, человек, личность — все это лишь одна из причудливо меняющихся форм существования протоплазмы.

Дарвин, Спенсер, Маркс и Ницше — вот духовные отцы Джека Лондона. К этим четырем великим умам Англии и Германии девятнадцатого столетия непосредственно восходит его рабочая философия. Требовалась немалая твердость духа, чтобы в 1899 году изучать труды этих революционеров (Слово «революционер» Стоун употребляет в широком смысле: всякий, кто выступает против традиционных взглядов и установлений.), служивших мишенью для злословия и яростных нападок. Нужно было обладать ясным и проницательным умом, чтобы их понять. У Джека было то, что требовалось: и смелость и разум; четыре учителя сделали его жизнь богаче, философию — полнее, углубили его здоровый скептицизм и любовь к истине ради истины. Одним ударом смели они мусор средневековой схоластики и снабдили Джека неумолимо логичным научным методом познания. Джек не остался в долгу: в форме художественных произведений он передал ид теорию людям.

Но, вероятно, самое большое впечатление произвел на Джека все-таки Фридрих Ницше (И. Стоун сильно преувеличивает влияние Ф. Ницше на Джека Лондона. С сочинениями Ницше Лондон познакомился позже и, называя Маркса и Спенсера учителями, никогда не считал своим учителем реакционного немецкого философа. Напротив, Лондон боролся с его идеями. В предсмертных заметках Лондона есть его собственное признание об этом: «Мартин Иден» и «Морской волк» — атаки на ницшеанскую философию…»), судьба которого была сродни его собственной. Ницше, сын пастора, пострадал от необузданного рвения святош не меньше, чем Джек от безудержного увлечения матери зловещим ритуалом спиритических сеансов. Вот почему Джек восставал против всяческих проявлений религиозного чувства, против веры в сверхъестественные силы, в потустороннюю жизнь, в бога, правящего вселенной: «Я верю, что после смерти от меня останется не больше, чем от самой

ничтожной мошки, раздавленной рукою человека». Христианскую религию он считал чистым вымыслом, скрытым под нагромождением пустых обрядов. Он был убежден, что религия — всякая и всяческая — злейший враг человека, ибо она притупляет мозг, одурманивает его догмами, вынуждает слепо принимать все на веру, парализует самостоятельную мысль. Религия не дает человеку чувствовать себя хозяином на своей планете — следовательно, мешает ему улучшить жизнь. У Ницше Джек нашел подтверждение всем своим мыслям о мишуре, лицемерии и фальши религии. Больше не оставалось сомнений, что Ницше вырыл могилу для христианства, — так блистательно все это было изложено.

Там же, у Ницше, он обнаружил теорию сверхчеловека — существа, превосходящего своих собратьев умом, ростом, силой, способного преодолеть все преграды и повелевать толпой. Философия сверхчеловека пришлась Джеку по вкусу, потому что самого себя он считал сверхчеловеком, гигантом, который опрокинет все преграды, чтобы в конце концов повести за собой толпу. Его, очевидно, не смущал тот факт, что философия, провозглашающая господство сверхчеловека, внушила его создателю отвращение к социализму как власти слабых и бездарных и привела Ницше к осуждению тред-юнионов, так как они внушают рабочим недовольство своей судьбой. Джек будет исповедовать социализм и ницшеанство одновременно, если даже они взаимно исключают друг друга. Всю жизнь он оставался индивидуалистом и социалистом; индивидуализм был нужен ему для себя — он ведь сверхчеловек, белокурая бестия, победитель, а социализм — для тех, кто слаб и нуждается в защите, для масс. Не один год ухитрился Джек проскакать на этих двух философских рысаках, хотя они тянули в разные стороны.

Образование — это была одна задача. Но Джеку не давала покоя и другая, куда более безотлагательная: как заработать на жизнь. Долгими часами просиживал он в бесплатной читальне при библиотеке, придирчиво разбирая по косточкам журналы, сравнивая чужие рассказы с собственными и ломая себе голову — в чем секрет? Каким образом удалось авторам напечатать эту беспросветную, безжизненную, серую мертвечину? Что за бесчисленное множество коротких рассказов! Они написаны легко и, видимо, умелой рукой, но — удивительное дело! Ни проблеска жизни, ни проблеска правды. В жизни столько странного и чудесного, жизнь полна грандиозных задач, замыслов, свершений! А эта журнальная стряпня сплошь посвящена слезливой банальщине. Ну, нет! Это не в его вкусе! Он ощущает неудержимый темп жизни, ее лихорадочный пульс, ее

напряжение, ее мятежный дух— вот о чем нужно писать! Ему хотелось воспеть вождей смертельно опасных походов; влюбленных, готовых на любое безумство во имя любви; людей-исполинов, неустрашимо прокладывающих себе путь наперекор стихиям, среди несчастий и ужасов, так что мир содрогается под их могучей поступью. А журнальные писаки? Ричард Хардинг Дэвис («Солдаты судьбы», «Княжна Алин»), Джордж Барр Макачин («Грау-старк»), Стенли Вейман («Кавалер Франции», «Под королевской мантией»), Маргарет Деланц («Джон Ворд», «Проповедник»), Клара Луиза Бернхэм («Доктор Латимер», «Мудрая женщина») — похоже, что все они и иже с ними боятся взять поглубже, добраться до истинной жизни без прикрас. Они наскоро малюют розовой краской, уклоняются от правды, набрасывают на своих героев покрывало ложной романтики, избегают всего, что может по-настоящему задеть за живое.

Разобравшись, Джек решил, что в основе этой позиции кроется страх. Да, это было страшно — не угодить, не понравиться издателям, оттолкнуть читателя, насторожить против себя печать, держателей акций, утратить благосклонность подчиненной капиталу церкви и школы. Они пресны и слабосильны, эти бумагомаратели, эти бесхребетные слюнтяи, эти евнухи от литературы: боятся свежего воздуха, боятся грубой правды, а пуще всего боятся коснуться неприятного. Оригинальность, рабочая философия, знание жизни? Куда там! Все, что у них за душой, — рецепт, как состряпать романчик на сахарине. Скудный ум, убогая литература. Пигмеи! Лишь титаны дерзают скрестить мечи с подлинной литературой. Нет уж, его читатели и редакции пусть примут на его собственных условиях.

Он обратился к тем писателям, которые, как он полагал, шли в литературе своими, неповторимыми путями: Скотту, Диккенсу, По, Киплингу, Джорджу Эллиоту, Уитмену, Стивенсону, Стивену Крейну. Он захлебывался творениями Шекспира, Гёте, Бальзака — триумвирата гениев, как он их называл. Спенсер, Дарвин, Маркс и Ницше научили его думать; духовные отцы по литературе — Киплинг и Стивенсон — научили писать. Теперь, когда он овладел рабочей философией научного детерминизма, чтобы рисовать цельные, органические образы, когда он добился ясности стиля, он создаст здоровые, свежие, правдивые книги.

Одним из величайших чудес на земле были для Джека слова — прекрасные, звучные, острые, колючие, хватающие за душу. Тяжелые ученые фолианты он всегда читал со словарем под рукою, выписывал все непонятное на листочки бумаги и засовывал эти бумажки за зеркало шифоньерки, чтобы заучивать наизусть во время бритья или утреннего туалета. Он развешивал

списки слов на бельевой веревке, закрепив их бельевыми зажимами, чтобы всякий раз, поднимая голову или проходя по комнате, видеть новые слова с объяснением их смысла. Он рассовывал списки по карманам, зубрил по дороге в библиотеку или к Мэйбл, бубнил за обеденным столом и укладываясь спать. Зато, когда во время работы над рассказом требовалось найти меткое слово и из сотен листочков возникало то самое, единственно верное, он радовался до глубины души.

Но как прорваться сквозь каменную баррикаду, воздвигнутую редакторами, чтобы защитить «чистую» публику от натиска дикарей с запада? Помочь, посоветовать было некому. Он вел борьбу в одиночку, вслепую. Надеяться приходилось только на себя — на собственные силы, решимость, литературный вкус. Другой поддержки не было. Джек изливал всю свою душу в очерках и рассказах; когда вещь была готова, он складывал ее как полагается, не забывал вложить в продолговатый конверт нужное количество марок для ответа, еще несколько наклеивал снаружи и опускал в почтовый ящик. Конверт совершал путешествие по стране, и через определенное время почтальон приносил его обратно. Может быть, на том конце пути вообще нет никакого редактора, а есть просто хитроумное приспособление из зубчатых шестеренок, перекладывающее рукопись из одного конверта в другой и наклеивающее марки?.

Время! Время! Вот чего ему постоянно не хватало — времени, чтоб научиться, чтоб овладеть ремеслом, пока безденежье еще не выбило из его рук перо. В сутках слишком мало времени для того, что ему нужно сделать. Нехотя отрывался он от работы над рассказом, чтоб засесть за научный труд. С трудом отрывался от серьезных занятий, чтобы сходить в библиотеку почитать журналы. С сожалением уходил из читального зала к Мэйбл, хотя не позволял себе ни секунды отдыха, кроме часа, проведенного с нею.

Обиднее всего, что приходилось все-таки отводить воспаленные глаза от книги, бросать карандаш и идти спать. Охваченный страстью к творчеству, он сократил часы сна до пяти, но страшно не хотелось выключаться из жизни и на такое короткое время. Одно утешение, что через пять часов резкий звон будильника выхватит его из небытия и впереди снова девятнадцать часов, когда можно наработаться всласть. Он упивался работой, этот одержимый, эта очарованная душа!

И вот, наконец, наступил долгожданный день: рассказ «За тех, кто в пути» появился в «Трансконтинентальном ежемесячнике». Это было первое выступление Джека в качестве профессионального писателя. Редактор, кстати сказать, не выслал

ему пяти долларов, мало того — не подумал даже прислать хотя бы экземпляр журнала. У газетного киоска на оклендском Бродвее Джек с тоской воззрился на витрину — откуда взять десять центов, чтобы хоть взглянуть, как выглядит рассказ в журнале? Разве что сходить к Эпплгартам? Взяв у Эдварда взаймы десять центов, Джек вернулся к киоску и все-таки купил журнал. У оклендских газетчиков этот номер не залежался; друзья Джека из клуба Генри Клея заранее позаботились пустить о рассказе добрую молву. Та самая оклендская газета, которая в свое время не скупилась на издевательства и насмешки по адресу «мальчика-социалиста», теперь поместила статейку о мистере Джеке Лондоне, где уважительно и даже с гордостью сообщалось, что «мальчик-писатель» напечатал рассказ в таком почтенном журнале, как «Трансконтинентальный ежемесячник». Нужда по-прежнему крепко сжимала Джека в цепких лапах, одевался он все так же, в подобранное где придется старье, жить приходилось на* скудном рационе, но в отношении к нему наметился явный перелом. Если, судя по всему, он и вправду становится настоящим писателем, стало быть, придется простить ему странности во взглядах, поведении и манере одеваться.

«За тех, кто в пути» нельзя отнести к числу лучших рассказов Джека об Аляске — в ущерб характерам героев и картинам природы в нем слишком большое внимание уделено сюжету. И все же с того самого момента, как Мейлмут Кид с кружкой в руке поднимается с места и, взглянув на затянутое промасленной бумагой, покрытое толстым слоем намерзшего льда окошко, произносит: «За тех, кто сегодня ночью в пути! Чтобы им хватило еды, чтобы вывезли собаки, чтобы спички остались сухими!» — с этого момента и до конца рассказ целиком овладевает вниманием, и, читая его, понимаешь, что в американской литературе зазвучал новый, молодой и властный голос.

«Трансконтинентальный ежемесячник» обещал платить воистину по-царски: семь с половиной долларов за каждую вещь, и Джек, не дожидаясь, пока пришлют пять долларов за первый рассказ, отослал журналу «Белое безмолвие». Рассказ был поспешно принят и вышел в феврале. Джеку было ясно, что это одна из лучших его вещей и получить за нее полагалось бы по крайней мере пятьдесят долларов, но многие соображения заставили его отдать рассказ за призрачные семь с половиной. Во-первых, он надеялся, что рассказ попадется на глаза и понравится восточным критикам и редакторам журналов. Во-вторых, он все время стремился доказать Мэйбл, что трудится не зря. А в-третьих, если удастся вырвать у журнала и семь с половиной долларов, значит, примерно в течение месяца семья будет сыта.

Если рассказ «За тех, кто в пути» только навел оклендскую публику на мысль, что Джек Лондон, может быть, и станет писателем, то «Белое безмолвие», бессмертное классическое произведение о стране холода, открыло Окленду глаза. Да, этот человек умеет писать. История, написанная изумительно рельефно, с нежностью, с глубоким чувством, вызывает в душе и жалость, и ужас, и восторг — все, что испытываешь при встрече с совершенным произведением искусства. Джек ежедневно читал и переписывал сотни стихотворений — и чтобы выработать певучий плавный слог, и потому, что слова звенели в его мозгу, как звенят мелодии в мозгу композитора. Меньше всего можно было предположить, что молодой человек, выросший в его условиях; станет настоящим поэтом, но случилось именно так: «Белое безмолвие»— произведение поэта.

«У природы в запасе немало уловок, чтобы доказать человеку его ничтожество — приливы и отливы, без устали сменяющие друг друга, свирепые бури, могучие землетрясения. Но нет ничего страшнее Белого безмолвия с его леденящим оцепенением. Всякое движение замирает; над головой — ни облака; медным блеском отливают небеса. Чуть слышный шепот, звук собственного голоса пугает, оскорбляет слух. В призрачных просторах мертвого мира движется одинокая песчинка. Это человек. Ему жутко от собственной дерзости. Разве не ясно, что его жизнь ничтожнее, чем жизнь червя? Странные, непрошеные. мысли приходят в голову: вот-вот ему откроется тайна бытия».

Говорят, что вера сдвигает горы, но Джек куда больше полагался на усердие. Он назначил себе порцию — полторы тысячи слов в день — и прекращал работу лишь после того, как своим размашистым почерком наносил их на бумагу, а потом перепечатывал на машинке. Прежде чем доверить мысль бумаге, он вынашивал ее в голове, и уж потом никакие силы не могли заставить его что-нибудь переделать — разве что заменить одно слово другим. Велосипед, часы, макинтош и зимний костюм давнехонько вернулись в ссудную лавку, семья по целым неделям не видела ничего, кроме бобов и картошки. Разнообразие в меню вносила только Элиза, когда ей удавалось принести им что-нибудь со своего стола. Отчаявшись, Джек взялся писать юмористические стихи-триолеты и шуточные рассказы, которые надеялся хоть по доллару сбыть юмористическим журналам.

Этой весной его еще два раза вызывали на почту с предложением работы; в доме было пусто, хоть шаром покати — ни гроша, ни корки хлеба. «Трансконтинентальный ежемесячник» не отзывался на умоляющие письма и упорно отказывался выслать пять долларов за рассказ «За тех, кто в пути» и семь с

половиной за «Белое безмолвие». Джек занял у Элизы денег на паром и, мысленно облачившись во все свои «рыцарские доспехи», переправился через залив и пошел в редакцию. Еще на пороге он догадался, что это вовсе не процветающий журнал общегосударственного значения, как ему представлялось. Финансовые дела журнала шли из рук вон плохо. Правда, он еще дышал — на ладан, но только потому, что иначе умерли бы от голода редактор Роско Эймс и издатель Эдвард Пэйн — оба после этой случайной встречи вошли в жизнь Джека Лондона, чтобы остаться в ней навсегда. Эймс и Пэйн были страшно рады встретиться с Джеком Лондоном, в цветистых фразах они превозносили его талант… и пообещали назавтра поутру первой почтой выслать пять долларов. Впрочем, внушительные кулаки изголодавшегося автора произвели эффект — пять долларов мелочью были извлечены на свет божий из карманов двух литературных джентльменов.

Задавленная долгами, семья Джека на эти пять долларов прожила март. «Трансконтинентальный. ежемесячник» попросил прислать еще что-нибудь для апрельского номера. Джек ответил, что пока редакция не уплатит за «Белое безмолвие», о новой вещи и речи быть не может. После неоднократных настойчивых требований «Ежемесячник» все-таки заплатил, и Джек послал в редакцию рассказ «Сын волка». Тогда же, в апреле, сан-францисский журнал «На городские темы» напечатал один из его юмористических стишков-триолетов — «Он покатился со смеху». Флору с сыном до того извели кредиторы и домохозяин, что Джек предлагал рассказы в пять тысяч слов за доллар — он был готов на что угодно, лишь бы в кармане завелась хоть пара центов. Работа рождала у него веру в свои силы, но по временам нервы сдавали; затаенная неуверенность поднималась из глубины души, нашептывая, что шансы на успех слишком ничтожны, что он никогда не добьется удачи.

Первые настоящие удачи принес май. Журнал «На городские темы» поместил поэму «Будь я всевышним хоть на час», «Трансконтинентальный ежемесячник» — четвертый рассказ об Аляске — «На Сороковой миле», сочно написанный, пронизанный грубоватым юмором и воинственным ирландским духом. Мистер Умстеттер в своей «Черной кошке», наконец, напечатал «Тысячу дюжин», а «Ориндж Джодд Фармер» — рассказ «На побывку». Раскрыв все четыре журнала, Джек с сияющими от счастья глазами сидел над своими первенцами в тесной, скудно освещенной спаленке, запустив пальцы во взъерошенную копну волос. В доме холодно, не хватает дров, кладовая, пуста, но что за важность! Щеки у него ввалились, костюм пришел в такой вид,

что в нем уже не осмелишься показаться у Эпплгартов — чего доброго, заметит мамаша. Не беда! Им с Флорой не привыкать, они люди жилистые и вынесут такое, что сломило бы иную мягкотелую семейку. Да, жизнь не гладит его по головке — не с пеленок же у него железный характер.

С ранних лет он приучал себя смеяться в лицо опасности, не вешать носа в невообразимых переделках. Что ж, разве взрослый он уже не викинг? Он поставил перед собой задачу — труднее не придумаешь. Стало быть, тем больше причин одолеть ее: лишь самые неприступные вершины достойны доблестного штурма. Подростком он нарочно заставлял себя искать опасности и находить в ней удовольствие, но ломать себя для этого ему не приходилось. Он был смелым человеком в настоящем смысле слова, хотя порой и приходилось облачать эту смелость в романтические покровы. Так, во всяком случае, говорил он себе, сидя над своими литературными трофеями в гулкой тишине каморки.

В июне его вещь появилась уже в восточной прессе: буффальская газета «Экспресс» поместила «От Доусона до моря» — быль о почти двухтысячемильном путешествии по Юкону в открытой лодке. Журнал «У домашнего очага» опубликовал очерк «Через стремнины на пути в Клондайк», а «Трансконтинентальный ежемесячник» пополнил северную серию рассказом «В далекой стране». Когда пришел июль, Джек прочно занял место среди профессиональных писателей: за один месяц его очерки и рассказы вышли в пяти периодических изданиях — просто чудо для двадцатитрехлетнего юноши, который всего девять месяцев как начал писать. Как много он успел в самообразовании, видно из двух статей в журнале «Образование»: одна посвящалась вопросам языка, другая — употреблению глаголов. «Сова», «Трансконтинентальный ежемесячник» и «Тиллотсонский синдикат» выпустили его короткие рассказы.

Радостные события этого месяца стоило отпраздновать. Взяв из ломбарда велосипед, Джек заехал за Мэйбл и отправился с нею на холмы. Как прежде, он сложил к ее ногам свои лавры, но заметил, что на сей раз нареченная смотрит невесело. В ответ на ее прямой вопрос, сколько же он получил за пять напечатанных вещей, Джек признался, что всего пять долларов наличными да еще надежду на семь с половиной от «Трансконтинентального ежемесячника», задолжавшего ему за два рассказа. И Мэйбл не выдержала. Уронив голову ему на колени, она горько заплакала. После их помолвки прошло уже полгода, и с точки зрения Мэйбл тощие доходы жениха от удачно пристроенных рассказов доказывали только одно: они никогда не смогут жить на

литературный заработок. Она-то сама рада делить с ним нужду, но вот мама, миссис Эпплгарт, категорически и недвусмысленно заявила, что до тех пор, пока Джек не станет солидно зарабатывать, Мэйбл не будет его женой.

Джек стал читать ей новые рукописи — надо же было как-то доказать, что его будут печатать и богатые издательства Востока, это лишь вопрос времени. Он все сильнее убеждается, что создает сильные, настоящие вещи, не похожие на все, что пишут в Америке. И перед лицом этой великолепной уверенности Мэйбл набралась храбрости и заговорила. Его рассказы ей не нравятся. Они плохо отделаны, неизящны, низменны: все эти описания примитивной, грубой жизни, эти страдания, смерть… Читатель их не примет. Она любит его, любит, как никогда… В подтверждение Мэйбл обняла и горячо поцеловала его. Она всегда будет его любить. Она и замуж за него пойдет — сейчас же… Только пусть он будет благоразумен и согласится пойти работать на почту. И разве нельзя устроиться на постоянное место в газете? Ну, например, корреспондентом?

Джека огорчило неверие Мэйбл, но любить ее меньше он не стал. Подобно рафинированным господам из восточных журналов, Мэйбл воспитывалась в утонченной тепличной атмосфере. Ну ладно же, он им покажет! Он вытряхнет из них это тупое самодовольство! Они узнают, что такое настоящий рассказ!

И вот он снова за плохо сколоченным деревянным столом. Накрутил себе бесконечное множество пухлых самокруток и еще яростнее набросился на работу. Едва сходило с машинки последнее слово едкой статьи о классовой борьбе, как клавиши уже отстукивали приключенческий рассказ для детей. Захватывающие истории о том, как сражаются с судьбой и встречают смерть люди Севера, сменялись юморесками для журнала «На городские темы». С удвоенной энергией он вгрызался в книги, выписывал целые страницы — о войне, мировой торговле, системе подкупов в правительстве и судопроизводстве, о потерях раздираемого конкуренцией производства, о забастовках, бойкотах, движении за женское равноправие; писал заметки по криминологии, современной медицине, о достижениях современной науки и техники, собирая карточку за карточкой свою безукоризненно аккуратную справочную картотеку. Не было дня, чтобы он не просиживал за машинкой и книгами шестнадцати. часов, а если чувствовал, что выдержит, заставлял себя работать по девятнадцать часов в сутки — и так семь дней в неделю. *Усердие своротит такие горы, которые вере и не снились!*

Напряженная работа оставляла Джеку мало времени для

друзей, для общественной деятельности. Мэйбл с матерью уехали в Сан-Хосе, небольшой городок в долине Санта-Клара. Начинало сказываться одиночество: он слишком отгородился от людей, а ведь быть с друзьями, встречаться с интересными собеседниками было для него насущной потребностью. Поэтому он с радостью согласился вступить в недавно открывшийся клуб Рёскина, где собирался цвет местной либеральной интеллигенции. Несколько дней спустя он без предупреждения появился на митинге оклендских социалистов, где его встретили сердечными, шумными приветствиями и настойчивыми просьбами выступить. Джек поднялся на трибуну и заговорил по «Вопросу о максимуме». Сущность речи сводилась к тому, что, достигнув максимального уровня развития, капитализм неизбежно перерастет в социализм. Всего неделей раньше он посвятил этой теме статью, которую приобрел, но так и не напечатал один восточный журнал. В статье «К вопросу о максимуме» (Эта статья была написана раньше, в 1898 году. Впервые опубликована в 1905 году в сборнике «Борьба классов».) Джек выступает как сложившийся экономист, достигший высокого уменья объяснять исторические факты языком экономики. Больше того: из статьи видно, какой размах приняли исследования автора в области политической экономии.

Довольный тем, как приняли его выступление, Джек согласился принять участие в цикле общеобразовательных воскресных лекций, устроенных по инициативе социалистической партии. Каково же было его изумление, когда после первой лекции в оклендской печати появились отзывы, написанные в серьезном и дружелюбном тоне! Вот тебе и на, оказывается, и социализм заодно с Джеком Лондоном принят в обществе!

В сентябре, октябре и ноябре пали еще три твердыни: журналы «Ключи», «Издатель» и «Спутник юношества». Друзья по клубу Рёскина и собратья социалисты считали, что как писатель Джек добился успеха. По воскресеньям, свободным от лекций, он катил на велосипеде в Сан-Хосе, за сорок миль от Окленда, чтобы увидеться с Мэйбл.

Несколько вечеров в неделю проводил на митингах, лекциях и дискуссиях. В один из таких вечеров Джек вместе с бывшим — проповедником, а ныне писателем Джимом Вайтекером и убежденным анархистом Строн-Гамильтоном переправился через залив, чтобы послушать в Терк Стрит Темпл лекцию Остина Льюиса о социализме. Здесь он встретился с пламенной социалисткой Анной Струнской, которую Джек называл «гением чувства». Это была, несомненно, самая блестящая женщина, какую ему довелось встретить в жизни.

Анна Струнская, впечатлительная, застенчивая девушка с темно-карими глазами, кудрявая, черноволосая и стройная, была студенткой Станфордского университета. Родом она была из семьи первых поселенцев Сан-Франциско (Родители Анны Струнской были родом из России), и дом ее родителей славился как один из крупнейших культурных центров города. Кто-то указал ей на Джека, сказав, что этот социалист из Окленда, профессиональный писатель, выступает на уличных митингах. После лекции их познакомили. Ей показалось, будто она встретила молодого Лассаля, молодого Маркса или Байрона. Перед ней была личность историческая, это, пишет мисс Струнская, она почувствовала мгновенно. Что же касается реальности, то она предстала перед Анной Струнской в образе молодого человека с большими синими глазами в рамке темных ресниц, красивым ртом, всегда готовым открыть в улыбке два недостающих передних зуба. Лоб, нос, контур щек, массивная шея напоминали античную статую. За свободной грацией осанки угадывалась атлетическая сила. На нем были серый костюм, белая мягкая рубашка с пристежным воротничком и черный галстук.

Между Джеком Лондоном и Анной Струнской завязались дружеские, но бурные отношения; о чем только они не спорили, да еще с каким ожесточением! И о делах общественных, и об экономике, и о женском вопросе! Мисс Струнскую возмутило заявление Джека, что хотя он и социалист, но собирается обставить капиталистов в их же игре. Социалистов считают неудачниками, людьми слабосильными и бесталанными, так вот он докажет, что социалист ни в чем не уступит отборнейшим из капиталистов; и это будет лучшей пропагандой социализма. Анна Струнская с негодованием заявила, что для настоящего социалиста подобные замыслы абсолютно неприемлемы.

Как! Добиваться славы и богатства? Да ведь тот, кто вкушает от щедрот Старого Порядка, в какой-то мере сам частица этого порядка и сродни ему по духу! Джек добродушно рассмеялся. Ничего! Правда, издатели восточных журналов сейчас морят его голодом, но придет время, и они охотно раскошелятся, добиваясь его рассказов. Можете быть уверены, он извлечет из капитализма все, что сможет, до последнего доллара.

Если не считать долгов и материальных забот, Джеку теперь жилось недурно. Зарабатывал он десять-пятнадцать долларов в месяц; круг журналов, где его печатали, постепенно расширялся. Он любил писать, ему нравилось вдумываться, исследовать, сопоставлять, постигать. По воскресным вечерам он читал в местной организации социалистов лекции на такие темы, как

«Экспансионистская политика», бывал на обедах в клубе Рескина, где у него уже завелось немало друзей: молодые преподаватели из Калифорнийского университета, профессиональные литераторы, новый оклендский библиотекарь. По субботам он гостил в Сан-Хосе у Эпплгартов; читал новые рукописи, прислушивался к тому, что на этот счет говорила Мэйбл; изредка, гуляя в лесу или сидя на диване в пустой гостиной, украдкой обменивался с ней поцелуем. Как сильно ни любил он Мэйбл, никогда, даже в мыслях, он не находил для нее места в кипучей, шумной жизни, которую вел в Окленде. В гаме и табачном дыму социалистического митинга и думать-то о ней было кощунством. Нет, она по-прежнему оставалась безмятежно-спокойной богиней, паривщей над клокочущим миром, далекой от его суеты. Когда они поженятся, она будет милостиво и любезно принимать его друзей, его противников по словесным дуэлям — не самых отпетых спорщиков, а тех, кто потише. А когда, взбудораженный и разгоряченный, он возвратится домой с бурного собрания, в ее объятиях найдет он тихую пристань, где, умиротворенный, сможет отдохнуть и успокоиться. У нее есть все данные, чтобы стать женой сверхчеловека.

Наконец незадолго до конца столетия к Джеку Лондону пришла настоящая большая удача. Он был в ней заранее уверен. Он всегда знал, что успех неизбежно приходит к тем, у кого есть «вера, усердие и талант». За последние недели он написал большую повесть под названием «Северная Одиссея» и послал ее не более и не менее как в бостонский журнал «Атлантический ежемесячник» — чистейшая самонадеянность с его стороны. «Атлантический ежемесячник» — это белая кость, самый чопорный, неприступно-аристократический литературный журнал в Соединенных Штатах. По логике вещей «Атлантическому ежемесячнику» следовало бы возвратить рукопись автору с кратким, преисполненным оскорбленного достоинства отказом. Вместо этого Джек получил тот самый длинный плоский конверт, от одного вида которого у него всегда перехватывало дыхание.

Редактор отзывался о повести с похвалой, просил сократить первый кусок на три тысячи слов и предлагал за право издания сто двадцать долларов. И снова, как в то утро, когда принесли тонкий конверт из «Трансконтинентального ежемесячника», Джек, охваченный дрожью, с застывшим взглядом опустился на край кровати. Сто двадцать! С лихвой хватит, чтоб разделаться с долгами, выкупить вещи из ломбарда, битком набить кладовую, уплатить хозяину за шесть месяцев вперед! Джека вихрем сорвало с кровати. Ударом ноги распахнув дверь, он кинулся на кухню, подхватил Флору на руки и закружился как сумасшедший:

— Мать! Взгляни! Взгляни только! Дело сделано! «Атлантический ежемесячник» печатает повесть. Все восточные издатели прочтут ее, всем захочется получить рассказы… Ну, теперь мы пошли в гору!

И Флора Уэллман закивала головой и, пряча за узкими стеклами стальных очков суровую усмешку, поцеловала своего единственного сына.

Действительность превзошла самые смелые ожидания. После появления в «Трансконтинентальном ежемесячнике» рассказов об Аляске, издательская фирма Хафтона Миффлина, связанная с бостонским «Атлантическим ежемесячником», ознакомилась с рукописью «Северной Одиссеи» и дала согласие издать к весне сборник коротких рассказов. Отзыв фирмы, составленный в то время, когда решался вопрос об издании сборника, был, вероятно, первым профессиональным критическим обозрением серии работ Джека Лондона.

«Автор, пожалуй, чересчур свободно использует ходовой приисковый жаргон, да и, вообще говоря, далеко не отличается изысканностью выражений, но стилю его присущи свежесть и кипучая сила. Яркими мазками рисует он муки голода, холода и тьмы; отраду, которую среди враждебных стихий находят люди в товариществе, и истинные человеческие достоинства, проявляющиеся в суровой борьбе с природой. Рассказ убеждает читателя, что автор сам испытал эту жизнь».

Не нужно больше продавать свои рассказы по семи с половиной долларов, которые так трудно вытребовать у «Трансконтинентального ежемесячника». 21 декабря 1899 года был подписан договор, обязывавший Бостон, этот оплот проанглийских душителей американской культуры, стать крестным отцом революции в американской литературе — революции, зародившейся на здешней почве, на земле Калифорнии и Аляски. Теперь, когда смелые литературные нововведения Джека Лондона поддерживало консервативное бостонское издательство, писатель мог рассчитывать на то, что к его произведениям прислушаются и большее внимание обратят на их достоинства, а не на отклонения от общепринятой нормы.

Прошло несколько дней. Вечером под Новый год Джек сидел в своей комнатке, заваленной рукописями, карточками, книгами и набросками к десяткам будущих рассказов. Через несколько часов родится новый век — двадцатое столетие. У Джека было такое чувство, что эта полночь будет и его рождением. Он выйдет на дорогу рука об руку с новым столетием.

В такую же ночь сто лет назад человек с помутившимся рассудком блуждал в ядовитых туманах средневековья. Все в

мире представлялось ему неизменным, предопределенным свыше; он доверчиво полагал, что формы правления, экономическая структура, мораль, религия и все прочие общественные явления раз и навсегда установлены господом богом по неизменному образцу, в котором каждая мелочь — нерушимая, неприкосновенная догма.

Мятежный немецкий философ Гегель взорвал это незыблемое представление, навязанное королями и духовенством. Из той же тьмы невежества, страха, лицемерия и фальши поднялись Дарвин и Спенсер, снявшие с рук человека кандалы религии; и Карл Маркс, вложивший в эти руки орудие, которым человек мог стереть в порошок свои оковы и построить общество, удовлетворяющее его запросам. Этой ночью сто лет тому назад человек был рабом; будет ли он господином в новогоднюю ночь столетие спустя? Он владеет ныне средством и оружием освобождения; от него самого зависит созидание того мира, который ему нужен. Воля — вот единственное, чего недостает. Он, Джек Лондон, обязан принять участие в создании этой коллективной воли.

Вдумчиво, не спеша взвешивал он свои силы, оценивал себя самого, свою работу и эпоху, свое будущее. В нем сильно развито стадное чувство; ему хорошо среди ему подобных; однако в так называемом «обществе» он чувствует себя как рыба на песке. Родная среда научила его недоверчиво, враждебно относиться к условностям. Он привык говорить то, что думает — ни больше, ни меньше. Десятилетним мальчиком почувствовал он на плече тяжкую лапу нужды, она уничтожила в нем чувствительность, оставив нетронутым чувство. Нужда сделала его практичным и трезвым, так что порой он казался несгибаемо жестким, бесчувственным, резким.

Нужда вселила в него веру, что разум более могуч, чем воображение, что знание выше чувства. «Случайный гость, перелетная птица с крыльями, забрызганными соленой морской водой, на короткий миг с шумом залетела в вашу жизнь, — писал он Анне Струнской в первые дни знакомства. — дикая, неловкая птица, привыкшая к вольным высотам, к широким просторам, не приученная к мягкому обхождению в тесной неволе. Таков я, таким меня и примите».

Показного, деланного он терпеть не мог. Пусть его либо берут таким, каков он есть, либо вообще оставят в покое. Носил он по большей части свитер; в гости надевал велосипедный костюм. Друзья, узнав его поближе, уже ничему не удивлялись и, что бы он ни сделал, только говорили: «Что вы хотите, это ведь Джек».

Он ни перед кем не заискивал, ни к кому не подлаживался, никому не старался угодить и, несмотря на это, пользовался любовью и популярностью, ибо, говоря словами Анны Струнской, «познакомиться с ним значило немедленно заразиться страстным интересом к людям». Его смех, его разговоры и взгляды действовали на окружающих живительно; стоило ему появиться где-нибудь, как все оживало. От него словно шел электрический ток; он входил в комнату — и люди встряхивались, прогоняя сонную лень.

Самой горячей страстью в его жизни была, пожалуй, страсть к точным знаниям. «Факты мне подайте, неопровержимые факты!» — таков был лейтмотив всей его жизни, всей работы. Он верил, что жизнь должна строиться на материальной основе, потому что имел возможность воочию убедиться, какое безумие и лицемерие, какая нечестность скрыты под видом основы духовной. На место безрассудной веры он жаждал возвести научные знания; лишь разум, точный и проницательный, способен изгнать притаившегося в головах людей бога мрачного средневековья, свергнуть его и утвердить человечество на его престоле. Как агностик, он не поклонялся иному богу, кроме души человеческой. Он изведал, как низко может пасть человек, но увидел, и на какие могучие высоты может он подняться. «Как мал человек и как он велик!»— говорил он.

Мужество — вот что прежде всего требовал Джек Лондон от человека. «Человек, способный, глазом не моргнув, принять удар или оскорбление и не дать сдачи, — бр-р-р! Да пусть он хоть во весь голос твердит о возвышеннейших чувствах — мне нет дела; от такого меня тошнит». Отсутствие смелости было в его глазах достойно презрения. «Враги? С какой стати! Дай ему как полагается, уж если на то пошло, или он тебя отделает, но злобы не таи. Уладил — и дело с концом, забудь и прости». Он был великодушен и щедр с друзьями; тем, кого любил, отдавал себя без остатка; не бросал их, когда им случалось обидеть его или сделать ошибку. «Я осуждаю недостатки друзей, но разве это означает, что я не должен любить их?»

Основой его жизни был социализм. Он верил, что государство должно стать социалистическим, и в этой вере черпал силу, уверенность и мужество. Он не ждал, что человечество возродится в течение суток, не думал, что человек должен заново родиться, чтобы построить социализм. Он предпочел бы обойтись без революции, без кровопролития — пусть социализм входит в жизнь мало-помалу. По мере сил он стремился научить народ, как взять в свои руки промышленность, естественные ресурсы и правительственный аппарат. Но если по вине капиталистов

эволюционный путь станет невозможен, Джек Лондон был готов сражаться за правое дело на баррикадах. Какая новая цивилизация не была крещена в кровавой купели?

Органически связанными с социалистическими убеждениями были и его философские взгляды — сочетание геккелевского монизма, спенсеровского материалистического детерминизма и эволюционной теории Дарвина.

«Чувствительность, сострадание, милосердие неведомы природе. Мы лишь марионетки в игре могучих стихийных сил, это верно; но мы можем постигнуть законы этих сил и в соответствии с ними уяснить себе наш путь. Человек — слепое орудие естественного отбора между расами… Вслед за Бэконом я утверждаю, что все человеческое познание исходит из мира чувственных восприятий. Вслед за Локком я признаю, что идеи человека возникают благодаря функциям органов чувств. Как и Лаплас, я считаю, что в гипотезе о создателе нет надобности. Вместе с Кантом я убежден в механическом происхождении вселенной, в том, что сотворение мира — естественный исторический процесс».

Что касается работы, тут он старался идти по стопам своего учителя Киплинга (Джек Лондон учился у Киплинга главным образом писательскому мастерству. Реакционные идеи этого барда английского империализма были чужды Лондону, непримиримому врагу капиталистического строя.). «Киплинг затрагивает самую душу явлений. Он неисчерпаем, ему просто нет предела. Он открыл новые горизонты умственного и литературного развития».

Джек не скрывал, как ему противна «молодая американская девица — как бы ее, бедняжку, не покоробило, не задело. И кормить-то ее надо преснятиной вроде кобыльего молочка, а поострее — упаси боже». Это десятилетие — время его созревания, последнее десятилетие века, было периодом упадка, годами пустоты и бесплодия, когда окрепли и все подчинили своей власти когорты викторианства. Вокруг литературы плотным кольцом сомкнулись тесные рамки среднезападной морали; книги и журналы издавались, чтоб угодить публике, считавшей Луизу Олькотт и Марию Корелли крупными писателями. Трудно было создать нечто самобытное, писать дозволялось лишь о добропорядочных буржуа и миллионерах; добродетели непременно полагалось торжествовать, пороку — терпеть поругание. Американским авторам приказывали писать в духе Эмерсона, замечать только приятные стороны жизни, сторониться всего шероховатого, мрачного, грязного, неподдельного. Среди тех, кто возглавлял американскую литературу, продолжали

звучать мелодично поэтические голоса Холмса, Уиттиера, Хиггинсона, У. Д. Хоуэллса, Ф. Марион Кроуфорд, Джона Мура, Джоэля Чандлера Гарриса, Джоакина Миллера.

Обитатели недосягаемых высот, разреженной, леденящей атмосферы — американские издатели платили бешеные деньги за книги Барри, Стивенсона, Гарди, заходили так далеко, что решались даже печатать (предварительно выхолостив, разумеется) нескромные откровения французов и русских (Роман Л, Н. Толстого «Воскресение», например, издавался в США с изъятием некоторых, по мнению издателей, «нескромных» мест. Роман Теодора Драйзера «Сестра Керри» был запрещен за «безнравственность».), но от своих, американцев, требовали стряпни все по тому же мнимо-романтическому рецепту. Впрочем, дозволялось несколько варьировать декорацию.

В России революционный переворот в литературе совершали Толстой и реалисты, во Франции — Мопассан, Флобер и Золя; в Норвегии — Ибсен; в Германии — Зудерман и Гауптман. Читая американцев и сравнивая их с Гарди, Золя, Тургеневым, Джек больше не удивлялся, почему на континенте Америку считают нацией дикарей и младенцев. Великий жрец американской литературы — «Атлантический ежемесячник» печатал сочинения Кэт Дуглас Виггин и Ф. Гопкинсона Смита. «Вещицы тихие и вполне безобидные, ведь они мертвы — и эдак прочно, надежно».

Ну ладно, через пару дней выйдет «Северная Одиссея», и тогда уж и «Атлантическому ежемесячнику» и американской литературе недолго оставаться уютной беззубой мертвятиной. Он решился: он сделает для своей литературы то же, что сделали для художественной прозы Горький в России, Мопассан во Франции, Киплинг в Англии. Он уведет литературу из великосветского салона Генри Джемса на кухню — там она, быть может, и будет иной раз попахивать, зато по крайней мере жизнью.

В его дни для американской литературы есть три «табу», три запрещенные темы — атеизм, социализм и дамские ножки. Он сыграет свою роль в разрушении организованной церкви и организованного капитализма; и если отношения мужчины и женщины из чего-то низменного, постыдно-уродливого превратятся в научно обоснованное проявление движущих сил естественного отбора, направленных на продолжение человеческого рода, в этом превращении будет и его доля. Только он не собирается писать просто политические статьи; нет, он прежде всего писатель, творец литературы. Он приучит себя так ловко вести рассказ, что пропаганда будет неразрывно сплетена с искусством в самой ткани произведения.

Чтобы осуществить этот четырехгранный замысел, нужно

сделаться одним из наиболее образованных людей — зарождающегося века. Много ли он успел в этой титанической задаче? Оценивающим взглядом Джек окинул книги, разложенные по столу и по кровати, — все это он сейчас штудирует, конспектирует, делает пометки. Да, он на верном пути: «Революция 1848 года» Сент-Амана, «Очерки по структуре и стилю» Брюстера, «Заметки об эволюции» Жордана, «Предполярье» Тирелла, «Капитал и прибыль» Бом Баверка, «Душа человека при социализме» Оскара Уайльда, «Социалистический идеал — искусство» Уильяма Морриса, «Грядущее единство» Уильяма Оуэна.

Часы в комнате матери пробили одиннадцать. Еще один час, и уходит столетие. Чем было оно для Америки — страны, которая в 1800 году была горсточкой мало связанных друг с другом сельскохозяйственных штатов? Первые десятилетия ушли на разведку и освоение необитаемой глуши; следующие — на создание машин, фабрик, на захват континента, и заключительные десятилетия — на накопление огромнейших богатств, какие когда-либо знал мир, а заодно с богатством и техническим прогрессом — и на то, чтобы приковать народ к станкам и нищете.

Зато новый век — ах, что это будет за время. Вот когда стоит пожить! Машины, научные достижения, природные богатства — их заставят служить человечеству, а не порабощать его. Человек научится постигать законы природы, смотреть в лицо непреложным фактам, вместо того чтобы одурманивать себя религией, созданной для слабых, и моралью, поработившей дураков.

Литература и жизнь станут равнозначны. Истинная духовная сущность человека воплотится в искусстве, литературе и музыке, задушенных в колыбели трехглавым чудовищем — религией, капитализмом и тесными рамками убогой морали.

В каком великолепии предстанет Америка перед глазами его внуков, когда сто лет спустя они в эту ночь окинут взглядом уходящий век! Помочь построению этой новой Америки — вот его судьба! Он сбросит ярмо отжившего темного века; никто не заставит его напялить негнущиеся, безобразные высокие воротнички, врезающиеся в тело, точно так же он отшвырнет жесткие, уродливые, высокопарные идеи, врезающиеся в человеческий мозг и коверкающие его. Оставив за спиной устаревшую идеологию девятнадцатого века, он бесстрашно и твердо двинется навстречу веку двадцатому, что бы тот с собой ни принес.

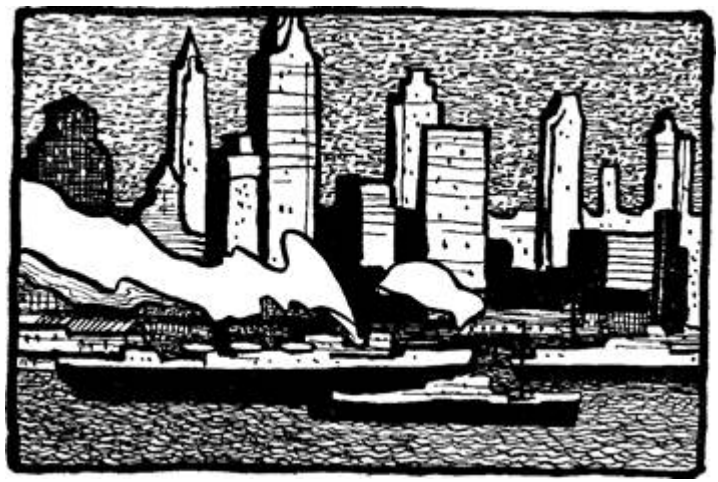
Он будет современным человеком, современным

американцем. Сто лет спустя его сыновья и внуки с гордостью вспомнят о нем в новогоднюю ночь.

Часы у Флоры пробили полночь. Старый век отошел, начинался новый. Джек вскочил из-за стола, натянул через голову свитер, заколол брюки, вывел велосипед, нажал на педали и покатил по темной ночной дороге за сорок миль — в Сан-Хосе.

Жениться на любимой девушке в первый день нового века— лучшего начала не придумаешь! Если он хочет, чтобы сыновья его сыновей и их сыновья с гордостью вспоминали о нем через сто лет в новогоднюю ночь, нельзя терять ни секунды.

V



Миссис Эпплгарт отнюдь не жаждала заполучить Джека в качестве зятя. Помолвке она не особенно противилась, зная, что свадьбы не будет, пока Джек не сумеет содержать жену на литературные гонорары, а эта опасность, по ее мнению, им не грозила. Но когда он явился в их коттедж на углу улиц Елм и Эсбери и показал ей и Мэйбл авторский экземпляр «Северной Одиссеи» — счастливое предзнаменование счастливого Нового года, — миссис Эпплгарт сразу же изменила тактику.

Да, она согласна, пусть женятся. Сегодня же? Пожалуйста… С одним условием. Мистер Эпплгарт ведь умер, а Эдвард дома не живет. Так вот: или Джек будет хозяином дома, или пусть забирает тещу в Окленд вместе с женой и дает обещание никогда не разлучать ее с дочерью.

Всего несколько дней назад Джек писал одному приятелю: «Приходится уже содержать семью; а когда ты молод, это дьявольски тяжело». И все же его смутила не столько перспектива взвалить на себя еще целую семью, сколько недвусмысленная манера, с которой миссис Эпплгарт запустила в это дело свои железные когти. Последовала сцена. Миссис Эпплгарт сообщила Джеку, что Мэйбл — послушная дочь; она благодарна за все, что для нее сделала мать; она не бросит ее в старости. И все это вопреки тому, что миссис Эпплгарт была гораздо крепче дочери, которую она тиранила, заставляя нянчиться с собою, требуя, чтобы Мэйбл подавала ей завтрак в постель.

Бледная, потерянная, оглушенная разгоравшейся ссорой, сидела меж ними Мэйбл. Любя обоих, она не могла, не смела

сделать выбор. Эта хрупкая особа была так слаба, что не смела и пикнуть в присутствии матери. Поразительно, силы нашлись у нее лишь для того, чтобы молча сидеть и смотреть, как ломают ее жизнь, хоронят ее мечты о любви, о семье, о детях.

Вечером расстроенный, печальный Джек добрался до Окленда, а там на него свалились новые неприятности. Флора заявила, что деньги, полученные от «Атлантического ежемесячника», истрачены до гроша. Утром, привязав к велосипеду макинтош, Джек направился в ломбард знакомой дорожкой. Вернулся он с несколькими долларами в кармане, но домой пришлось идти пешком.

Мало было ультиматума миссис Эпплгарт, а тут еще проклятое безденежье. Положение было безнадежным. Если Мэйбл будет жить с ним, расходов почти не прибавится. Любовь поможет им не замечать лишений. Но сколько лет пройдет, прежде чем его заработка хватит на тещу? О том, чтобы поселить ее с Флорой, не могло быть и речи — дня не пройдет, как дамы перегрызутся! Даже когда он сможет зарабатывать на два дома — будет ли он у себя хозяином? Разве миссис Эпплгарт не станет распоряжаться его домом и его женой? Мэйбл придется в первую очередь быть дочерью и только во вторую — женой. Невыносимо!

Джек весь кипел от гнева. Рушатся надежды— их разбила эта женщина. Он вдруг представил себе, как беспомощна была Мэйбл меж двух огней; они, сильные, люди, убивали ее, разрывали ее душу надвое. Бешенство сразу улеглось, в душе поднялись нежность, заботливое участие. Нет, как бы ему ни мешали, он не оставит ее на милость матери. Они поженятся, а с тещей, если будет нужно, он справится как-нибудь. Джек успокоился: все непременно уладится. К нему вернулась способность здраво рассуждать. Чтобы создать нормальную семью, он будет вынужден воевать с миссис Эпплгарт, но каждую победу Мэйбл сторицей оплатит ценою своего хрупкого здоровья. Это ясно.

Джек опять убеждал себя, что не позволит Мэйбл пожертвовать собой, что заживет отдельным домом, как только станет прилично зарабатывать. Пусть миссис Эпплгарт возьмет бразды правления в свои руки. Лучше выносить ее деспотизм, чем мучиться, как они с Мэйбл. И опять все началось сначала, и снова мысли шли тем же томительным кругом: ведь стоят ему поддаться матери Мэйбл — и они погибли. Разве может быть счастливым брак, когда жена душой и телом в рабском подчинении у матери?

Он был глубоко разочарован. Его любовь к Мэйбл стала спокойной, сформировалась и созрела; они были бы счастливы. Мэйбл была знакома со всеми тонкостями хорошего тона — как

раз тем, чего не хватало Джеку. Он восхищался ею, уважал ее за это. Она была существом воздушным, нежным, хрупким — он заботливо щадил и охранял бы ее, старался бы не задеть, не обидеть. Мэйбл никогда не любила до Джека, и больше никого ей не суждено было любить. Из нее вышла бы преданная жена, она создала бы именно такой дом, о каком Джек мечтал все молодые годы. Он чувствовал себя предельно несчастным — и не только оттого, что рушились мечты о жене, доме и детях. Девушка, которую он любил, попала в бессмысленно-трагическое положение, и он оказался не в силах найти выход. Эта трагедия погубит не только их отношения, но и Мэйбл.

Январь был месяцем удач, хотя восходящее солнце славы пока что несло с собой маловато финансового тепла. «Атлантический ежемесячник» напечатал «Северную Одиссею» — а ведь журнал помещал не более одного-двух коротких рассказов в месяц. «Обозрение обозрений» напечатало «Экономику в Клондайке», а рассказ «Отвага и упрямство» вышел в «Спутнике юношества». «Северная Одиссея» — это повесть о Наассе, вожде Акатана, Улиссе наших дней, который по всему свету ищет Унгу, жену, похищенную от него в ночь свадьбы желтоволосым викингом.

Подобно «Белому безмолвию» этот рассказ наполняет читателя трагическим восторгом. На востоке его встретили громким хвалебным хором — смелость одного вселяет отвагу и в других. В одной оклендской газете появилась статья о том, что Окленд занимает все более важное место в отечественной литературе, причем выдающаяся заслуга в этом принадлежит мистеру Джеку Лондону. Друзья, помня, какие мытарства он перенес, не стали жертвами зависти, как иногда случается с друзьями, если тебе слишком везет. Друзья устроили в его честь вечеринку и от души радовались за него.

Под конец месяца, заняв у приятеля пять долларов, чтобы выкупить велосипед, Джек поехал в Сан-Хосе. Все эти дни он думал, как изложить свои доводы ясно и четко, чтобы Мэйбл не могла им противиться и добилась независимости. Но его слова вообще едва ли дошли до сознания Мэйбл. Оцепеневшая, словно в каком-то трансе, она твердила одно и то же:

— Я нужна маме. Мама без меня не может жить. Я не могу бросить маму.

Значительно позже, уже в 1937 году, Эдвард Эпплгарт с грустью говорил:

— Мать всегда была эгоисткой. Вся жизнь Мэйбл ушла на то, чтоб ухаживать за нею.

Все-таки Джек окончательно не терял надежды: он любил

Мэйбл, как и раньше. Но теперь он стал встречаться с другими женщинами, например с Анной Струнской, у которой всегда ставили на обеденный стол пару лишних приборов — на случай, если кто-нибудь зайдет. А Джек заходил то и дело. Анна тоже писала рассказы и социологические очерки. Они с Джеком обсуждали свои вещи, находя друг у друга множество недостатков; до хрипоты спорили обо всем на свете и восхищались друг другом от всего сердца. «Не отнимайте себя у мира, Анна. Ибо в какой мере мир потеряет вас, в такой мере вы перед ним виноваты». Кроме того, была еще и некая Эрнестина, сотрудница санфранцисской газеты, у которой, судя по фотографиям, был прелестный профиль и чертенята в глазах. С нею Джек совершал далекие — от условностей — прогулки.

Что же, дела в январе шли на славу. А вот в феврале он не смог пристроить ни строчки. Новый гонорар от «Атлантического ежемесячника» ушел на долги, на приличное платье для Флоры, костюм для себя, кое-какие вещички для Джонни, на книги, на необходимые журналы. В доме снова не было ни гроша. Джеку все это донельзя опротивело. Унизительные денежные затруднения привели его к убеждению, что нищета так же недопустима, как и колоссальное богатство. Никуда не годится, чтобы человек был вынужден терпеть то, с чем Джек Лондон познакомился еще в детстве. Он пришел к заключению, что там, где дело идет о деньгах, он будет последовательно и откровенно циничен. Деньгами брезгуют только дураки.

«Деньги — вот что мне надо, вернее — то, что на них можно купить. Сколько бы денег у меня ни было, мне всегда будет мало. Перебиваться на гроши? Я намерен заниматься этим милым делом как можно реже. Человек сыт именно хлебом единым. Чем больше денег, тем полнее жизнь. Добывать деньги— это не моя страсть. Но тратить — о господи, сдаюсь! Тут я вечно буду жертвой. Если деньги приходят со славой, давай сюда славу. Если без славы — гони деньгу».

И с этими словами он побрел закладывать книги, журналы и новый костюм, которым так гордился. Первой остановкой на обратном пути, как всегда, была почта: нужны были марки, чтобы снова благословить рукописи в путь-дорогу. Когда журнал «Издатель» предложил ему пять долларов за очерк на тысячу семьсот слов, Джек обиделся, но деньги все же взял. С удвоенным рвением он вернулся к работе.

Раньше он писал по тысяче слов в день, шесть дней в неделю, взяв себе за правило наверстывать сегодня то, что вчера не было доведено до конца. Теперь он увеличил ежедневное задание до полутора тысяч слов, потом до двух, но на этом поставил точку.

«Я настаиваю: нельзя работать доброкачественно при норме в три-четыре тысячи слов в день. Хорошую вещь не вытянешь из чернильницы; ее складывают осторожно, придирчиво, по кирпичику — как хороший дом». Ему требовалось много денег, и поскорей — верно; но из-за этого он не стал работать менее аккуратно, методично, вдумчиво или менять что-либо в задуманной схеме рассказа.

Он заявил, что, если угодно, журналы могут купить его душу и тело — ради бога, пусть только дадут хорошую цену. Однако все свободное от работы время он штудировал труды Драммонда по эволюции, Гудзона по психологии и все, что мог достать по антропологии, — ничуть не считаясь с тем неоспоримым фактом, что за тонну эволюции и антропологии журналы не дадут и ломаного гроша.

Он жаждал денег как избавленья от беспросветного рабства — и писал страстные статьи о социализме, заранее зная, что их никуда не сбыть, и бесплатно читал для социалистов лекции в Аламеде, Сан-Хосе и других городах. Он задыхался от безденежья, но друзья говорят, что он был готов идти хоть на край света, лишь бы попасть в компанию, где можно вдоволь поспорить об антропологии. Познакомившись с радикальной теорией Вейсмана о том, что приобретенные признаки не передаются по наследству, Джек пришел в такое волнение, что бросил все дела и с открытой книгой в руках обошел друзей, чтобы поделиться с ними замечательным открытием.

Он, утверждавший, что будет писать любую чушь, лишь бы хорошо заплатили, проявил чудовищную непоследовательность: продолжал писать только то, во что верил, — революционные статьи и рассказы, хотя их собратья по духу и по сей день покоились на полу под столом. Деньги ему были нужны, но только плата за них по расценке, угодной издателям журналов, была для него непомерно высокой! «Я — человек твердый. Те, кто имел возможность познакомиться со мной как следует, заметили, что все получается по-моему, даже если на это уходят годы. Меня не собьешь с пути — разве что в повседневных мелочах.

Я не то что бессмысленно упрям — я просто клоню к цели, как стрелка компаса к полюсу. Хватай меня, сбивай с пути, ставь палки в колеса — хоть тайно, хоть явно — наплевать. Я поставлю на своем. Жизнь — борьба, а я к ней подготовлен. Не будь я животным, наделенным логикой, я давно бы сидел в придорожном болоте или свернул себе шею где-нибудь в обочине».

В феврале одно за другим, в течение каких-нибудь нескольких дней произошли два незначительных на первый

взгляд события, которым было суждено определить весь ход его жизни. Первое: его пригласила на завтрак в Сан-Франциско миссис Нинетта Эймс, жена управляющего делами «Трансконтинентального ежемесячника». И второе: университетский товарищ Фред Джекобс, отправившись на военном транспорте на фронт испано-американской войны, отведал мясных консервов — из тех, что поставляют вездесущие спекулянты, наживающиеся на войне, — а, отведав, умер и был доставлен назад в Окленд для похорон.

Итак, во-первых, завтрак у миссис Эймс; его влияние сказалось несколько позднее, но зато было более длительным.

Миссис Нинетта Эймс была приторно-жеманной бездетной дамой лет сорока семи. «Бедняжка Нетта», как ее всегда называли, была хитра, смекалиста и себе на уме, эдакая цепкая лоза со стальной мертвой хваткой под флером мягкости и сентиментальности. Муж ее был слабовольный фанфарон, так что делами семьи вершила миссис Эймс. Как и многим женщинам 80-90-х годов прошлого века, ей приходилось добиваться своего исподволь, тайком, направлять и подталкивать мужа так, чтобы со стороны никто этого не заметил.

Целью встречи было интервью, которое миссис Эймс хотела взять у Джека; она собиралась написать о нем статью для «Ежемесячника». На завтрак она пригласила также свою племянницу и воспитанницу Клару Чармиан Киттредж — довольно точную копию тетки. Клара Чармиан Киттредж оказалась находчивой собеседницей, с тонкой, но соблазнительной фигурой, незамужней, несмотря на свои двадцать девять лет. Не лишено вероятности, что миссис Эймс надеялась заинтересовать молодых людей друг другом. Как бы то ни было, мисс Киттредж пренебрежительно фыркнула при виде потрепанного костюма Джека и возмутилась, что по счету платит тетка. Правда, она слегка спустилась со своих высот, когда миссис Эймс сообщила Джеку, что племянница работает машинисткой в конторе по соседству, — тут она быстренько толкнула тетку ногой под столом: зачем этому парню знать, что ей приходится самой зарабатывать на жизнь?

20 февраля Джек дочитал корректуру «Сына волка» и, волнуясь, отослал редактору. Первый сборник рассказов! На другой день он пошел на похороны Фреда Джекобса и там познакомился с невестой покойного, Бэсси Маддерн, красивой, статной, как Юнона, девушкой-ирландкой, немного знакомой ему по Окленду. Друзья любили и высоко ценили ее и теперь сочувствовали ее утрате. Наутро Джек получил письмо, в котором Мэйбл Эпплгарт просила его навестить Бэсси, ее старую подругу,

и облегчить чем только сможет ее горе. Вечером Джек пошел к Маддернам.

Бэсси Маддерн, двоюродная сестра известной актрисы Минни Маддерн Фиск, окончила среднюю школу для девочек в Сан-Франциско, провела два года в педагогическом училище и потом три года преподавала в Аламедской начальной школе. Теперь она частным образом занималась математикой с отстающими детьми из начальной школы и готовила к поступлению в университет учащихся средней. Сильная, уравновешенная и флегматичная, она разъезжала от дома к дому в Аламеде и Окленде по своим многочисленным урокам. Она была немного старше Джека. Глаза у нее были лучистые, грустные; нос — орлиный; большой, хорошей формы рот; волевой подбородок и черные волосы с зачесанной назад тонкой седой прядью — памятью о несчастном случае, который произошел, когда ей было восемнадцать лет. Она держалась со спокойным достоинством и по натуре была человеком необычайно прямым.

Мисс Маддерн оплакивала потерю Фреда Джекобса. Джек — свою безнадежную помолвку с Мэйбл Эпплгарт. Общество друг друга они нашли приятным, целительным; им было спокойно вместе. Вскоре Джек обнаружил, что проводит у мисс Маддерн один вечер за другим. Она помогала ему по математике и физике, в которых он был малосведущ; а он вернулся к произведениям первых английских писателей, чтобы заняться с Бэсси историей литературы. По воскресеньям, захватив велосипеды, они переправлялись через залив в округ Марин Каунти, бродили по Мюрским лесам, готовили на горячих угольях обед — жареное мясо, печеные бататы, крабы и кофе. Если у Джека случалось немного денег, вечерами они обедали в итальянском ресторанчике на Северном пляже, а потом шли в оперу.

Каждую неделю он по-прежнему ездил в Сан-Хосе, но свидания с Мэйбл оставляли в душе только осадок горечи и разочарования. С чувством облегчения возвращался он к ровной, непритязательной Бэсси. Отныне она корректировала все его рукописи, сглаживая шероховатые фразы; ей нравились его вещи, она свято верила, что он станет одним из крупнейших писателей в мире; эта вера осталась непоколебимой на всю жизнь.

Квартира Лондонов на Шестнадцатой улице превратилась в место постоянных сборищ; знакомые настойчиво стремились бывать с Джеком. «Я обладаю роковой способностью заводить друзей; но не могу похвастаться драгоценным уменьем от них избавляться». Ничто на свете ему так не нравилось, как принимать у себя людей, но велосипедные звонки слышались у дверей очень уж часто. То и дело приходилось писать в то время,

как человека три-четыре, усевшись на кровати, курили, толковали о былом и спорили, скажем, действительно ли материалистические убеждения неизбежно приводят к пессимизму. Джек не мог отпустить гостей без угощения; и, получив жалкие крохи за «Почему невозможна война» от «Трансконтинентального ежемесячника» или за «Урок геральдики» от журнала «Нэшнл мэгэзин», он на всякий случай запасал в леднике бифштексы и отбивные.

Заходили поболтать и выкурить сигарету друзья из клуба Рёскина, навещали товарищи по социалистической партии с просьбой выступить на собрании, не забывали старые приятели с Юкона, из рыбачьего патруля, устричные пираты, братья-бродяги с Большой Дороги. «Беда мне на нынешней квартире: заходит кто попало, а у меня не хватает духа выставить их за дверь».

Дом явно становился слишком тесен для всех книг, друзей, работы — и Джек в расчете на авторский гонорар от продажи «Сына волка» решил перебраться в более просторную квартиру. Неподалеку, всего на несколько кварталов, на Пятнадцатой улице Восточной стороны, ИЗО, они с Флорой подыскали двухэтажный домик. Там была большая гостиная с застекленным фонарем и порядочная спальня, которую можно было приспособить под кабинет. Обставлены все семь комнат были главным образом стараниями Элизы, но уют и красоту в комнате Джека наводила Бэсси Маддерн. Вечером накануне новоселья Элиза вместе с мисс Маддерн развешивала в кабинете занавески, а Джек растянулся на ковре, закинув руки назад и положяв голову на сплетенные пальцы — точь-в-точь как лежал ночами на носу «Софи Сазерленд» Обернувшись, чтобы поднять палку для занавески, Элиза заметила, что Джек с каким-то странным выражением пристально глядит на Бэсси. Это был взгляд, по которому она мгновенно поняла, что решение принято. Сестра Джека Лондона — куда больше мать, чем сестра, — разгадала это решение без труда и не удивилась, когда наутро Джек объявил, что женится на Бэсси Маддерн.

Джек так упорно добивался Мэйбл Эпплгарт не только потому, что любил ее: он вообще давно задумал жениться. За свои двадцать три года он пережил гораздо больше, чем полагалось по возрасту. В нем был сильно развит инстинкт отцовства; даже странствуя по Дороге, он писал в записной книжке о желании иметь детей. «На этот шаг я решился из самых различных и глубоких побуждений. Как бы то ни было, одно соображение против женитьбы в моем случае безусловно неприменимо, а именно — что я буду связан. Я и так связан. Мне и холостому приходилось содержать семью. Вздумай я отправиться в Китай —

женат ли я, нет ли — все равно нужно было бы сначала обеспечить семью. А так я остепенюсь и смогу больше времени уделять работе. В конце концов человеку дана всего одна жизнь — отчего же не прожить ее как следует? Сердце у меня большое, буду держать себя в узде, вместо того чтобы болтаться без руля и ветрил, и стану только более чистым и цельным человеком».

Джек и Бэсси не лукавили друг с другом, не разыгрывали безумцев, пылающих страстью в духа лучших романтических традиций. Для них не было секретом, что Бэсси по-прежнему любит Фреда Джекобса, а Джек — Мэйбл Эпплгарт. Но оба стремились к браку. Им было хорошо вместе, они нравились друг другу, относились друг к другу с уважением, чувствовали, что могут создать хорошую, прочную семью и вырастить славных ребят. Оба считали, что слово «любовь», хоть и не самое длинное в словаре, достаточно растяжимо и допускает много различных толкований. Итак, мисс Маддерн, подумав над предложением денек-другой, согласилась.

Джека смущало то обстоятельство, что он носит фамилию, на которую формально не имеет права. Женившись, он, чего доброго, поставит в ложное положение своих будущих детей? Он рассказал Маддернам, при каких обстоятельствах родился на свет. Вместе с Бэсси они отправились к одному оклендскому судье, приятелю Маддернов, и тот уверил молодых людей, что фамилия Лондон на законном основании утвердилась за Джеком: он ведь прожил под нею всю жизнь, ею были подписаны и его произведения.

В воскресенье, как раз через неделю после того, как Джек сделал предложение, они с Бэсси тихо обвенчались. «Измена» сына привела Флору в такую ярость, что она отказалась почтить церемонию своим присутствием. На три дня новобрачные укатили на велосипедах в свадебное путешествие за город, а потом вернулись в Окленд — налаживать жизнь и браться за дела. В клубе Рескина в их честь был устроен банкет. Оклендская газета «Осведомитель» в заметке, посвященной бракосочетанию, назвала невесту «красивой и достойной девушкой», и весь Окленд согласился, что это вполне заслуженный комплимент.

Днем Бэсси все так же натаскивала отстающих школяров; ее заработка хватало на жизнь, когда доходы Джека иссякали. Вечерами она правила и перепечатывала рукописи мужа; читала интересующие его книги, чтобы потом вместе их обсуждать; переписывала сотни стихов, которые ему нравились, переплетала их в красные картонные переплеты; собирала журнальные статьи по политическим и экономическим вопросам, устроила в темной комнатке фотолабораторию и научила Джека, как проявлять и

печатать. По воскресеньям они надолго уезжали на велосипедах вдоль плодородной долины Сан-Леандро. Там Джек рассказывал Бэсси о детских годах, проведенных на ранчо Джона Лондона. Однажды они провели «уик-энд» («Уикэнд» — конец недели.) в Санта-Крус, заплывали далеко в море, дурачились на пляже… Они не достигли вершин блаженства — пусть так, зато они не скучали друг с другом и были честными, надежными товарищами. Джек, по всем признакам, был доволен и своим выбором и семейной жизнью. А Бэсси в 1937 году сказала:

— Я не любила Джека, когда выходила замуж, но очень скоро полюбила.

Женитьба, казалось, принесла Джеку удачу. В мае он наконец-то пробился в предназначенный для мужчин восточный журнал коротких рассказов Мак-Клюра, где печатались рассказы о трудах и подвигах В отношениях Джека Лондона и издателя журнала наступил, если можно так выразиться, медовый месяц Издатель Мак-Клюр обессмертил себя тем, что платил высокие гонорары неизвестным авторам «надо же мальчикам кушать». У Джека он взял «Мужество женщины» и «Закон жизни», добавив в письме «Мы очень заинтересованы в Ваших вещах и хотим дать Вам почувствовать, что здесь, в Нью Йорке, у Вас самые горячие друзья Нам бы хотелось, чтобы в вопросах литературы Вы отныне считали нас Вашими покровителями Если бы Вы могли присылать нам все, что пишете, мы отбирали бы для себя, что можем выпустить, а остальным постарались бы распорядиться самым наивыгодным для Вас образом»

Более обнадеживающее письмо трудно себе представить, особенно начинающему писателю Ухватившись за предложение, Джек набрал целый ящик рукописей, отослал их и тут же засел писать свеженькие, выношенные в голове Мак-Клюр взял себе «Вопрос о максимуме» и заплатил за три вещи триста долларов — у Джека в жизни не было столько денег. Материал, который ему не подходил, Мак-Клюр рекомендовал другим журналистам, а когда рукописей набралось так много, что сам он уже не справлялся, издатель передал их в руки солидного литературного агента Благодаря работам, приобретенным Мак-Клюром (Стоун преувеличивает роль Мак Клюра и бескорыстность его побуждений Прожженный делец старался «приручить» молодого талантливого писателя, чтобы извлечь из его произведений больше выгоды для себя Лондон впоследствии с гордостью писал, что нашел в себе силы своевременно порвать с этим ловким издателем), и его покровительству среди издателей нью-йоркского литературного мира, имя Джека Лондона приобрело известность.

«Сын волка», появившийся весною 1900 года, встретил единодушное одобрение критики. Книга была подобна бомбе замедленного действия, причем взрыв ознаменовал приход новою века если не считать двух-трех старомодных фраз, ее ничто не роднило с отжившим девятнадцатым столетием. В коротких рассказах явственно слышался голос нового. Научная трактовка эволюции и межвидовой борьбы, не признанные традиционной моралью достоинства тех, кого не страшит и отлучение от церкви; наравне с изображением прекрасного и доброго в жизни смелый подход к жестокому, безобразному, зловещему; появление в литературе целой категории героев, для которых раньше был закрыт доступ в чинное общество Короткого Рассказа; безудержный разгул, столкновения не на живот, а на смерть; насильственная гибель — все области, запретные для литературы XIX века, погребальными колоколами возвещали о кончине всего безжизненного, сентиментального, уклончивого и лицемерного.

Многие критики того времени подхватили брошенный Джеком вызов. Вот что писали журналы. «Бостонский литературный мир» «Автор вскрывает самую суть явлений», «Атлантический ежемесячник»-«Книга внушает читателю глубокую веру в человеческое мужество»; другие. «Полон чувства и огня», «…прирожденный рассказчик», «… все пронизано мужеством и силой», «… налицо все признаки большого таланта», «крупный, могучий художник…» Один критик заметил. «Его рассказы пропитаны поэзией, тайной великого Севера. В противоположность стандартно-счастливым концовкам у него преобладают трагические интонации, которые всегда слышатся там, где человек сражается со стихийными силами природы. В комедиях и трагедиях о клондайкской жизни во многом чувствуется сила воображения и драматическая мощь Киплинга. Но у автора нежная душа, в ней находят живой отклик тончайшие нюансы героизма, а у Киплинга это редко встретишь».

Первая книга, а его уж равняют с любимым учителем! Окрыленный отзывами, он все-таки не преминул разразиться колючей статьей в адрес критиков. Не оценить истинного величия Киплинга — безобразие!

Появление «Сына волка» ознаменовало начало современного американского рассказа. Правда, у него были предшественники: Эдгар Аллан По, Брет-Гарт, Стивен Крейн и Амброз Бирс — все они порвали с установившимися традициями, чтобы заняться настоящей литературой. Но Джек Лондон первым донес рассказ до простых людей, сделал его предельно доступным для понимания, источником радости. До сих пор рассказы в основном рассчитывались на интеллигентных старых дев; рассказы Джека

предназначались для всех слоев американского общества, кроме интеллигентных старых дев, а последние зачитывались ими за спущенными шторами и запертыми дверьми. Кроме всего прочего, в произведениях Лондона художественная форма впервые соединялась с научными взглядами двадцатого века — вот откуда появилась в ней жизненная сила и энергия, сродни той, с которой американцы покоряли континент и возводили гигантское здание своей индустрии.

Он уже давно задумал роман. На роман потребуется полгода, а то и год; причем доходов за этот срок — никаких. Так что возможность преуспеть настолько, чтобы заняться длительной работой над крупным произведением, представлялась весьма отдаленной. Теперь он обрисовал свое положение в письме к Мак-Клюру. Ответ прибыл незамедлительно:

«Мы готовы субсидировать Ваш роман на Ваших собственных условиях. В течение пяти месяцев мы будем ежемесячно высылать Вам чек на 100 долларов, а если Вы сочтете, что нужно 125, мы согласны и на это. Я убежден, что Вы можете написать сильный роман. Когда бы Вам ни понадобилась помощь, пожалуйста, дайте нам знать».

И тут, когда он, как «Рэззл-Дэззл», понесся вперед к своей цели на всех парусах, Бэсси преподнесла ему новость: она ждет ребенка. Джек пришел в неописуемый восторг: это будет, конечно, мальчик! Уж он-то знает. Он и раньше был добр с женой, а теперь и подавно.

Он ухаживал за ней как за младенцем, нежно заботился о ее здоровье и благополучии. От сознания, что скоро он будет отцом, творческий огонь вспыхнул в нем с новой силой; не прошло и двух часов, как Бэсси сообщила ему свою тайну, а он уже принялся за свой первый роман «Дочь снегов».

В свое время Джек со знанием дела до самых ничтожных деталей обдумал и то, что он уже связан и что все равно приходится содержать семью, но при этом сделал одно чисто мужское упущение: не учел, что на земле нет еще кухни, в которой хватило бы места двум женщинам. Флора отчаянно скандалила с его женой.

Ее до глубины души обидело, что сын «изменил» ей в тот самый момент, когда начал прилично зарабатывать. Не она ли без единой жалобы месяцами терпела нужду? Она имеет право на то, чтобы ей воздали по заслугам, а вместо этого Джек приводит в дом чужую женщину. Она, его мать, пеклась о нем, кормила его, а теперь, вот тебе и раз, готовить желает Бэсси! Раньше она принимала его друзей, теперь хозяйка — Бэсси! Уступить чужой женщине сердце сына? Нет, это Флоре пришлось не по вкусу. Она

решила, что ее вздумали оттеснить на задний план. Расстроенная, нервная, полубольная, она ссорилась с Бэсси по всякому поводу и без повода. Двадцать лет спустя после смерти Джека Бэсси говорила:

— Мне бы угождать Флоре, подластиться к ней, во всем ублажать — и мы зажили бы душа в душу. Но я была молода и хотела все делать для мужа сама. Вот и нашла коса на камень!

Сколько раз, бывало, когда Джек сидел, стараясь сосредоточиться на композиционных трудностях первого романа, в рабочий кабинет врывались раздраженные женские голоса, и «Дочь снегов» вылетала у него из головы. Он терпел, терпел, а когда становилось невмоготу, выскакивал из дому, мчался к Элизе и упрашивал ее ради всех святых пойти утихомирить его семейство. Через два-три часа он шел домой. К этому времени стараньями Элизы инцидент был улажен, и Джек вновь садился за работу.

Теперь, когда появилось больше возможностей принимать у себя друзей, вокруг него постепенно образовался кружок интересных людей, которых он приглашал к себе по субботним вечерам. Среди них выделялся высокий, атлетически сложенный Джордж Стерлинг, человек чрезвычайно тонкой духовной организации, о котором Джек писал: «У меня есть друг, милейший человек на свете». Стерлинг сменил судьбу католического священника на долю поэта — одного из тех редких поэтов, чьи творения исполнены красоты, нежности и страстной любви к правде. Эстет, воспитанный на классиках, Стерлинг был личностью двойственной, раздираемой любовью к социализму, с одной стороны, а с другой — верностью принципу «искусство для искусства», внушенному ему Амброзом Бирсом. Джек был страстным противником пораженческой философии Бирса. Стерлинг обладал богатым воображением, глубоким пониманием гармонии слога. Его преданная дружба, пылкий темперамент и придирчивый, зоркий глаз критика во многом помогли Джеку. Близко сошелся Джек и с Джемсом Хупером, рослым силачом футболистом, знакомым ему еще по университету. Джеме тоже пробовал свои силы на поприще короткого рассказа; среди новых друзей были Джим Уайтекер, отец семерых детей, оставивший кафедру проповедника, чтобы писать романы; Ксавиар Мартинес, художник, полуиспанец-полуиндеец.

Неся с собою отточенную эспаньолку и отточенную церковную ученость, приходил младший библиотекарь Оклендской библиотеки, основатель клуба Рескина, Фредерик Бэмфорд. Из Сан-Франциско приезжали Анна Струнская, философ-анархист Строн-Гамильтон, социал-демократ Ости

«Льюис и другие радикалы с берегов бухты Сан-Франциско. Не забывала навещать и миссис Нинетта Эймс, привозившая друзей-литераторов вместе с рассказами о том, как проходит путешествие ее племянницы по Европе. Все сходились к ужину, потом читали свои вещи, спорили о новых книгах я пьесах. Затем мужчины садились за покер или «красную собаку». Играли увлеченно, азартно, то и дело разражаясь неудержимым хохотом. Вскоре эти вечера по средам стали известны под именем «среды открытых дверей» у Джека.

Клаудсли Джонс, милый красивый юноша, приехал погостить на неделю из Южной Калифорнии. оставив свой родной городишко и почтовое отделение, где он служил. Джонс первым написал Джеку восторженное письмо по выходе в «Трансконтинентальном ежемесячнике» рассказа «За тех, кто в пути». С тех пор они переписывались. Бродяги с Дороги, матросы, «корешки» с набережной — все были рады забежать к Джеку, пропустить стаканчик кислого итальянского вина, поговорить по душам. «То и дело заявляется какой-нибудь старый приятель-матрос; слово за слово — только что вернулся из дальнего плавания… Вот-вот должен получить кучу денег…

— Слушай, Джек, старина, не одолжишь ли пару долларов до завтра?

— Половина устроит?

— Сойдет и половина».

Хозяин лез в карман, и гость долго не засиживался. Джек был до глубины души счастлив, что может оказать людям гостеприимство; он всегда радовался, если после дня работы у него собирались Друзья.

Сто двадцать пять долларов от Мак-Клюра прибывали точнехонько каждый месяц. Увы, теперь их уже не хватало! Семейные нужды, более широкий образ жизни, новые друзья… Джек удвоил рабочее время, посвящая утренние часы серьезной работе, а послеполуденные — халтуре. Таким образом он поместил в бостонский журнал «Копия» очерк о том, как однажды ночевал на пустыре и, чтобы не попасть в тюрьму, плел что-то насчет Японии полисмену, который явился, чтобы его арестовать. В «Харперовский еженедельник» он пристроил очерк о «Крепыше» — упряжной собаке с Аляски; в сан-францисскую «Волну» — статью «Экспансия», которая сошла за передовую; два рассказа из семейной жизни под заголовком «Их альков» взял «Домашний спутник женщины», а «Домоводство в Клондайке» проложили ему путь в «Харперовский базар». В журнал «На городские темы» он послал триолет;

Рвануть монет

Зашел сосед,
А я — из дому.
Зашел сосед
Рвануть монет,
Но ведь хозяина-то нет,
И без монет
Ушел знакомый.

Зато Джек оказался при долларе!

Он сидел за книгами и машинкой так прилежно, что, бывало, несколько дней подряд не выходил за дверь — разве только взять вечернюю газету, оставленную на крыльце. Он похудел, обмяк и убедился, что пропорционально твердости мышц теряет твердость духа, боится писать то, что думает, прикидывает, пойдет ли та рукопись, угодит ли публике эта. Он всегда прочно придерживался того мнения, что в здоровом теле — здоровый дух; руководствуясь этим принципом, он купил пару гантелей и каждое утро упражнялся с ними перед открытым окном, потом садился писать — редко позже шести утра. А после работы охотился за Берклийскими холмами или ловил рыбу на заливе. Окрепнув, он вновь обрел мужество и хладнокровие. С возобновившейся энергией он заканчивает «Джана нераскаянного» и «Человека со шрамом» — первые свои юмористические рассказы о Клондайке, написанные с дьявольским юмором шутника-ирландца, который не прочь «проехаться» и по адресу покойника на поминках.

Несмотря на благоприятные отклики прессы, «Сын волка» расходился хуже, чем можно было ожидать. Да и журналы, за исключением Мак-Клюра, платили только единовременный гонорар, без авторских отчислений, и хорошо еще, если давали двадцать долларов за рукопись. Его еще не знал широкий читатель; нужно было писать и писать, готовясь к тому моменту, когда можно будет достигнуть цели одним решающим броском! А пока суд да дело, приходилось довольствоваться тем, что перепадало то там, то тут. Вот, например, «Черная кошка» объявила конкурс на лучший рассказ. Первоклассный сюжет, рассчитанный на хорошую премию, что-то не клеился. Тогда Джек написал забавный рассказ «Semper Idem». Одна вечерняя газетка навела его на эту мысль. Получил небольшую премию. Потом журнал «Космополитан мэгэзин» устроил конкурс на тему «Что теряет тот, кто действует в одиночку». И Джек, поставив на один шанс из миллиона, написал революционную статью под названием «Что теряет общество при господстве конкуренции». Ему присудили первую премию — двести долларов, что дало ему,

основание заметить: «Я единственный в Америке, кто умудрился заработать на социализме».

Месяцы шли, а Флора и Бэсси ссорились не переставая. Джек снял небольшой домик по соседству и водворил туда Флору с Джонни. Это «отлучение от церкви» привело Флору в совершенное исступление. Сын вышвырнул ее из дому! Джек ничего не добился этим тактическим маневром, если не считать новых расходов; мало того, что Флора являлась к нему, заводила новые и новые склоки — она пошла судачить с соседями о своих обидах. Поднялись сплетни, пересуды… Вообразив, что она опять сама себе госпожа, Флора снова взялась за какие-то сомнительные делишки; деньги, которые давал ей сын, быстро таяли; появились долги, а расплачиваться приходилось Джеку.

Лето и осень напролет он продолжал работать над романом; читал в Сан-Франциско лекции на массовых митингах, организованных социалистической партией; ходил на митинги слушать других ораторов; вступил в. кружок Ибсена; брал на своем заднем дворике уроки бокса и фехтования, а по субботам принимал друзей. Он не был меланхолическим интеллигентом, отнюдь нет; в ту осень самую большую радость ему доставил футбольный матч, где сборная Калифорнии в пух и прах разбила станфордскую команду. И все же самым крупным событием в его жизни по-прежнему оставалось знакомство с великими книгами. Им он отдавался беззаветно, всей душой, как тот беспризорный оборванец, разносчик газет, который четырнадцать лет назад забрел в Оклендскую библиотеку и попросил у мисс Кулбрит «почитать чего-нибудь интересненького». В письме к Анне Струнской мы читаем: «Сейчас сидел здесь и плакал, как маленький: только что кончил «Джуда незаметного». С Джудом и Тесе за спиною Гарди может умереть спокойно». Он поклялся, что и сам умрет спокойно, если сможет создать одну-две книги, достойные встать на полках плечом к плечу с теми, что так украсили его жизнь.

Странные отношения складывались у Джека с Анной Струнской. По складу ума они были как будто созданы друг для друга, наконец, это стало им ясно. Впрочем, это ничуть не мешало им, как и прежде, страстно спорить о биологии, о материализме, о социализме. Начиная с. июля в письмах Джека зазвучали нотки нежности. «Несмотря на бури в стакане воды, которыми было отмечено наше знакомство на самом-то деле никакого разлада не было между нами. В глубине мы были по-настоящему близки, созвучны, что ли. Корабль спущен на воду, рвется к морю; полозья возмущенно скрипят и стонут, но море и корабль не слышат их. То же было и с нами, когда мы ворвались в

жизнь друг друга».

На суд Анны Струнской он отдавал теперь все свои серьезные работы, и в ее оценках сквозит ум, чуткий и острый. Джек, в свою очередь, убеждал ее снова взяться за перо: «Ох, Анна, если б Вы только доверили бумаге Вашу пылкую душу с ее причудливой сменой настроений! У меня такое чувство, как будто Вы сродни какой-то новой, неведомой энергии, брошенной в мир. Читайте Ваших классиков, да не забывайте и того, что принадлежит нашим дням — новой литературе. Вам следует овладеть современными приемами; нужно отдать должное форме. Ведь если искусство и вечно, то форма рождается вместе с поколением. О Анна, не дайте мне в Вас обмануться!»

В конце 1900 года он писал: «Чистая, прекрасная дружба? Между мужчиной и женщиной? Подобную вещь мир и вообразить не в состоянии, ее сочтут непостижимой, как вечность». Да Джек и сам не считал ее возможной; иначе, потеряв надежду жениться на Мэйбл Эпплгарт, он, быть может, стал бы ухаживать за девушкой из Сан-Франциско, а не из Окленда. Он и не помышлял о неверности, но его пленил ум Анны Струнской. Многое связывало его с Бэсси — и узы товарищества и зачатая жизнь; за это он любил ее. Но с Анной его связывало другое — общность духа, ума, и за это он любил Анну.

Бэсси, раздавшаяся, грузная, ждала ребенка, а Джек терзался мыслями об Анне Струнской, «еврейке из России, и, кстати сказать, гениальной», — так он о ней писал. Однако каковы бы ни были их чувства друг к другу, вслух не было произнесено ни слова. «Невысказанное — превыше всего, поверьте, Анна. Счастье — мне? Дорогая, ведь для меня счастье — это Вы, счастье и торжество души!» Он женился, чтобы остепениться, занять прочное, надежное место в обществе, но… «едва передо мной забрезжила свобода, а я уж чувствую, как туже стягивают меня узы, как смыкаются кандалы. Я вспоминаю сейчас пору моей свободы, когда ничто не сдерживало меня, и я был волен следовать зову сердца».

Нет сомнений, что он питал истинное чувство к мисс Струнской, но к этому чувству примешивались не только страх, но и тоска о свободе молодого человека, который вот-вот станет отцом, будет связан еще крепче и теперь уже навсегда. И все же — кто знает, как повернулись бы события, если бы миссис Эпплгарт помедлила со своим ультиматумом, предъявила бы его в то время, когда Джек писал Анне:

«Счастье — мне? Дорогая, ведь для меня счастье — это Вы, счастье и торжество души».

Упражняясь в плавности слога, он продолжал писать стихи;

он глотал, не разбирая, любую современную беллетристику, чтобы как следует ощутить вкус нового; это были опыты, поиски не для печати, а просто чтобы расширить свои возможности; писал большие критические статьи о технике писательского дела, и не было случая, чтобы в своих работах он прошел мимо фразы, где его ухо поймало дисгармонию или шероховатость. Когда ему начинало казаться, что он уж слишком высоко задрал нос со своими рассказами, он выкапывал пачку старых книг и мгновенно становился тихоньким, как ягненок. С Клаудсли Джонсом, получившим классическое образование, он обменивался ядовитыми критическими замечаниями на полях рукописей. Джонс, занятый работой над книгой «Философия Дороги», прислал ее Джеку на редакцию.

Отзыв Джека представляет собой его литературное кредо: «Вы взялись за интересную тему: напряженная жизнь, романтика, судьбы людей, их гибель, комизм и пафос — так, черт возьми, обращайтесь же с ними, как должно! Не беритесь рассказывать читателю философию Дороги. *Дайте это сделать вашим героям — делами, поступками, словами.* Присмотритесь-ка повнимательнее к Стивенсону и Киплингу: как они сами умеют стушеваться, отойти, а вещи их живут, дышат, хватают людей за живое, не дают тушить лампу до утра. Дух книги требует, чтобы художник устранил из нее себя. Добейтесь крепкой, яркой фразы, выразительной, свежей; пишите насыщенно, сжато, не разводите длиннот и подробностей. Не нужно повествовать — надо рисовать! живописать! строить! *Создавать!* Лучше тысяча слов, плотно пригнанных одно к одному, чем целая книга посредственной, пространной, рыхлой дребедени. Плюньте на себя! Забудьте себя! И тогда мир будет Вас помнить!»

Уже на пути к финишу он понял, что «Дочь снегов» не получилась. Добротного материала, собранного в ней, хватило бы на два хороших романа да еще осталось бы на третий, похуже. В «Дочери снегов» у него наметились две слабости, очень серьезные. Они затаились еще здесь, в самом начале, и четко обозначились, когда он уже выпустил в свет сорок томов своих произведений: во-первых, представление о превосходстве англосаксонской расы и, во-вторых, неспособность облечь в плоть и кровь, реально изобразить женщину, не принадлежащую h рабочему сословию.

Фрона Уэлс, по замыслу Джека, — типичная женщина двадцатого века, полная противоположность женщине девятнадцатого: сильная без жесткости; умная, но не сухая, отважная и в то же время не утратившая женского обаяния — словом, женщина, способная работать, думать, жить, бороться и

шагать по трудным дорогам наравне с лучшими из мужчин. Ей несвойственны черты, которые автор терпеть не мог в женщинах: сентиментальность, отсутствие логики, кокетство, слабость, страхи, невежество, лицемерие, цепкая мягкость прильнувшего к жертве растения-паразита. Пытаясь создать образ достойной подруги героя двадцатого века, он двигался по зыбкой, неизведанной почве — и все же еще немного— и Фрона удалась бы живой, правдивой. Если бы он продолжал в том же духе, он, может быть, и создал бы впоследствии фигуру Новой Женщины.

Хуже всего выглядит Фрона там, где она начинает говорить языком лондоновских социологических очерков, излагая шовинистические бредни, которые Джек почерпнул у Киплинга и проглотил не разжевывая, — о превосходстве белой расы, о ее праве навсегда безраздельно повелевать краснокожими, черными и желтыми. Нетрудно понять, почему Джек так легко и охотно принял все это на веру — он ведь и без того носился со своими викингами. «Готовы остроносые боевые галеры, в море ринулись норманны, мускулистые, широкогрудые, рожденные стихией; воины, разящие мечом… господствующая раса детей севера… великая раса! Полсвета — ее владения, и все моря! Шестьдесят поколений — и она владычица мира!»

По вине этой англосаксонской близорукости в искаженном виде стал представляться ему и социализм — именно та область, в которой он прежде всего стремился хранить честность и верность истине. Отделывая страницы, посвященные господствующим расам, выходцам с севера, он писал Клаудсли Джонсу: «Социализм — не идеальная система, задуманная для счастья всего человечества; она уготована лишь для благоденствия определенных родственных между собою рас. Ее назначение — увеличить мощь этих избранных рас, с тем чтобы, вытеснив более слабые и малочисленные расы до полного вымирания, они завладели бы всей землей». Так Ницше, приправленный Киплингом, извратил учение Карла Маркса.

В свое время, ради превратностей писательского ремесла, Джек, не задумываясь, отказался от места на почте и материальных благ. Теперь ста пятидесяти долларов в месяц не хватало, хотя года не прошло с тех пор, как подобная сумма казалась ему неслыханным богатством. Раньше чем прибывал чек, к нему уже выстраивалась длинная очередь. Вот перечень финансовых «операций», предпринятых им от рождества до Нового года: одолжил денег Джиму Уайтекеру; оплатил счета попавшего в беду товарища, который сломал обе ноги; выложил сорок один доллар в уплату Флориного неотложного долга — уже, кстати, просроченного; дал денег няне Дженни, чтобы

заплатить проценты по закладной, иначе она осталась бы без крова; погасил ее неуплаченные налоги и — единственная неприятная «операция» — отказался ссудить деньгами Клаудсли Джонса, чтобы тот мог оставить свою захудалую почту. Отказал, между прочим, потому, что самому пришлось просить взаймы денег на хозяйство. А через неделю Бэсси ждала ребенка!

Бэсси рассказывает, что вплоть до того самого утра, когда родился ребенок, она не прекращала занятий с учениками. Сначала все шло к тому, что младенец появится 12 января — в день двадцатипятилетия Джека, но роды начались только пятнадцатого утром. Почувствовав, что момент настал, Бэсси послала за доктором, который впопыхах забыл захватить дезинфицирующее средство. Джека послали купить пузырек хлороформу, но по дороге домой он несся с такой скоростью, что свалился с велосипеда, разбил пузырек и порезал руку. Бэсси благополучно разрешилась девятифунтовой девочкой, но по вине неумелого доктора потом долго болела. А Джек не мог скрыть от жены разочарования, что родился не сын.

Мак-Клюр, отказавшись печатать у себя в журнале «Дочь снегов», тем не менее продолжал ежемесячно высылать Джеку сто двадцать пять долларов. «Сам я человек женатый и знаю, что на картошку нужны деньги, а посему прилагаю…» Закончив роман, Джек взялся за серию коротких рассказов. Прошло несколько недель, и чувство разочарования несколько улеглось: он привязался к девочке. К тому же маленькая Джоан была так похожа на него… К Лондонам переселилась няня Дженни, чтобы ухаживать за Джоан, как двадцать пять лет назад ухаживала за ее отцом в Бернал Хайте.

По признанию Джека, одной из причин, склонивших его к женитьбе, была уверенность, что Бэсси принесет ему здоровое потомство. Он не ошибся. Он женился, поддавшись порыву, стремясь заполнить пустоту в жизни их обоих, надеясь вновь окунуться в быстрое течение жизни. Бэсси оправдала все ожидания — она была преданной, верной, нежной, умной женой, готовой работать рядом с ним, делить тяжести и невзгоды. Он был рад, что стал отцом; он был ей очень благодарен. Но порою, усталый, он внутренне восставал как раз против тех ее качеств, которые ценил, из-за которых и выбрал ее своей женой. Живой, как ртуть, с огнем в крови, он любил горение и торжество, любил жить отчаянно, бешено: если радоваться — так неистово, горевать — так безудержно. Этих оргий Бэсси с ним не разделяла; она была невозмутима, безмятежна, бесстрастна, уравновешенна. Работая, добиваясь задуманного, он был ей благодарен; но, завершив работу, подчас был готов взбунтоваться, уступить

томительному желанию сняться с якоря и с первым отливом выйти в море. Тогда-то он и вздыхал о былой свободе, об утраченном праве идти куда глаза глядят — в другие места, к другой женщине. В первый раз не мог он пренебречь обязанностями и пуститься в Мир Приключений.

В такие моменты он писал Анне Струнской: «Сидеть здесь, собирать данные, сортировать, увязывать, писать для подростков рассказы с тщательно завуалированными нравоучениями; отстукивать по тысяче слов в день, приходить в волнение из-за придирок по поводу биологии; подсовывать Вам забавные пустячки и вызывать смех, чтобы не вырвалось рыданье, конечно, конечно же, это еще не все! Две души созданы друг для друга, но уста их немы — слыхана ли в мире подобная нелепость»

Они решили посвятить своей духовной близости и высокой дружбе книгу. Называться она будет «Переписка Кемптона и Уэйса»; Уэйсом будет Джек, Кемптоном — Анна. Анна будет защищать поэтические и духовные начала любви от Джека, нападающего с позиций биологической и научной эволюции. Таким образом они будут наслаждаться страстной, поэтической духовной близостью, никому не причиняя боли, не нарушая никаких норм. Таким образом Джек будет доказывать, как разумен его брак с Бэсси, хотя именно в этой переписке найдет временное спасение от брачных уз.

Работая в две смены за письменным столом, он все-таки находил время еще и читать доклады: для Аламедской социалистической партии — на тему «Бродяжничество», в Сан-Францисской Академии наук — об «Ущербах, причиняемых конкуренцией». Местная пресса отзывалась об этих докладах с уважением. Когда настал момент выдвижения кандидатуры на пост мэра города Окленда, молодая социалистическая партия впервые отважилась принять участие в кампании, выставив собственного кандидата. И кому же выпала эта честь, как не самому известному в ее рядах — мистеру Джеку Лондону! Выразив согласие на выдвижение своей кандидатуры, Джек заявил:

— В обществе появилась и растет как на дрожжах вера в великий принцип муниципальной собственности. Это дело наших рук; закваска — это мы, социалисты. Чтобы утихомирить недовольство, старым партиям волей-неволей приходится швырять народу в в виде подачки определенные привилегии. Это результат нашей пропаганды, и это сделали мы, социалисты.

В оклендской предвыборной кампании он выступил с той позиции, что социализм — власяница на теле капитализма, раздражающее средство, которое вынудит капиталистов

прибегнуть к успокоительным мазям в виде более высокой заработной платы, сокращения рабочего дня, улучшения условий работы. Он убеждал членов профсоюза и несоюзных рабочих голосовать за социалистов; продемонстрировать свою силу и, таким образом, получить новый козырь в наступлении на предпринимателей.

Рабочие оказались глухи к его экономическим доводам. За ним пошли только «пролетарии духа». Всего двести сорок пять жителей Окленда и Аламеды прельстились возможностью отдать голоса за его умеренную Утопию.

В мае в журнале «Пирсоне» появились «Любимцы Мидаса» — не менее революционный отход от традиций американской литературы, чем опубликованная годом раньше «Северная Одиссея». Писатель-социалист? Такого в Соединенных Штатах еще не знали. Но Джек никогда и не стремился к испробованному, испытанному; он твердо решил стать социалистическим писателем; и это в дни, когда для того, чтобы быть писателем-социалистом, требовалось столько же смелости, как в наши дни — чтобы им не быть. В этом рассказе он впервые выдвигает идею всемирной пролетарской организации — такой могущественной, что полиции, армии, правительству ее не одолеть; организации, силой забирающей в свои руки мировые богатства. Если «Любимцы Мидаса» и не первый рас-сказ о пролетариате, напечатанный в Америке, ен, пожалуй, первый из напечатанных в журнале общегосударственного масштаба. Не нужно думать, что «Пирсоне» приобрел этот рассказ из-за его социалистической направленности — о подобной ереси он и не помышлял; просто Джек был непревзойденным рассказчиком, и журнал польстился на занимательные «ужасы», рассчитывая, что читатель примет рассказ наравне с фантастикой Жюля Верна, не заметив социализма.

За «Любимцами Мидаса» последовали «Мечта Дебса», где была предсказана всеобщая сан-францисская забастовка 1934 года, и «Железная пята», предвещавшая разгул и повсеместный террор фашизма. После смерти писателя в мнениях критиков о его работе нашлось мало общего, но одно положение почти не вызывает разногласий: Джек Лондон — отец пролетарской литературы в Америке. В 1929 году журнал «Новые массы» нашел простые и верные слова, чтобы выразить эту мысль:

«Настоящий пролетарский писатель должен не только писать для рабочего класса; нужно, чтобы рабочий класс читал его. Настоящий пролетарский писатель не просто использует жизнь пролетариата в качестве материала для своих произведений; его творения должны дышать огнем революции. Джек Лондон был

истинно пролетарским писателем — первым и пока что единственным в Америке пролетарским писателем большого таланта. Читатель-рабочий читает Джека Лондона. Это автор, которого читали все. Его читают и перечитывают заводские рабочие, работники с ферм, матросы, шахтеры, продавцы газет. Он связывает их воедино в области литературы. Он самый популярный писатель рабочего класса Америки».

Субботние сборища по-прежнему остались праздничным событием недели, причем теперь друзья стали приходить еще засветло. Джек был завзятым любителем всевозможных головоломок. Чего ему только не несли: и ребусы, и бирюльки, и механические игрушки с секретом, и китайские бильярды всех сортов. Бэсси прилежно рылась з журналах, вырезая все купоны, прилагаемые к рекламам игр, головоломок и шуточных задач. К ужину собиралось человек пятнадцать-двадцать; играли в живые картины, разыгрывали пантомимы, шарады; ломали головы, пытаясь разъединить сцепленные стальные кольца; пили из стаканов с отверстием у донышка, откуда вода фонтаном заливала галстук, и, сунув руки в карман, нередко находили в нем что-нибудь вроде пушистого мышонка. Смех гремел не умолкая. Поддерживал веселье Джек, он любил смеяться — смеяться всласть, досыта, до изнеможения. Детство у него было безрадостное; и ему хотелось наверстать упущенное — хотя бы вот такими нехитрыми развлечениями.

Круглый обеденный стол, за который садились ужинать, неизменно становился ареной ожесточенных споров. Хозяину дома было известно, чем можно «поддеть» каждого; он изводил гостей притворно-серьезными репликами, пока не вызывал их на генеральное сражение. В компании появились и молодые женщины: журналистки, музыкантши, писательницы; после ужина танцевали, пели, музицировали. Вернулась из Европы племянница миссис Нинетты Эймс Клара Чармиан Киттредж, первоклассная пианистка. Джек любил, присев на скамеечку рядом с нею, слушать, как она играет и поет.

Когда с музыкальной частью было покончено и все приходили в более спокойное настроение, Джек приносил то, что написал за неделю, и усаживался в кожаное кресло у камина. В комнате гасили свет, и лишь колеблющееся пламя освещало страницы. Он читал, и друзья внимательно слушали, потом обменивались мнениями. Час, а то и два протекали в чинных разговорах о литературе, а там Джек затевал новую забаву: извлекались карты, и общество усаживалось за игру — такую, которая сулила побольше смеха и оживления. Удача или поражение — не все ли равно! Джек хохотал до упаду; выиграв

или проиграв ставку, он волновался, как ребенок. Те, кому случалось бывать на этих «средах открытых дверей», до сих пор вспоминают о них как о самых чудесных и волнующих вечерах в своей жизни.

Для желающих в доме всегда имелся галлон кислого красного итальянского вина, но виски — ни капли. Вот уже восемь-девять лет, как Джек, в сущности, не пил. По дороге в Клондайк он захватил с собой через Чилкутский перевал кварту шотландского виски и полгода спустя впервые откупорил ее, чтобы использовать виски в качестве наркотика — половину влили в глотку старателю, которому доктор Харви ампутировал ногу; другую проглотил сам доктор. Больной выжил.

Еще в начале года Мак-Клюр посоветовал Джеку выпустить второй сборник рассказов об Аляске; материала накопилось достаточно. В мае сборник под названием «Бог его отцов» вышел в свет. Нужно сказать, что, хотя ни один рассказ в этой книге не может сравниться по блеску с «Северной Одиссеей», в целом уровень мастерства здесь выше, чем в первом сборнике. Джек продолжает революционизировать манеру повествования, безжалостно выбрасывает из рассказа все несущественное, внешнее, показное, срывает с формы мишуру, чтобы она не мешала развитию действия. Этими рассказами он доказал, что тема смерти в литературе сильнее, чем тема любви. Некоторым критикам второй сборник понравился меньше первого, но по большей части отзывы прессы были полны энтузиазма. Вот выдержка из «Коммерческих объявлений»: «Рассказы стоят того, чтобы их читали — и читали широко. Они воплощают одно из самых обнадеживающих течений современной американской литературы». А вот как в июле 1901 года отозвался о сборнике журнал «Нация»: «Рассказы, собранные в «Боге его отцов», ярки, сжаты, драматичны. Они подчас грубоваты, обычно не слишком приятны, неизменно циничны и безудержно смелы. Но если вам захочется прочесть нечто интересное, занятное, трогающее до глубины души — лучше этой книги не придумаешь».

Писали и другие: «Сильнейший наш рассказчик после По…», «Новый Киплинг с запада…», «Сделал то же для Аляски, что Брет-Гарт для Калифорнии…», «Потрясающее впечатление…», «Мощь и сила… правдиво, жизненно… первоклассный мастер слова… прирожденный рассказчик… острая наблюдательность, реалистичность… чистота, стремительный темп, мужество… полон здорового оптимизма… возрождает веру в силы нашей расы». Слышались и голоса недовольных: рассказы вульгарны, дышат жестокостью, отталкивающе неприятны, ни лоска, ни тонкости, ни изящества.

К Феликсу Пиано, в чей удивительный дом незадолго до этого переехал с семьей Джек, сан-францисская газета «Экзаминер» прислала репортера и фотографа с заданием достать материал для большого разворота с фотографиями Джека и его рабочей комнаты. Скульптор Феликс Пиано, эксцентричный итальянец, украсил фасад своего дома гипсовыми арабесками, урнами, скульптурами фавнов, ангелов, чертей, дриад, кентавров, херувимов и пышными обнаженными женскими фигурами, возлежащими под сенью виноградных кущ, — полный комплекс украшений в духе рококо, именно то, против чего Джек восставал в литературе. Времена были нелегкие, и Пиано большую часть дома сдал Джеку бесплатно, только за то, чтобы столоваться у своих жильцов. Внутри было просторно и удобно, хотя внешний вид дома представлял собою нечто немыслимое.

После статьи «Экзаминера» Джек почувствовал, что в районе залива Сан-Франциско он получил прочную известность; увы, от славы местного масштаба в материальном отношении было очень мало пользы. Приходили письма от поклонников таланта. Судя по всему, его рассказы и портреты больше всего трогали женщин, которые обращались к нему с самыми разнообразными просьбами. Одна такая дама, ссылаясь на рекомендации своего священника, предложила Джеку стать отцом ее ребенка. Дитяти, таким образом, будет обеспечена великолепная наследственность, как духовная, так и физическая. От всей души одобряя солидную биологическую базу предложения, Джек все же ухитрился от него уклониться.

Он залез в отчаянные долги; задолжал магазину, ссудной лавке, друзьям. Авторские отчисления за «Бога его отцов» пошли в счет авансов от Мак-Клюра, так что на дальнейшие доходы было мало надежды. Если откуда-нибудь и приходил чек, он уж месяц как был истрачен; ряд рассказов и очерков Джек сбыл небольшим журналам, но денег добиться не мог. Никудышное занятие литература! Жди месяц за месяцем, пока издатель решит, подходит ли ему твой рассказ. Взяли — жди еще несколько месяцев, пока напечатают, а там — пока заплатят.

Джек с пеной у рта возмущался этой системой. Если покупаешь ботинки или овощи — плати наличными, почему же издательства не платят наличными за рассказы? Что за недостойное отношение к человеку, чей заработок идет на насущные нужды семьи! И Джек еще сильнее утвердился в намерении заставить издателей в конечном счете заплатить ему дорогой ценою.

Летом, когда он безнадежно погряз в долгах, его вызвали в редакцию «Экзаминера» с предложением писать специальные

заметки для воскресного приложения. Это был тот самый отдел, для которого четыре года тому назад он написал свой первый очерк, чтоб заработать десять долларов и прокормить Флору, Джонни Миллера и себя самого, пока освободится вакансия на почте. Он строчил спортивные обозрения о боксе, написал истерическую статью о прибытии парохода «Орегон», чем навлек на себя немилость местных литераторов; сочинял заметки о «дуэлях девушек», о приходе в лоно цивилизации индейцев племени Уошу и, наконец, целых десять дней убил на ответ о немецком «Schutzerntfest». Он силился сделать статьи хлесткими, смелыми — такими, какие «Экзаминер» наобещал читателям. Получалось нечто вымученное и фальшивое, зато куда как реальна была еда, которую получало взамен его семейство!

В августе на Джека свалилась беда. Перечитав и отклонив ряд написанных за несколько месяцев рассказов, в числе которых были «Круглолицый» и «Нам-Бок — лжец», Мак-Клюр потерял в него веру. «Ваша работа, по-видимому, пошла по такому пути, который делает ее неприемлемой для нашего журнала. Я, разумеется, понимаю, что Вы должны следовать велениям Вашего таланта, но если только Вы не сочтете возможным обеспечить нас пригодным материалом, не думаете ли Вы, что нам лучше прекратить выплату Вам жалованья, скажем, в октябре-ноябре?» Шесть человек на плечах — и единственный верный источник дохода иссяк!

Мак-Клюр дает понять, что стоит ему писать, как прежде, — и журнал будет хорошо платить. Если он поддастся Мак-Клюру, постарается добросовестно подражать своим ранним вещам или писать по заранее заданной схеме, то можно очень неплохо зарабатывать. Если он подчинится велениям своего пытливого разума, требующего, чтобы он и дальше исследовал новые революционные области человеческой деятельности и художественной формы, тогда он, а заодно и те, кто от него зависит, опять столкнутся с полуголодным существованием. Для этого человека, утверждавшего, что он страстно жаждет денег, что за хорошую цену журналы могут купить его с головой; для человека, который поклялся «быть откровенно и последовательно циничным там, где дело касается денег», — для этого человека оказалось приемлемым лишь одно решение. Он мысленно распростился с Мак-Клюром и продолжал писать о том, что его глубоко задевало, о чем, по его убеждению, необходимо было писать.

Еще два месяца — и Мак-Клюр прекращает выплату ста двадцати пяти долларов. Если Джек будет работать бешено, отчаянно, неужели ему не удастся что-нибудь пристроить,

разведать новые пути в издательском мире?

VI

«Для меня новый год начался в тревогах, заботах и разочарованиях». Долги составляли три тысячи долларов. Вот беда: он внушал людям симпатию и доверие, поэтому ему слишком щедро давали в кредит. Он не мог заработать столько, чтоб хватило на всех, кого нужно было содержать, а их ведь становилось все больше. Работа, растущая известность не вызывали в нем удовлетворения; и то и другое, по его мнению, продвигалось слишком туго. Однако горести усугублялись главным образом из-за постоянных припадков уныния, периодически мучавших его еще с ранней юности. «Вчера к обеду подавали черепаховый суп и дичь, шампанское и массу других чудесных вин, каких я еще и не пробовал; они согревают сердце и горячат мысль. И тут мне припомнились убогие кутежи моей юности. (В менее подавленном настроении эти кутежи рисовались ему в романтическом свете.) Плохо одетые, плохо воспитанные животные, мы глотали дрянную дешевую тошнотворную жидкость. Я будто видел сны наяву, и, выкарабкавшись из липкой грязи к черепаховому супу, дичи и шампанскому, прозрел: единственная разница между тем и этим — степень воздействия искусства на процессы брожения».

Горькие слова, нездоровые, но сказанные лишь под влиянием момента, — не что иное, как рецидив тоски, напавшей на неукротимого индивидуалиста, больше всего занятого тем, как бы покорить мир. Вот что пишет он, поддавшись гнетущей тоске:

«В чем же смысл этого химического фермента, именуемого жизнью? Неудивительно, что из века в век маленькие,

беспомощные люди в поисках ответа сотворяли себе богов. Небольшой божок — симпатичное приобретеньице! Все объясняет! А как насчет нас с тобою? Как быть с теми, у кого нет бога? Материалистический монизм? Чертовски неутешительная штука!»

С деловой точки зрения у Джека не было особых причин падать духом. 27 декабря он получил письмо от Джорджа Р. Бретта, президента одного из самых активных издательств Америки, компании Макмиллана. Бретт писал, что вещи Джека неоспоримо представляют собой лучшее из всего, что создано в этом жанре американскими писателями и что компания изъявляет горячее желание печатать произведения Джека Лондона как в Америке, так и в Европе.

В ответ Джек послал Бретту ряд рассказов об Аляске и индейцах под общим заглавием «Дети Мороза». Всего через пять дней после появления на свет меланхолических сентенций относительно «химического фермента, именуемого жизнью», Макмиллан принял «Детей Мороза» и согласился выплатить аванс в двести долларов. Апатии как не бывало! «Не знаю, — пишет он Бретту, — являются ли «Дети Мороза» шагом вперед по сравнению с прежними вещами; знаю только, что во мне спрятаны книги— большие книги. Когда я по-настоящему найду себя, они появятся на свет».

В феврале началось «великое переселение народов в горы». Джек подыскал в Пьедмонте дом с участком в пять акров; половина — плодоносящий фруктовый сад, другая покрыта золотистыми маками, вокруг— великолепные сосны. Большая гостиная, столовая, отделанная красноватым деревом секвойи, а в гуще сосен — маленький коттедж для Флоры с Джонни Миллером. «У нас тут замечательная веранда — просторная, прохладная, а вид! За тридцать-сорок миль все как на ладони: весь залив Сан-Франциско, весь берег напротив — и Марин Каунти, и гора Тамальпайс, не говоря уж о Золотых Воротах и Тихом океане. И все за 35 долларов в месяц!»

В доме было вечно полно народу; редко случалось, чтоб лишние кровати пустовали. Приедет с востока писатель — его тут же тащат к Джеку; заезжий лектор-социалист, актеры, музыканты, интересные друзья и знакомые друзей — всем был готов теплый прием; каждый чувствовал, что ему рады. Круг ширился, росли и расходы… «Экзаминер» все так же поручал Джеку специальные задания — взять, например, интервью у губернатора Тафта, вернувшегося с Филиппин «Боже, что за груды подневольной стряпни, — ворчливо жалуется Джек Клаудсли Джонсу. — Когда же я вылезу из долгов?»

Один оклендский бакалейщик обратился к нему с просьбой уплатить долг в сто тридцать пять долларов. Джек вскипел и ответил гневным письмом, требуя, чтобы ему не докучали оскорбительными напоминаниями. Торговцу следует соблюдать учтивость и ждать; когда очередь дойдет до него, ему заплатят. И пусть не вздумает объявлять его несостоятельным должником или чинить неприятности, если не хочет потерять свое место в хвосте кредиторов. Решив, что письмо послужит ему неплохой рекламой, бакалейщик передал его газетам, и те с превеликим удовольствием растрезвонили о случившемся по всей стране. Должник, который ставит на место кредитора Нет, перед столь восхитительной картиной устоять невозможно! Джеку стоило бы извлечь из этой истории хороший урок и впредь составлять письма в более сдержанном тоне, но этому он так и не научился.

Однажды ему предложили выступить в Ассоциации женской прессы города Сан-Франциско. Он согласился прочесть лекцию о Киплинге, которого значительная часть американских читателей продолжала считать вульгарным и неотесанным — варваром, да и только. Лекцию широко разрекламировали; собралась большая аудитория, и не кто-нибудь, а все люди значительные: уж очень заманчиво выглядело сочетание Джека Лондона с Редиардом Киплингом. На сцену вышел Джек и объявил, что, к несчастью, статья о Киплинге отправлена в редакцию одного английского журнала, который, быть может, ее напечатает. Поскольку выступать, не имея под рукой материалов, нельзя, он взамен прочтет лекцию на тему «Бродяга». Окажись на месте Джека кто-нибудь чуть более податливый — его бы заморозили волны холода, которыми повеяло от насторожившихся, застывших в неподвижности сан-францисских дам. Однако к концу лекции сдержанности у них поубавилось: услышав, что Джек оправдывает Бродягу, а вину за его положение возлагает на общество, дамы так неистово набросились на лектора, что председательнице пришлось, постучав по столу молоточком, прервать собрание, иначе не обошлось бы без рукопашной. Газеты, разумеется, поместили полный отчет о случившемся.

На заливе и в его окрестностях Джек уже давно считался примечательной, колоритной фигурой. Теперь репутация человека необычайного закрепилась за ним в общеамериканском масштабе. Вот что пишет репортер, присланный журналом «Читатель» взять у Джека интервью:

«Редко с кем сходишься так легко, как с Джеком Лондоном. От отзывчив и искренен, чужд каких бы то ни было условностей, излучает гостеприимство. Держится он свободно, в нем много мальчишеского; он благороден, предельно прост, оригинален и

удивительно располагает к себе. Гость сразу же чувствует, что его принимают на правах друга». Сам Джек, по слухам, говорил: «Если у меня и есть какой-то собственный стиль, он добыт в поте лица. Хватай дубинку и мчись вдогонку за своим стилем: наверняка получишь если не стиль, так уж что-нибудь очень вроде». Сан-францисский «Кроникл», который, как известно, стал впервые рекламировать его еще во чреве матери, поместил его фотографии и отвел целый разворот на две страницы описанию Литературной колонии в Пьедмонте, причем центром ее был назван окруженный соснами дом Джека.

Помимо литературной поденщины, Джек был занят повестью для юношества «Путешествие на «Ослепительном», серией приключенческих рассказов для «Спутника юношества» под общим названием «Рассказы рыбачьего патруля», серьезными рассказами об Аляске и вместе с Анной Струнской — «Перепиской Кемптона и Уэйса».

Последняя представляет собой сравнительный философский анализ реалистических и романтических взглядов. Авторы по-прежнему прибегали к переписке, как к своеобразному средству отстоять свою позицию в любви друг к другу. Джек, женившийся на Бэсси, как он любил выражаться, «на разумной основе», писал: «Рассматриваемый биологически, брак есть учреждение, необходимое для сохранения рода, Романтическая любовь — выдумка, внесенная человеком по недомыслию в естественный порядок вещей. Эротическая литература, предания о великой любви и великих любовниках, гирлянды любовных песен и баллад, вороха устных любовных историй и приключений — без всего этого человек, безусловно, не мог бы любить в присущей ему манере». Анна Струнская, поэт по натуре, настаивает: «Розовый свет зари на небесах, прикосновение руки, цвет и форма плодов, слезы неведомой печали более значительны, чем все, что построено и изобретено со времени первого социального договора. Разве можно объяснить цветение жизни, ее прелесть и улыбку, все, что наполняет душу солнечным светом, все, что говорит нам: надеяться — мудро?»

К марту у них уже было написано пятьдесят тысяч слов, и Джек был уверен, что книга пойдет. Чтобы скорей завершить работу, Джек на время пригласил Анну к себе. Через два года она рассказала об этом эпизоде настойчивым газетным репортерам: «Я получила от мистера Лондона письмо с приглашением приехать в Пьедмонт для отделки рукописи. К приглашению присоединились его жена и мать.

В первые дни визита миссис Лондон выказывала мне радушие и проявляла большой интерес к нашей работе. Но прошло пять

дней, и я убедилась, что она стала относиться ко мне неприязненно.

Она не сделала ничего особенного, чтобы заставить меня почувствовать себя лишней; но по некоторым едва заметным признакам я заключила, что мне лучше уехать. Так я и поступила вопреки уговорам мистера и миссис Лондон. С миссис Лондон мы распрощались как хорошие, сердечные знакомые. Отношения между мною и мистером Лондоном были дружескими, не более. Кроме всего прочего, мистер Лондон едва ли принадлежит к числу людей, способных в собственном доме ухаживать за другой женщиной. Со мною он неизменно вел себя в высшей степени осмотрительно. Судя по всему, что я видела, можно было заключить, что он в то время был без ума от жены».

Мисс Струнская, женщина непогрешимо честная, говорит истинную правду, — это подтверждает и Джек:

«Не женские, а интеллектуальные достоинства пленили меня в ней. Интеллект и одаренность — это в ней чувствовалось прежде всего. Рыться в человеческой душе для меня наслаждение, и тут Анна была неисчерпаемым источником. «Многоликая», прозвал я ее. Что же я выбрал в качестве ласкательного словечка, свидетельства близости? Чисто интеллектуальный термин, раскрывающий свойства ее ума».

Права на издание «Дочери снегов» оставались в руках Мак-Клюра. Самому Мак-Клюру книга нравилась не настолько, чтобы ее печатать, однако он приложил все усилия, чтобы сбыть рукопись в другое издательство, где бы ее выпустили отдельной книжкой. Наконец ему удалось пристроить «Дочь снегов» в издательство Липпинкотта. Издательство заплатило за нее авансом семьсот пятьдесят долларов в счет авторских отчислений; из этой суммы Мак-Клюр удержал все, что ему еще причиталось от Джека.

Осталось сто шестьдесят пять долларов. Джеку хотелось взять рукопись назад, но он был бессилен. А потом аванс, хоть и маленький, — это возможность заплатить самым назойливым кредиторам. Когда стали приходить гранки для корректуры, он был просто убит: казалось, что хуже быть не может. А там приходила следующая порция. В конце концов он решил, что попытки исправить безнадежно загубленную вещь ни к чему не приведут.

21 июля он получил телеграмму от ассоциации «Американская пресса» с предложением отправиться в Южную Африку и писать корреспонденции об англо-бурской войне. У него оставалось три тысячи долга. Бэсси была опять в положении, а это означало, что прибавятся новые расходы. А главное — его

зовет Приключение! Не прошло и часа, как он послал ответную телеграмму, что согласен. В тот же вечер он собрался, а наутро у Оклендского мола, где восемь лет тому назад, догоняя Рабочую армию Келли, забрался в пустой товарный вагон, поцеловал на прощанье жену и дочь и поехал в Чикаго. В поезде у него произошла случайная встреча, ускорившая развитие событий в повести его жизни. «Позвольте рассказать Вам маленький эпизод, из которого Вам станет ясно, с какой легкостью я даю волю чувственному началу. Помните, я уезжал в Южную Африку. В одном вагоне со мной ехала женщина с ребенком и няней. Мы сблизились во мгновение ока, в самом начале пути, и уж до Чикаго не расставались. Это была чисто физическая страсть — и только. Помимо того, что это была просто милая женщина, в ней не было для меня никакого очарования.

Страсть не коснулась ума, нельзя даже сказать, что она так уж безраздельно завладела чувством. Прошли три дня и три ночи, и ничего не осталось».

Ничего, кроме воспоминаний о чем-то приятном. Он всегда ценил в женщинах их способность доставлять радость. «В моей вселенной плоть — вещь незначительная. Главное — душа. Плоть я люблю, как любили греки. И все же эта форма любви по сути своей сродни художественному произведению — если не совсем, то отчасти».

Он пишет: «В те дни я легко преступал границы дозволенного». Но за два года брака это был, по-видимому, первый случай, когда он дал себе волю. Что касается психологических последствий этого «маленького эпизода, из которого Вам станет ясно, с какой легкостью я даю волю чувственному началу», — они в полной мере проявились только по возвращении Джека из Англии.

И вот опять в самый разгар летней жары он в Нью-Йорке. На сей раз он уже не «зашибал по мелочи на главном ходу» на холодное молоко и бракованные книжные новинки; не валялся на травке в Сити Холл Парке, а отправился прямо в издательство Макмиллана, где впервые пожал руку владельцу журнала. Джордж П. Бретт — либерал и честный человек, дока в редакторском деле, глубоко любил литературу и был к тому же верным другом. В годы бурь и тревог ему выпала на долю роль ангела-хранителя Джека Лондона, чьим восторженным почитателем он остался на всю жизнь. Сейчас Джек торопился на пароход, судить да рядить было некогда; договорились только, что по приезде из Южной Африки Джек наладит с издательством постоянные отношения и все его книги будут издаваться компанией Макмиллана. Услышав от Джека о «Переписке

Кемптона и Уэйса», Бретт тут же принял книгу.

Предполагалось, что до отъезда в Южную Африку Джек возьмет несколько интервью у английских генералов с целью выяснить их взгляды на будущее Трансвааля. Но в Англии Джека ждала телеграмма, отменившая всю затею с поездкой. Дорога туда и обратно была оплачена. Небольшой аванс он успел истратить. Вот положение! Он — в Лондоне, за семь тысяч миль от дома, без средств, без работы!

Ему ли не уметь быстро приспособиться к обстоятельствам! Из многочисленных трудов по социологии он знал, что, пожалуй, самая жуткая дыра, какую сыщешь на Западе, — это лондонский Ист-Энд, Восточная сторона, сущий ад на земле. Решение принято: он проникает в глубь Ист-Энда и исследует условия жизни его обитателей. Он недолго думал о том, что это, в сущности, очень дерзкое и трудное предприятие — осмыслить, проанализировать одну из сложнейших экономических проблем государства, с тем чтобы потом пристыдить, повергнуть его в замешательство — это государство. Чужаку, побывшему на английской земле какие-нибудь сутки-другие, для такого дела требовалась смелость, если не безрассудство. К тому же в Англии уже вышел первый сборник его коротких рассказов. Пресса, обычно настроенная консервативно, о нем, как ни странно, отозвалась хорошо; издатели были к нему расположены. Отчего бы, казалось, не устроить себе каникулы, проведя две-три недели в занимательном обществе английских литераторов? Вместо этого он отыскал в Петтикоут Лейн лавочку подержанного платья, приобрел себе изрядно поношенные брюки, плохонький пиджачок с единственной пуговицей; грубые башмаки, послужившие верой и правдой кому-то близко знакомому с погрузкой угля; узкий ремешок, донельзя засаленную кепочку — и окунулся в гущу Ист-Энда.

В одном из самых густонаселенных кварталов трущобы он снял комнату и стал исподволь знакомиться с обстановкой. Издатели пришли в ужас. Это немыслимо! Его прикончат в собственной постели! У Джека, сына народа, эти страхи вызывали только смех.

Его сочли за американского матроса, списанного в порту с корабля. Джек Морячок опять с легкостью вошел в свою роль, будто и не расставался с нею. Не посторонний, не исследователь, взирающий вниз с академических высот; он был один из жителей Ист-Энда. Ходил человек в море, не повезло, попал в беду… Они приняли его в свою среду, доверяли ему, говорили с ним. Все, что Джек узнал об этом гиблом месте, он вложил в книгу, озаглавленную «Люди бездны», — свежую, правдивую, живую и по

сегодня, одно из классических произведений мировой литературы, посвященных униженным и оскорбленным. «У меня был подход простой: что удлиняет жизнь, приносит здоровье — душевное и физическое, — хорошо. Все, что укорачивает, уродует жизнь, что калечит; причиняет страдания, — плохо».

Подходя с этим «простым мерилом», он установил, что жить в Бездне — а ведь на дне ее находится одна десятая лондонского населения — значит медленно и непрерывно умирать от голода. Целые семьи, отец, мать, дети изо дня в день проводят долгие часы за работой. Жалованья едва хватает, чтобы заплатить за комнату, где- вся семья готовит пищу, ест, спит и совершает все отправления интимной жизни. Болезни, отчаяние, смерть — неразлучные спутники обитателей Бездны. Джек видел бездомных мужчин и женщин, чьим единственным преступлением была нищета и плохое здоровье. Ими швырялись, помыкали, обращались не лучше, чем с какой-нибудь мерзкой тварью. Что среди них были прирожденные бездельники и никчемные забулдыги — это он обнаружил очень скоро; но, как и на американской Дороге, видел, что девяносто процентов ист-эндцев добросовестно трудились, пока старость, болезнь или застой в производстве не лишили их работы. Сейчас безработные или в лучшем случае надомники, работающие по потогонной системе в своих каморках, они вместе с семьями были брошены городом на произвол судьбы: догнивайте себе потихоньку, пока смерть — спасибо ей — не сметет вас с панели.

«Лондонская Бездна — это огромная бойня. Более тоскливого зрелища не сыскать. Жизнь окрашена в однообразный серый цвет, повсюду грязь, ни просвета, ни проблеска надежды. Ванна — вещь абсолютно незнакомая; всякая попытка соблюдать чистоту выглядит жалкой насмешкой. В смрадном воздухе бродят странные запахи; от Бездны исходит притупляющая атмосфера оцепенения, она плотно окутывает человека, умерщвляет его. Год за годом из сельских районов Англии сюда вливается поток молодой, сильной жизни; к третьему поколению она гибнет. На дне волчьей ямы, именуемой «Лондон», пропадают ни за грош человеческие существа — четыреста пятьдесят тысяч — сию секунду — и во все времена».

В день коронации Эдуарда VII Джек пошел на Трафальгарскую площадь поглядеть на великолепное, пышное и пустое средневековое шествие. За компанию с ним отправились возчик, плотник и потерявший работу старый моряк. Джек видел, как эти люди подбирали с осклизлого тротуара и ели апельсинные корки, яблочную кожуру, дочиста ощипанные виноградные кисти. Кусочки хлебного мякиша с горошину

величиною, яблочные огрызки — почерневшие, грязные — они клали в рот, жевали, глотали. «Настойчиво твердят, что моя критика положения вещей в Англии чересчур пессимистична. В оправдание должен сказать — если и есть на свете оптимист, так это я. О человечестве я сужу не столько по политическим объединениям, сколько по отдельно взятым людям. Я предвижу, что людей Англии ждет радостное, широкое будущее. А вот для политической машины, не справляющейся сегодня со своими функциями, — для нее в основном мне не видится иного будущего, кроме мусорной ямы»

У одного лондонского сыщика Джек снял комнату — убежище, где можно принять ванну, переодеться, почитать и, не вызывая подозрений, работать над книгой. За три месяца он изучил сотни брошюр, книг и правительственных отчетов, посвященных лондонской бедноте; беседовал с бесчисленным множеством женщин и мужчин; фотографировал, исходил многие мили по улицам. Он жил в работных домах и приютах для бедных, выстаивал очереди за бесплатной едой, спал вместе с новыми друзьями на улицах и в парках и как итог всего написал целую книгу — воистину торжество энергии, организованности и страстной увлеченности темой.

В ноябре с рукописью в чемодане он прибыл в Нью-Йорк. Надеясь, что Макмиллан напечатает «Людей бездны», он в то же время прекрасно сознавал, что на социологии не заработаешь. Не он ли заявил Анне Струнской, что намерен извлечь из написанного все до последнего доллара. Не он ли писал Клаудсли Джонсу, что за хорошую цену готов продать журналам душу и тело. На деле этот человек опровергал то, что сам же проповедовал на словах. Он был прежде всего писателем, затем — социалистом, а уж где-то далеко в хвосте за ними тащился деловой парень с желанием заработать хорошие деньги.

Друг, встречавший его на пристани, пишет:

«На нем была свободная мятая куртка с оттопыренными карманами, откуда выглядывали письма и бумаги. Брюки пузырились на коленях, рубашка — далеко не первой свежести, а жилета вообще не было. Вокруг пояса — кожаный ремень, заменяющий подтяжки; на голову нахлобучена крохотная кепчонка». Что касается Джорджа П. Бретта, тот ничего этого не заметил — для него существовала только рукопись.

Он увидел в «Людях бездны» глубокое, верное произведение и, отпустив несколько колких критических замечаний социологического характера, тотчас же принял рукопись для издания. «Я хочу отойти от Клондайка, — говорил ему Джек. — Тут я уже отслужил в подмастерьях. Пора попытать силы в

области более значительной и широкой — теперь, я чувствую, мне это больше по плечу. У меня намечено книг шесть — все романы За два года, с тех пор как был написан мой первый роман, я немало поработал, передумал и уверен, что сейчас могу написать нечто стоящее».

Не сомневался в этом и Бретт. На просьбу Джека о том, чтобы в течение двух лет Макмиллан выплачивал ему ежемесячно сто пятьдесят долларов, рздатель ответил согласием. Компания, в свою очередь, получала право печатать все, что будет написано за этот период. На прощанье Бретт дал единственный совет — пожалуй, лучший из всех, какие Джеку когда-либо довелось получить

«Отныне, надеюсь, Вы сможете совершенствоваться, и нынешние работы будут свидетельствовать о Ваших успехах так же неоспоримо, как когда-то Ваши ранние вещи. В последних книгах эти сдвиги не так заметны, здесь видны следы спешки. В мире литературы по-настоящему нет места ничему, кроме самого лучшего, на что человек способен».

«Я вовсе не стремлюсь писать как можно больше, — ответил Джек. — Мне бы только встать на ноги, а там — одна книга в год, зато уж хорошая. Да меня и теперь нельзя назвать плодовитым писателем. Я пишу очень медленно, а успел так много потому, что работаю постоянно, изо дня в день, без отдыха. От сегодняшней работы зависит, будем ли мы сыты завтра; приходится тратить энергию на всякого рода поденщину. Когда положение вещей изменится и я смогу, не торопясь, тщательно отделывать и отбирать лучшее, тогда — я уверен — я буду писать по-настоящему хорошо».

В пульмановском вагоне поезда, уносившего его на запад, Джек разложил на диванчике три книги, изданные в октябре всего за неделю-другую до его возвращения в Нью-Йорк: «Дочь снегов», «Путешествие на «Ослепительном», «Дети Мороза». Ясно: если за какой-то месяц появляются три книги одного и того же автора, это не столько рекорд, сколько, с деловой точки зрения, как раз та необдуманная поспешность, за которую корил его Бретт. Теперь, решил он, когда «налажена связь с каким-то одним издательством», он поведет свои дела удачнее. Рядом с книгами легли газетные вырезки. Нужно посмотреть, как откликнулась на его вещи печать. Много резких критических замечаний по адресу «Дочери снегов», выпущенной издательством Липпинкотта. Автора обвиняют в том, что он не справился с построением романа, что Фрона Уэлс получилась неправдоподобной. Но в остальном критики отнеслись к книге вполне терпимо: с воодушевлением отмечают действенный, наглядный стиль

произведения и предсказывают, что со вторым романом дело пойдет более успешно. Джек облегченно вздохнул: а он-то ждал, что его сотрут в порошок!

О «Путешествии на «Ослепительном», изданном «Сенчури Компани», отзывались в умеренных тонах. Что ж, роман для юношества; на большее он и не рассчитывал. Наиболее значительная из трех, книга об индейцах с Аляски под названием «Дети Мороза» (первое, что Джек напечатал у Макмиллана) закрепила за ним место центральной фигуры в Америке в области короткого рассказа.

Откинувшись назад, невидящим взглядом провожая мелькающие за окном места, Джек с удовлетворением перебирал в памяти эти богатые событиями годы, когда он задался целью возродить жанр рассказа в американской литературе. Воспоминания невольно переплетались с хвалебными строчками, на которые не поскупились критики в оценке «Детей Мороза»: «Рассказчик, каких немного… область, доставшаяся ему по праву победителя… изумительное литературное достижение; оно останется незыблемым… завоюет широкую известность на долгие времена».

Джек был счастлив и горд и очень ясно представлял себе, что это всего лишь первая ступенька, что борьба только началась. Он. размышлял и строил планы. То, что уже сделано им для рассказа, он сделает и для романа. Это обет. Со времен Мельвиля в американской литературе нет серьезных романов о море. Он их напишет. Американская литература еще не знает большого пролетарского романа. Он создаст такие романы. Они понравятся критике и читателю — уж об этом-то он позаботится! Больше того, он ускорит наступление социалистической революции. Работы по горло; на осуществление всех этих замыслов уйдет лет двадцать, а то и больше. Прежде чем будет подведен итог его земного существования, он во что бы то ни стало выполнит задуманную программу.

Приехав в Пьедмонт, Джек застал там Элизу; вот уж шесть недель как она жила у них в доме, поддерживая мир и покой между Бэсси и Флорой. Возвращение в лоно семьи было радостным; в письме Бретту от 21 ноября 1902 года Джек вкратце рассказал, как ему живется. «Поскольку я и так волей обстоятельств обременен семейством, — писал он, — я решил, что надо вкусить и семейных радостей, и женился. Семейное бремя увеличилось, но мне ни разу не пришлось раскаяться. Я вознагражден с лихвой».

Занят он был больше, чем когда-либо: помимо новых вещей, его ждали гранки «Переписки Кемптона с Уэйсом»; нужно было

исправить и дополнить последнюю рукопись — «Людей бездны». Его захлестнуло с головой: книги рассказы, подготовка изданий… Он так блаженствовал среди этого сумбура, что вернулся к прежнему расписанию: девятнадцать часов — на работу, пять — на сон. Единственной передышкой были вечера «открытых дверей» по средам, когда собирались старые друзья (а с ними и новые), когда он играл в покер и посвящал приятелей в тайны хитроумных английских головоломок, которые он перед отъездом наскоро сунул в свой единственный чемоданчик.

Бэсси разрешилась от бремени, подарив супругу еще одну дочь. Руку Джек себе на этот раз не порезал; отрезанной оказалась нить надежды на то, что у него будет сын, которому можно передать не только имя, но и литературные традиции. Он так сокрушался и горевал, что довел себя до болезни; Бэсси тоже слегла, видя, как он разочарован.

Проходил день за днем, а Джек все не мог утешиться, пока новая идея не вывела его из оцепенения. Он задумал рассказ о собаке на три-четыре тысячи слов, сродни первой истории на ту же тему, написанной год назад. Через четыре дня намеченные четыре тысячи были написаны, и Джек с изумлением обнаружил, что это только начало; рассказ разрастался, в нем зазвучали такие ноты, о которых он и не помышлял. Он решил назвать его «Зов предков»; пусть себе растет, куда вздумается: сейчас его вещь — госпожа, а он — слуга, остается лишь писать и писать. Ни одна из прежних книг не захватывала его с такой силой. Славное это было время, эти тридцать дней, до отказа заполненные работой! Толстым карандашом писал он на грубой черновой бумаге; скупо правил, меняя два-три слова, и передавал лист за листом машинистке. Он забросил все — друзей, семью, долги, новорожденную, гранки, ежедневно пачечками приходившие от Макмиллана. Для него существовал только его Бак, помесь сенбернара с шотландской овчаркой; пес, который жил себе да жил на ранчо в долине Санта-Клара, как дворянин в своем поместье, пока его не сцапали и не отправили пароходом в первобытные снеговые пустыни Клондайка.

Но наступила «среда открытых дверей», когда друзья с лихвой наверстали упущенное. В тот вечер было не до карт, не до буйного веселья и шуток. Гости разместились на диванчиках у окна, на разбросанных на полу подушках; хозяин устроился в удобном кресле у камина и стал читать. В серовато-синих глазах появилось строгое выражение, руки излюбленным жестом ерошили волосы. Он читал историю Бака, благородной собаки, остававшейся верной любви к человеку, пока зов леса и смутные воспоминания о предках — диких волках — не вернули ее к

первобытной жизни. Джек читал, и все глубже становилась тишина. В час ночи он кончил. У гостей, этих любителей поговорить, сейчас нашлось немного слов, но по сияющим глазам Джек без труда прочел их мысли. Наконец-то!

Значит, не напрасно он три года пишет об Аляске; настал момент, когда он сумел воплотить свой замысел в художественной форме, столь безупречной и совершенной, что слушатели в эти краткие часы разделили с автором его вдохновение.

Поутру он запечатал рукопись в конверт, вложив второй, пустой, на случай, если пришлют обратно, наклеил марку и отправил повесть в редакцию самого популярного журнала в мире — «Сатердей Ивнинг Пост», где и платили больше, чем в любом другом журнале. В редакции Джек никого не знал; вещи его там никогда не встречали теплого приема, так что особых надежд устроить роман в этот журнал у него не было. Однако «хитроумный механизм для перекладывания рукописей из одного конверта в другой», на который он нападал с такой яростью четыре года назад, когда был новичком, на сей раз не сработал. «Сатердей Ивнинг Пост» не воспользовался чистым конвертом, которым его снабдил отправитель. Вместо этого журнал прислал ему другой конверт, плоский и продолговатый, а в нем — чек на две тысячи долларов и письмо, где выражалось горячее согласие принять вещь.

Две тысячи за месяц работы! Он всегда говорил, что серьезная литература окупается. Он всегда говорил, что будет писать по-своему и заставит издателей признать его дарование. Две тысячи долларов… На все хватит: на врача для младшей дочки, для Бэсси и для матери Джонни Миллера и на врачей Флоры; ведь уже накопились счета; надо платить страховым компаниям, универсальным магазинам, бакалейщикам, мясникам, аптекарям, портному, машинистке, писчебумажным магазинам — сотни долларов! Надо помочь нуждающимся друзьям! Да еще ему нужны новые застекленные книжные шкафы! Еще нужно выписать с востока сорок книг по списку… Хватит и на это Такого торжества он не испытывал с тех самых пор, как приняли к печати «Северную Одиссею». Это ли не победа? Каких-то шестьдесят дней прошло с тех пор, как в поезде на пути из Нью-Йорка он принял свое героическое решение, и вот началось возрождение американского романа. Нахлынули друзья, из тех, кто присутствовал при чтении «Зова предков»: каждому хотелось поздравить его, пожать руку, хлопнуть по плечу… Ну, как тут не послать еще за одним галлоном кислого итальянского вина, как вновь не отдаться навеселе розовым мечтам о будущем!

Дела стали поправляться; теперь он принимал друзей на более широкую ногу, нанял вторую служанку в помощь Бэсси: она еще не окрепла, и ей приходилось нелегко. В доме бывали теперь хорошенькие женщины; после успешного штурма творческих высот Джек больше не отказывал себе в удовольствиях этого рода. Его женитьбе, пожалуй, недоставало страсти. Будь это не так, все равно из тридцати шести месяцев совместной жизни восемнадцать Бэсси ждала ребенка и по крайней мере шесть поправлялась после родов. Это было трудновато для человека кипучего темперамента, привыкшего к женской близости еще с тех памятных дней, которые он провел с Мэми на палубе «Рэззл-Дэззл». Не изгладились из памяти и трое суток, посвященных спутнице с чикагского поезда. Для него больше не существовало обязательств, призывающих к воздержанию, хотя и трех лет не прошло с тех пор, как он писал:

«Сердце у меня большое; буду держать себя в узде вместо того, чтобы болтаться без руля и ветрил, и стану только более чистым и цельным человеком».

«Мои моральные правила вам известны, — писал он позже. — Известны и обстоятельства того периода. Вы знаете, я не испытывал угрызений совести от того, что вступал на путь наслаждений». Он редко упускал возможность вступить на этот путь — это не подлежит сомнению. Но физическая близость вне брака не была для него связана с любовью. Это был чувственный акт, доставляющий удовольствие обеим сторонам, и, следовательно, — Джек ведь был гедонистом — поступок тем более добродетельный, чем больше безобидного удовольствия он способен принести. «Да, я разбойничал, я рыскал, выслеживая добычу, но добыча никогда не доставалась мне ценой обмана. Ни разу в жизни я не сказал «люблю» ради успеха, хотя часто этого было бы вполне достаточно.

В отношениях с женщинами я был безукоризненно честен, никогда не требовал больше, чем был готов дать сам. Я либо покупал, либо брал то, что мне отдавали по доброй воле, и взамен по совести платил тем же; я никогда не лгал, чтоб оказаться в выигрыше или получить то, чего не смог бы добиться иначе». Он пытается найти себе оправдание: «Мужчина может следовать своим вожделениям не любя, он просто так уже создан. Мать-природа с непреодолимой силой взывает к нему о потомстве, и мужчина повинуется ее настояниям не почему, что он грешник по собственной прихоти, а потому, что над ним довлеет ее закон».

В примерный список книг для Макмиллана Джек не внес «Зов предков», так как и думать не думал, что ему суждено написать

эту вещь. Теперь он отослал рукопись Бретту. 5 марта пришел ответ. Бретту не понравился заголовок. «Что касается самого произведения, оно мне нравится — и очень. Правда, я побаиваюсь, что эта вещь слишком хороша и правдива, чтоб по-настоящему завоевать любовь сентиментальной публики, с восторгом глотающей Сетона-Томпсона». Далее Бретт предлагает не заключать договора, предусматривающего авторские отчисления — это задержало бы публикование, — а купить книгу, с тем чтобы немедленно ее напечатать. «Мне бы хотелось попробовать провести с этой книжкой один эксперимент: выпустить ее в заманчивом оформлении и потратить большую сумму денег на то, чтоб дать книге ход. Это способствовало бы распродаже Ваших книг, не только уже изданных, но и тех, которые появятся в будущем. Я, однако, вовсе не хочу Вас переубеждать. Окончательное решение целиком зависит от Вас, и если Вы не склонны принять предложение о выплате Вам денег сейчас же, мы издадим книгу в срок, предусмотренный условиями нашего договора».

Две тысячи долларов, полученные от «Сатердей ивнинг пост», были уже истрачены. Ста пятидесяти, ежемесячно присылаемых компанией Макмиллана, на семью из шести человек, не считая няни Дженни и двух служанок, не хватало. Ни одна книга не принесла ему и тысячи долларов авторских отчислений с продажи, а уж о двух не приходилось и говорить. Составит ли эта книга исключение? Едва ли. Если и так, денег придется ждать по крайней мере два года, а к тому времени их поглотит ежемесячный аванс. Предложение Бретта означает две тысячи чистыми, прямо тут же, а ведь что у тебя в руках, то и тратишь… в особенности, если есть на примете посудинка под названием «Спрей» («Морская пена») — любо-дорого посмотреть! Джек принял предложение Бретта и продал ему все права на «Зов предков».

«Спрей» представлял собою парусный шлюп с просторной каютой на две персоны, где можно было и готовить. Джек купил его потому, что стосковался по морской жизни, но не только поэтому. Он подумывал о морском романе и, прежде чем приняться за него, хотел снова ощутить под ногами корабельную палубу. Вот уже девять лет, как он сошел с «Софи Сазерленд» — вся оснастка успела покрыться ржавчиной. «Это будет почти буквальный рассказ о событиях семимесячного плавания, которое я как-то проделал матросом. Чем чаще я думаю о том, что произошло во время этого рейса, тем удивительнее мне все это кажется». «На вашу морскую повесть, — отвечал Бретт, — я возлагаю очень большие надежды. Морских рассказов выходит

мало, да и те никуда не годятся, так что хорошую повесть о море, безусловно, ждет сейчас необычайный успех».

Окрыленный напутствием Бретта, Джек запасся провиантом и одеялами, вывел «Спрей» в залив и провел неделю на воде, поднимаясь по проливам и болотистым рукавам, как в те дни, когда был отчаянным пиратом-устричником, а потом патрульщиком рыбачьей инспекции. Прошла неделя, и, еще чувствуя в ноздрях соленый морской ветер, а в мозолистых руках — шкот, он вернулся домой, за письменный стол, и взялся за первую главу «Морского волка». Когда его слишком часто отрывали от работы или вокруг собиралось слишком много друзей, он брал с собой еду и один отчаливал от берега на «Спрее». Сидя на крышке люка, он каждое утро писал свои полторы тысячи слов. Стояла ранняя весна, солнышко согревало тело, а мысли о «Морском волке» — душу. Потом он совершал парусные прогулки, стрелял на реке Сакраменто уток или удил на ужин рыбу. По субботам и воскресеньям он иногда брал с собой Бэсси с девочками, Элизу с сыном и целую ораву друзей.

Это было время, насыщенное весельем и работой. Социалистический журнал Вильшира из номера в номер печатал «Людей бездны», выдвинувших его в передовую шеренгу американских социалистов. Для журнала «Товарищ» он написал статью «Как я стал социалистом», для «Международного социалистического обозрения» — серию критических статей. За «Людей бездны» Вильшир ему заплатил, правда очень скромно, но для социалистических газет он всегда писал бесплатно! Для местных социалистов он подготовил также два новых доклада — «Борьба классов» и «Штрейкбрехер». Оба появились в социалистической печати. Со всех концов страны ему стали писать собратья по партии; письма неизменно начинались словами «Дорогой товарищ», а кончались: «Ваш, во имя Революции». На каждое письмо Джек отвечал сам, начиная словами «Дорогой товарищ» и кончая — «Ваш, во имя Революции».

По мере того как его имя приобретало все более широкую известность, дом Джека в Пьедмонте все больше становился для обитателей района бухты Сан-Франциско средоточием духовной жизни. Не меньше ста человек в неделю входили в парадную дверь, чтобы воспользоваться гостеприимством хозяина. В доме были две служанки, а при детях — няня Дженни, но работы все равно было много — хоть отбавляй! Работа и снова работа, гости и снова гости — это не всегда приходилось по нраву Бэсси. Однажды в «среду открытых дверей» она нарочно приготовила меньше угощения, чем требовалось, чтоб накормить эту кучу

народа. Не слишком много радости доставляли ей и женщины, окружавшие Джека — ее Джека, с его милой, теплой улыбкой и раскатистым смехом; они так и вешались ему на шею. Она стала ревновать. Джека теперь нарасхват приглашали на всевозможные официальные церемонии; ему хотелось, чтоб жена для подобных случаев покупала себе красивые платья; Бэсси отказывалась. Элиза заманивала Бэсси в магазины, чтобы показать ей, как она хороша в длинном бархатном платье, в бархатной шляпке с пером. Напрасно: Бэсси упорно ходила в блузе, матросской юбке и матросской шляпе, и в этом скромном виде явилась даже на званый обед в фешенебельном клубе богемы в Сан-Франциско, устроенный в честь Джека. Джек это остро переживал; он восхищался фигурой жены и хотел, чтоб ее видели н самом выигрышном оформлении. Нежелание Бэсси одеваться модно, с одной стороны, объяснялось тем, что она чувствовала себя далеко не блестяще, а с другой — еще и тем, что Фреду Джекобсу, ее погибшему жениху, по-видимому, нравились на ней именно блузы и матросские юбки.

Джек и Бэсси ладили, несмотря на эти незначительные трения. Его огорчало лишь то, что она мало читает и не может вместе с ним обсуждать новые книги. Когда он заговорил на эту тему, Бэсси возразила, что рада бы всей душой, но в шесть утра ее будит ребенок, и с этой минуты до десяти вечера одно за другим идут нескончаемые дела. Джек сочувственно потрепал жену по руке. Да, он знает. Вот когда детишки подрастут, у нее будет больше времени на книги. Тридцать пять лет спустя люди вспоминали, что на вид Бэсси была ему не пара: Джек. выглядел озорным мальчишкой, а она — степенной матроной. Тем не менее все сходились на том, что супруги жили в мире и согласии. Это весьма решительно подтверждает и Элиза Лондон-Шепард, которая в тот период часто у них гостила. Судя по его собственным записям, Джек признавал за женой лишь один недостаток — ограниченность фантазии, воображения. «Кругозор ее был ограничен узкими рамками». Вместе с этим, вполне отдавая жене должное, он признавался, что всегда знал об этом и что эмоциональная уравновешенность, прозаичность Бэсси были необходимы ему до крайности и прежде всего привлекали его в ней. Клаудсли Джонсу, заявившему, когда Джек женился: «Я приберегу свои поздравления к десятой годовщине вашей свадьбы», — он писал в марте 1903 года: «Кстати, по-моему. Вам уж пора принести нам Ваши давным-давно просроченные поздравления. Вот уже скоро три года как я женат, обзавелся парой ребятишек и считаю, что семейная жизнь — великолепная штука. Так что не мешкайте! Или приезжайте, взгляните на нас и

на ребят и поздравляйте потом».

«Морской волк» двигался вперед полным ходом, принося автору гораздо больше радости, чем даже «Зов предков». В свободные часы Джек писал отличные рассказы об Аляске, такие, как «Тысяча дюжин», «Золотоискатели Севера» и десяток других. Кроме «Спрея», он приобрел еще лошадь с коляской, чтобы катать по окрестностям свое семейство и приятелей. Становилось тепло, и ему доставляло удовольствие устроить пикник где-нибудь на холмах, затеять игры, поплавать в бассейне, поджарить мясо на костре… В конце апреля он упал с коляски, и ему срезало кусок большого пальца на руке. «У меня такое ощущение, будто на кончике пальца бьется сердце», — жаловался он; однако несчастный случай не оторвал его от «Морского волка» — он по-прежнему успевал писать тысячу слов в день. Прообразом главного героя послужил капитан Алекс Макклин, о необычайных подвигах которого он наслышался, когда служил на «Софи Сазерленд». Уединение и покой Джек продолжал находить на «Спрее»; однажды внезапный шторм в клочья изорвал паруса; пришлось порядком потрудиться, чтобы вернуться в устье.

В июне была анонимно опубликована «Переписка Кемптона и Уэйса». Печать встретила ее доброжелательно. «Необычно… вдумчиво… откровенно… широкая аудитория обеспечена… проникнуто пытливым духом современности… служит хорошей пищей для ума… новое направление в жанре романа… умно, остро, философия оригинальна». Путем «последовательных умозаключений» одного из авторов отгадал сан-францисский журнал «Аргонавт». Новость распространилась с такой быстротой, что, выпуская второе издание, Макмиллан запросил у Джека разрешения огласить имена авторов. Раскупали «Переписка» не особенно бойко: для среднего читателя в ней не хватало фабульности, действия, быстрого темпа; однако Джек и Анна (она теперь жила в Нью-Йорке) обменялись письмами, в которых поздравляли друг друга с удачным завершением важной работы.

К концу июня, решив вывезти детей на лето за город, Бэсси сняла домик в Лунной Долине округа Сонома, где у местечка Глен-Эллен разместилась стайка летних дач, построенных миссис Нинеттой Эймс. Джек остался в Пьедмонте — он серьезно работал над «Морским волком», не хотелось бросать и прогулки на «Спрее». Однажды вечером, под самый конец месяца, Джек проезжал через холмы в своей коляске с Джорджем Стерлингом и другими друзьями. По пути коляска свернула с дороги и угодила в овраг; Джеку при этом сильно повредило ногу. Ухаживать за ним частенько приходила Чармиан Киттредж. В начале июля, едва встав на ноги, Джек уехал к своим в Глен-Эллен. Туда же к

тете приехала и мисс Киттредж.

«Трансконтинентальный ежемесячник» прогорел; Роско Эймс с Эдвардом Пэйном остались без работы. На берегу речушки миссис Эймс с Эдвардом Пэйном построили большой, довольно беспорядочный дом и назвали его «Уэйк Робин». Напротив него Пэйн, священник-расстрига, поставил бревенчатые столы и скамейки, чтобы проводить философские дискуссии, посвященные возрождению истинной веры. Чтобы заработать на этом предприятии, миссис Эймс настроила дачки, поставила палатки и стала сдавать их семейным людям.

Приехав в Глен-Эллен, Джек увидел, что его семейство удобно устроилось в домике с парусиновой крышей, расположенном в рощице винно-красной мансаниты и земляничных деревьев. Дачники жили коммуной, готовили в общей кухне на берегу, ели за длинными столами. Джек ассигновал несколько долларов, чтобы устроить запруду там, где чистый прохладный ручей протекал мимо песчаного пляжа, и все общество сходилось сюда загорать и купаться. Проводил здесь послеобеденные часы и Джек; играл с мелюзгой, учил ее плавать. По утрам он уединялся где-нибудь в холодке на берегу и, сидя на стволе спиленного дуба, ежедневно строчил свою тысячу слов. А однажды июльским вечером все обитатели Глен-Эллен, даже малые дети, уютно закутанные в одеяла, собрались послушать первую половину «Морского волка». Рукопись Джек положил на тот самый ствол, на котором обычно писал, с обеих сторон поставил по свечке и начал читать. На земле у его ног расселись соседи. Заря уже принялась расцвечивать небо над горою Сонома, когда он перевернул последнюю страницу. Очевидцы, которым в конце июля 1903 года довелось слышать, как Джек Лондон читает «Морского волка» на берегу ручья в Глен-Эллен, вспоминают этот вечер и поныне как одно из самых значительных и прекрасных событий в своей жизни.

И вот тогда-то, в *какие-то* немногие часы, произошел взрыв, положивший конец существованию семьи Лондонов. Лучше всего, пожалуй, рассказать об этом словами самой Бэсси.

«Как-то в конце июля мы с Джеком после завтрака остались поговорить у ручья. Ему хотелось на время уехать из Окленда; уж слишком часто его отрывали от работы. Он сказал, что подумывает о покупке ранчо в южно-калифорнийской пустыне, и спросил, не буду ли я против того, чтобы там поселиться. Я ответила, что вовсе нет, только нужно позаботиться об удобствах, необходимых для детей. (Бэсси была в первую очередь матерью, а уж потом женой. Джек обещал, что это будет сделано, и мы наметили переезд на осень.

Часа в два я отвела детей домой спать. Мисс Киттредж давно уже поджидала поблизости; они с Джеком пошли на большой гамак у дома миссис Эймс и стали разговаривать. Я не придала этому никакого значения, уложила детей и взялась за уборку. Четыре часа подряд мисс Киттредж с Джеком сидели в гамаке и говорили.

В шесть Джек вошел к нам в домик и сказал:

— Бэсси, я тебя оставляю.

Не понимая, о чем он говорит, я спросила:

— Ты что, возвращаешься в Пьедмонт?

— Нет, — ответил Джек. — Я ухожу от тебя… развожусь.

Оглушенная, я опустилась на край кровати и долго смотрела на него, пока, наконец, еле смогла выговорить:

— Господи, папочка, да что ты?.. Ты же только что говорил насчет Южной Калифорнии…

Джек упрямо твердил, что бросает меня, а я все восклицала:

— Но я ничего не понимаю… Что с тобой случилось?

Однако больше от него нельзя было добиться ни слова.

Никто, и уж тем более Бэсси, не догадывался, что в жизни Джека «случилось» не что иное, как Чармиан Киттредж. Ко многим женщинам могла Бэсси ревновать мужа, но к этой ей и в голову не приходило. Мисс Киттредж была лет на пять, а то и на шесть старше Джека, не блистала красотой, и в Пьедмонте, где ее хорошо знали, служила объектом язвительных суждений и толков. Зачастую там, где бывал Джек, была и она, но к этому Бэсси привыкла еще у себя в Пьедмонте. На первый взгляд Джек в Глея-Эллен виделся с нею не чаще, чем с другими. Больше того, не раз в присутствии жены он отзывался о ней очень нелестно. Бэсси знала, что мисс Киттредж ему не особенно нравится.

Вот что писала мисс Киттредж Джеку в июне, за месяц до развода:

«Ах, ты чудный — чудеснее всех! Я видела, как от моего прикосновения у тебя молодеет лицо. Что стряслось с этим миром? Где мое место? Наверное, нигде, если нигде — это сердце мужчины».

И тогда же пишет ей Джек:

«Вокруг тебя сомкнулись мои руки. Целую тебя в губы, открытые, честные губы, которые знаю и люблю. Вздумай ты вести себя застенчиво, робко, попробуй вопреки самой себе изобразить жеманную недотрогу, разыграть хоть на мгновение притворную стыдливость, ей-богу, я бы, кажется, проникся к тебе отвращением. «Дорогой мой, дорогая любовь моя!» Я лежу без сна и все снова и снова повторяю эти слова».

7 июля Чармиан Киттредж пишет Джеку:

«Меня начинает пугать одно: боюсь, что мы с тобой никогда не сможем выразить, что мы друг для друга. Все это так огромно; а способов выражения у человека так несоизмеримо мало». Спустя несколько дней она посылает ему из Сан-Франциско письмо, которое отпечатала на машинке в своей конторе:

«Ты поэт, и ты так красив. Поверь, милый, милый мой, что еще никогда в жизни я ничему не была так *рада, так* глубоко, по-настоящему *рада.* Подумать только: тот, кто для меня величайший из людей, не обманулся во мне!»

Мирно спали дети в дачке с парусиновой крышей в Глен-Эллен, а их отец, обуреваемый противоречивыми чувствами, переживал сейчас, пожалуй, самую мучительную ночь в жизни. Джек был прежде всего человеком мягким, добрым. Сам легко ранимый, прекрасно зная, что такое обида, он всегда боялся причинить боль другим. Для него было первым удовольствием помочь человеку, разделить с ним все, чем он сам богат. Неужели это он захвачен таким бурным, таким стремительным чувством, что, подчиняясь ему, бросает жену и дочерей, как в молодости уходил от. Джона Лондона и Флоры? Человек нежной души, социалист, убежденный, что надо отдавать людям лучшее, не думая о награде, стремящийся из сострадания к человечеству добиться для людей лучшей доли! Так это его совесть, его социальные и моральные взгляды сметены прочь, уступили место ницшеанскому идеалу — странному, но неразлучному спутнику его социалистических взглядов. Не он ли, этот ницшеанский сверхчеловек, твердит Джеку: «Ты можешь вырвать у жизни все, что пожелаешь; не стоит беспокоить себя чувствами безликой толпы, моралью рабов — ведь Бэсси, увы, из их числа!»

Утром Джек возвратился в Пьедмонт, забрал свои пожитки из дома, о котором с такой гордостью писал друзьям, и снял комнату у Фрэнка Эзертона. Прошло несколько дней, и первые страницы газет запестрели сообщениями о разводе. Говорить с репортерами Джек отказывался, и те за неимением лучшего всю вину взвалили на «Переписку Кемптона и Уэйса». Джек-де написал там, что «чувство любви основывается не на разуме», а Бэсси была так поражена подобным утверждением, что это послужило достаточным поводом для развода.

VII

С самого начала отношения Джека и Чармиан Киттредж отличаются высоким стилем; с течением времени выспренность взаимных признаний все возрастала. 1 сентября Чармиан пишет ему: «Ты мой, *мой собственный,* я обожаю тебя слепо, безумно, безрассудно, страстно; ни одна девушка не была еще способна на такую любовь». И на другой день продолжает: «Ах, любимый мой, ты *такой мужчина.* Я люблю тебя, каждую твою клеточку, как не любила еще никогда и никого уже больше не буду любить». Через два дня: «О, дорогая Любовь моя, ты мой Мужчина; истинный, тот самый, настоящий Супруг моего сердца, и я так люблю тебя!» Следующее письмо: «Думай обо мне нежно, и любовно, и безумно; думай, как об очень дорогом друге, своей невесте, Жене. Твое лицо, голос, рот, твои нежные и властные руки — весь ты, целиком, мой Сладостный — я буду жить мыслями о тебе, пока мы не встретимся опять. О Джек, Джек, ты такой душка!»

Не желая уступить ни в торжественности изъявлений чувств, ни в выборе стиля, Джек отвечает:

«Ты не можешь представить себе, как много ты для меня значишь. Высказать это, как ты сама говоришь, невозможно. Непередаваемо волнуют первые мгновения, когда я встречаю, вижу, касаюсь тебя. Ко мне приходят твои письма, и ты со мною, со мною во плоти, и я гляжу в твои золотистые глаза. Да, душа моя, любовь к женщине для меня началась тобою и кончится тобой».

Боясь скандала, который неизбежно вспыхнул бы, если бы стала известна причина развода, влюбленные встречались тайно,

раз или два в неделю. В те дни, когда бывать вместе было нельзя, посылали друг другу бесконечные письма. В тех, которые мисс Киттредж ежедневно писала в своей сан-францисской конторе, — от одной до пяти тысяч слов; многих сотен страниц, отправленных Джеку за два ближайших года, хватило бы на полдюжины средних по величине романов. Написаны они затейливо и кокетливо, чувствительно и цветисто; но под многословием угадывается рука женщины хитрой и умной. Их любовь изображается в этих письмах величайшей любовью всех времен. Она всегда знала, говорит Джеку мисс Киттредж, что ей уготовано судьбой нечто необычайное. «О Джек, дорогой, дорогой мой, Любовь моя, ты мой кумир, ты не знаешь, как я тебя люблю». И так до тех пор, пока он не начинает верить, что его любят, как не любили никого с сотворения мира. Убежденный, он отвечает: «Твоя любовь ко мне так огромна, что меня охватывает сомнение — смогу ли и я когда-нибудь полюбить тебя с такой же силой?» Письмо за письмом — она задает тон, он подхватывает почти машинально. Ведь из них двоих он литератор, как же он может писать менее пышно, страстно, откровенно, чем она?

«Нет, нет, Возлюбленная, — пишет он, — моим глазам любовь наша не представляется чем-то немощным и незначительным. Я готов жить или умереть ради тебя — это само по себе доказывает, что наша любовь для меня важнее жизни и смерти. Ты знаешь, что из всех женщин ты для меня единственная; что ненасытная тоска по тебе страшнее самого лютого голода; что желание грызет меня свирепо, как никогда не терзала жажда славы или богатства. Все, все доказывает — и доказывает неопровержимо, как велика она, наша любовь».

Ежедневно слова мисс Киттредж тысячами проходят перед его глазами, и загипнотизированный Джек начинает писать в тоне какой-нибудь третьесортной Марии Корелли. Под влиянием литературной манеры Чармиан он отвечает теми же вычурно-нарядными излияниями в духе девятнадцатого века — в том самом стиле, которому еще в раннюю пору своего творчества объявил войну; в том трескучем любовном стиле, от которого ему так и не суждено было избавиться, который испортил столько его книг. Джек, выступивший в «Переписке Кемптона и Уэйса» противником любви сентиментальной, поэтической; защитником теории, утверждавшей, что любовь — биологическая потребность, и только, внезапно превращается во «влюбленного безумца, готового умереть в поцелуе».

Что сказала бы Анна Струнская, заглянув ему через плечо и увидев, как круто изменил он свои позиции! Едва ли она отказала бы себе в удовольствии с ироническим смешком показать Джеку

сравнения ради его собственные строчки: «Если бы не было эротической литературы, человек, безусловно, не мог бы любить в присущей ему манере».

В письме, написанном из Стоктона 10 ноября 1903 года, обилие излияний достигает апогея: «Знай же, сладостная любовь моя, что я и не представлял себе, как огромна твоя любовь, пока ты не предалась мне по доброй воле и до конца; пока ты, твоя любовь, все твое существо не вымолвили «да». Своим милым телом ты как печатью скрепила все, в чем призналась мне душой, и вот тогда я понял все, до конца. Я познал — я знаю, что ты до конца и целиком моя. Если при всей своей любви ты все-таки не уступила бы мне, передо мной не открылось бы с такой полнотой твое женское величие; не были бы так беспредельны моя любовь, мое преклонение пред тобою. Просмотри мои письма, и, я уверен, ты убедишься в том, что истинное *безумие* овладело мною не ранее, чем ты с царственной щедростью одарила меня. Именно *после того,* как ты отдала мне самое главное, появились в моих письмах слова, что я твой «раб», что я готов умереть за тебя, и весь прочий восхитительный набор любовных преувеличений. Но это не преувеличение, дорогая, не напыщенный вздор сентиментального тупицы. Когда я говорю, что я твой раб, я утверждаю это как человек *здравомыслящий,* и это лишний раз подтверждает, что я воистину и до конца сошел с ума».

В 1890 году, девятнадцати лет от роду, Чармиан Киттредж, по собственным словам, была «розовощекой девочкой, по мнению многих, хорошенькой и — за исключением тех случаев, когда ее одолевает ревность, — в превосходном расположении духа». В 1903 году, в возрасте тридцати двух лет, ее уже хорошенькой не считали: тонкие губы, узкие глаза, поникшие веки; но держалась она вызывающе смело. Во многом она походила на Фрону Уэлс, созданную Джеком как образец женщины двадцатого века. Вынужденная после смерти родителей зарабатывать себе на жизнь — а в те дни считалось, что благовоспитанной девушке работать не совсем прилично, — она добилась того, что стала первоклассным секретарем, получая «мизерное жалованье, тридцать долларов в месяц». Она много читала, взгляды ее были чужды шаблона; когда в 1900 году Джек встретился с нею в первый раз, она уже начала собирать библиотеку, состоявшую из запретных для Оклендской публичной читальни романов — самых смелых и самых современных. Она по-настоящему любила музыку, мило пела; у нее нашлось достаточно дисциплины и силы воли, чтобы, работая шесть дней в неделю, упражняться еще и в игре на рояле и стать великолепной пианисткой.

У нее был обольстительный голос, звучный, богатый

оттенками, ласкающий слух; она любила посмеяться — даже если ее собеседники не находили повода для смеха — и поговорить — вот в чем она не знала устали! Ей случалось проговорить без передышки от четырех до семи часов кряду. Располагая неистощимым запасом слов и выражений на каждый случай жизни, она умела поддержать умную беседу, своевременно вставить замечание. На редкость отважная, она скакала верхом по холмам — и это в ту пору, когда вообще-то немногие женщины решались садиться на лошадь, а уж если решались, так лишь для того, чтобы покататься в английском дамском седле по специальным дорожкам, где-нибудь в Парке Золотых Ворот.

Честолюбивая, стремясь выдвинуться в сфере интеллектуальной, добиться успеха в обществе, она неустанно совершенствовалась: скопила денег на поездку по Европе, недурно расписывала фарфоровые блюда — словом, работала не покладая рук и с каждым годом в той или иной области преуспевала.

Однако во всем, что касается любви, она была законченным продуктом девятнадцатого века. И трескучие фразы, и витиеватое, игривое кокетство, и прихотливые, затейливые чепчики — все выдает в ней полную противоположность Фроны Уэлс. В дневнике мисс Киттредж отражаются многие стороны ее сложной натуры, в том числе и приторно-сентиментальное отношение к любви. Каждый мужчина, будь это даже случайный знакомый, в ее воображении немедленно превращается в потенциального влюбленного. Каждый взирает на нее либо восхищенно, либо страстно, каждый не в силах оторвать глаз. Что касается лиц ее собственного пола, она их выносит С трудом; каждая женщина при виде ее непременно загорается ревностью; каждая, в свою очередь, внушает ревность и ей. В кругу мужчин она настойчиво, сознательно ставила себя в центр внимания, вдохновенно и со знанием дела изображая женщину, в которой есть нечто роковое. Отзывы знакомых и друзей показывают, что там, где речь шла о мужчинах, правил частной собственности для нее не существовало. Зная, насколько она поглощена мыслью о том, как бы заполучить себе мужа, молодые жены и невесты относились к ней с опаской и недоверием.

Непрерывной вереницей появляются в ее жизни мужчины — и вскоре исчезают. Трудно понять, каким образом такой привлекательной молодой женщине никак не удается выйти замуж. Недоумевает и сама мисс Киттредж. Нервничает тетушка и с появлением каждого нового мужчины немедленно осведомляется, входит ли в его намерение брак: годы-то идут, другие девушки выходят замуж, а вот у племянницы все промах

за промахом. В чем же дело?

По возвращении из Европы мисс Киттредж стала частой гостьей в пьедмонтском домике Лондонов, и Джек, охваченный одним из своих мятежных настроений, начал новую страницу. «Признаюсь тебе в том, что ты уже и так знаешь с первого дня нашего знакомства.

Когда я впервые заговорил с тобой, я хотел сделать тебя своей любовницей. Ты была так откровенна, так честна и, главное, так бесстрашна! Будь ты иной — хотя бы в одном движении, поступке, фразе, я, наверное, постарался бы подчинить тебя своей воле… Помню, мы ехали рядом на заднем сиденье, и я предложил: «Может быть, свернем к сеновалу?», а ты посмотрела мне в глаза, с улыбкой, но без насмешки, без тени жеманства. Ни возмущения, ни страха, ни удивления! Добродушное, милое, открытое лицо. Ты взглянула мне в глаза и сказала просто:

«Не сегодня».

Через два месяца после ухода от Бэсси Джек пишет: «Я раздумываю порой: отчего я люблю тебя? За красоту твоего тела, ума? Сознаюсь, не за нее я тебя люблю, но за внутренний огонь, который пронизывает тебя насквозь, украшает все, что бы ты ни надела, который делает тебя задорной, легкой на подъем, чуткой и гордой, гордой собой, своим телом; заставляет и тело твое — само по себе, независимо от тебя — тоже гордиться собой».

Не приходится сомневаться в том, что близкие отношения с мисс Киттредж завязались у него в июне, когда он остался в Пьедмонте, один-одинешенек во всем доме. А идея переехать вместе с Бэсси в Южную Калифорнию, бросить горячо любимый залив Сан-Франциско была попыткой найти выход из положения, в котором он оказался. Очевидно, мисс Киттредж пришлось потратить четыре часа подряд на уговоры, прежде чем он, наконец, сдался.

«Окажись Джоан или Бэсси мальчиком, — заметил один из самых близких друзей Джека, — его бы никакими силами не удалось оторвать от семьи».

Чармиан Киттредж искренне считала, что Бэсси не пара Джеку: женой, какая ему нужна, может стать лишь она. Женой, которая не свяжет себя домом, будничными заботами, а будет вместе с ним странствовать, рисковать, дерзать. Она-то (при поддержке тети Нетты, с самого начала укрывавшей влюбленных), по-видимому, и оказалась скрытой силой, разбившей семью Лондонов. Впрочем, Джек и вообще был легко уязвим. Вспомним, с каким самозабвением отдавал он свою любовь: духовную — Анне Струнской, физическую — незнакомке с чикагского поезда.

Не исключена возможность, что если бы особа с такими специфическими особенностями, как мисс Киттредж, не нагрянула в его жизнь, он бы остался с Бэсси. Дом служил бы ему штаб-квартирой, а разъезжать и искать приключений он стал бы один. Но вполне вероятно, что если бы им не сумела завладеть мисс Киттредж, он достался бы другой, пятой, десятой… Да, он сам часто повторял в своих рассказах: в этом мире одна собака грызет другую, а тех, кто отстал, пожирают волки. Бэсси не в силах удержать мужа? Ну что же! Мисс Киттредж это не касается, она вправе драться за свое счастье в жизни, вправе захватить себе все, что ей надо. Да, Джек причинит страдание троим самым любимым людям; причем двое из них благодаря ему появились на свет. Зато те, кого любит она, из-за нее не пострадают.

Чтобы усыпить подозрения, мисс Киттредж часто навещала Бэсси, которая по секрету делилась с нею семейными горестями. 12 сентября 1903 года она пишет Джеку: «Вчера вечером была у Бэсси. Она приняла меня чудесно — так чудесно, что мне стало него себе. Приглашала приехать погостить, когда только мне вздумается, была до того любезна и радушна, что мне почудилось, будто весь этот разрыв, все невзгоды — только сон. Случается, что при мысли о происходящем мне приходится бороться с чувством, что я просто *гадкая;* правда, тут мне на выручку является рассудок, но все же — ах!!!» И пять дней спустя продолжает: «Я почти отказалась от мысли, что Бэсси всерьез подозревает меня, хотя с ее стороны меня бы *ничто* не удивило! Она себе на уме, а я людей лживых не понимаю». Так ловко играла она свою роль, что 2 октября Джек смог сообщить ей, что «поскольку дело идет о нас с тобой, все обстоит благополучно. Вчера вечером Бэсси мне говорила, что без тебя не знала бы, как и быть. Одним словом, тебя превозносили до небес».

Бэсси была потрясена до глубины души, но слишком горда, чтобы бороться, устраивать сцены. В полнейшем неведении относительно побуждений, которыми руководствовался ее муж, она вела себя безропотно и только дивилась, отчего человек, который упорно добивался ее руки, настоял, чтобы она родила детей, не только пользовался ее помощью в своей работе, но в первые годы совместной жизни и ее деньгами, три года прожил с нею в мире и согласии, — почему он вдруг без всякого предупреждения ушел от нее?

В беде она обрела друга: Флору Лондон. Три года Флора и Бэсси изводили Джека ссорами, но любовь к Джонни Миллеру открыла Флоре значение материнства. Теперь она восстала против сына за то, что он бросил семью. Уязвленный предательством, как он называл поведение матери, Джек

совершенно потерял голову. У него появилась мания преследования; он сетовал, что все против него, что весь мир сговорился оторвать его от «женщины его любви». 22 сентября с борта «Спрея» он пишет мисс Киттредж: «По всем законам человеческим мне нельзя было пройти мимо тебя во мрак и тьму. Ты была моя, моя, никто на свете не имел права разлучить нас. И все-таки меня разлучили, гнусно разлучили с женщиной, которую я люблю больше жизни».

Он настолько утратил ясность мыслей, что не мог заставить себя взяться за работу, несмотря на великолепные отзывы критики о «Зове предков», единодушно названном «классическим вкладом в американскую литературу». Единственный способ уйти от мути, поднявшейся вокруг него, — это удрать куда глаза глядят. Иначе, решил он, ему вообще не закончить «Морского волка». Когда «Спрей» вернулся после капитального ремонта, он выслал деньги на проезд Клаудсли Джонсу — тот жил в Южной Калифорнии, почти ничего не зная о неприятностях друга. Вдвоем они взяли курс на устье реки Сакраменто; по утрам работали над книгами, после обеда плавали, охотились на уток, удили рыбу. После жизни среди женщин, со всеми их сложностями (возникшими, впрочем, по его же вине), он нашел мужское общество целительным. «Чем больше я бываю с Клаудсли, тем он мне приятнее. Он честен и предан, молод и свеж, понимает дисциплину на борту, хорошо готовит, не говоря уж о том, что он славный, добрый товарищ».

Чисто по-мужски он выбросил из головы все тревоги, и каждое утро писал «Морского волка» по тысяче слов в день. Единственной заботой, которая, несмотря ни на что, давала о себе знать, были финансовые затруднения: к 14 сентября он снова остался без средств. «Бэсси твердит тебе, что я остался чуть ли не без гроша, — пишет он мисс Киттредж. — Я и сам чувствую, что недалек от этого. Меня отделяют от нищеты какие-то сто долларов, а тут нежданно-негаданно приходит счет от врача на сто пятнадцать». «Морской волк» отложен в сторону; автор берется за рассказ для «Спутника юношества», решив заниматься поденщиной целый месяц, чтобы немного поправить дела.

Раз в несколько дней он заходил за почтой в какой-нибудь маленький городишко — Стоктон, Антиок, Вальехо. Однажды пришло письмо от Бэсси: Джоан заболела тнфом. Джек примчался к дочери. В ужасе, что ребенок может умереть, он почти не отходил от постели. Когда врач сообщил, что девочка тает как свеча, Джек принял эту весть как возмездие за грехи и поклялся, что если только его дитя выживет, он откажется от своей великой любви и возвратится к семье. В газетах появились сообщения о

том, что у постели больной девочки супруги помирились.

Но вот Джоан стала поправляться, и Джек повел себя, как моряк с затонувшего корабля, который бросается на колени и молится на своем утлом плоту: «Господи милостивый, спаси меня, и я стану праведником по гроб жизни… Ладно уж, не беспокойся напрасно, кажется, я вижу парус». Когда Джоан снова поднялась на ноги, он вернулся на «Спрей».

В настоящем царила неразбериха, зато он славно поработал в прошлом, и труды не пропали даром. «Зов предков» завоевал популярность; доступный каждому, он раскупался читателями всех классов и возрасюв. К ноябрю он числился третьим в списке «бестселлеров», уступая лишь «Зловещей заставе» и «Пастушку грядущего царства», оставив позади таких любимцев публики, как «Миссис Виггс с капустного поля», «Ребекка с фермы Саннибрук» и «Как сыр в масле». В ноябре вышли «Люди бездны», получившие почти единогласное одобрение. Критики утверждали, что как социологический документ книга не знает себе равных; если бы Джек Лондон не создал ничего, кроме «Людей бездны», он заслужил бы признание как автор этой книги. Она заставит чванное, самодовольное общество призадуматься — действительно ли оно до сих пор наилучшим образом использовало свои возможности?

Естественно было предположить, что в Англии Лондона сочтут самозванцем, вторгшимся в чужую область. Английская печать действительно обвинила его в том, что он, не задумываясь, рубит сплеча; но в то же время признала, что, кроме него, никому еще не удавалось добраться до самого сердца лондонских трущоб.

Первую половину «Морского волка» Джек отослал Бретту, на которого эта вещь произвела такое сильное впечатление, что, приложив к рукописи восторженную рекомендацию, он отослал ее редактору журнала «Век».

Услышав об этом, Джек в недоумении покачал головой: «Век» был известен как журнал степенный, консервативный, рассчитанный на солидного, семейного читателя. Нечего было и думать, что он возьмется печатать такую острую, обнаженно-реалистическую вещь, как «Морской волк». Он ошибся. Редактор предложил Джеку чегыре тысячи долларов за право печатать роман по частям. Правда, при условии, что вторая половина — она была еще в работе — будет сокращена и что герой и героиня, оставшись вдвоем на пустынном острове, не поведут себя предосудительно — с точки зрения подписчиков почтенного журнала.

Четыре тысячи! Только за журнал! Да ведь четыре тысячи он получил за полные права на издание «Зова предков». На всех

парусах Джек спустился к устью залива, пришвартовался к пристани и немедленно телеграфировал редактору «Века»; пусть сокращает сколько душе угодно, а что до остального, он «абсолютно уверен, что вторая половина книги не будет шокировать американских скромниц». Договор был заключен. Джек с новым жаром принялся за деле, и за тридцать дней лихорадочной работы книга была завершена. Журнал, не жалея бумаги и красноречия, уже разгласил на весь свет в невиданно пространных рекламах, что мистер Джек Лондон, автор популярной повести «Зов предков», собирается поместить на страницах журнала «Век» свою новую книгу «Морской волк».

Через несколько месяцев он станет обладателем четырех тысяч наличными. А пока — ни гроша, и, как на грех, за неделю до рождества. В банке — ровно двадцать долларов и два цента; а еще не куплены рождественские подарки. «Учитывая, как расходится «Зов предков», не собирается ли Бретт преподнести мне вознаграждение в виде рождественского подарка? Было бы очень кстати». «Зов предков» рвали из рук, но денег Бретт не прислал. Нельзя сказать, что это было проявлением скупости. На протяжении ряда лет он был неизменно щедр по отношению к своей подчас очень требовательной литературной «звезде». Но в данном случае все было условлено заранее и согласовано с Джеком. Бретг понимал, что выплатить вознаграждение — значит нарушить условия договора и сделать возможным повторение подобных случаев в будущем. Если бы Джек оставил за собой права на издание «Зова предков», его гонорар составил бы за несколько лет около ста тысяч долларов — при условии, что Бретт ассигнует такую же сумму, как сейчас, чтобы расчистить книге путь. Нет, Джеку не пришлось раскаиваться в передаче всех прав Бретту. Тот истратил целое состояние, создавая автору известность, а Джек отдавал себе отчет в том, что значит для него реклама.

В канун нового, 1904 года стало ясно, что неизбежна война России с Японией. Как социалист, Джек был противником всякой войны. Трудовые люди разных стран гибнут на войне, защищая интересы капиталистов. Но раз уж война все-таки началась, он хочет побывать на поле боя и увидеть все собственными глазами. В свое время он познакомился с тактикой, с военной техникой; его интересовало, насколько угрожают цивилизации современные методы ведения войны. Кроме того, нужно было разобраться во множестве теорий относительно Желтой Опасности. Наконец, он чувствовал, что, завоевав репутацию военного корреспондента, сможет заработать деньги в любое время. Снова перед ним была Тропа Приключения — тропа, по которой он мог уйти от брачных

и любовных осложнений.

Журналы и газеты начали посылать в Японию корреспондентов. К Джеку обратились пять синдикатов; он дал согласие тому, который сулил больше денег, — концерну Херста. В первых числах января он явился в редакцию «Экзаминера» и сфотографировался на крыше здания. В темном рабочем костюме, в башмаках, давно не стриженный, он выглядел так, будто только что сменился с работы в бельмонтской паровой прачечной. По снимкам видно, что волнения и неприятности, пережитые за шесть месяцев со дня разлуки с Бэсси, не прошли бесследно. Мальчишеское выражение сменилось озабоченным, тревожным.

Распорядившись, чтобы ежемесячный чек от Макмиллана присылали Бэсси, Джек попросил Элизу помочь мисс Киттредж, если у нее в чем-нибудь возникнет нужда. Это был первый сигнал, по которому Элиза стала догадываться, что происходит. Джона Стерлинга Джек уполномочил отредактировать «Морского волка», прежде чем Макмиллан отправит книгу в типографию. 7 января 1904 года, за пять дней до того, как ему исполнилось двадцать восемь лет, Джек Лондон переправился на пароме к Эмбаркадеро и на пароходе «Сибирь» отплыл в Иокогаму.

На «Сибири» собралась веселая компания газетчиков, тут же присвоившая себе кличку «стервятников». В первый день пути из Гонолулу на палубе затеяли спортивную игру. Джек прыгнул на круглую палку, упал и растянул себе связки левой ноги. Правую он повредил, еще когда был Благородным Бродягой, упав со скорого поезда, поэтому сейчас несчастный случай совсем вывел его из строя. «Шестьдесят пять часов обливался потом, лежа на спине. Вчера один корреспондент-англичанин вытащил меня на палубу на своем горбу». Сокрушаться над своим невезением было некогда; в кабину набились «стервятники», потчуя Джека былями и небылицами о других войнах, других заданиях.

Когда пришли в Иокогаму, он пропустил по стаканчику у каждой стойки, где семнадцатилетним пареньком пил бок о бок с Большим Виктором и Акселем — Неразлучной Тройкой с «Софи Сазерленд». Потом сел на поезд и отправился в Токио, где, поджидая, пока японское правительство разрешит побывать в действующей армии, уже собрались корреспонденты со всех концов земли. Официально война не была объявлена, поэтому японские чиновники отвечали на запросы уклончиво, а взамен занимали корреспондентов экскурсиями по достопримечательным местам, пышными банкетами и прочими отвлекающими внимание развлечениями.

Джек приехал в Японию не затем, чтоб сидеть на банкетах. Два дня он терпел, выслушивая изысканно-вежливые увертки, а

затем, поговорив кое с кем, выяснил то, чего и не подозревали другие корреспонденты, а именно, что правительство Японии не намерено подпускать корреспондентов к линии фронта. Стало ясно, что, если хочешь дать газете материалы о войне, надо просто самому найти дорогу на фронт. Не сказав ни слова «стервятникам», Джек улизнул из Токио поездом на Кобе и Нагасаки; там он надеялся сесть на корабль и попасть в корейский город Чемульпо, откуда японские части перебрасывались на фронт.

Несколько дней он провел на побережье в бесплодных поисках, пока не разведал, что 1 февраля в Чемульпо уходит пароход. Купив билет, Джек уже тешил себя мыслями о том, что пройдет по Корее с действующей армией, в то время как других корреспондентов будут по-прежнему потчевать роскошными обедами в Токио. Чтобы скоротать свободные часы, он пошел по улицам, собираясь сфотографировать кули, занятых погрузкой угля и тюков с хлопком. Не прошло и десяти минут, как он уже оглядывал камеру «каталажки» — первой в целой веренице корейских и японских военных тюрем, заставивших его пожалеть о сравнительно тихом местечке коридорного исправительной тюрьмы в округе Эри. Он был арестован японскими властями как русский шпион! Восемь часов допроса «с пристрастием», на другой день — новая тюрьма, побольше, и снова допрос. Наконец его выпустили, но… пароход уже ушел.

Узнав, что солдат вызывают с квартир даже глубокой ночью, Джек лихорадочно рыскал по побережью, отыскивая еще какой-нибудь корабль на Чемульпо. В конце концов 8 февраля нашлось место на «Кього Мару», но перед самым отходом судно было конфисковано правительством. Вне себя от мысли, что он не успеет на фронт, чтобы подготовить корреспонденцию о первом сражении, Джек очертя голову ринулся на катере к пароходику, направляющемуся в Пусан, порт на пути в Чемульпо; он погрузился на него среди такой суматохи, что один из его чемоданов уронили за борт — и прощай! Пароходик был местный, ни крошки европейской пищи на борту и ночлег на открытой палубе, под мокрым снегом вперемежку с дождем. Точь-в-точь бродяжьи «джунгли» у железной дороги, где, бывало, приходилось дрожать без одеяла всю ночь напролет.

В Пусане Джек пересел на другой корабль, но едва пришли в Мокпхо, как судно было занято властями, а пассажиры с багажом бесцеремонно высажены на берег. Поспешность, с которой японцы переправляли солдат в Корею, красноречиво свидетельствовала о том, что вот-вот будет объявлена война. А тут нужно сидеть за сотни миль от Чемульпо, зная, что парохода не будет. Ему платят

за то, чтобы он присылал корреспонденции о войне, стало быть, он пришлет их, черт побери! Но как добраться до фронта? Как? И тут в нем заговорил внук Маршалла Уэллмана, мальчиком приплывшего на самодельном плоту с острова на заливе Путин-Бей домой, в Кливленд. Совершенно ясно. Зафрахтовать открытую туземную джонку, переплыть Желтое море, а потом вдоль корейского побережья добраться до Чемульпо!

Термометр показывал четырнадцать градусов ниже нуля.

Ничего, в Клондайке случалось выносить и шестьдесят. Ветер, завывавший над Желтым морем, был ничуть не страшнее того, что выл над озером Линдерман. Поступок потрясающе смелый, отчаянный, а впрочем, не более отчаянный и смелый, чем в двенадцать лет от роду разгуливать в дырявой посудинке по коварному заливу Сан-Францкско под злым юго-западным ветром. Путь трудный, опасный не менее, чем тот, который проделывали викинги, в открытой лодке пересекавшие Атлантический океан. Тем лучше! Джек купил ходкую джонку, набрал себе на подмогу команду из трех смельчаков корейцев и отплыл в Чемульпо.

«Затея сумасшедшая донельзя, но до чего здорово! Эх, посмотреть бы на меня сейчас! Я капитан, команда — три корейца, по-английски — ни слова. К ночи пришли в Кунсан без мачты, рулевое управление вышло из строя. Хлещет дождь, ветер пронизывает до костей. Нужно было видеть, как меня ублажали, — пять японских дев помогли раздеться, отвели в ванную и уложили спать, обмениваясь замечаниями по поводу моей красивой белой кожи».

Снова в море! Шесть дней и ночей в леденящей стуже; шторм яростно швыряет крохотное суденышко, гибель грозит ежеминутно. Погреться можно только около угольной жаровни, но жаровня чадит — отрава пострашнее холодных национальных блюд, которыми волей-неволей приходится питаться. Обе лодыжки у Джека еще не окрепли, так что джонку он вел полукалекой. В каком состоянии он прибыл в Чемульпо, становится ясно из слов одного английского фотографа, которому удалось проскочить туда последним пароходом:

«Когда Лондон появился в Чемульпо, я его не узнал. Отморожены уши, пальцы, ноги. Развалина, да и только. Ему это, оказывается, было неважно: зато он добрался до фронта. Хочется сказать, что среди всех храбрецов, каких мне посчастливилось встретить в жизни, Джек Лондон — один из самых отчаянных. В мужестве он не уступит ни одному герою своих романов».

Джек завел лошадей, научился верховой езде, нанял слуг, «мапу» (конюха) и двинулся по Корее на север, к расположению

русских войск. Дороги были покрыты грязью и льдом. Каждый день к вечеру нужно было обогнать японских солдат и первыми войти в ближайшую деревню, иначе не найдешь ночлега.

Несколько недель форсированного марша, во время которого он терпел неимоверные лишения, и, наконец, Пхеньян. Так далеко на север еще не забирался ни один военный корреспондент. Здесь его неделю продержали в тюрьме. Корреспонденты, все еще весело проводившие вргмя в Токио, пожаловались японскому правительству. Газеты, шипя от злости, забрасывали их телеграммами, требуя объяснить, почему это Джек Лондон достает материал о Корее, а они — нет. Джека отослали назад в Сеул, миль за двести от фронта, и по приказу из Токио бросили в военную тюрьму за то, что он без разрешения следовал за армией.

Затем в доказательство своего дружеского расположения к другим государствам японское правительство решило сделать широкий жест. «Нам, то есть четырнадцати корреспондентам, воспротивившимся тому, что их без конца маринуют в Токио, разрешили передвигаться с армией. Выглядит это как экскурсия, организованная для туристов компанией Кука. В роли гидов — офицеры по надзору. Видим только то, что нам разрешают видеть, то есть почти ничего. В этом и заключается обязанность сопровождающих нас офицеров.

Скажем, наблюдали со стен Вийу бой на реке Ялу, но вот уничтожена одна японская рота — и приказ: нам — назад, в лагерь».

С наступлением весны корреспондентам разрешили переправиться через Ялу. В рощице у храма солдаты построили для каждого восхитительный домик. Джек плавал, играл в бридж и мог уходить от лагеря мили на полторы… а японцы тем временем бомбардировали русские траншеи.

Тяжело работать, когда сидишь в неволе за сорок миль от передовой, но Джек делал все, что было в его силах. Он дает обоснованную оценку японской армии: «Людской состав и оснащение японской армии вызывают всеобщее восхищение»; анализирует тактику маневрирования и ведения боя той и другой стороны. Пригодились и уроки фотографии, которые давала ему Бэсси. Его снимки — армия на марше, рытье окопов, армия на биваке, уход за ранеными — первыми пришли в Америку. Послав девятнадцать корреспонденции и сотни фотографий, он был вынужден дожидаться возвращения в Сан-Франциско, чтобы узнать, получил ли их «Экзаминер».

«Возмутительно! Никогда больше не поеду на войну, которую ведут азиаты. Слишком много канители и неприятностей. Так с

корреспондентами не обращались ни на одной войне». В июне он был готов ехать домой: не стоило зря тратить времени. «Крайне раздражает беспомощное положение, в котором я здесь нахожусь. Ни малейшей возможности работать как хочется. Единственное утешение — поближе познакомился с географией Азии и особенностями местных жителей».

Желание уехать превратилось в необходимость, когда он чуть не предстал перед военным судом. Однажды его «мапу» явился в армейский штаб за кормом для лошадей, но по вине одного корейца не смог получить сполна все, что причиталось. Джек обвинил корейца в воровстве — тот уже давно был у него на подозрении. В ответ кореец замахнулся на него ножом, но ударом кулака был сбит с ног. Джек получил срочный приказ явиться к генералу Фуджи, который пригрозил ему суровым наказанием. Весть о том, что Джека Лондона ожидает расправа, дошла до Токио, где в роскошном ничегонеделании влачил свои дни Ричард Хардинг Дэвис. Дэвис молниеносно телеграфировал президенту Рузвельту, а тот, в свою очередь, заявил Японии резкий протест. Генерал Фуджи получил распоряжение освободить арестованного. Джек возвратился в Токио, где вот уже четыре месяца сидели корреспонденты, дожидаясь официального разрешения примкнуть к армии. Дэвис, поехавший в Иокогаму проводить его, побожился, что, услышав хотя бы один выстрел, вернется на родину. Проторчать здесь столько месяцев и не дождаться ни единого выстрела — это уж слишком!

«Одна надежда — восстановить свою репутацию на другой войне, в армии белокожих», — сетовал Джек. По правде говоря, он сокрушался напрасно; он выжал из своей поездки больше корреспонденции, чем любой другой; достал сенсационный материал, в особенности фотографический. В газете его работой были вполне довольны.

Немалое значение «увеселительная прогулка» на Восток имела еще и потому, что газетный концерн снабжал его статьи броскими заголовками. А тут еще успех «Зова предков», эффектные рекламы в журнале «Век», посвященные «Морскому волку»… Одним словом, ко времени возвращения в Сан-Франциско Джек Лондон становится самым известным американским писателем.

Он доверчиво полагал, что, когда сойдет с корабля у Эмбаркадеро, его с распростертыми объятиями встретит мисс Киттредж. Вместо этого его встретил с простертой рукой судебный чиновник: в руке была копия заявления Бэсси, возбудившей дело о разводе. На гонорар, причитавшийся ему от «Эк-заминера» как военному корреспонденту, по ее требованию

был наложен арест. Джек дрогнул: это был тяжелый удар. Стал читать дальше — и не поверил своим глазам. У него перевернулось сердце: причиной семейного разлада Бэсси называла Анну Струнскую!

Бэсси подала на развод — к этому Джек давно стремился, но вовлечь в скандал Анну — Анну, с которой он не видится вот уже два года!.. Придя в себя, он вздохнул с облегчением: оказывается, Бэсси не винит Анну в серьезных прегрешениях, а лишь утверждает, что их совместная работа над «Перепиской Кемптона и Уэйса» явилась причиной того, что муж стал к ней равнодушен.

Мисс Киттредж не встретила его. Подошла Элиза с пачкой писем. Одно было из города Ньютон, штат Айова; мисс Киттредж жила там у родственников. «Боюсь, ты будешь разочарован, что меня нет в Калифорнии, — прочел он. — Всякий раз, как я подумаю о том, что может произойти в эти месяцы, становится все более и более жутко. Позорная огласка, ужас. смятение дорогих мне людей! Я пишу так не потому, что охладела, мой милый. Наоборот, с тех пор как мы полюбили друг друга, я еще так не сходила с ума по тебе, как в эту минуту. Однако ради других и себя самой я вынуждена сохранять благоразумие».

Джек был зол, возмущен, обижен. Приехав в Пьедмонт к Бэсси, обнимая девочек, он думал:

«Хватило мужества в шторм и стужу пуститься по Желтому морю в открытой джонке, так отчего же не хватает духу сохранить верность жене, долгу, даже если и полюбил другую?»

На другое утро Америку облетела весть, что Бэсси Лондон разводится с мужем, изменившим ей с Анной Струнской. Так кричали и громкие «шапки» сан-францисских газет. Отныне вся его жизнь с мельчайшими, самыми сокровенными подробностями стала добычей газет. Прижатый к стенке репортерами, он воскликнул: «Меня волнует лишь одна подробность этого дела: в нем фигурирует имя Анны Струнской, а она человек, который может принять это слишком близко к сердцу».

«Я поражена, — заявила репортерам мисс Струнская. — За последние два года я виделась с мистером Лондоном всего раза два, так как жила то в Европе, то в Нью-Йорке. Гостила я у Лондонов два года тому назад, и тогда никто не обмолвился даже словом о том, что их семейная жизнь не ладится». В 1937 году на вопрос о том, почему же она назвала на суде имя Анны Струнской, Бэсси ответила, что раскаивается в своей ошибке. «Я знала, что Джек не оставил бы меня, если бы не увлекся другой, и не представляла себе, кто это может быть, кроме Анны Струнской».

Джеку не пришлось долго доказывать жене, что Анна не

имеет никакого отношения к их разрыву. Убедившись, что это правда, Бэсси потребовала, чтобы имя Струнской не фигурировало на процессе. Джек объяснил ей, что если по совету своего адвоката она будет настаивать, чтобы на все заработки мужа был наложен арест, то львиную долю денег получат юристы и почти ничего не достанется детям. Совершенно седая, грустная, смертельно оскорбленная, Бэсси спросила, может ли он построить для нее дом в Пьедмонте. Так она была бы спокойна — у детей был бы надежный кров. Джек обещал. Тогда, сняв арест с платежей, Бэсси изменила формулировку, мотивируя иск о разводе просто тем, что муж ее бросил. «Мне пришлось призвать на помощь всю решимость, чтобы не вернуться ради детей. Последние двое суток были для меня настолько мучительны, что я, кажется, был почти готов пожертвовать собой ради малышей».

Вместо этого он сообщил Бэсси, что имя «другой» — Чармиан Киттредж. Бэсси встретила новость тяжелым молчанием, заметив лишь, что никогда больше не желает видеть мисс Киттредж.

В июле Джек уехал в Глен-Эллен, снял домик у Нинетты Эймс и стал дожидаться возвращения мисс Киттредж. Получив письмо с просьбой прислать денег на проезд, он выслал ей чек на восемьдесят долларов, но она все писала, что боится скандала. Наконец Джек вспылил: «Это отвратительно. Кто-то ведет нечестную игру. Говорил с Эдвардом и Неттой; оба уверены, что со стороны Бэсси бояться нечего. Я выписал чек, Эдвард получил деньги и перевел тебе…»

Затем следуют десять бурных страниц, посвященных «глубокому отвращению», которое внушают ему Нинетта Эймс и Эдвард Пэйн. Этот взрыв отвращения был первым; за ним длинной вереницей последовали другие, и каждый оставлял тяжелый след в его душе.

Единственным, что радовало его в эти жаркие летние дни, были далекие прогулки на «Спрее»: «Эй, Джек, как там делишки в Корее?» — кричали, зави-. дев его, ребята. Джек выписал к себе верного Мань-юнги, преданно служившего ему в Корее. Когда мальчик приехал, Джек нашел на углу Шестнадцатой улицы и Бродвея просторную квартиру, водворил туда приличия ради Флору и переехал сам. Счастливая, что сын снова безраздельно принадлежит ей, Флора забыла, как ссорилась с ним, когда он ушел от Бэсси, и обосновалась на новом месте в качестве очаровательной хозяйки дома, а Маньюнги наводил чистоту и готовил для «хозяина».

Для Джека наступил один из самых безрадостных и бесплодных периодов его жизни. Он был несчастлив, лишившись детей и причинив зло Бэсси и Анне; в трудную минуту Чармиан

не поддержала его. Из работы в Корее не получилось ничего хорошего, он только зря тратил там здоровье и время. Мозг стал бесплодным, иссякло воображение. Ни больших идей, ни внутренней силы, необходимой, чтобы задумать и осуществить нечто значительное. «Я бреду по жизни, причиняя боль всем, кто меня знает», — в полном отчаянии пишет он Анне Струнской. — «И я уже не тот, что прежде. Материалистом я был и тогда, когда мы с Вами только встретились, но оптимизм украшал мою жизнь. Его-то сейчас и не хватает».

Четвертый сборник коротких рассказов под названием «Вера в человека», выпущенный в апреле 1904 года Макмилланом, так бойко раскупали, что его пришлось переиздать в июне, а теперь, в августе — снова; но даже это не приободрило автора. Он был согласен с критиком из журнала «Нация», выразившим сожаление, что человек с такими возможностями все свое время проводит на студеном севере. Он выдохся умственно и физически, мозг и тело отказывались ему повиноваться. А тут еще грипп… Прошел грипп, начался нервный зуд кожи, сущая пытка. Он похудел, обмяк, издергался, стал жить затворником — и из-за недомогания и потому, что был в подавленном настроении.

В августе Джек заплатил тысячу шестьсот долларов за участок в Пьедмонте, пригласил архитектора, узнал у Бэсси, какой ей нужен дом, и стал следить за работой. По возвращении из Кореи у него в банке лежали четыре тысячи долларов от «Века» и «Экзаминера». Все до последнего доллара, да еще порядочная сумма, взятая под заклад участка, ушло на постройку дома; Джек опять остался на мели. Нельзя было допустить, чтобы его железную дисциплину подорвал приступ уныния. Он накинулся на работу. Пока он был в Корее, вышли десятки книг — прочесть их! Статьи для газет и журналов, доклады для всех социалистических организаций, какие только есть поблизости; речи в клубах и церквах (бесплатно!) с целью приобщить людей к социализму, ускорить революцию. Он начал повесть из жизни боксеров («Игра»), начал свою первую пьесу («Презрение женщины»), положив в ее основу один из своих рассказов об Аляске; выступал с чтением отрывков из «Людей бездны» и «Борьбы классов». Нервный зуд утих, и Джек стал по-прежнему принимать у себя друзей по средам, ходил с ними плавать в пьедмонтский бассейн, участвовал в пикниках. Он работал и развлекался с ожесточением, не давая себе времени задуматься, почувствовать, как скверно на душе. Но хорошо ли он работал? На этот счет он не строил иллюзий: «По-прежнему корплю над «Игрой». Думаю, что ничего хорошего не выйдет, но работа идет мне на пользу. «Презрение женщины» не бог весть что, впрочем,

на большее я бы сейчас не отважился».

Единственной его опорой был Бретт. В ходе предварительной продажи к началу октября было куплено уже двадцать тысяч экземпляров «Морского волка», и на этом основании Бретт повысил сумму, ежемесячно выплачиваемую Джеку, до двухсот пятидесяти долларов. Он не переставал уверять Джека, что это действительно выдающееся произведение, а в начале ноября сообщил блестящую новость: еще до выхода в свет книжным магазинам продано сорок тысяч экземпляров «Морского волка», десятой из книг Лондона, опубликованных за каких-нибудь четыре года. В декабре Бретт выслал чек на три тысячи долларов, необходимых, по подсчетам Джека, чтобы вытащить его из-под кучи долгов, уплатить страховой компании, кредиторам по закладной и просто знакомым, которым он задолжал.

Точно гром грянул среди ясного неба, когда в продаже появился «Морской волк». В мгновение ока он сделался самой модной из книжных новинок; повсюду только и говорили о нем: одни хвалили, другие ругали. Многие читатели были задеты, более того, оскорблены позицией автора. Другие отважно выступили в его защиту. Что до критиков, то часть из них называла роман жестоким, грубым — словом, отвратительным. Но другая — большая — в один голос утверждала, что эта вещь — проявление «редкого и самобытного таланта… и поднимает на более высокую ступень качество современной художественной литературы». «Морской волк» ознаменовал собой новую веху в американской литературе — и не только благодаря мощному реалистическому звучанию, обилию фигур и ситуаций, доселе ей незнакомых. Он задает новый тон современному роману, делает его более тонким, сложным, серьезным.

Что еще заставило американцев испытать это тревожное ожидание, где еще смертельная опасность выглядела так жутко и вместе привлекательно, как в поединке между Волком Ларсеном и Хэмфри Ван Вейденом, происшедшем на борту «Призрака», — поединке между духовным и материальным началом? Где еще сталкивались читатели с такой зрелой философией, открывавшей перед ними нечто увлекательное, нечто такое, за что стоит драться? Революцию, которую совершили ученые — классики девятнадцатого столетия, Джек вложил в основу драматически развертывающихся событий, популярно и интересно изложил ее идеи, сделав их доступными огромному множеству людей, никогда и не слыхавших о том, что такое эволюция, биология или научный материализм. Незримо шествуют по страницам романа его главные герои — Дарвин, Спенсер, Ницше. Излагая в форме художественного произведения взгляды своих любимых учителей,

писатель рисует кипучую битву двух умов, азартно, совсем как потасовку ирландцев-каменщиков в Визель-парке, изображенную в более позднем, весьма незаурядном романе Лондона — «Лунная Долина».

Под конец Джек вводит в роман новый персонаж — женщину и этим портит вещь, которая тем не менее остается почти безупречным образцом мастерства писателя-романиста. Когда литературные критики объявили героиню нежизненной, Джек возмутился: «Я полюбил женщину и написал ее портрет в книге, а критики заявляют мне, будто в жизни таких не бывает». Он внес в книгу не только образ мисс Киттредж, но также там, где пишет о ней, — истерически-приподнятый стиль, который перенял, отвечая на ее письма. Там, где речь идет о Мод Брустер и ее любви к Хэмфри Ван Вейдену, «Морской волк» неизменно представляет собой отъявленнейший образчик вычурно-жеманного стиля, типичного для литературы девятнадцатого века; в остальном это предвестник лучшего, что свойственно литературе двадцатого.

Через несколько недель после выхода в свет «Морской волк» числился в списке «бестселлеров» пятым после такой требухи в малиновом сиропе, как «Ряженые» К. Ч. Терстона, «Блудный сын» Холла Кейна, «Кто осмелится нарушить закон» Ф. Марион Крофорд и «Беверли из Граустарка» Джорджа Бар-ра Маккатчина. Спустя еще три недели он стоял уже первым, оставив других далеко позади. Двадцатый век наконец-то стряхнул с себя путы своего предшественника. Сегодня «Морской волк» — такое же волнующее и глубокое событие в жизни читателя, как в ноябре 1904 года. Он почти не стареет со временем. Многие критики считают его самой сильной вещью Лондона. Читатель, взявшийся его перечитывать, пленяется им снова и снова.

Возвратилась из Айовы мисс Киттредж и после немногих упоительных, хотя и тайных, свиданий в Окленде уехала в Глен-Эллен к Нинетте Эймс. А затем пылкие встречи… изредка; несколько восторженных посланий от Джека, но по большей части письма его становятся небрежными: перечень новостей, и только. Он уже больше не влюбленный безумец, готовый умереть в поцелуе. Воображение его опять устремилось в иные пределы. О том, что события приняли новый оборот, сообщает мисс Киттредж:

«Я знаю, что за эти несколько недель твоими помыслами и интересами завладела другая. Ведь, по сути дела, ты, милый мой мужчина, всего-навсего мальчуган, и разглядеть тебя насквозь достаточно просто. Но потрясение, которое ты заставил меня испытать в тот вечер, когда делал в городе доклад о

штрейкбрехерах, заставило меня очень и очень призадуматься. Я видела, как после окончания доклада ты отыскивал ее взглядом среди присутствующих; видела, как ты помахал ей; как она со свойственной ей манерой засуетилась, отступила в нерешительности. При огоньке твоей сигареты я увидела, как вы подошли друг к другу. Мне стало ясно, что вы и в прошлый вечер были вместе. Тут дело не только в том, что ты не верен мне, — безраздельная верность тебе несвойственна, да и вообще ею обладает редкий мужчина. Я давно предвидела возможность твоей измены и в известной степени примирилась с нею. С недавних пор ты очень счастлив, а я знала, что твое радостное настроение не моя заслуга.

Значит, безусловно, чья-то еще; а раз так…»

…1905 год. Именем Джека Лондона запестрели газетные заголовки: что бы он ни сделал, все волновало прессу. Начал он год тихо и мирно — поехал в Лос-Анжелос, куда его пригласили выступить перед местными социалистами. «На мистера Лондона приятно посмотреть, — писал в лос-анжелосском «Экзаминере» Юлиан Хоторн. — Он прост и бесхитростен, как косматый медведь гризли. Недюжинная натура, здоровая и жизнерадостная, служит основой ума, необычайно ясного и проницательного. Сердце у него горячее, отзывчивое; мнения — свои собственные, смело излагаемые, независимые». Не успел он вернуться в Окленд, как либерально настроенный ректор Калифорнийского университета предложил ему выступить перед студентами — немалая честь для человека, вынужденного всего семь лет назад бросить университет и пойти работать в паровую прачечную. Джек обратился к юным слушателям с одной из самых огненных своих речей. Величайшая революция, какую когда-либо знал мир, говорил он, совершается перед их глазами. Если они не проснутся, она застанет их врасплох. После лекции jн пожаловался профессору английского языка и литературы, что студентов кормят манной кашей. «Не сказал бы, мистер Лондон, — возразил тот. — В наш новый список рекомендованной литературы включена глава из «Зова предков». Профессора и преподаватели вокруг рассмеялись, а Джек покраснел и, что-то проворчав насчет того, что его, мол, начали канонизировать, замолк. На другой день на ректора посыпались упреки: зачем он разрешил Джеку Лондону проповедовать революцию? «Мы пригласили сюда человека, а не предмет его речи, — невозмутимо отвечал ректор. — Лондон заслужил право выступить перед нами».

Затем Джек принял предложение выступить в деловом клубе города Стоктона — там-то он и заварил кутерьму на весь год,

совершив поступок, по смелости и опрометчивости не уступающий путешествию по Желтому морю во время сильнейшего шторма или походу в лондонские трущобы, затеянному ради «Людей бездны». Отчет стоктонской газеты, несколько, правда, пристрастный, дает очень живое представление о случившемся: «Он поучал бизнесменов, как провинившихся школьников. Он желает знать, заявил он, много ли известно каждому из них о том, что именно является предметом социализма. Он довел до их сведения, что они мало читали и еще меньше видели. Он колотил кулаком по столу и пускал клубы папиросного дыма, и все это до такой степени встревожило и обескуражило его слушателей, что они застыли в растерянном молчании».

Молчали они недолго. В заключение речи Джек привел в ужас стоктонских дельцов, сообщив им, что русские социалисты, принимавшие участие в революции 1905 года, покончившие с некоторыми из царских чиновников, — его братья. Публика с криками ярости вскочила с мест. На другое утро по всей стране завизжали газетные заголовки: «Джек Лондон называет убийц из-России своими братьями!» Что поднялось! Посыпались требования, чтобы он отказался от своих слов. Бушевали газетные передовицы. «Он анархист! — вопила одна. — Отъявленный смутьян! Он красный! Его следует арестовать и судить как государственного изменника!» Джек был непоколебим. Русские революционеры — его братья, и никто не в силах заставить его отречься от них.

Общество долго и настойчиво пыталось сделать из него своего рода литературную диковинку: гений из Калифорнии, единственный в своем роде. «А социализм, — говорили столпы общества, — это так, увлечение. Немного горяч, несдержан? Чего же вы хотите — он так оригинален. Социалистические теории — причуда, это у него пройдет». Отныне все двери были для него заперты наглухо, как если бы он все еще оставался бродягой с Большой Дороги. Его уж больше не звали на «розовые чаи», как он выражался; на званые обеды, где среди моря чопорных, накрахмаленных сорочек он появлялся в мягкой белой рубашке с развевающимся галстуком. Видимо, заключило наконец-то общество, он не шутил, когда так мило говорил за обеденным столом, что как класс они представляют собой плесень, паразитический нарост.

Еще не улегся скандал, как Джек выступил с новой речью, в которой упомянул, что, осуждая в 1856 году рабство, Вильям Ллойд Гаррисон произнес «К чертям конституцию!». То же самое ближе к нынешним дням сказал, расправляясь с забастовщиками,

и генерал Шерман Белл. На следующее утро он снова стал героем дня. «Джек Лондон говорит:

«К чертям конституцию!» — кричали сотни газет от Калифорнии до Нью-Йорка. Джек делал все возможное, пытаясь объяснить, что не он автор этой фразы, но какое дело газетам до того, что кому-то повредила нашумевшая статья!

Разрешая слепым фанатикам разнести человека в клочья, свобода печати все же давала возможность высказаться и людям поумнее. В сан-францисском «Бюллетене», далеко не радикальном, Джек прочел:

«Пылкая искренность и ненависть к злу, горящая в революционном сердце молодого Джека Лондона, — это все тот же дух «Бостонского чаепития» («Бостонское чаепитие» — один из эпизодов, предшествовавших началу войны американского народа с Англией за свою независимость. В декабре 1773 года граждане американского города Бостона напали на английские корабли с чаем и в знак протеста против налогового бремени выбросили в море привезенный ими груз.). Это дух, который в конечном счете сбережет для республики все, что есть лучшего, ибо он противостоит тупому духу рабского почитания Раз и Навсегда Установленного; умственное убожество и эгоизм — вот из чего состоит это раболепие».

Несколько дней спустя к нему обратился с просьбой выступить дискуссионный клуб его собственной Оклендской средней школы. Узнав об этом, директор школы отказался предоставить клубу школьное помещение. И снова за этот эпизод ухватились газеты, и снова Калифорния принялась судить да рядить, кто прав, кто виноват. «Может быть, социализм и грешит всеми пороками, в которых его обвиняют, — язвительно заметила сан-францисская газета «Пост». — Но лучший способ пропагандировать его— это запретить его пропаганду».

Широкая гласность, которую благодаря ему получил в Америке социализм, приводила Джека в восторг. Кроме того, даровая реклама, которая стоила бы тысячи и тысячи, если бы пришлось заказывать ее самому. Подскочил спрос на его книги. «Морской волк», «Зов предков» и «Люди бездны» раскупались повсюду — повсюду читались и обсуждались. Можно было не соглашаться с его идеями об установлении демократии на экономической основе, оспаривать методы, при помощи которых он революционизировал американскую литературу, но нельзя было больше отрицать тот факт, что он ведущий молодой писатель Америки. А враги лишь помогли ему достигнута этого.

В разгар шумихи, поднявшейся вокруг социалистических убеждений Джека Лондона, Макмиллан выпустил его «Классовую

войну». Книга вызвала такой интерес, что в июне, октябре и ноябре того же года ее пришлось переиздать. Поразительное достижение, если учесть, что этот сборник революционных очерков вышел в стране, где непримиримо отрицается само существование такого явления, как война между классами; где социализм высмеивали и презирали, изображали многоголовой гидрой, чудовищем, пожирающим собственных детенышей. Голос писателя был гласом вопиющего в пустыне, но все больше людей понемногу прислушивались к звукам этого голоса, особенно подрастающее поколение, только что шагнувшее за узкие рамки ограниченного кругозора первых американских поселенцев и начинавшее подсчитывать, во что обходятся людям достижения крупной промышленности. Для этого поколения Джек Лондон был великим человеком, эти люди обращались к его книгам с пламенной верой. В Америке до сих пор повсюду встречаешь людей, с гордостью рассказывающих о том, что их сделал социалистами Джек Лондон. Не его вина, пожалуй, что не всегда их социалистические убеждения оказывались долговечными!

В марте он опять дал согласие на выдвижение своей кандидатуры на пост мэра Окленда от социалистической партии и получил 981 голос, то есть ровно в четыре раза больше, чем в 1901 году. В апреле он вместе с Маньюнги уехал в Глен-Эллен, где за шесть долларов в неделю снял у Нинетты Эймс домик около Уэйк Робина. Миссис Эймс пустила слух: Джек приехал домой к маме «из-за неприятностей в Окленде». Доверчивые соседи-фермеры ни о чем не догадывались.

Весна в округе Сонома была прекрасна. К Джеку вновь вернулось хорошее настроение и бодрость духа; зимняя хандра была забыта. «Черная кошка» купила у него один рассказ, и из полученных трехсот долларов он двести пятьдесят отдал за верховую лошадь, на которой неутомимая мисс Киттредж проскакала тридцать миль: весь путь из Беркли в Глен-Эллен. По лесистым склонам, поросшим секвойями и соснами, они верхом поднимались на гору Сонома и катались вдоль тропинок среди винно-красных мансанит и земляничных деревьев. Чистый воздух благоухал пьянящими ароматами, а когда всходила полная луна, долина наполнялась белесой светящейся дымкой. «Теперь я знаю, отчего индейцы назвали это место Лунной Долиной», — заметил Джек.

Снова в полном расцвете творческих сил, он написал повесть под названием «Белый клык», являющуюся продолжением темы, начатой в «Зове предков». Вместо того чтобы, повинуясь голосу первобытных инстинктов, уйти от мира цивилизации, Белый клык покидает дикую глушь, чтобы жить с человеком. Эта книга, пусть

она и не поднимается до уровня «Зова предков», — трогательный и красивый рассказ, внушающий то радостное волнение, которое испытываешь, столкнувшись с первоклассным произведением. Еженедельно Джек готовил для херстовского концерна критический обзор литературы на целую страницу. Разбирая книгу «Профсоюзный делегат», он в общих чертах рисует современную борьбу профессиональных союзов с хозяевами; оценивая достоинства другой книги, предает анафеме потогонную систему труда — книга называется «Долгий день» и повествует о том, какие лишения терпит фабричная работница в Нью-Йорке. Эптон Синклер и Дж. Дж. Фелпс-Стокс организовали на востоке Студенческое социалистическое общество, и на первом заседании исполнительного комитета президентом был избран Джек Лондон.

Издательство Макмиллана выпустило в свет повесть о боксерах «Игра»; критики осудили ее как вещь незначительную и неправдоподобную. Пришлось послать им газетные вырезки в доказательство того, что, получив сильный удар, боксер при падении на ковер действительно может размозжить себе затылок.

Надвигалась летняя жара, и опять за несколько долларов Джеку запрудили речушку. Стали приходить купаться соседи. Джек работал по утрам, плавал после обеда и наслаждался жизнью… если не считать того, что скучал по своим дочерям. И вот однажды в послеполуденный зной, катаясь верхом среди холмов» вдыхая струившиеся вверх со склона запахи шалфея, он случайно наткнулся на ранчо Хилла — участок в сто тридцать акров, величественно поднимающийся со дна долины к горе Сонома. «Здесь есть огромные секвойи, иным из которых по десять тысяч лет. Сотни елей, дубов, летних и вечнозеленых, в изобилии растут мансаниты и земляничные деревья. Есть глубокие каньоны, ручьи, родники. Сто тридцать акров самых красивых и нетронутых, какие только сыщешь в Америке».

Ранчо полюбилось ему до безумия, и он тут же решил, что оно должно принадлежать ему. Укрепиться в этом решении ему усердно помогала мисс Киттредж; только удалив его от города, устранив возможность общения с другими женщинами, могла она избежать опасности его потерять, как это едва не случилось несколько месяцев назад. Верхом Джек отправился в деревушку Глен-Эллен, где узнал, что участок продается и цена ему назначена семь тысяч долларов. К пяти часам вечера, взбудораженный как мальчишка, он уже был у Хиллов, готовый совершить покупку.

— Я слышал, вы назначили Човету семь тысяч, — осведомился он у мистера Хилла.

— Да, — отозвался тот, — Десять лет назад я запросил у него именно столько.

— Покупаю! — вскричал Джек.

— Зачем торопиться? Идите-ка лучше домой и поразмыслите денек-другой.

После его ухода мистер Хилл поделился своими соображениями с женой. У Човета он просил семь тысяч, так как тот хотел эксплуатировать имеющиеся на ранчо водоемы, а поскольку Джек собирается обрабатывать землю, с него нельзя брать больше пяти. Назавтра Джек примчался уже в совершеннейшем волнении: ночью он глаз не сомкнул, обдумывая, как все устроить на своем чудном ранчо.

— Теперь хотелось бы поговорить относительно цены… — начал было Хилл.

Джек взвился со стула, побагровел от гнева и разразился:

— Со мной не пройдет! Я этих штучек не потерплю! Не имеете права взвинчивать цену! Здесь каждый только и думает, как бы меня провести; Назначили семь тысяч — и кончено, я покупаю!

Не в состоянии вставить хоть слово в этот бурный поток, Хилл подождал, пока покупатель утих, и потом опокойно произнес:

— Ну ладно, мистер Лондон, берите за эту цену.

Прошли годы, Джек близко сдружился с семьей Хиллов, и тогда мистер Хилл рассказал, как Джек надул самого себя на две тысячи долларов. Джек от души посмеялся: так, мол, и надо, учись обуздывать свой нрав.

В тот вечер они с мисс Киттредж строили планы.

На ранчо стоит ветхий сарайчик, его можно приспособить под конюшню и помещение для работника. Осенью, пока Джек будет совершать лекционное турне по стране, работник займется расчисткой территории, засеет ее кормовыми травами, засадит кукурузой, соорудит свинарники и курятники — короче говоря, наведет порядок и все наладит к тому дню, когда Бэсси получит развод и можно будет пожениться.

За семью тысячами на покупку ранчо Джек обратился к Бретту. «Сомневаюсь, — отозвался тот, — имеет ли смысл человеку, которому приходится играть определенную роль в свете, связывать себя приобретением недвижимой собственности в одной какой-то части страны, каким бы красивым и продуктивным ни было это имение».

Джек написал еще раз: «Я сознательно купил землю, из которой не извлечешь дохода. Никогда никаких забот насчет барышей и убытков, а через двадцать лет участок будет стоить сто

двадцать тысяч долларов. Я становлюсь на якорь прочно, основательно; оседаю раз и навсегда».

Смирившись, Бретт выслал ему семь тысяч в счет авторских отчислений от продажи «Морского волка», и ранчо Хилла перешло в собственность торжествующего Джека. Тут же был нанят работник, куплены лошади, жеребенок, корова с теленком, плуг, тачка, фургон, коляска, сбруя, куры, индейки, поросята…

И когда, наконец, вакханалия безудержных трат кончилась, оказалось, что у Джека нет ни доллара и что никаких поступлений от Макмиллана в ближайшее время не предстоит. «Все эти покупки явились непредвиденными и разорили меня дотла. А тут еще вот-вот жду с содроганием извещения от Бэсси, что ей нужны сто долларов на покупку лошади и коляски. Все деньги, какие удалось получить у Макмиллана, я забрал, чтобы уплатить за землю. Оставшегося не хватит на постройку сарая, а уж дома — и подавно. Пишу рассказы, чтобы срочно раздобыть деньжат».

К 4 октября он настолько превысил кредит у Макмиллана, что за дальнейшие авансы ему уже предложили платить определенный процент. На счету в банке значилось 207 долларов 83 цента, а между тем предстояли неотложные издержки: 75 долларов Бэсси, 55—матери, 57, 60 — за сельскохозяйственный инвентарь, 24—за дачу в Глен-Эллен, 50—на оплату магазинных счетов.

«Нужны деньги на дорогу в Чикаго — мне и Маньюнги; через сутки за нами едет Чар-миан, следовательно, и у нее будут расходы. Мать хочет, чтобы я увеличил сумму, которую я даю ей каждый месяц. Бэсси — тоже. Только что уплатил больше 100 долларов по больничным счетам матери Джонни Миллера. Тридцать обещал заплатить за то, чтобы опубликовали апелляцию Джо Кинга: бедняге угрожают пятьюдесятью годами тюремного заключения по ложному обвинению. Есть еще счет долларов на 45, если не больше, за машину для прессовки сена; и в ноябре срок платежа не то 700, не то 800 долларов страховой компании. Так что, как видите, я не просто сел на мель, но увяз намертво, и паруса мои уныло повисли».

Всю свою жизнь, в течение которой он заработал писательским трудом куда более миллиона, он почти никогда не был хозяином собственных денег — по крайней мере к тому моменту, когда они попадали к нему в руки. Он сначала тратил их, а после ломал голову, где бы раздобыть необходимую сумму. Как в свое время выразился в Клондайке Эмиль Дженсен, он никогда не прикидывал, стоит ли рисковать. Казалось бы, не трать денег, пока не заработал, и не знай ни долгов, ни забот.

Ему это, как видно, и в голову не приходило. «Привычка тратить деньги— о господи, сдаюсь! Я вечно буду ее жертвой!»

Наступил октябрь, и в сопровождении Маньюнгя Джек отправился в лекционное турне. Чтобы находиться к нему поближе, мисс Киттредж возвратилась в Ньютон к тетке. Турне, в ходе которого лектору предстояло посетить большинство крупных среднезападных и восточных городов, широко рекламировалось в печати. Джек быстро становился одной из самых романтических фигур своего времени. Глашатай социализма и научной эволюции, глашатай нового и здорового реализма в американской литературе, он был олицетворением молодости и отваги. Членам женских клубов нравился его мужественный вид, манера дымить папиросой, страстная искренность, с которой он говорил о социальной реформе, прелестная улыбка и заразительный смех. Он зарабатывал несколько сот долларов в день, в каждом городе находил занятных и умных людей, пользовался дружеским расположением прессы. «Джек Лондон — личность редкостной притягательной силы. Если бы его можно было испортить, это бы непременно сделали поклонницы и поклонники, массами осаждающие его. Его постигла участь модного театрального кумира. Однако тщеславие, к счастью, несвойственно ему».

И вот 18 ноября, в субботу, Джек получил сообщение, что по окончательному решению суда Бэсси получила развод. Он срочно вызвал мисс Киттредж телеграммой из Ньютона в Чикаго, где они поженятся. Она прибыла на другой же день в пять часов вечера, но у Джека не было брачной лицензии. Учреждение, где можно было ее получить, естественно, было закрыто. Тогда он нанял экипаж и во весь опор полетел по чикагским улицам, чтобы заручиться поддержкой влиятельных друзей. Первый визит оказался безрезультатным, второй — тоже; третьего приятеля Джек вытащил из-за обеденного стола: тот был знаком с одним должностным лицом в городе.

Опять долгое путешествие в экипаже, и они, наконец, в квартире чиновника. Да, чтоб помочь Джеку Лондону, чиновник готов сделать что угодно, только, позвольте, к чему спешить как на пожар? Отчего не подождать до утра, когда откроется бюро лицензий и всю процедуру можно будет проделать легко и просто? Ждать Джек отказался. Призвав на помощь всю мощь своей аргументации, он в конце концов убедил чиновника сесть в экипаж и поехать вместе с ним в южную часть города, где был поднят с постели сонный клерк, ведающий брачными лицензиями. Уступая твердой решимости позднего гостя, ошарашенный клерк оделся, в сопровождении всей компании отправился в городское управление, открыл дверь своего отдела и

заполнил брачную лицензию. После нескольких тщетных попыток отыскали мирового судью по имени Грант, и тот в своей домашней библиотеке совершил обряд бракосочетания Джека Лондона и Чармиан Киттредж.

На другое утро, 20 ноября 1905 года, американская пресса была шокирована «неприличной поспешностью» его женитьбы. До сих пор считали, что причиной развода с Бэсси послужили внутренние разногласия, из-за которых разлука представлялась желательной для обеих сторон. Лихорадочное нетерпение, которое проявил Джек, женившись вторично, явилось признаком того, что он разбил семью из-за другой женщины; таким образом, вся история приобретала неприятный оттенок. Как ни дружелюбно была настроена пресса до прошлой субботы, в понедельник она обратила против него не только злобу и возмущение, но и насмешки. Во вторник утром газеты сообщили американцам: «брак Джека Лондона недействителен», ибо в штате Иллинойс согласно новым законам о разводе, в которых пока что царила неразбериха, действителен лишь тот брак, который заключен по истечении года после окончательного решения суда о разводе. Одолеваемый репортерами, чувствуя, что его опять начинают травить, Джек вспылил. «Если нужно, — с жаром восклицает он, — я немедленно повторю брачную церемонию в каждом штате Америки!» Сколько остряков съязвили в своих статейках по поводу того, какой он любитель жениться, этот мистер Лондон!

Стоило ему отложить женитьбу до возвращения в Калифорнию, осмотрительно переждать месяц-другой, и можно было избежать всей этой скандальной шумихи. Дело ограничилось бы кратким извещением о браке. Так нет же, он подставил себя под обстрел со всех сторон! С кафедр произносились проповеди, направленные против него. Города Питсбург и Дерби изъяли его книги из публичных библиотек, призвав другие города последовать их примеру. Женские клубы получили предписание отменить его лекции. Странно, отмечали многие газеты, что люди, неспособные наладить как следует дела у себя дома, претендуют на то, чтобы поучать все человечество. Отчего, вопрошали авторы статей, вторичный брак мистера Дондона был окружен тайной и совершен с такой поспешностью? Набросились и на мисс Киттредж за то, что она разбила его семейную жизнь с Бэсси.

За поступки своего лидера тяжело поплатились американские социалисты. Капиталистическая печать не преминула пустить в ход оружие, оказавшееся у нее в руках. «Вот вам социалист! Бросает на произвол судьбы жену и детей… санкционирует

безнравственность… социализм — это анархизм, он разрушит нашу цивилизацию, повлечет за собою хаос…» Товарищи-социалисты пытались протестовать: «Нельзя из-за неправильного поведения Лондона чернить социализм! Социализм осуждает подобные поступки не менее решительно, чем капитализм!» Тщетно! Лидер нарушил определенные нормы морали, следовательно, дело социализма пострадает.

Когда товарищи стали обвинять Джека в том, что из-за него наступление социалистической революции в Америке задержится по крайней мере лет на пять, он с улыбкой возразил: «Как раз наоборот. Я полагаю, что мне удалось по меньшей мере на пять минут ускорить приход революции».

Что же побудило его с такой поспешностью разыграть у всех на глазах эту запоздалую церемонию, театрально выставив напоказ свой новый брак? Отчасти это был романтический жест, предпринятый ради мисс Киттредж. Отчасти — опрометчивый, необдуманный поступок; порыв человека, который не дает себе труда остановиться и поразмыслить: а как к этому отнесутся? В известной мере это было чистейшей бравадой, выходкой толстокожего ирландца, которому нет дела до того, что кому-то это не понравится, И, наконец, он тотчас же взял себе другую жену для успокоения собственной совести, мучившей его за зло, причиненное Бэсси и в ее лице всем женам вообще.

Несколько недель продолжались нападки со страниц печати, с церковных кафедр. Многие стали воспринимать его произведения менее серьезно — в этом смысле громкая гласность принесла ему вред; зато возросло количество читателей. Оставалось нанести последний, решающий удар и положить конец дебатам, что и совершил модный женский клуб Эверилла. На открытом заседании дамы приняли две резолюции:

одобрить бесплатное пользование учебниками в государственных школах; осудить:

а) практику создания футбольных команд в университетах и

б) Джека Лондона.

VIII

В январе 1906 года маршрут лекционного турне, наконец, привел Джека в Нью-Йорк, где его встретил ирландец по происхождению и идеалист по убеждениям доктор Александр Ирвин, красивый мужчина, священник церкви пилигримов и глава нью-хейвенских социалистов. В Нью-Йорк доктор Ирвин приехал для того, чтобы убедить Джека выступить с лекцией в йелском университете. Джек согласился, что такой случай пропустить нельзя: уж очень заманчива возможность угостить йелских студентов — а их три тысячи — доброй порцией социализма. Ближайшим поездом доктор Ирвин вернулся в Нью-Хейвен и предложил йелскому дискуссионному клубу взять на себя организацию лекции. Члены клуба с опаской согласились представить Джека Лондона аудитории на другой день — при условии, что его выступление будет умеренным с начала до конца.

Окрыленный доктор Ирвин в тот же вечер побывал у художника-социалиста Дельфанта, и тот приготовил десять афиш, на которых был изображен красавец Джек в своем закрытом свитере, под ним—громада красного пламени и по ней — тема лекции: «Революция». Перед самым рассветом Дельфант с доктором Ирвином обошли университетскую территорию, наклеивая афиши на стволы деревьев. Проснувшись и увидев броские объявления, Йелский университет был поражен ужасом. Один из членов ученого совета немедленно вызвал председателя дискуссионного клуба и заявил, что лекция должна быть отменена, в противном случае он добьется запрещения

использовать для лекции зал Вулси Холл. В йелском университете никто не будет проповедовать революцию! Члены клуба совсем уж было подчинились, но. доктор Ирвин настоял, чтобы они переговорили с преподавателями помоложе — быть может, удастся заручиться их поддержкой и одолеть реакционеров. Первым оказался Вильям Лион Фелпс. Когда председатель клуба изложил ему суть дела, профессор спросил: «А разве йелский университет — монастырь?»

Упрек был высказан так метко и вместе с тем так мягко, что заставил оппозицию умолкнуть. В восемь часов вечера три тысячи студентов и триста преподавателей — почти весь университет в полном составе— заполнили Вулси Холл до отказа. Джек вышел на сцену. Его тепло приняли и стали внимательно слушать. Он говорил, что семь миллионов людей со всех стран земного шара «до конца отдают свои силы борьбе за победоносное наступление изобилия в мире, и за полное низвержение существующего строя. Они — называют себя товарищами, эти люди, плечом к плечу стоящие под знаменем революции. Вот она, необъятная мощь человечества; вот она, власть и сила. Великая страсть движет революционерами, они свято чтят интересы человечества, но не питают особого почтения к господству мертвечины». Целый час вскрывал он экономическим скальпелем язвы капиталистической системы и закончил вызовом: «Власть класса капиталистов потерпела крах, следовательно, надлежит вырвать из его рук бразды правления. Семь миллионов представителей рабочего класса заявляют, что. приложат все силы к тому, чтобы привлечь к себе остальную массу рабочих и забрать власть в свои руки. Революция происходит здесь, сейчас. Попробуйте остановите ее!»

У слушателей, как выразился доктор Ирвин, «от его слов глаза на лоб полезли». Среди студентов. не нашлось и двух десятков таких, которые бы согласились хоть с одним его словом, и все-таки, когда он кончил, разразилась овация, йелский университет благородно отказался принять деньги за пользование Холлом, и весь сбор — по двадцать пять центов с души — нежданно-негаданно хлынул в кассу местной нью-хейвенской социалистической организации.

После лекции Джек и доктор Ирвин с десятком отборнейших университетских ораторов направились в ресторанчик Оулд Мори посидеть за кружкой пива и основательно побеседовать. Здесь Джек сражался один против всех; во время ожесточенного и сумбурного спора он пытался доказать, что в основе частной собственности либо кража, либо насилие; и свидетели в один голос утверждают, что он не сдал своих позиций, хотя ему и не удалось снискать себе единомышленников. В четыре часа утра,

когда доктор Ирвин подводил его к своему дому, они увидели, что Джека дожидается группа рабочих — поблагодарить за лекцию. А в восемь в дверь позвонил рыжий и нескладный репортер йелских «Новостей», жаждущий лично взять интервью у Джека Лондона: оно помогло бы ему улучшить свое положение в газете. *Звали* репортера Синклер Льюис.

«После двухнедельной поездки с лекциями Джек к 19 января поспешил обратно в Нью-Йорк, чтобы выступить с докладом «О надвигающемся кризисе» на первом открытом заседании Студенческого социалистического общества, избравшего его своим президентом. Одни говорят, что количество людей, набившихся в Гранд Сентрал Палас, составило четыре тысячи; другие — десять, но одно несомненно: здесь присутствовал каждый социалист с атлантического побережья, которому посчастливилось наскрести денег на билет до Нью-Йорка. Несмотря на название организации, устроившей доклад, среди тысяч рабочих в зале не набралось бы, вероятно, и сотни университетских студентов. Поезд, которым Джек возвращался на север после прочитанной во Флориде лекции, запаздывал.

Но публика не скучала: перед нею выступил Эптон Синклер — организующая сила и мозг Студенческого социалистического общества; у него вот-вот должна была выйти книга о чикагских бойнях под заглавием «Джунгли». Он говорил рабочим, что в их силах помочь установлению экономической демократии в Америке. В десять часов появился Джек с развевающимися волосами, в черном шевиотовом костюме, белой фланелевой рубашке с белым галстуком, в стоптанных лакированных ботинках — и вся эта масса людей, вскочив с мест, устроила ему самый восторженный прием, какой только запомнил он в жизни. Колоссом для них был Юджин В. Дебс, но их боевым вождем, их молодым пророком был Джек Лондон. Эптон Синклер рассказывает, что Джеку никак не удавалось выбрать секунду затишья, чтобы его услышали; размахивая красными флажками, собравшиеся бурно приветствовали его добрых пять минут. Когда оратор предсказал, что к 2000 году капиталистическое общество будет низвержено, аудиторию охватил исступленный восторг — неважно, что ни один из них не увидит воочию День Страшного Суда!

Джек пробыл в Нью-Йорке неделю. Этот город всегда действовал на него странным образом: физически возбуждал, а психически угнетал. Он говорил доктору Ирвину, что всякий раз, попадая в Нью-Йорк, испытывает желание перерезать себе глотку. На другой день после лекции, устроенной Студенческим социалистическим обществом, он встретился за завтраком с

Эптоном Синклером, чтобы вместе обсудить план работы общества. Синклер, горячий сторонник запрещения спиртных напитков, вспоминает, что Джек успел выпить еще до их встречи; воспаленные глаза его беспокойно блестели; он и за завтраком пил не переставая. Еще до приезда в Нью-Йорк Джек написал о. «Джунглях» хвалебную рецензию, которая и открыла этому «разгребателю грязи» («Разгребатели грязи» — группа литераторов, выступивших в начале XX века с резкими разоблачениями пороков американского общества.) и его классическому произведению путь к славе.

3 февраля, на лекции в городе Сан-Пол, Джек заболел. От простуды вокруг рта у него высыпали болячки; отменив оставшиеся лекции, он вернулся в Глен-Эллен и снял у компаньонов — Нинетты Эймс и Эдварда Пэйна — часть Уэйк Робина; там-то и зародился у него план такого приключения, перед которым меркнут все другие похождения его бурной жизни.

Еще прошлым летом, загорая на бережку в Тлен-Эллен, он, бывало, читал отдыхающим отрывки из книги капитана Джошуа Слокама «Один под парусами вокруг света». Судно капитана Слокама было длиною тридцать семь футов; Джек шутя заметил, что не побоится поплыть вокруг света на посудинке футов, скажем, сорок в длину. Теперь он опять в Уэйк Робине. Города, толпы людей, низкая лесть— всем этим о «сыт по горло. Он отдавал себе ясный отчет в том, что служит мишенью для нападок с многих сторон и по многим причинам, что из-за поспешности и прочих обстоятельств вторичной женитьбы к нему относятся враждебно.

И вот он опять начал поговаривать о кругосветном плавании. Он уже давно задумал именно такую экспедицию на Южные моря, это было одно из самых заветных его желаний, навеянное романтическими повестями Стивенсона и Мельвиля. Его поддержала Чармиан — область приключений была ее стихией, — поддержали Нинетта Эймс и Эдвард Пэйн в надежде, что капитаном будет Роско Эймс.

«Нужно было выстроить дом на ранчо, насадить фруктовый сад и виноградник, устроить кое-где живую изгородь, был и еще целый ряд дел. Думали отправиться лет эдак через пять. Но потом все сильнее стал разбирать соблазн. Отчего бы не поехать сразу?

Пусть сад, виноградник и изгороди подрастают, пока нас нет. В конце концов моложе я уже не стану». Как всегда легко уступающий порыву, быстрый на решения, не рассчитывающий, во что это обойдется, он твердо задумал, подобно Слокаму, проплыть вокруг Земли на маленьком суденышке.

Десять дней спустя после возвращения в Уэйк Робин он

направил письмо редакторам шести ведущих восточных журналов, уговаривая их стать пайщиками и субсидировать его затею. «Судно будет иметь сорок пять футов в длину. Можно и покороче, но тогда в него не втиснешь ванны. Отплытие в октябре. Первый порт назначения — Гавайи, оттуда по южным водам Тихого океана двинемся к *Самоа,* побываем у берегов Новой Зеландии, Австралии и Новой Гвинеи, затем, минуя Филиппины, направимся к Японии. А там Корея и Китай, потом — Индия, Красное море. Средиземное, Черное; потом через Атлантический океан к Нью-Йорку, затем вокруг мыса Горн в Сан-Франциско. Я зайду на зиму в Санкт-Петербург, и не исключена возможность, что поднимусь от Черного моря вверх по Дунаю до Вены. Побываю в верховьях Нила и Сены. Отчего бы мне не подойти к Парижу, став на якорь вблизи Латинского квартала, носом к Собору Парижской богоматери, а кормой — к Моргу? Спешить я не собираюсь; путешествие, по моим подсчетам, займет не менее семи лет».

На заливе Сан-Франциско за сходную цену можно бы выбрать надежное мореходное судно, но Джек отверг эту мысль: он не пойдет в плаванье ни на чьем корабле, кроме своего собственного. В Сан-Франциско не было недостатка в корабельных архитекторах, и это были знатоки своего дела; но для Джека годился лишь такой корабль, чей облик возник бы в его собственной голове. Имелись на заливе и искусные кораблестроители и верфи, но он будет хозяином только на том судне, которое построит сам.

Он решил спроектировать корабль, который явится отклонением от традиций кораблестроения — разве весь рисунок его жизненного пути не был неизменным отклонением от нормы? Ему запала в голову идея построить «кеч», нечто среднее между яликом и шхуной, но сохраняющий достоинства обоих. В то же время он откровенно признавался, что не только не ходил на кече, но и в глаза его не видел, так что все это пока еще теория, не больше. Он погрузился в тонкости кораблестроения, размышляя над такими проблемами, как, скажем, что будет лучше: двух-, трех- или четырехтактный двигатель, каким зажиганием воспользоваться — искрой или разрывом; каков брашпиль самой совершенной конструкции и чем натягивать такелаж — талрепами или натяжными замками. Новое он схватывал быстро, и всегда — самую суть; так и сейчас: за несколько недель он многому научился в области современного кораблестроения,

В былые и лучшие свои дни Роско Эймс хаживал по бухте Сан-Франциско на небольших судах. Сей опыт послужил

основанием для того, чтобы Джек за шестьдесят долларов в месяц взял его на работу, поручив отвезти проекты в Сан-Франциско и взять на себя руководство сооружением «Снарка». («Снарком» Джек решил назвать яхту по имени фантастического животного из «Охоты на снарка».) Такая постановка дела устраивала всех заинтересованных лиц как нельзя лучше, а сварливому стареющему Роско в первый раз за долгие годы предоставляла заработок. Журнал «Космополит» предложил присвоить судну свое название. Пусть журнал возьмет на себя расходы по сооружению корабля, ответил Джек, и тогда он согласен не только назвать яхту «Космополитен мэгэзин», но и собирать по дороге подписку. Он подсчитал, что постройка «Снарка» обойдется в семь тысяч долларов, и, исходя из этого, дал указание Роско: «Не жалейте денег. Пусть все на «Снарке» будет самым лучшим. О внешней отделке заботиться не нужно — сойдет и сосна. Деньги вложите в конструкцию. Смотрите, чтоб «Снарк» был выносливым и крепким, как ни одно судно. На это денег не жалейте. Я буду писать и заработаю сколько надо».

Отослав Роско с чертежами и открытой чековой книжкой, Джек обратился к следующему серьезному замыслу. Вот уже четыре месяца, как он не занимался творческой работой. Среди множества книг, выписанных им по каталогу из Англии, была «История Эба» Стенли Ватерлоо, одна из первых попыток воссоздать в литераторе жизнь тех времен, когда человек был скорее животным, чем человеком. Книга стоила Ватерлоо десяти лет труда — научного и литературного, в результате она получилась ученой, но скучноватой. Джек увидел в ней механизм, при помощи которого можно вдохнуть жизнь в дарвиновскую теорию эволюции. Он использует эту возможность. В тот же день он набросал общий план, во многом опираясь на книгу Ватерлоо, а наутро сел писать. Вещь была названа «До Адама» — пример того, с каким талантом он подбирал названия для своих произведений. Прибегнув к простому приему — современному мальчику ночью снится, что он живет в доисторические времена, — автор очень выразительно сопоставляет оба периода. Написано это так тепло и безыскусно, что читатель верит — да, именно так и жил человек после того, как был сделан исторический шаг вперед, от обезьяны. «Повесть будет самая что «и на есть первобытная!» — радовался Джек.

Задуманная в черные дни, когда организованные силы религии боролись с теорией эволюции, объявив ее враньем, состряпанным святотатцами по наущению дьявола, до того, как успехи подлинно научного исследования пробили основательную брешь в каменной стене догматики, повесть «До Адама» явилась

омелой попыткой популяризовать Дарвина и Уоллеса, сделать их труд доступным для широких масс, чтобы люди могли лучше понять свое прошлое. Рассказчиком Джек был непревзойденным, и эта книга о первобытных людях не уступает по увлекательности любому его рассказу об Аляске. «До Адама» нельзя отнести к разряду литературных произведений высшего класса- сказалась безудержная поспешность, с которой она вылилась на бумагу; но читать ее — истинное наслаждение и немалая польза, особенно для молодежи, едва начинающей оперяться.

Роско закупил материалы, набрал рабочих, снял помещение в кораблестроительном доке и сообщил Джеку, что закладка киля произойдет утром 18 апреля 1906 года. Накануне Джек не умолкая говорил о предстоящем плавании, вспоминая, что «мальчиком читал книгу Мельвиля «Тайпи» и часами мечтал над ее страницами. В эти-то часы я и решил, что непременно, во что бы то ни стало тоже поплыву на Тайпи, как только подрасту и наберусь сил». Задолго до рассвета Джек проснулся оттого, что пол под кроватью ходил ходуном. Не иначе, это он сам заворочался от волнения, увидев во сне долину Тайпи. Дождавшись зари, он оседлал своего Уошо Бана, подъехал к вершине горы Сонома и увидел, что Сан-Франциско объят пламенем. Во весь опор он прискакал назад в Уэйк Робин, помчался на поезде в Окленд, оттуда на пароме — в Сан-Франциоко, где пустил в ход фотоаппарат и мгновенно передал по телеграфу корреспонденцию для «Кольерса».

Среди многочисленных больших трагедий, вызванных землетрясением и пожаром в Сан-Франциско, была и одна маленькая: закладка яхты «Снарк» не состоялась. Сгорели материалы, за которые было уже оплачено; негде было взять рабочих; железоделательный завод был разрушен, выписанное из Нью-Йорка оснащение нельзя было доставить в город. О том, чтобы приступить к работам в ближайшие недели, нечего было и думать. Оставив Роско на месте, с тем чтобы как можно скорее снова наладить постройку «Снарка», Джек вернулся в Глен-Эллен и принялся за рассказы. Он написал лучшие свои рассказы: «Любовь к жизни» (Рассказ «Любовь к жизни» был написан значительно раньше и опубликован в 1905 году.), «Путь белого человека», «Сказание о Кише», «Неожиданное», «Трус», «Негор»; у него появилось подозрение, что сооружение «Снарка» обойдется дороже, чем он рассчитывал вначале.

В июне закладка, наконец, состоялась, а Джек, наконец, нащупал основною идею романа, давно уже занимавшего его мысли, — романа, посвященного экономической жизни человеческого общества. «Начал социалистический роман и ушел

в него с головой! Назвать его собираюсь «Железная пята». Ничего себе заголовочек? Куда тебе, бедняга капиталист, жалкий, маленький! Эх, и наведет же когда-нибудь класс пролетариев порядок в доме!» Могучее воображение, всего дча месяца назад отыскавшее способ отбросить повествование на десятки тысяч лет в прошлое, ныне создает новый прием — как перенести «Железную пяту» на семьсот лет в будущее: найден манускрипт Эрнеста Эвергарда, спрятанный после того, как Олигархия потопила в крови Второе Восстание народа. Вот что писал в предисловии к «Железной пяте» Анатоль Франс, назвавший Джека американским Карлом Марксом. «Джеку Лондону свойствен именно тот талант, которому доступны явления, скрытые от взоров простых смертных; талант, наделенный особым даром предвидеть будущее».

«Железной пятой» Джек еще раз доказал, что идеи могут волновать сильнее, чем фабула, что они-то и движут миром. Он был в долгу у своих учителей и теперь возвращал им то, чем был обязан, в «Морском волке» и «До Адама» — Спенсеру, Дарвину, Гексли;

в «Железной пяте» — Карлу Марксу, популяризуя его учение в форме драматического произведения, делая социалистические и революционные идеи понятными широким массам. Карл Маркс остался бы доволен «Железной пятой».

Работая над этой книгой, Джек обратился к тем обширным каталогам и картотекам, которые усердно составлял в продолжение нескольких лет. Оттуда он извлек достаточно фактического материала, чтобы роман прозвучал как один из жесточайших обвинительных актов, когда-либо предъявленных капитализму. Американцы считали экономику предметом сухим, скучным и нудным; более того — любое обсуждение принципов, лежащих в основе частной собственности и системы распределения благ, находилось под таким же строгим запретом, как и дискуссии, посвященные эволюции.

Промышленники и банкиры вершили дела по праву, которое до республиканской революции было известно под названием Священного Права Королей «Будьте благодарны, — говорили они рабочим, — за то, что по мудрости и добросердечию нашему вы обеспечены работой и хлебом». Церковь была лишь прислужницей предпринимателей, раздобревшей на хозяйских харчах. Примером мог служить хотя бы тот случай в Чикаго, когда Джек сам столкнулся с церковью во время лекционного турне. В городе нашлись лишь два священника, именующих себя либералами, и те отказались отслужить панихиду на похоронах бывшего губернатора Джона П Альтгель-да из-за того, что тот в свое время

помиловал людей, несправедливо осужденных за участие в Хеймаркетском восстании (Во время рабочего митинга на Хеймаркетской площади в Чикаго 4 мая 1886 года провокатор бросил бомбу. Полиция открыла огонь — много рабочих было убито и ранено Гнусная провокация была использована властями, чтобы расправиться с рабочими лидерами Несмотря на то, что вину арестованных доказать не удалось, семеро из них были осуждены на смертную казнь, остальные — к различным срокам наказания.). Не отставало от церкви и так называемое высшее образование в университетах учили лишь тому, что позволяет туго набитый карман.

Все это Джек подтвердил документами и внес в свою книгу — одно из самых страшных и прекрасных произведений, написанных человеком. Если в область литературы «Железная пята» и не самый большой его вклад, то в дело экономической революции— огромный. В ней он не только предсказал приход нынешнего фашизма, но подробно описал методы, к которым прибегнет он, чтобы задушить всякое сопротивление и стереть с лица земли существующую культуру. «Железную пяту» читаешь так, будто она написана вчера; с равным успехом она могла бы появиться и через десять лет. В современной литературе не сыщешь главы более захватывающей, чем та, в которой Эрнест Эвергард вступает в единоборство с членами Клуба Филоматов — могущественнейшими олигархами тихоокеанского побережья.

В своем выступлении Эвергард обнажает бесплодное и хищническое нутро системы наживы и предрекает переход промышленности в руки трудящихся. Трудно найти отрывок более пророческий, чем тот, в котором лидер олигархов отвечает Эвергарду: «Попробуйте протяните ваши хваленые сильные руки к нашим дворцам, к нашей пышной роскоши — мы вам покажем, что такое сила. В громе снарядов и картечи, в треске пулеметов прозвучит наш ответ. Ваших бунтарей мы сотрем в порошок под своею пятой; мы пройдемся по вашим телам. Здесь господа — мы: мир — наш, нашим и останется. Что же до тех, кто трудится, — их место в грязи; так было от века, так тому и быть. Пока власть у меня и мне подобных — вы будете сидеть в грязи».

Семилетнее плавание вокруг света на кече в сорок пять футов длиной? «Железная пята» — событие такого размаха, по сравнению с которым задуманное путешествие на «Снарке» — нечто вроде переправы на пароме через бухту Сан-Франциско. Джек писал книгу, ясно сознавая, что навлечет на себя лютую злобу власть имущих; писал, прекрасно зная, что из-за нее пострадает его карьера, что «Железная пята» может повредить успеху прежних произведений и погубить те, которые он еще не

написал.

Он работал, отдавая себе полный отчет в том, что Макмиллан, возможно, будет вынужден отказаться от ее публикации, что ни один журнал не осмелится печатать ее выпусками и что из нее не выжать даже того, что было истрачено на еду, пока он ее писал. Это был отважный поступок, особенно учитывая состояние его финансовых дел в связи с постройкой «Снарка». Следуя собственной команде: «Не жалеть средств, чтобы яхта была выносливой и прочной», — он заказал самые дорогие пюджетсаундовские доски для палубы, чтобы не протекали стыки обшивки; разбил лодку на четыре герметических отсека: где бы ни протекло судно, вода затопит всего один отсек.

Он послал человека в Нью-Йорк за дорогим мотором мощностью в семьдесят лошадиных сил; приобрел великолепный брашпиль и заказал специальную передачу для подъема якоря. Он оборудовал сказочную ванную комнату — со специальными, хитро задуманными приспособлениями, с насосами, рычагами и клапанами для морской воды; купил гребную шлюпку, а потом небольшую моторку. Он так сконструировал нос «Снарка», что его не могла захлестнуть никакая волна. Правда, это стоило ему целого состояния, зато такого красивого носа он не видывал ни на одном корабле. Репортеры, присланные, чтобы взять у него интервью, писали, что стоит заговорить о плавании, как он тут же становится мальчишкой, да и только; что он нашел себе новую игрушку и хочет всласть наиграться ею.

К середине лета он обнаружил, что ухлопал на «Снарк» уже десять тысяч долларов, а судно не готово и наполовину. Эти десять тысяч поглотили все, чем он располагал, до последнего доллара: авторские отчисления и авансы от Макмиллана и английских издательств; четыреста долларов, полученных от Мак-Клюра за «Любовь к жизни»; гонорары за другие рассказы, написанные после завершения «До Адама». Мало того: он содержал Флору, Джонни Мпллера и няню Дженни, живущих в доме, построенном им для Флоры; Бэсси и дочерей — в доме, выстроенном для Бэсси; Чармиан, Роско Эймса и отчасти Нинетту Эймс и Эдварда Пэйна в Уэйк Робин, а на ранчо у него орудовал десятник с рабочими — сажали, расчищали, закупали инвентарь и материалы.

Издатели, которым он в феврале разослал взволнованные письма, холодно отнеслись к его просьбе выдать ему авансы в счет корреспонденции о плавании «Снарка». Раздобыть денег, обеспечить всех по списку — четырнадцать родственников, иждивенцев, работников — и к тому же выплачивать жалованье рабочим, занятым на «Снарке»! Этот процесс добычи денег стал

известен как «лондоновское ежемесячное чудо». Здравый смысл подсказывал: откажись от «Снарка», по крайней мере на время, ты ведь не в состоянии платить по счетам. Или если уж непременно хочешь и дальше вколачивать деньги в «Снарк», брось «Железную пяту». Компромисс? Нет, это не в его духе. По утрам с его пера лились на бумагу полные страсти строки «Железной пяты» — тысяча слов каждое утро. А во второй половине дня, по воскресеньям, по праздникам он готовил рассказы, статьи, очерки — что угодно, лишь бы зарабатывать сотни и сотни, пожираемые «Снарком». Серию статей о тех днях, когда он бродягой скитался по Дороге, приобрел журнал «Космополит». Он же вдобавок прислал тысячу долларов в счет статьи, которую Джек был обязан написать до того, как уйдет «Снарк»: видимо, «Космополит» питал сильные сомнения относительно того, доберется ли когда-нибудь сорокапятифутовая яхта хотя бы до ближайшего порта.

К 1 октября — это была предполагаемая дата отплытия — «Снарк» поглотил пятнадцать тысяч долларов и был закончен лишь наполовину. Джек всадил в «его две тысячи, полученные от журнала «Для всех» за издание выпусками повести «До Адама»; две тысячи, присланные «Космополитом»; две — выданные журналом «Домашний спутник женщины»— аванс за статьи о домашнем быте туземцев и еще две— за ряд рассказов об Аляске. Тем не менее стало ясно, что, если он намерен продолжать работы на кече, нужно будет взять денег под заклад дома, купленного для Флоры.

Тогда же до него, наконец, дошло, что, наняв Роско Эймса, он совершил трагическую ошибку. Эймс был сварлив, не умел добиться от подчиненных настоящей работы; был бездарным организатором, его рабочие дублировали друг друга; он был болтлив и сумасброден; втридорога платил за оснастку, накупал ненужные материалы, раздавал чеки на оснащение, которое никто и не собирался доставлять ему. Неутомимо требовательный к себе, досконально изучающий каждую область знания, каждую сферу исследования, прежде чем писать о ней, Джек не подумал, что нужно предъявлять те же требования к работающим у него людям, и принимал желаемое за действительное.

Дела осложнились еще и тем, что «Космополит», из которого чуть ли не палкой пришлось выбивать тысячу долларов аванса, теперь закатил объявления на всю страницу, что это, мол, он посылает Джека Лондона в кругосветное плавание на «Снарке» с единственной целью — писать для журнала рассказы. «Запрашивают повсюду втридорога, навязывают мне все по высоким ценам, отказываются от прежних — и все на том основании, что я тратил не свое кровное, а денежки богатого

журнала».

Лживые заявления журнала причинили Джеку двойной ущерб: они в ином свете представили путешествие, так что он выглядел теперь просто платным сотрудником журнала, а не искателем приключений. Не ограничившись этим, «Космополит» изуродовал первую статью о «Снарке». Чувствуя, что с ним ведут нечестную игру, Джек — в этих случаях он всегда был в отличной форме — написал редакции «Космополита» гневное письмо: «Вы поступаете со мною подло.

В моей практике это первый конфликт с журналом и, надеюсь, последний; но, поскольку он возник, я ничего спускать не намерен. Либо мы работаем вместе, либо нет. Говоря по совести, я предпочел бы расторгнуть дело. Раз вы не можете поступать со мной честно и справедливо, пеняйте на себя. Я не запрошу о милости, но и сам не дам пощады. Вы хотите знать, когда я пришлю следующую статью? Сперва мне надо кое-что выяснить, иначе вам не узнать, когда будет вторая статья. Скорей придет День Страшного Суда, чем вторая статья. Ткань рассказа сплетаю я; вы не имеете права ее кромсать. Да и вообще, кто вы такие, черт бы вас побрал? С какой стати вы возомнили, будто можете править мою работу? Вы, очевидно, решили, что я вкладываю в свои вещи свое сердце, тренированное сердце писателя-профессионала, чтобы отдать его на растерзание, в угоду вкусам газетчиков? Я категорически и наотрез отказываюсь сотрудничать с кем бы то ни было в вашем заведении!»

Еще досаднее, чем непомерные расходы, были затянувшиеся проволочки. «Снарк» было обещано сдать к 1 ноября, потом — к 15-му, затем — к 1 декабря.

Доведенный до крайности, Джек переехал в Окленд, отослал Роско домой изучать навигацию и взял руководство работами по завершению судна на себя. Он пригласил четырнадцать рабочих, назначил им головокружительное жалованье плюс долларов день премиальных — за скорость. Чтобы это осуществить, понадобилось заложить ранчо Хилла. 15 декабря, несмотря на колоссальные издержки, он понял, что «Снарку» до конца еще все так же далеко. Опять пришлось отсрочить дату отплытия.

Газеты в сатирических стишках начали прохаживаться по адресу медлительного мистера Лондона. В полном расстройстве, что «Космополит» перехитрил его, первым напечатав статью о «Снарке», «Домашний спутник женщины» потребовал, чтобы статья о быте туземцев была представлена, пока Джек еще здесь, в Сан-Франциско. Друзья заключали с ним пари относительно даты отплытия.

Первым выиграл пари десятник с ранчо Хилла— пришлось и

эту сумму добавить к двадцати тысячам долларов, вложенных в «Снарк». Дело было 1 января 1907 года. «После этого пари налетели ураганным огнем. Друзья обступили меня со всех сторон, как шайка грабителей. Стоило мне назвать дату, как они тут же предлагали пари против. Я принимал, я спорил и спорил, и всем им платил».

Газеты и журналы подняли вокруг плавания на «Снарке» такой шум, что Джек стал тысячами получать со всех концов страны письма с просьбой взять отправителя с собой. Девяносто процентов из них были готовы работать кем угодно; девяносто девять соглашались работать даром. «Несметное множество врачей — сухопутных и морских — предлагали свои услуги бесплатно. Кого здесь только не было! Репортеры, дантисты, камердинеры, повара, художники-иллюстраторы, секретари, инженеры-строители, механики, электрики, отставные морские капитаны, школьные учительницы, студенты, фермеры, домашние хозяйки, матросы и такелажники».

Но лишь перед одним из них Джек не смог устоять. Это было письмо на семи страницах от зеленого паренька по имени Мартин Джонсон из столицы штата Канзас-Топики. *«Готовить умеете?»* — протелеграфировал ему Джек. *«Испробуйте только!»* — ответил Мартин Джонсон и кинулся наниматься на кухню греческого ресторана в Топини. В январе будущий исследователь Африки был уже в Окленде, готовый к отплытию на «Снарке». Вот только «Снарк» был еще не готов. Так как Джек всегда считал, что его работники обязательно должны получать хорошее вознаграждение, то к списку прибавилось еще и жалованье Мартина Джонсона.

Убедившись, что Роско ни на что не годен, Джек все же не рассчитал его, не воспользовался ни-одной из многочисленных возможностей взять капитаном на яхту признанного мастера своего дела, а ведь с любым из них он бы мог договориться за те же сто долларов в месяц, которые собирался выплачивать Роско Эймсу. Не принял он и ни одного из первоклассных моряков, просившихся работать на «Снарке» — пусть даже бесплатно! Вместо этого в качестве единственного машиниста и матроса он пригласил студента Станфордокого университета Герберта Стольца, юношу рослого и покладистого. Вот и получилась команда: Джек, Чармиан, Роско Эймс, Мартин Джонсон, Герберт Стольц и юнга японец Точиги; ви один из них, не считая Джека, не знал, как зарифить парус или выбрать якорь.

Закончив «Железную пяту», Джек прочел первые две главы в клубе Рёскина. Одна оклендская газета заметила по этому поводу, что он вечно делает Окленд пробным камнем для своих

социалистических идей, зная, что, если пройдет здесь, пройдет где угодно. Потом он отослал рукопись Бретту. Тот предсказал, что газеты либо обойдут ее молчанием, либо обрушатся на автора и издателя. В то же время он признает, что вещь хороша, и соглашается печатать ее, не считаясь с последствиями. Это было смелое решение. Единственной его просьбой было, чтобы Джек убрал из книги одну сноску, из-за которой, как считал Бретт, они оба угодили бы в тюрьму за оскорбление суда. На это Джек отозвался: «Если меня признают виновным в неуважении к суду, буду от души рад отсидеть шесть месяцев в тюрьме. За это время можно написать парочку книг и начитаться вволю».

Да, у него были веские основания тосковать по миру и покою тюремной жизни: «Снарк» завлек его в совершеннейший бедлам. В феврале, год спустя после того, как он разослал редакторам издаˆльств полные энтузиазма письма, «Снарк» уже столько времени находился в работе, что разрушался быстрее, чем его успевали чинить. Яхта превратилась в фарс, в лондоновскую блажь.

Газеты открыто смеялись. Никто не принимал судно всерьез, менее всего те, кто на нем работал. «На «Снарк» десятками совершали паломничесиво старые морские волки, морских дел мастера и уходили, качая головами и предрекая всевозможные беды». Моряки говорили, что «Снарк» спланирован плохо, оснащен и того хуже и в открытом море пойдет ко дну. Заключались пари, что он никогда не достигнет Гавайи. Корейский юнец Мань-юнги, верой и правдой прослуживший «хозяину» три года, вынудил Джека рассчитать его, нарочно обратившись к нему с дурацким вопросом: «Подать богу кофе?» — он был уверен, что все равно никогда не попадет на Гавайи. И днем и ночью вокруг яхты толпились любопытные, скалили зубы зеваки…

Убедившись, что «обстановка ему не благоприятствует», что в Сан-Франциско яхты никогда не достроить, Джек решил повести ее в Гонолулу в нынешнем виде, а уж там закончить. Не успел он принять это решение, как «Снарк» дал течь, на ликвидацию которой ушел не один день. Когда же, наконец, можно было ставить его на полозья для спуска, он по пути застрял между двумя баржами и был жестоко помят. Рабочие подвели его к полозьям и стали спускать на воду, но полозья разошлись, «Снарк» завалился на корму и бухнулся в илистую грязь. Два паровых буксира ежедневно в течение недели, пользуясь утренним и вечерним приливом, тянули и тащили «Снарк», пытаясь извлечь его из ила. Когда Джек, чтобы подсобить, пустил в ход брашпиль, специально изготовленные передачи разнесло

вдребезги, барабаны стерло в порошок, и брашпиль был навсегда выведен из строя. В отчаянии Джек включил пресловутый мотор мощностью в семьдесят лошадиных сил, и мотор расколол доставленную из самого Нью-Йорка чугунную раму, взвился на дыбы, размозжил все болты и крепления и, ни на что уже больше не пригодный, рухнул набок.

К этому времени на судно утекли уже двадцать пять тысяч долларов. Самые близкие друзья внушали Джеку, что он побит, что лучше оставить «Снарк», где он есть, и отказаться от плавания. Его убеждали, что выйти в море на подобном судне — при условии, конечно, что Джеку вообще удастся на нем отплыть, — равносильно самоубийству. Ответом был возглас:

«Мне нельзя отступиться!»

День за днем Джек бушевал из-за нерадивых рабочих, бракованных материалов, из-за поставщиков, назойливо лезущих к нему со счетами, газет, беззастенчиво глумящихся над ним. Признав сейчас свое поражение, он бы сделался посмешищем в глазах всей страны; такого стыда и позора ему не пережить никогда! Он человек слова. Пусть это последнее, что ему суждено совершить, но он поведет судно на Гавайские острова. Лучше погибнуть смертью героя в глубоких водах Тихого океана, чем выносить издевки купцов и рабочих, обобравших его; газет, превративших его в мишень для насмешек; толпы дружков-ротозеев, которые усмехались, называя его сумасшедшим, по милости которых люди начали ставить двадцать против одного, что ему не бывать в Гонолулу, и желающих спорить не находилось!

«Выбиваясь из сил, обливаясь потом, мы сволокли «Снарк» с искалеченных полозьев и поставили у Оклендской городской пристани. На подводах подвезли из дому снаряжение: книги, одеяла, личный багаж. Вместе с ними на палубу беспорядочным потоком хлынуло все прочее: дрова и уголь, пресная вода и баки, овощи, продовольствие, смазочное масло, спасательная шлюпка и моторная лодка, все наши друзья, не считая друзей нашей команды да кое-кого из их друзей. А еще были репортеры и фотографы, и незнакомые, и болельщики, и, наконец, над всем этим — тучи угольной пыли».

Но в конце концов долгий, тяжкий и мучительный труд был окончен, и отплытие назначено на субботу 2 апреля 1907 года. В субботу утром Джек взошел на палубу с чековой книжкой, вечным пером и промокашкой, имея при себе почти две тысячи долларов наличными — все, что удалось забрать авансом у Макмиллана и журналов, — и стал дожидаться окончательного расчета с представителями ста пятнадцати фирм, которые — это было ясно

— задержали его так надолго.

Но вместо поставщиков, которые должны были явиться за деньгами, на «Снарк» пожаловал судебный исполнитель и прибил к мачте уведомление, что яхта подлежит конфискации в случае неуплаты долга некоему Селларсу, которому Джек задолжал двести тридцать два доллара. «Снарк» был арестован и не имел права тронуться с места. Джек как безумный носился по городу, пытаясь найти своих кредиторов, шерифа, мэра, готовый на что угодно, только бы вырваться. Никого: все уехали из города на воскресенье.

В понедельник утром он снова сидел на борту «Снарка», раздавая кредиторам направо и налево банкноты, золото, чеки, слепой от ярости, в бешенстве, что рушатся все его планы. Он был даже не в состоянии проверить, правильно ли составлены счета; удостовериться, должен ли он еще, не уплатил ли уже по тому или иному счету. Сложив все вместе, он подсчитал, что «Снарк», чей мощный мотор был привязан к борту в виде балласта, чья силовая передача была выведена из строя, спасательная шлюпка дала течь, а моторная лодка отказывалась двигаться, — этот «Снарк», на котором уже облупилась краска, обошелся ему в тридцать тысяч долларов.

Обворованный, высмеянный, оплаканный, оставленный друзьями на произвол судьбы как безнадежный идиот-романтик, Джек поднял на мачту футбольный свитер Калифорнийской команды, собственность Джимми Хоппера, и вручную поднял якорь. А затем вместе со штурманом, не способным управлять судном, машинистом, ничего не смыслящим в машинах, и поваром, не умеющим готовить, «Снарк» проковылял вниз по устью залива, пересек бухту и вышел в Тихий океан через пролив Золотые Ворота.

Джек был непрактичен — вот источник его неудач. Но они не обошлись бы ему так дорого, если бы не мошенничество и жадность окружающих. Передние бимсы, стоившие ему по семи с половиной долларов каждый, — предполагалось, что они сделаны из дуба, — при ближайшем рассмотрении оказались сосновыми, а таким красная цена два пятьдесят. Особые доски, доставленные из Пюджет-Саунда, разошлись, и палуба так сильно протекала, что были залиты бункера, приведен в негодность инструмент в машинном отделении, загублены запасы продовольствия в камбузе.

Борта «Снарка» протекали, днище протекало, а там стало течь и из одного дорогостоящего герметического отсека в другой, в том числе и в тот, где хранилось горючее. Металлические части рассыпались под рукой, особенно те, что пошли на такелаж и

рангоут. Все хитроумные краны, кнопки и рычажки в волшебной ванной в первые же сутки вышли из строя.

Обследуя провиант, Джек убедился, что апельсины подморожены, яблоки и капуста, доставленные на борт к одному из более ранних сроков отплытия, уже гниют, и их остается только выбросить. На морковь кто-то пролил керосин, свекла оказалась твердой как дерево, горючий материал для растопки не горел, а уголь высыпался из гнилых мешков для картошки, и его смывало в море через шпигаты.

Прошло несколько дней плавания, прежде чем Джек обнаружил, что за все эти месяцы Роско Эймс так и не научился ничему, имеющему отношение к навигации, хотя деньги получал исправно, что он не умеет определить положение корабля; что «Снарк», дырявый как решето, попросту потерялся где-то в Тихом океане.

Джек вытащил навигационные книги, проштудировал их, потом вычертил прокладки и измерил высоту солнца секстантом. «Благодаря астрономам и математикам вести корабль, ориентируясь по солнцу, луне и звездам, — детская забава. Однажды я целый день просидел в кубрике, одним глазом держал корабль по курсу, другим разбирался в логарифмах. Два дня подряд по два часа изучал общую теорию кораблевождения и в особенности процесс измерения высоты солнца в зените. Потом взял секстант, вычислил поправку и измерил высоту солнца. Горжусь ли? Еще бы! Я творил чудеса. Я внимал голосам звезд, и они помогали мне на проезжей дороге моря».

Вошли в бурные воды. Острый приступ морской болезни приковал к койкам Мартина Джонсона и юнгу Точиги, и Джек в довершение прочих обязанностей должен был мокнуть в камбузе по колено в воде, безуспешно пытаясь состряпать что-нибудь горяченькое. Чармиан же не только аккуратно несла свою смену у руля, но и выстаивала подряд две четырехчасовые смены, держа судно по курсу среди черных бушующих волн, в то время как пятеро мужчин безмятежно спали. Роско, погрузивший на судно особо калорийные консервы, стоившие сотни долларов — не его, конечно, — сидел в своей каюте, поглощая эти калории. На вопрос Джека, почему бы ему не вымыть палубу и вообще постараться поддержать чистоту, Роско заявил, что работать не может, оттого что страдает… запором.

Здесь-то, в грязи, в опасности, в неразберихе, когда весь мир, почти в буквальном смысле слова, рушился у него под ногами, Джек, усевшись на крышке переднего люка, принялся писать, пожалуй, лучший свой роман, одно из величайших произведений американской литературы — «Мартина Идена». В первоначальном

рукописном варианте совсем немного поправок, что свидетельствует о том, какой железной дисциплине он умел себя подчинить, с какой сосредоточенностью отдавался работе. Через неделю показалось солнышко, изможденные Мартин Джонсон и Точиги слезли с коек, а Герберт Стольц, лишившись капитана и его приказов, сам делал все возможное, чтобы судно двигалось по ветру. А Джек каждое утро писал тысячу слов, упрямо двигая вперед автобиографическую повесть о том, как он бился, чтобы, восполнив пробелы образования, за три коротких года превратить себя из неотесанного матроса в культурного человека и известного писателя. Главные герои — он сам, Мэйбл Эпплгарт со своим семейством и Джордж Стерлинг, выведенный в образе поэта Бриссендена.

Руфь Морзе — так назвал Джек героиню — написана убедительно, так как прообраз ее был реальным, живым человеком. Это единственная женщина, не принадлежащая к рабочему сословию, которую Джек Лондон изобразил естественно и правдиво. Горячий, суровый, жизненный, «Мартин Иден» — роман, поражающий своей пророческой силой. Поэт Бриссенден доказывает Мартину Идену, что необходимо связать свою судьбу с социализмом, потому что иначе, добившись успеха, он утратит все, что привязывает человека к жизни. Мартин отрекается от социалистических убеждений и вслед за этим, пресытившись славой, решает покончить с собой и бросается в море.

Два года спустя, по выходе книги в свет, женский клуб в Сан-Хоче пригласил литературного обозревателя Майру Макклей выступить у них с разбором «Мартина Идена». Выступая, миссис Макклей с уничтожающей критикой обрушилась на героиню за ее трусость и слабость; за то, что она разбила жизнь и Мартину Идену и себе самой. Откуда ей было знать, что тонкая, поблекшая старая дева в первом ряду, глядящая на нее со смертельной тоской, — Мэйбл Эпплгарт?

После двадцатисемидневного плавания показалась земля. За это время, кстати сказать, выяснилось, что великолепный нос «Снарка», в который Джек вложил столько любви и денег, не просто бесполезен, но и опасен: он мешал судну ложиться в дрейф в штормовую погоду. Джек был расстроен, что сплоховал в штурманском деле: по его поокладкам до ближайшей суши было еще сто миль. Вскоре оказалось, что это вершина Халеакала, возвышающаяся на десять тысяч футов над уровнем моря — действительно за добрую сотню миль. Джек, всегда в большей мере гордившийся своими физическими, чем духовными достижениями, был на седьмом небе — такого подъема он не испытывал с той поры, как в разгар тайфуна у берегов Японии

сжимал в руках штурвал «Софи Сазерленд».

На другой день спозаранку, дрейфуя, они обогнули мыс Алмазная Голова, и впереди как на ладони открылся остров Гонолулу. Навстречу «Снарку» вышел катер гавайского яхт-клуба, доставивший газеты с телеграфными сообщениями из Штатов, где утверждалось, что «Снарк» пошел ко дну. Командор яхт-клуба сердечно поздравил их с прибытием на Гавайские острова, повел в Пирл Харбор и пригласил к себе принять горячую ванну и отведать местный «коктейль» из корней таро, именуемый «пой». Друг Джека Том Хорбон предоставил в их распоряжение коттедж на острове Хило. Каждое утро Джек просыпался от птичьих голосов. Два шага — и он уже плавал в изумрудной лагуне. Потом шел завтракать к столу, накрытому под деревьями и засыпанному алыми мальвами и глянцевитыми коралловыми перцами, — об этом заботился Точиги. После завтрака, облачившись в синее кимоно, он устраивался работать на лужайке за импровизированным письменным столом. В очерке «Непостижимое и чудовищное» он подробно рассказывает о том, с каким трудом удалось построить и спустить на воду «Снарк». В очерке «Жажда приключений» — о тысячах писем, полученных им от людей, желавших участвовать в смелой затее. В очерке «Ощупью в океане»— о том, как из-за неуменья Роско вести корабль «Снарк» потерялся и как сам Джек научился штурманскому делу. Он испытывал крайнюю нужду в средствах. Очерки вышли занимательными, и журналы брали их охотно. Написал он еще и «Костер»— трагический рассказ из серии, посвященной Аляске.

Первые двенадцать дней пребывания «Снарка» в Пирл Харбор Джек не бывал на яхте. На тринадцатый, подойдя к «Снарку» на лодке, он убедился, что палубы ни единого раза не поливались из шланга и вместе с оснасткой, ничем не прикрытой, они сохнут и рассыпаются под тропическим солнцем. Он спешно рассчитал Роско Эймса и Герберта Стольца и отправил их назад в Калифорнию. Тогда американские газеты сообщили читателям, что на «Снарке» царят ссоры и разлад. Не желая огорчать Нинетту Эймс, разоблачая Роско, Джек ничего не предпринял в свою защиту и перевел деньги на проезд Юджину Фенелону, другу Джорджа Стерлинга, с тем чтобы тот поступил на «Снарк» машинистом. Фенелон, как отметили газеты, «все свои сведения о море почерпнул, путешествуя с цирком, где выступал силачом, а также готовясь к тому, чтобы принять сан священника». По прибытии на Гавайские острова Фенелон несколько месяцев провел в попытках привести «Снарк» в хорошее состояние, а затем вернулся в Кармел, оставив оснащение яхты в худшем виде, чем

когда-либо прежде.

Не только сами Гавайи были «чудесным, ласковым краем, но и люди оказались чудесными». Редакторы журналов «Звезда» и «Тихоокеанский коммивояжер» дали званый обед в честь вновь прибывших. Их пригласили на прием, устроенный принцем Каламанаоле и ее величеством королевой Лилиукалани, наперебой развлекали, знакомили с величавой красотой островов. Каждый день приносил новое приключение, одно красочней другого: вместе с принцем Каламанаоле Джек ловил рыбу при свете факелов, посещал местные «луау» — празднества стонов, купался при луне, яркой и теплой, жил на ранчо Хале-акала на острове Мауи. Управляющий ранчо Льюис фон Темпский водил его смотреть, как гоняют табуны, как объезжают и клеймят молодняк, ездил с ним верхом по неслыханно красивым и столь же опасным тропам, на восемь тысяч футов ввысь по горным склонам, через шаткие пеньковые мостики, перекинутые через бездонные ущелья, к кратеру Халеакала, с вершины которого видны все острова и море. Эта прогулка вылилась в очерк «Обитель солнца».

Неделю он провел на Молокаи, острове прокаженных, где они с Чармиан жили среди прокаженных, как равные сидели бок о бок с ними в охотничьем клубе, плечом к плечу с ними стояли в тире, стреляли из ружей, еще сохранявших тепло их рук, ходили «а устроенные ими скачки. Остров пользовался зловещей славой, и прокаженные умоляли Джека написать правду, поведав миру, что они живут хорошей, счастливой жизнью. Вернувшись к себе на Хило, Джек тотчас же исполнил обещание, с нежностью рассказав о пребывании на этом трагическом и прекрасном острове в очерке «Колония прокаженных».

Александр Хьюм Форд, специалист по части водных лыж, научил его носиться по волнам во время прибоя, стоя на доске. Джек с его нежной кожей так обгорел под солнцем, что добрых две недели не мог избавиться от волдырей, но тем не менее написал статью «Спорт богов и героев», которая значительно способствовала тому, что этот вид спорта завоевал популярность в Америке. Он полюбил неторопливую, напоенную красотой жизнь островов; работа здесь ладилась: хорошо шел «Мартин Иден», не говоря уже о прочем.

Когда серия рассказов «Дорога», напечатанных в «Космополите», была готова для издания отдельной книжкой, Джеку написал Бретт. Не откажется ли Джек от этой книги, если он, Бретт, сумеет доказать, что, выпустив ее, автор проиграет в глазах публики? «В «Дороге», как и во всех своих работах, — отвечал Джек, — я был верен правде. По мере того как из моих произведений все яснее вставал мой характер, случались

всяческие громы и молнии — неприязнь, враждебные выпады, всеобщее осуждение; все это я вынес. Я всегда настаивал на том, что основное достоинство литератора — искренность. Если я не прав и мир убедит меня в этом, я скажу «Прощай, гордый мир», удалюсь на ранчо и стану сажать картофель и разводить кур, чтобы не было пусто в желудке. Я никогда не следовал совету действовать осмотрительно — в этом-то и секрет моего успеха».

Впрочем, одному благоразумному совету он все-таки последовал — совету, который, по всей вероятности, спас ему жизнь, а именно: в середине октября, отправившись с острова Хило на Маркизские острова, он имел на борту настоящего морского капитана с бумагами, выправленными по всей форме, и матроса-голландца. Капитана Уоррена освободили досрочно из Орегонской каторжной тюрьмы, куда он был заключен по обвинению в убийстве; матрос Херманн в свое время водил отцовский кеч у берегов Голландии. Если бы Джек проявил осмотрительность, наняв опытных моряков еще при постройке «Снарка» или перед отплытием на Гавайи, он мог бы сохранить двадцать тысяч долларов и здоровые нервы. Единственным из первоначального состава команды, кто на самом деле оказался достойным искателем приключений, был Мартин Джонсон, красавец двухметрового роста, произведенный из кока в механики и ставший с той поры ценным приобретением для «Снарка».

За два года странствий доказала Джеку свои достоинства и Чармиан. Она была готова решительно на все; смелость ее была неистощима; когда встречались трудности, она оставалась бодрой, стойко держалась перед лицом опасности — как надежный спутник-мужчина. Что бы ни задумал Джек — провести неделю среди прокаженных Молокаи, пополнить собою ряды охотников за головами на Соломоновых островах, верхом перебраться по пеньковым мостикам, спуститься в глубокое тропическое ущелье, пересечь Тихий океан в таком месте, куда еще не отважилось показать нос ни одно парусное судно, — она везде сохраняла мужество и находчивость, не теряла присутствия духа в смутные времена, была веселым товарищем в хорошие дни. Если Джек искал себе спутницу, способную шагать с ним плечом к плечу в скитаниях, он нашел ее в Чармиан.

Через несколько дней после отплытия из Хило Джек раскрыл инструкцию вождения парусных судов в южных водах Тихого океана и прочел, что в истории не зарегистрировано ни одного случая, чтобы парусник прошел от Гавайских до Маркизских островов. Мало того, из-за экваториальных течений и расположения юго-восточных пассатов считается, что достигнуть

Маркизских островов невозможно. «Невозможное не отпугнуло «Снарк», — вспоминает Джек. Ничуть не смутившись, он поплыл дальше и добрался все-таки до Маркизских островов, совершив поистине чудеса кораблевождения и парусного искусства. Избежал смерти он, по-видимому, лишь потому, что судьба решила: человек по имени Джек Лондон таит в себе книги, которые должны быть написаны, прежде чем можно будет его прикончить.

Их угораздило вклиниться между пассатами и экваториальными штилевыми водами, и сутки за сутками «Снарк» стоял без движения. Их стегало ветрами, било дождем, заливало волной, не раз налетал такой шквал, что казалось, дырявый крохотный «Снарк» вот-вот сломается как спичка. За шестьдесят дней ни паруса, ни пароходного дымка. Они потеряли за бортом половину запаса пресной воды и погибли бы от жажды, если бы не счастливый случай, пославший им дождь. Для Джека не было большего удовольствия, чем играть в прятки со смертью, он наслаждался, как мальчишка. Он вел «Снарк» по не занесенным на карту водам, охотился на дельфинов, акул, морских черепах; валялся на крыше люка, вдыхая соленый воздух, чувствуя, как ласково покачивает его океан; работал над «Мартином Иденом»— тысяча слов ежедневно, писал увлекательные очерки «Через Тихий океан».

Теплыми деньками он сидел на палубе, читая Чармиан, капитану Уоррену, Мартину Джонсону, Херманну, Накате — веселому юнге японцу, сменившему Точиги, и коку Уоде отрывки из книг Стивенсона о Маркизских островах и Таити, из «Тайфуна» и «Юности» Конрада, из «Белой куртки», «Тайпи» и «Моби Дика» Мельвиля. Былые неприятности, связанные со «Снарком», были забыты — парусник воплотил в жизнь надежды тринадцатилетнего романтика, глотавшего все приключенческие повести, какие сумела найти для него мисс Кулбрит в Оклендской публичной библиотеке.

Двухмесячное плавание привело «Снарк» к одному из Маркизских островов — Нука-хива. «С северо-запада дул пассат, а мы настойчиво шли своим путем на юго-запад. И так десять дней. 6 декабря в пять часов утра показалась земля — именно там, где ей и полагалось находиться, то есть прямо по носу. Мы прошли с подветренной стороны мимо Уа-хука, вдоль южного края Нука-хивы и ночью, в беспросветной мгле, под порывами шквального ветра, пробились к якорной стоянке в узкой бухте Тайогаэ. Грохоту якорной цепи вторило со скал блеянье диких коз, воздух, который мы вдохнули, был напоен ароматом цветов».

В Нука-хиве им посчастливилось снять комнаты в том самом

клубе, где во время своего пребывания на Маркизах часто проводил вечера Роберт Льюис Стивенсон, — новый источник радости и удовлетворения для Джека. На второй же день, как только они были в состоянии сесть на лошадей, весь экипаж «Снарка» поехал верхом в восхитительную долину Хапаа, описанную в «Тайпи». Судя по словам Мельвиля, Хапаа населяло воинственное и сильное племя, жившее среди плодородных тропических садов. Увы! Полное разочарование: к тому времени, когда Джек смог сам проехать на коне по долине Хапаа, она превратилась в необитаемую унылую тропическую глушь. Немногие маркизцы, уцелевшие после опустошительных эпидемий, занесенных на острова «неотвратимым белым человеком», умирали в своих жалких хижинах от скоротечной чахотки. Джек посвятил вымиранию этой великолепной расы печальный очерк, названный из почтения к Мельвилю «Тайпи». «Безвозвратно ушли красота и сила, и долина Тайпи стала прибежищем горсточки несчастных, страдающих проказой, слоновой болезнью и туберкулезом. Жизнь в этом чудном саду погибла».

Двенадцать красочных дней провел Джек на Маркизах — охотился на диких коз, участвовал в туземных празднествах, танцах и пирах. На тринадцатый день он поднял якорь и мимо островов Туамоту пошел на Таити, где его ждала почта. Здесь он узнал, что на «Снарк» опять махнули рукой, считая его погибшим; что сан-францисские моряки вспоминают свои пророческие слова: «Корабль плохо спланирован, а оснащен и того хуже». Многие газеты выражали искреннее сожаление по поводу утраты талантливого молодого писателя. Другие обвиняли Джека в том, что он не дает о себе знать намеренно, желая вызвать шумиху вокруг своей персоны. В одной передовой статье его даже уличили в том, что он раздобыл себе ловкача-агента и тот придумал для него даровую рекламу, которая с лихвой возмещает стоимость яхты.

Пробыв в отсутствии всего восемь месяцев, он убедился сейчас, обследовав содержимое многочисленных ящиков с накопившейся почтой, что, когда нет хозяина, в делах очень быстро наступает беспорядок. Оклендский банк, в полной уверенности, что Джек покоится на дне Тихого океана, лишил Флору права выкупа дома по закладной. Ряд чеков, выданных им еще на Хило — в общей сложности на восемьсот долларов, вернулись обратно, помеченные другим оклендским банком: «Текущий счет иссяк», что вызвало страшный шум в печати.

Оставляя Глен-Эллен, Джек передал свои полномочия Нинетте Эймс, поручив ей вести его дела в качестве доверенного

лица. Жалованье она себе назначила сама — десять долларов в месяц. Теперь она повысила его до двадцати и при этом брала с него сорок долларов в месяц за пустующие комнаты в Уэйк Робине. Знакомясь со счетами, Джек узнал, что она истратила тысячу долларов на пристройку к амбару, чтобы поселить на ранчо десятника с женой; тысяча четыреста долларов ушли в декабре на содержание Флоры, Джонни Миллера, няни Дженни, Бэсси с дочерьми; на оплату рабочих, на инвентарь и различные поставки для ранчо Хилла, на уплату страховым компаниям и содержание Уэйк Робина.

Другой счет, общей суммой на тысячу долларов, представлял собой список снаряжения «Снарка» на трех страницах — начиная от тысячи галлонов бензина и кончая сотней пачек специальных египетских сигарет для Джека и дюжиной коробок конфет. Несметные расходы! Не говоря уже о том, что тысяча долларов ежемесячно уходит на экипаж и обслуживание «Снарка»! В декабре Макмиллан заплатил ему пять тысяч пятьсот долларов авторских отчислений от продажи книг; Рейнольдс, нью-йоркский агент, изредка оказывающий ему услуги, сбыл рассказ «Костер» журналу «Век» за триста пятьдесят долларов; Нинетта Эймс устроила очерк «Колония прокаженных» в «Домашний спутник женщины», а «Как мы нащупали путь» и «Непостижимое и чудовищное» — в «Гарперовский еженедельник»; пришли деньги от английских журналов и издательств, от скандинавских, немецких, французских и итальянских издателей. И, несмотря на все это, он узнает, что теперь, на первой неделе 1908 года, у него за душой всего-навсего шестьдесят шесть долларов и в ближайшем будущем — никаких надежд.

Еще 28 мая 1907 года, по прибытии в Гонолулу, чуть ли не первое, что он сказал, было: «Я обанкротился и, очевидно, буду вынужден задержаться здесь, пока не раздобуду денег». После этого он написал ряд путевых очерков и рассказов о Гавайях, стоивших журналам от трехсот до пятисот долларов каждый. Каких-нибудь четыре с половиной года — прошло со времени выхода в свет нашумевшего «Зова предков», а он заработал за это время столько, что смог истратить сорок тысяч на «Снарк», одиннадцать — на ранчо, десять — на дом Бэсси, восемь — на дом Флоры и еще около тридцати пяти тысяч на всяческих прихлебателей и приживалок, число которых неизменно росло. Сейчас плавание обходится ему в тысячу долларов ежемесячно, и вот полюбуйтесь — он сидит в Таити, имея на все про все шестьдесят шесть долларов!

Из Таити в Сан-Франциско уходил пароход «Марипоза», и Джек решил отправиться на нем домой и попытаться привести в

порядок дела. Откуда он взял денег на два билета — себе и Чармиан — остается загадкой. Оставив «Снарк» на попечение капитана Уоррена и команды, он возвратился в Калифорнию.

Многочисленные родичи Джека, с тревогой дожидавшиеся «Марипозы» в надежде получить почту и убедиться, что он цел и невредим, остолбенели от удивления, узнав, что он в Сан-Франциско. Небывало крикливые заголовки газет затрубили о его прибытии. Один репортер писал: «Словами «улыбка, не сходящая с лица» и наполовину не выразишь, какая у Лондона улыбка. Это что-то щедрое, душевное, широкое, как. морские просторы, — посмотришь, и сердце радуется». Многие корили Джека за то, что он не довел путешествие до конца. Когда же он сообщил, что на той неделе обратным рейсом «Мари-позы» возвращается на «Снарк», некоторые его знакомые рассмеялись, приняв это за шутку, а другие принялись отговаривать. Он ведь и так уже продемонстрировал, на что способен, — и баста! Зачем искушать судьбу? Не разумнее ли остаться дома? Видно, они не поверили, когда он заявил репортерам, что дни, проведенные на борту «Снарка», — одни из самых счастливых в его жизни.

Он немедленно телеграфировал Макмиллану с просьбой выслать аванс за почти завершенного «Мартина Идена». На эти деньги он выкупил из заклада Флорин дом и уплатил банку все возрастающие проценты за ранчо Хилла. С «Гарперовским еженедельником» он договорился о выпуске серии очерков о «Снарке», что дало возможность заплатить самые срочные долги и выдать Флоре февральский чек на пятьдесят два доллара, Бэсси — на семьдесят пять, няне Дженни — на пятнадцать. Просмотрев подшивку «Домашнего спутника женщины», он понял, почему на Гавайях и в Таити с него за все драли втридорога: после того как «Космополит» распространил басню, что это он посылает Джека Лондона вокруг света, Джек расторгнул с ним договор и договорился со «Спутником женщины». Увы! Соблазн был слишком велик, и «Спутник», не в силах отказаться от лакомого кусочка, последовал примеру «Космополита» — состряпал аналогичную фальшивку.

1907 год ознаменовался выходом в свет четырех его книг, то есть на одну больше рекордного числа 1902 года. Ему был всего тридцать один год, а он уже успел выпустить двадцать книг, ибо расточал сокровища своего ума так же щедро, как принесенные ими богатства.

«До Адама», художественное воплощение теории эволюции, рассказ о жизни первобытного человека, в Америке по-прежнему читают с упоением. «Дорога», на которую по выходе в свет почти не обратили внимания, ныне признана одним из немногих

правдивых литературных источников о жизни американского бродяги. В книгу «Любовь к жизни» входит несколько наиболее мастерски отделанных рассказов Лондона об Аляске. Все это было написано ради денег, которые требовалось вложить в «Снарк». Высокое совершенство этих произведений свидетельствует о том, что иные люди пишут лишь во имя литературы, ни сном ни духом не помышляя о такой скверне, как деньги, и получается чепуха, в то время как другие пишут ради денег и творят подлинную литературу. Определяющим фактором здесь служит талант, а не то, как человек намерен распорядиться вознаграждением за этот талант.

Джеку Лондону были свойственны любовь к правде, смелость говорить то, что он чувствовал и думал; он был разносторонне образованным человеком. Эти духовные богатства, эта цельность сочетались с даром прирожденного рассказчика, созревшим в результате умной и неустанной работы. То обстоятельство, что он нуждался в деньгах, не заставило его ни снизить требовательность к себе, ни идти на компромисс там, где дело касалось его искусства, он всегда был уверен в том, что хорошая работа стоит хороших денег.

Предсказание Бретта относительно участи «Железной пяты» оказалось верным; большинство газет и не заикнулось о выходе книги в свет. Другие— впрочем, немногие — заявили, что автора должна сурово покарать десница закона. Едва замеченная, получившая неблагоприятные отзывы, книга осталась непризнанной. Ее почти никто не покупал — разве что горсточка американских марксистов. Десять лет спустя ей было суждено завоевать известность как одному из величайших в мире классических произведений о революции. Что касается русских, то с тех пор Джек Лондон стал для них просто богом.

Как ни зло нападала на «Железную пяту» капиталистическая печать, еще злее была печать социалистическая, год тому назад бранившая его за то, что, не считаясь с уймой дел на родине, он уплывает на своей роскошной яхте. Сейчас его обвиняли в том, что он предает свое дело, вызывает в народе враждебное отношение к социализму, проповедуя кровопролитие; восстанавливает против себя даже членов партии, настроенных мирно и желающих, чтобы социализм внедрялся в жизнь постепенно, через органы образования и законодательства, путем голосования, а не ценою смерти на баррикадах. Да, в апреле капиталистическая и социалистическая печать единодушно называла его угрозой для общества (Отрицательно отзывались о «Железной пяте» оппортунистически настроенные руководители социалистов. Революционное ядро американского

социалистического движения дало высокую оценку роману. Положительно оценили книгу Юджин Дебс и Билл Хейвуд.), однако три месяца спустя социалисты не только простили его, но даже предложили выставить свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов от социалистической партии.

Верный своему слову, Джек вернулся вместе с Чармиан на «Марипозе», чтобы продолжать семилетнее путешествие вокруг земного шара. 9 апреля он ушел на «Снарке» с Таити и взял курс на Бора-Бора, эту жемчужину Полинезии. На Бора-Бора он бил рыбу камнем вместе с местными рыбаками; на Райатеа жил среди коренных полинезийцев, осыпавших его обильным дождем подарков и угощений со щедростью, неведомой в цивилизованных странах. В Паго-Паго его принимал у себя туземный король.

Направляясь далее, в Суву, к островам Фиджи, «Снарк» попал в штормовую полосу и на несколько дней сбился с курса, так как хронометр вышел из строя. До Сувы, столицы островов Фиджи, добрались в июне, и здесь капитан Уоррен, покинув «Снарк», крайне нуждавшийся в ремонте, сошел на берег и не вернулся. Еще в мае капитан впал в грусть, дважды прерывавшуюся приступами буйства. Что ж, Джек отослал ему вслед пожитки, и с той поры сам вполне благополучно справлялся с обязанностями капитана. Он путешествовал по Соломоновым островам, жил на копровых плантациях, в самой чащобе, «на грани неприкрытой вопиющей дикости, что другого такого местечка не сыщешь на всей земле». На Малаита, где от руки дикаря не у одного белого слетела с плеч голова, Джек вместе с друзьями отправился на корабле «Минота» вербовать бушменов для каторжной работы на плантациях. Однажды на него напали из засады людоеды, собиравшиеся разграбить и потопить судно, а белокожим членам экипажа устроить «каи-каи», то есть снять головы, а с телами расправиться по своему вкусу. Судно едва не наскочило на риф, и тут его с воплями атаковали полчища чернокожих, стрелявших отравленными стрелами.

«Когда «Минота» первый раз наскочила на подводную скалу, вокруг не было видно ни одного каноэ, но внезапно, подобно стервятникам, кругами слетающимся к добыче, каноэ стали появляться невесть откуда, со всех сторон. Команда с ружьями наготове задержала туземцев на расстоянии ста футов, угрожая смертью в случае если они рискнут приблизиться. Плотным строем, черные и зловещие, удерживая свое каноэ веслами, они не отступали с опасной линии, где разбивались волны прибоя. Это действительно было приключение, достойное того, кто в юности на «Рэззл-Дэззл» никогда не брал рифы, кто четыре раза останавливал на ходу трансконтинентальный экспресс,

переправлялся на лодке через пороги Белой Лошади и в туземной джонке пересек Желтое море! «Вот жизнь — так жизнь!» — восклицал он.

Джек вел подробные записи, фотографировал, на каждом острове искал для своей коллекции туземные каноэ, весла, раковины, резные деревянные вещицы, копья, трубки, чаши, циновки, драгоценности, ткани из тапы, кораллы и туземные украшения, которые по возвращении в Глен-Эллен составили целый музей. И где бы он ни был — на Фиджи, Маркизах, Самоа, — если можно было собрать хоть десяток белых, он выступал. перед ними со своим докладом о революции.

Вокруг свирепствовали проказа, слоновая болезнь, малярия, стригущий лишай, гари-гари (кожная болезнь, вызывающая страшнейший зуд), Соломонова болезнь, или фрамбезия, накожные язвы и сотни других тропических заболеваний. «Снарк» превратился в плавучий лазарет. Стоило кому-нибудь из команды невзначай споткнуться на палубе и заработать синяк, стоило поцарапать себе ногу, втаскивая на берег лодку или пробираясь сквозь джунгли, как по всему телу расползалась кожная болезнь, причем отдельные язвы были величиной с серебряный доллар. На Соломоновых островах весь экипаж заболел малярией. Иной раз лежали с приступом пятеро, и шестому ничего больше не оставалось, как самому вести «Снарк» в любую погоду. У Джека приступы, случались так часто, что он столько же времени проводил в постели, глотая хинин, сколько был на ногах. По пути на Фиджи он раза два поскреб места, искусанные москитами, и тело его покрылось язвами и сыпью.

Но даже эти неприятности его только радовали, представляясь в романтическом свете — трудностями, достойными исследователя дальних стран, неустрашимого и неотвратимого белого человека, завоевывающего весь мир. Ему нравилось называть себя врачом-самоучкой. Он рвал зубы, лечил открытые язвы Чармиан и Мартина Джонсона сулемой, насильно заставлял кока Уоду глотать хинин — кок заболел тропической лихорадкой и с восточным фатализмом готовился умереть.

За исключением тех дней, когда Джека валила с ног малярия, он строго держался раз и навсегда установленного порядка: каждое утро — тысяча слов. Чармиан, так же ревностно, как и он, выполнявшая свои обязанности, печатала на машинке его рукописи и составляла под диктовку ответы на многочисленные письма.

Действие «Приключения» — единственного романа, вывезенного Джеком с Южных морей и стоившего ему многих месяцев кропотливого труда, — протекает на одной из копровых

плантаций, где он жил во время пребывания на Соломоновых островах. Защищаясь от критиков, выразивших недовольство по поводу этого «вопиющего, неприкрытого дикарства», Джек заявил, что изображает лишь то, что видел собственными глазами. К сожалению, достоверность не все, что требуется для жизненного, убедительного литературного произведения. «Приключение» — занимательная вещица для читателя, стремящегося уйти от действительности, но такую с равным успехом мог бы написать добрый десяток его современников. Роман вышел сериями в журнале «Популярный» — подписчики этого издания не могли, увы, похвастаться тонким литературным вкусом, — затем появился отдельной книгой и скоропостижно скончался.

Очерки, собранные позднее в «Путешествии на «Снарке», — это красочно и смело написанные путевые заметки, они составлены в теплой, подкупающе дружеской манере, так безошибочно отражающей натуру Джека Лондона, но никому — и в первую очередь самому Джеку — не пришло бы в голову приписывать им подлинные литературные достоинства. Сейчас, на борту «Снарка», а также и в последующие годы Джек создал тридцать рассказов, посвященных жизни на Южных морях. И хотя некоторые из них действительно хороши (такие, как «Дом Мапуи», «Язычник», «Кулау-прокаженный», «Чун-а-чун» и «Ату их, ату!»), читатель как бы сидит где-то в стороне и дивится, наблюдая редкое зрелище, похожее на туземное интермеццо. Рассказы о «неотвратимом белом человеке», приручающем черных дикарей и берущем на откуп весь мир, увлекательны и пропитаны экзотикой, но в них нет почти ничего, что могло бы вызвать всеобщий интерес. Трудно слиться воедино с героем, жить, сражаться и умирать вместе с ним, как это бывает, когда читаешь о героях Аляски, соотечественниках Лондона — американцах. Что касается похождений на Южных морях, кому они важны, если не считать его самого? Социалисты критиковали Джека Лондона за то, что он уезжает, когда на родине так много работы. Они были правы в более глубоком смысле: самые немудреные вещи Лондона, посвященные своему народу, его обычаям, его судьбам, создают нашу литературу, остаются с нами не только для того, чтобы оживить воспоминания, но чтобы, расширяя кругозор, углубить любовь к печатному слову.

Путешествие на «Снарке» многократно окупилось, если речь идет о Приключении. Было ли оно вкладом в сокровищницу литературы? Едва ли. Впрочем, это не слишком беспокоило Джека. «Я всегда за то, чтобы частицу жизни, заключенную во мне, ставить выше искусства или любого другого явления, находящегося вне моего существа», — любил говорить он.

Соблюдая строгую дисциплину в работе, он прилагал героические усилия к тому, чтобы содержать в порядке и свои дела. Он задумал построить около Уэйк Робина домики, чтобы по возвращении принимать в них друзей, и написал миссис Эймс письмо на девяти страницах, содержащее инструкции и множество технических сведений по строительной части. Где-го там, за тысячу миль, на Соломоновых островах, он обдумывал такие детали, как, скажем, в какую сторону должка открываться каждая дверь, где будет туалет, а где умывальник. Он отправлял помощникам ясные, логичные, исчерпывающие письма, но чем больше указаний он давал, тем в больший беспорядок приходили дела. Он еще не уяснил себе, что всякий, кто зарабатывает от двадцати до тридцати тысяч долларов в год, ведет большое дело и, стало быть, должен держаться поближе к «фабрике». Случалось, что его нью-йоркский доверенный отдавал рассказ какому-нибудь английскому журналу, а в это время Нинетта Эймс устраивала его в американский журнал.

Джек уже истратил гонорар, полученный от американского журнала, а тот гневно требует возврата денег: его обманули, лишив прав на издание этой вещи в Англии. Американские и английские издатели грызлись друг с другом, оспаривая права на распространение его книг в колониях, — это в результате тормозило дело.

Издатели, которые не отказались бы приобрести его рассказы и очерки, если бы можно было тут же уладить кое-какие детали, теперь отсылали его рукописи обратно, потому что на переговоры с автором, который находится на Соломоновых островах, уходит слишком много времени. Его цена на книжном рынке поднялась; такие журналы, как «Космополит» или «Кольерс», платили ему за рукопись от пятисот до шестисот долларов. Но теперь, когда издатели перестали покупать его вещи, Нинетта Эймс начала распродавать его рассказы и статьи «вразнос», как уличная торговка рыбой: — «А ну, кому Джека Лондона? Сколько за рассказ?»— и сколько ни предложат, отдавала. Издатели быстро почуяли, что рукописи Джека Лондона выбрасывают на рынок в панике, и стали вообще воздерживаться от их приобретения. Книжный рынок оказался забитым его произведениями, все источники заработка мгновенно иссякли.

Неистовые письма Нинетты Эймс, посланные Джеку в этот период, — сотни и сотни напечатанных на машинке страниц — представляют собой поразительный документ. Семейное сходство с теми сотнями напечатанных страниц, которые пять лет назад посылала Джеку ее племянница, заметно с первого взгляда. Витиеватые, цветистые, обильно сдобренные сахариновыми

заверениями в вечной любви, преданности и готовности на любые жертвы, — ив каждой строчке чувствуешь мертвую хватку стальных пальцев. К своему Уэйк Робину Нинетта Эймс пристроила еще одно крыло, а когда Джек снова поселился в Глен-Эллен, она брала с него деньги за комнаты, построенные на его же средства. Она вторично набавила себе жалованье — на этот раз до тридцати долларов в месяц, причем Джека поставила об этом в известность задним числом, осведомившись, намерен ли он вообще платить ей хотя бы прожиточный минимум? Измученный этими выпадами, Джек запротестовал: «Я всегда гордился тем, что как только у меня появился первый доллар, я платил по совести каждому, кто оказал мне хотя бы небольшую услугу».

Из месяца в месяц Нинетта Эймс плакалась, что бедствует, терпит лишения, что не в состоянии вернуть сумму, одолженную у Джека перед отходом «Снарка». В конце концов Джек написал: «Мой вклад в Оклендском банке не приносит процентов. Пожалуйста, располагайте им в случае необходимости». Чековые книжки ясно показывают, что миссис Эймс поймала его на слове: здесь сотни чеков — санаториям, врачам и аптекам; чеки за наряды, мебель и ремонты Уэйк Робина; счета от бакалейщиков и гастрономов на такое количество продуктов, что ими можно было бы прокормить обитателей солидного отеля.

Все это происходило если и не с его ведома, то по крайней мере с его недвусмысленного разрешения. А вот о чем он не знал, так это о том, что каждые двадцать пять центов, истраченные на ранчо Хилла, обходятся ему вчетверо. Он заплатил за постройку массивного каменного корпуса для нового амбара, а пять лет спустя, когда в Глен-Эллен случилось землетрясение, стены треснули, и он убедился, что их нельзя назвать полыми только потому, что рабочие после еды кидали в простенок консервные банки и прочие отбросы.

Потом всплыла история с оборудованием для ванной комнаты в доме десятника: Джек заплатил сполна за новое, а когда оборудование сгрузили у Глен-Элленской станции, оказалось, что это какое-то никому не нужное старье. Но самым тяжелым ударом было то, что миссис Эймс перестала посылать ежемесячные отчеты. В мучительной тревоге он пишет ей с Пенрина, наставляя, как справиться с десятками деловых осложнений, и жалуясь, что она выслала отчеты только за февраль и май, хотя в 1908 году не было месяца, когда бы она ему не писала.

Но тут среди всей этой неразберихи Нинетта Эймс провела удачную деловую операцию, и Джек все ей простил. Она передала

«Тихоокеанскому ежемесячнику» право на издание выпусками романа «Мартин Иден» за княжескую сумму — семь тысяч долларов. Это не только покрыло все долги. но и оставило Джеку несколько тысяч.

К ранчо Хилла в долине Сонома примыкали виноградник Колера в восемьсот акров и ранчо Ламотт в сто десять. В течение многих месяцев Нинетта Эймс упорно напоминала Джеку, что виноградник продается за тридцать тысяч долларов — почти даром, и не менее упорно повторяла, что за десять тысяч можно купить ранчо Ламотт. Джеку не было ни малейшего, смысла покупать это ранчо — у него уже было сто тридцать акров великолепной земли, на которой он пока что не провел ни одной ночи. Еще пять лет он собирался плавать вокруг света. Семь тысяч, только что полученные за «Мартина Идена», спасли его от грозившего разорения. Но вспомнилось холмистое, поросшее секвойей ранчо Ламотт, вспомнились счастливые часы, когда он верхом спускался в эти ущелья, поднимался по тропинкам, бегущим сквозь виноградники, среди земляничных деревьев…

С обратной почтой Нинетта Эймс получила распоряжение приобрести для него ранчо Ламотт. Около трех тысяч она внесла сразу, а под остаток заложила землю. Плавая на своем кече среди Соломоновых островов, собираясь в ближайшее время посетить Японию, Индию, Суэцкий канал, не зная, удастся ли поместить куда-нибудь только что законченный рассказ, оплатить завтрашние счета, Джек стал теперь обладателем двухсот сорока акров красивейшей земли в предгорьях Калифорнии.

В сентябре 1908 года разыгрывать из себя врача-самоучку уже не доставляло никакого удовольствия: у него начали отекать руки; лишь мучительными усилиями удавалось сжать пальцы. Потом с них стала сходить кожа — сначала один слой, затем второй, четвертый, шестой… Страдания не прекращались ни на секунду. Врачи не могли понять, что это за странное заболевание. Началось общее нервное расстройство; он то и дело впадал в полную беспомощность, не мог даже передвигаться по палубе от страха, как бы не пришлось схватиться за что-нибудь больными руками. Нервное расстройство отразилось и на душевном состоянии: вернулась мания преследования — против него что-то замышляют, все сговорились помешать ему завершить кругосветное путешествие.

Джека не испугали лишения и опасности; расходы и насмешки только укрепили решимость. Но болезнь в конце концов сломила его. Обессилев, он сговорился с одним отставным капитаном, что тот будет присматривать за «Снарком», и заказал для себя, Чармиан, Мартина Джонсона и Накаты места на

пароходе «Накомба», уходящем в Сидней.

В ночь перед отплытием он поднялся один на «Снарк». Полная луна освещала палубу судна, идея которого зародилась в его мозгу, которое выросло под его руками. Ему была дорога здесь каждая мелочь, он любил в «Снарке» даже его слабости и недостатки. Ведь и они — дело его рук. Кеч оправдал каждый вложенный в него доллар, каждую каплю энергии, растраченной из-за него, все оскорбления и издевательства, которые вытерпел Джек. Временами «Снарк» своевольничал, блуждал где вздумается; порой не справлялся со своими обязанностями. И все-таки он славно послужил хозяину, послушно пронес его целым и невредимым сквозь тысячи миль океанских просторов, подарил ему богатые экзотические впечатления, которые он будет вспоминать в пасмурные, скучные дни. Вместе, не дрогнув, смотрели они смерти в лицо, вместе сражались со штормами, держались, когда их хлестало дождем и ветром; лежали недвижимо в экваториальной штилевой полосе; грелись под ярким, чистым солнцем, радуясь соленому воздуху моря. «Снарк» был добрым товарищем, и Джек больной рукой любовно погладил на прощанье его перила, снасти, мачты и смахнул искреннюю, сентиментальную слезу, чувствуя, что так и следует расставаться друзьям.

Двадцать мучительных дней в море — и он ложится в сиднейскую больницу. Пять недель на белой больничной койке. Австралийские специалисты поставлены в тупик: такого заболевания, оказывается, еще не знала история медицины. «Я беспомощен, как ребенок. Руки то и дело распухают и становятся вдвое толще обычного; при этом с них одновременно сходит семь слоев отмирающей кожи. Ногти на ногах за сутки становятся такими же в толщину, как в длину».

Убедившись, что в больнице ему не помогут, Джек следующие пять месяцев прожил в Сиднее — сначала в гостиницах, потом снимал квартиру — в надежде, что какое-нибудь лечебное средство даст ему возможность вернуться на «Снарк». Писать он не мог — куда там! Он испытывал такую боль, что и читал-то с трудом. Репортаж о спортивной борьбе Бернса с Джонсоном — вот единственное, что ему все-таки удалось сделать в Австралии. Улыбка, о которой всего год назад писали, что она «не сходит с его лица», исчезла бесследно: теперь это был просто молодой человек, удрученный и обескураженный необъяснимой болезнью.

В начале мая 1909 года стало очевидно, что, если Джек Лондон не поедет домой, кости его неминуемо останутся в тропиках — так же неминуемо, как если бы новогебридские

бушмены отрезали ему голову и устроили «каи-каи». Он послал Мартина Джонсона вместе со штурманом на Соломоновы острова, с тем чтобы они привели «Снарк» в Сидней. «Я оставил «Снарк» на попечение пьянчуги — капитана торгового судна, и к тому времени, как кеч привели в Сидней, на нем чертовски мало осталось. Я до сих пор гадаю, что случилось с моими автоматическими винтовками, с корабельным имуществом, охотничьими дробовиками, двумя фотоаппаратами и тремя тысячами французских франков». Джек забрал со «Снарка» свои личные вещи, и судно было продано с аукциона за три тысячи долларов. По иронии судьбы оно досталось вербовщикам, набиравшим среди жителей Соломоновых островов работников для каторжного труда на плантациях — такой конец постиг судно, построенное одним из ведущих социалистов мира.

23 июля 1909 года, возвратившись в Сан-Франциско после двух с лишним лет странствий, он заявил корреспондентам на пристани: «Я невыразимо устал и приехал домой хорошенько отдохнуть». Он был задавлен чудовищным бременем долгов, здоровье было сильно подорвано, американские газеты были настроены либо враждебно, либо безразлично; редакторы журналов получили от Лондона за последний год слишком мало настоящих вещей и подозревали, что он окончательно выдохся. Даже читателям наскучили его последние вещи, его вполне основательно обвиняли в том, что из трех героев Джек Лондон к концу рассказа убивает четырех. Это было так, как если бы, неудачно управляя судном, Джек посадил его на тропический коралловый риф, где его медленно разбивала на части тяжелая волна.

IX

По пути из Сиднея Джеку стало лучше. Плыли не спеша, через Южную Америку, через Панаму. Дома умеренный калифорнийский климат быстро вернул его к нормальному состоянию. Случайно наткнувшись на книжку под названием «Влияние тропического освещения на белых» и узнав, что в его загадочном заболевании нет ничего зловещего — кожа его, оказывается, разрушалась под воздействием ультрафиолетовых лучей тропического солнца, — Джек успокоился, и этот психологический перелом ознаменовал его полное выздоровление. В августе он уже плавал;в ручье, на котором он снова устроил запруду, и объезжал верхом на Уошо Бане ранчо Хилла и Ламотт, вдыхая горячие целебные запахи шалфея, и сосны, и родной, опаленной солнцем земли.

Строить домики для гостей — те самые, о которых он писал миссис Эймс с Соломоновых островов, — никто и не думал; поэтому Джек опять поселился в Уэйк Робине, в крыле, построенном за его отсутствие. Не такой он был человек, чтобы таить обиду за старое зло: он отпустил Нинетту Эймс с почетом, купил ей Рыбье ранчо в семнадцать акров величиной, чтобы у нее был выгон для коровы, а когда она развелась с Роско Эймсом и вышла замуж за Эдварда Пэйна, подарил ей свадебный туалет и пятьсот долларов в придачу.

Ухаживал за ним и готовил смышленый Наката, Чармиан охраняла его уединение, а Джек всерьез засел за работу.

Прежде всего нужно было во что бы то ни стало привести в порядок дела: он забрал с книжного рынка все свои рукописи и

сообщил издателям, что приехал домой надолго, привез великолепный материал и что отныне всякие недоразумения кончились. В течение трех месяцев в журналах не появилось ни строчки за его подписью — впервые со времени появления «Северной Одиссеи» на заре столетия американские читатели остались без Джека Лондона. Эти месяцы он посвятил героическому труду: ежедневно двенадцать часов напряженной работы, семь рабочих дней в неделю — расписание, которому он подчинил себя еще в ученические дни. Он знал, что вернуть расположение читателя труднее, чем завоевать. Издатели и критики говорят, что он выдохся, что он расстрелял все свои патроны, что он надоел публике. Прекрасно! Он знал, что едва притронулся к запасу прекрасных, волнующих историй, которые ему суждено поведать.

Вышел в свет «Мартин Иден», и, хотя это произведение заслуживало лучшего приема, чем все остальные книги Лондона, недружелюбно настроенные критики либо ругали его, либо высказывались пренебрежительно. Бретт не нашел в отзывах печати ни одной хвалебной строчки для рекламы. Джек жаловался, что критики не поняли его, что рецензенты обвиняют его в том, что он отошел от социализма и выставляет в соблазнительном свете индивидуализм, в то время как на самом деле его книга разоблачает ницшеанскую философию сверхчеловека. На экземпляре «Мартина Идена», посланном в подарок Эпто-ну Синклеру, он написал: «Одной из основных идей при создании «Мартина Идена» было осуждение индивидуализма. Должно быть, я плохо справился с работой, потому что именно этой идеи не заметил ни один рецензент». Нет, он справился с работой. Просто-напросто он написал такую захватывающую историю человеческой жизни, что растерял где-то по пути свои противоречивые философские взгляды. Если бы он знал, что «Мартину Идену» суждено вдохновить целое поколение американских писателей, что через тридцать лет эта книга будет признана величайшим американским романом, — он не был бы так огорчен этой более чем холодной встречей.

Чем глубже он залезал в долги, тем лучше работал; чем больший перевес был на стороне неприятеля, тем с большим пылом он бросался в бой. Он приступил к смело задуманному роману «Время-не-ждет», посвященному Клондайку и Сан-Франциско;

написал четыре рассказа о Южных морях — из числа лучших; написал «Самуэля» и «Морского фермера» — две волнующие истории, написанные на народном диалекте: действие их происходит на ирландском побережье. Гнев всегда был одной из

самых могучих его движущих сил. Он был в бешенстве: чуть не довел себя до гибели, а тут еще критики объявили, что он выжатый лимон, — было от чего прийти в ярость! После издания двадцати томов всепоглощающий восторг творчества несколько притупился, и теперь он выполнял свою ежедневную норму под давлением обстоятельств. В последующие семь лет этот гнет неизменно оставался таким тяжелым, что невольно начинаешь подозревать: быть может, Джек нарочно не вылезал из долгов, потому что это шло на пользу работе. «Я мерно двигаю свой роман по тысяче слов в день, и нарушить мой график может разве что трубный глас, призывающий на Страшный суд».

Он работал так добросовестно и плодотворно, что к ноябрю завершил лучший свой рассказ о боксерах — «Кусок мяса», и, отдав его за семьсот пятьдесят долларов журналу «Сатердей ивнинг пост», заключил договор, что в будущем году представит туда еще двенадцать рассказов. Закончив «Время-не-ждет», он за семь тысяч продал права на серийное издание нью-йоркской «Геральд». Заручившись исключительным правом на переиздание романа, продавая его столько раз, сколько газет выразили желание его приобрести, «Геральд» стала печатать горячие поощрительные статьи, посвященные Джеку Лондону и его роману, а сотни газет, покупающие серийные права, перепечатывали эти статьи. Эта доброжелательная кампания в печати нейтрализовала насмешки и оскорбления, которые он терпел в последнее время.

«Время-не-ждет» стоит в одном ряду с такими значительными представителями американского романа, как «Зов предков», «Морской волк», «Железная пята», «Мартин Идеи», «Джон Ячменное Зерно», «Лунная Долина» и «Межзвездный скиталец». Первая треть романа, рассказывающая об истории Аляски до того, как в Клондайке открыли золото, о том, как Время-не-ждет мчался за почтой из Серкл Сити в Дайю, — самые пленительные страницы, написанные о морозном Севере. Описание красот Глен-Эллен — последняя треть романа — открывает нам, как преданно автор любит природу и как она, в свою очередь, открывает ему свою прелесть, свое тонкое очарование. Но подлинное достижение Лондона состоит в том, с каким искусством он вплетает свои социалистические воззрения в среднюю часть романа «Время-не-ждет», написанного якобы как вещь фабульная, приключенческая. Философия становится неотъемлемой частью действия, захватывает читателя; сам того не подозревая, он впитывает ее в себя как нечто естественное и необходимое по ходу повествования. Жестоко расправляясь с разбойниками—бизнесменами города Сан-Франциско, «Время-не-ждет» — пират,

белокурая бестия в духе Ницше— размышляет: «Из поколения в поколение источником всех богатств остается труд. Будь то мешок картошки, рояль или семиместный автомобиль — все это породил труд, и ничто другое. Мошенничество начинается потом, когда доходит до дележки. Сотни тысяч людей ломали головы, замышляя, в какую лазейку пролезть, чтобы оказаться между рабочими и созданным ими богатством. Этих ловкачей называют бизнесменами. Размер куска, который себе отхватит такой ловкач, определяется не законами справедливости, а величиной кулака и степенью свинства. Тут всегда действуют по принципу: «Жми до конца, пока не лопнет».

Отъявленное кощунство — вот чем были эти слова для еще не пробудившейся Америки 1910 года— слова истинно пролетарского писателя. И так как мнения писателя не навязаны извне, а как бы органически вливаются в наблюдения и выводы героя — эта вещь, не теряя своей политической направленности, является одновременно и произведением искусства. Когда вышла «Железная пята», Джека корили за то, что ради пропагандиста средней руки он загубил первоклассного романиста. Джек тогда возражал: он может слить пропаганду и искусство так тесно, что читатель и не догадается, где проходит граница. В романе «Время-не-ждет» он успешно справился с этой труднейшей задачей. Миллионы читателей с увлечением следили за подвигами героя «Время-не-ждет», и Джек Лондон вновь завоевал расположение читателя — как социалистического, так и буржуазного.

Так подтвердилось его твердое убеждение, что он не утратил и капли творческих сил! А тут Чармиан объявила, что ждет ребенка — событие, которое хочется отметить пушечным салютом! И Джек взялся за осуществление еще одной величайшей мечты своей жизни. Он начал строить дом, где рассчитывал прожить до конца своих дней. Для постройки он выбрал изумительный участок в одном из каньонов ранчо Хилла, окруженный секвойями, виноградниками, чернослив овыми садами и мансанитовыми лесами. Здесь хватит места для четырех тысяч томов, собранных в его библиотеке, для несметного множества белых картонных коробок, по которым он раскладывал официальные отчеты, социалистические брошюры, вырезки из газет, заметки о национальных диалектах, именах и обычаях; стихотворения, которые по-прежнему подшивал в папки с красным переплетом.

Здесь поместятся набитые до отказа стальные архивные корзинки для деловой и личной корреспонденции и ряды черных узких ящиков, — по тридцать в высоту, — в которых он хранил

свои сокровища — сувениры времен Дороги и Аляски, сувениры, привезенные из Кореи и с Южных морей; сотни шуточных игр, головоломок, водяных пистолетов, монет с орлом или решкой на обеих сторонах, колоды каких-то особенных карт. Здесь можно будет с комфортом разместить гостей, создав для них такие современные удобства, как электрическое освещение и водопровод в каждой комнате, и устроив в прохладном полуподвале огромную комнату отдыха исключительно для мужчин, в которой можно было бы и всерьез потолковать о политике и рассказать анекдот, сыграть в шары, в покер, сразиться на бильярде, шуметь и дурачиться сколько душе угодно. Здесь будет прелестная музыкальная комната, где смогут музицировать Чармиан и многочисленные друзья-музыканты; громадная столовая, куда будут сходиться пятьдесят человек, чтобы насладиться отлично приготовленными кушаньями и приятной беседой; отделанная секвойей спальня самого хозяина, где будет достаточно места для хитроумно задуманного ночного столика, на котором разместятся все атрибуты, приготовленные Накачой на ночь, — а то сейчас на нем так тесно, что ледяное питье вечно проливается на книги. Здесь у него наконец-то будет удобная рабочая комната, с диктофоном и со специально отведенным местом для опытного секретаря.

Он утверждал, что строит себе «родовой замок». Индейцы с Аляски называли белокожего завоевателя «Волком», и это слово овладело воображением Джека — он всегда представлялся самому себе победителем — Волком. Он пользовался этим словом в названиях «Сын волка» и «Морской волк», подписывался «Волком» в письмах к Джорджу Стерлингу, а теперь он строил Дом Волка — дом великого вождя белокожих. Он страстно, всей душой надеялся, что Чармиан подарит ему сына, что он станет основателем династии Лондонов, которая навечно водворится в Доме Волка.

Он твердо решил, что его дом непременно будет самым красивым и оригинальным сооружением в Америке, и, чтобы добиться этого, был готов на любые расходы. Дом должен быть построен из массивного красного камня, которым Лунная Долина была на редкость богата; на деревянные конструкции пойдут секвойи, насчитывающие по десяти тысяч лет. Он призвал к себе архитекторов из Сан-Франциско и провел много счастливых часов в размышлениях над синьками, уточняя расположение комнат, проектируя экстерьер так, чтобы здание органически сочеталось с холмами. В Санта-Роза он отыскал искусного каменщика — итальянца Форни и велел ему построить дом, который простоит века: каждый дюйм камня следует промыть водой и отскоблить

стальной щеткой; стены должны стоять намертво — стало быть, нужно класть больше цемента и поменьше извести. Нужно, чтобы один из рабочих постоянно смачивал стены, тогда цемент не затвердеет слишком быстро и не рассыплется в порошок. Перекрытия между этажами должны быть двойные, а кое-где и тройные; внутренние перегородки будут из цельных бревен, причем для большей прочности наружные бревна прикрепляются к стойкам болтами; желоба на крыше нужно сделать медными, все водопроводные трубы — тоже.

Как ярый индивидуалист, он собирался выстроить для себя грандиознейший дворец в Соединенных Штатах. Как социалист, он был намерен обеспечить строителей хорошей работой и отвести большую половину двадцати трех комнат для гостей. Чтобы ускорить дело, Форни было дано распоряжение поставить на постройку тридцать рабочих.

Весной 1910 года Джек предпринял на редкость мудрый шаг: пригласил к себе на постоянное жительство Элизу Лондон-Шепард и передал в ее ведение свои ранчо. Миссис Шепард было уже сорок три года. Не мало горя и душевных невзгод пришлось ей хлебнуть с той поры, как она оставила отцовское ранчо в Ливерморе. Это была милая женщина, по-прежнему невзрачная и непритязательная, честная, умелая и практичная. Чтобы помогать мужу вести бюро патентов, она по собственному почину стала юристом. Простая, без вздора, без ужимок и претензий, она пользовалась всеобщей симпатией и год за годом оставалась верным другом Джеку, любя его такой же нежной любовью, как родного сына Ирвинга.

Стоило Элизе взять в руки бразды правления, как ее обязанности сразу же усложнились: Джек купил те самые Колеровские виноградники, о которых так часто слышал от Нинетты Эймс, плавая на «Снарке», — участок в восемьсот акров, соединяющий ранчо Хилла, Ламотт и Рыбное. Виноградники обошлись ему в тридцать тысяч долларов, а в его распоряжении находилась самая незначительная часть этих денег — ведь уже началось строительство Дома Волка, и оно по смете тоже должно было обойтись в тридцать тысяч. Что побудило его прикупить эти восемьсот акров, когда платить было нечем, когда у него уже и так было сколько угодно замечательной земли: живи, возделывай, наслаждайся? Да просто так, может быть, показалось дешево: каких-то там тридцать тысяч — и столько чудной земли.

Его два ранчо сольются воедино, куда ни кинешь взор, всюду он полновластный хозяин… Впрочем, Джек всегда настаивал, что трудно объяснить такие поступки. «Нравится» — и конец. «Философия целый месяц веско и нудно скрипит индивидууму,

что ему надлежит делать, а индивидуум-то, не успеешь глазом моргнуть, возьмет и скажет: «А мне так нравится», — философии и след простыл. «Мне нравится» — вот что заставляет пьяницу пить, а великомученика таскать на себе власяницу; вот что одного заставляет искать славы, другого — золота, третьего — любви, а четвертого — бога». Виноградники ему понравились, вот он и купил их.

В июле 1910 года снова полетели на восток неистовые письма с просьбой прислать денег. «Испытываю настоятельную нужду в деньгах ввиду того, что предстоит внести десять тысяч долларов за приобретенный мною участок. Взмолился о пощаде, и срок платежа отложили до 26 июня; но если не удастся внести деньги и к этому времени — потеряна не только земля, но и задаток».

Готовясь к появлению ребенка, Чармиан уехала в Окленд. Джек поставил целое войско рабочих расчищать новую верховую тропу, которая соединяла его владения, огибая участок, где строился Дом Волка: он решил подготовить для жены сюрприз к тому дню, когда они вернутся на ранчо с сыном — в том, что на этот раз будет сын, он не сомневался. Как приятно было часами напролет мечтать о торжественной минуте, когда, посадив мальчика на пони, он сможет бок о бок с наследником объехать одиннадцать сотен акров — будущие владения сына.

19 июня у Чармиан родилась дочь. Ребенок прожил всего три дня. Похоронила девочку Элиза. В неутешном горе Джек с пачкой газет под мышкой забрел в пивную на углу улиц Седьмой и Вебстер-стрит, недалеко от приморских кабачков, куда он любил захаживать в старину. Малдони, хозяин, заподозрил, что он явился расклеивать рекламы в его заведении, и полез в драку; ввязались и четверо его приспешников. Когда Джек, наконец, сумел вырваться, он был жестоко избит. Он настоял на том, чтобы Малдони арестовали, но судья отказался разбирать дело под тем предлогом, что пьяная потасовка не имеет никакого отношения к суду. Из полицейского суда репортеры растащили историйку о «пьяной потасовке» по своим газетам, с удвоенным жаром обливая Джека потоками брани. — напился, видите ли, когда жена в больнице и только что умер ребенок. Какие-то доброжелатели объяснили Джеку, почему судья не взял его под защиту: этот самый судья — владелец участка, на котором помещается пивная.

Джек написал ему гневное письмо, копии которого были разосланы газетным синдикатам. В письме излагались обстоятельства дела, а в конце говорилось: «Когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь, но уж я до Вас доберусь — да так, что Вы до конца изведаете тяжелую кару закона». Потом он поместил

объявление во все местные газеты с просьбой сообщить все, что может пролить свет на незаконную деятельность судьи — владельца участка, на котором процветает недоброй репутации заведение Малдони. Его интересовали все области, где судья мог себя скомпрометировать: политическая, юридическая, общественная. Ложное обвинение в том, что он участник пьяного скандала, было отъявленной подлостью, но, читая письмо к судье, напечатанное во всех американских газетах, люди в комическом отчаянии качали головами. Оставался лишь один-единственный способ отомстить за себя — способ старый как мир: он написал рассказ об этой истории, назвав его «Польза сомнения», и в нем отделал судью под орех. А потом продал рассказ газете «Пост» за семьсот пятьдесят долларов.

Несколько дней спустя с распухшим багровым глазом он уехал в Рено, где провел десять дней: писал для нью-йоркской «Геральд» корреспонденции о тренировках в спортивных лагерях, о матче между Джонсоном и Джеффрисом. Он любил наблюдать за состязаниями боксеров, десять дней, прожитые в лагерях с другими корреспондентами, среди которых были друзья по прежней работе, смягчили горькое чувство утраты ребенка. У него возникло предчувствие, что он умрет, так и не дав жизни сыну, и эта уверенность будила сознание пустоты, бесплодности — в нем, породившем на свет двадцать четыре книги.

Вернувшись в Окленд, он истратил только что заработанные деньги на покупку маленького парусного судна — четвертого в своей жизни. Судно называлось «Ромер», что значит «Скиталец»; на нем Джек собирался совершить плавание вокруг залива Сан-Франциско. Едва Чармиан поправилась, как они устроили каникулы на воде: работали, совершали прогулки, удили на ужин рыбу. Когда он вернулся в Глен-Эллен, соседи, надеясь услышать романтические были о Южных морях, пригласили его выступить в местном клубе Човш Холл. Со сцены он говорить отказался; тогда председатель сходил в бакалейную лавочку по соседству и принес ящик из-под мыла, оратор влез на него и стал виден аудитории.

Ни словечка не услышали фермеры Глен-Эллен о похождениях на Таити, Фиджи, Самоа… Нет! Джек Лондон использовал свое время на то, чтобы постараться доказать теорию Юджина В. Дебса: «Там, где речь идет о классовой борьбе, нет и быть не может хороших капиталистов или дурных рабочих — каждый капиталист — твой враг; каждый рабочий — товарищ».

Шли летние месяцы; душевные раны, нанесенные потерей маленькой дочки, заживали. Сглаживались и неприятности, связанные с оклендской историей. Самым большим удовольствием для Джека было, свистнув своему любимцу,

Бурому Волку, сесть на Уошо Бана и махнуть через поля к Дому Волка — посмотреть, много ли сделано за день, потолковать с Форни, с рабочими. Разве не приятно подметить, что и рабочие, чувствуя, что помогают создавать большое произведение искусства, проникаются к дому такой же любовью, как он! Рабочие жили на ранчо в палатках. После работы они иногда поднимались на холм повыше, не забыв прихватить с собою кувшин вина и аккордеон, и под теплыми, близкими звездами пели сентиментальные итальянские песни. Ясными вечерами частенько приходил к ним и Джек — спеть вместе песню, выпить стаканчик кислого красного вина, обсудить вопросы, возникшие за день на постройке.

«Джек был лучшим из людей, — рассказывает Форни. — Я не встречал никого человечнее. Со всеми добр, никогда не увидишь его без улыбки. Настоящий демократ, благородный человек, джентльмен; любил семью, любил рабочего человека. За четыре года службы я не слышал от него плохого слова — никогда!» Когда рабочие собирались ложиться спать, Джек с каждым прощался за руку, желал спокойной ночи и шел к себе через сливовый сад, вдыхая аромат плодов и листвы. Пряные запахи струились сквозь раскрытые поры жирной земли, а рядом с ним бежал Бурый Волк.

Джек был беззаветно предан Чармиан. В фургоне, запряженном четверкой норовистых лошадей, он с нею и Накатой совершил поездку по самым глухим местечкам Северной Калифорнии, Орегона и Вашингтона. Чармиан по-прежнему была готова к любым приключениям, вместе с ним скакала верхом, ныряла, плавала под парусами; пела и играла для него на рояле, печатала на машинке его рукописи, писала письма под диктовку. В то же время Джек поддерживал дружеские отношения с Бэсси: несколько раз в месяц ездил в Пьедмонт, чтобы повидаться с детьми, играл с ними, водил в цирк и в театр. «Мистер Лондон, — заявила Бэсси репортерам, — делает для дочерей все, что только возможно, и питает к ним искреннюю любовь. Находясь в Окленде, он их часто навещает; целыми часами они болтают и играют. Дети любят отца. Почему бы и нет? Что касается меня, в моем сердце нет ни горечи, ни обиды. Он и не представляет себе, как много значит для меня, что он так относится к детям». Трагическое благородство — эта черточка была всегда свойственна характеру Бэсси Маддерн.

А как же Флора? По мере того как подкрадывалась старость, странности Флоры Лондон все возрастали, становясь сильнее, чем в те далекие дни, когда она вмешивалась в дела мужа. Джек купил ей дом, поселил с нею няню Дженни, чтобы та ухаживала

за матерью, аккуратно высылал чек на пятьдесят пять долларов в месяц. Но, несмотря на это, она ходила в Окленде по соседям, жалуясь, что Джек Лондон не помогает и что ей не хватает на жизнь. Ничего не поделаешь, придется что-то придумать. Она откроет пекарню — ведь соседи не откажутся покупать у нее домашний хлеб. Соседи сокрушались от всего сердца. Господи, как можно так бессердечно обращаться со старушкой матерью! Ничего себе сынок, да еще богатый и знаменитый! Конечно, они с радостью будут брать ее домашний хлеб — по буханке в день. Прекрасно! флора покупает печь и берется за дело. Из уст в уста новость быстро облетела весь Окленд, и городок пришел в ужас. Ломая голову, как бы умерить деятельность своей матушки, Джек написал ей самое терпеливое и нежное письмо, читая которое, нельзя не пожалеть автора:

«Дорогая мама! Мне только хочется привести тебе несколько цифр и соображений относительно твоей пекарни. В самый удачный месяц ты выручила семь долларов пятьдесят центов чистой прибыли. Двадцать шесть долларов стоила печь. Если в течение трех месяцев весь твой доход — семь с половиной долларов в месяц — пойдет в уплату за печь, ты, стало быть, три месяца будешь трудиться напрасно. В то же время, поскольку ты уже ничего не сможешь делать по дому, тебе нужно будет кого-то пригласить, а это обойдется не меньше тех семи с половиной долларов, которые приносит выпечка хлеба…» Он слишком хорошо знал мать, чтобы взывать к ее чувствам, объяснять, что она порочит его имя. Отговорить ее можно было, только апеллируя к ее, как она любила выражаться, «деловому чутью».

Письмо подействовало: Флора отказалась от затеи с хлебом. Но где же найти приложение своей неиссякаемой энергии? Идея! Она откроет газетный киоск на Бродвее. Джек едва успел вмешаться и пресечь деятельность в новом направлении. Вскоре на ранчо зачастили кредиторы со счетами на Флорины покупки — и зачем только они ей понадобились? Почетное место среди них занимали… бриллианты стоимостью в шестьсот долларов. Джек был неизменно ласков с матерью, посылал ей с трогательной надписью каждую новую книгу, ни разу не заикнулся о том, какой вред наносит она ему своими эксцентричными выходками. Но его не покидал страх: а какие еще новые «прожекты» зародятся в ее голове, что таит этот непроницаемый цепкий взгляд за узкими стеклами стальных очков? Со временем его стало мучить страшное подозрение, что мать всегда была не совсем нормальной. И в то же время — так странно сочетаются воедино человеческие черты — в памяти Джонни Миллера Флора осталась лучшей из женщин, нежной,

любящей, абсолютно здравомыслящей, его матерью и другом; а те, кто брал у нее. в этот период уроки музыки, вспоминают, что это была приятная, милая старая дама.

За любой рассказ газета «Пост» теперь платила ему семьсот пятьдесят долларов, «Кольерс» предлагал тысячу, «Геральд» — семьсот пятьдесят за маленький рождественский рассказ; с журналом «Космополит» он подписал, договор на серию рассказов о Смоке Беллью, так он назвал героя; каждый рассказ — семьсот пятьдесят долларов. Макмиллан выпустил «Потерянный лик», сборник коротких рассказов, «Революцию», сборник очерков и «Время-не-ждет». «Потерянный лик» вызвал заслуженно теплые отзывы; это был удачный юмористический рассказ об Аляске, а наряду с ним — и «Доверие», «То место», «Куда ушел Маркус О'Брайен» и такие страстно-драматические вещи, как «Золотой луч» и «Костер». Таких вершин мастерства он не достигал со времени «Сына волка» и «Бога его отцов», первых своих сборников коротких рассказов. К «Революции», сборнику разнородных и неровных по качеству очерков, отнеслись равнодушно, зато отрадно было видеть, как приняли «Время-не-ждет» — впрочем, этого можно было ожидать.

Сочетая в себе силу, энергию, сосредоточенность и, наконец, талант, он совершил то, что по плечу лишь титану: из глубин пропасти, где на дне ждет смерть и разрушение, поднялся на такие высоты, каких не достигал ни один писатель Америки, и ушло на это меньше года.

Жить кое-как в Уэйк Робине, на правах временных постояльцев становилось невмоготу. Пока достроится Дом Волка, пройдет не меньше двух лет, это было очевидно. И вот в июне 1911 года Джек решился на поступок, с которым оказались связанными самые счастливые и плодотворные годы его жизни, — купил расположенный в центре Колеровских виноградников участок земли, на котором стояла пустующая винодельня, запущенный дом и несколько подсобных строений. Джек распорядился, чтобы каменщики пристроили к дому поместительную столовую с огромным камином и широкую веранду для отдыха, затем расширил кухню и отремонтировал спальни и балконы, тоже служившие спальнями. Одну из комнат он приспособил под кабинет: уставил стены полками для книг, бумаг и картонных коробок с картотекой. Закрытая маленькая терраса, где он спал, выходила в уединенный тропический садик, разбитый перед домом; задняя веранда — на просторный двор, за которым стоял громадный амбар, частично переделанный под помещение для гостей, — девять уютных комнаток. Наката стал главным управляющим и нанял еще двух работников-японцев:

одного — готовить, другого — убирать.

Дом на ранчо с самого начала оказался счастливой находкой: здесь каждый чувствовал себя просто, свободно и мог веселиться как вздумается. Еще в Уэйк Робине все дачи и палатки были заполнены друзьями и близкими Джека — ни одна койка не пустовала. Тут были и Джордж Стерлинг, и Клаудсли Джонс, и Джеме Хоппер, товарищи-социалисты, анархисты, корреспонденты, матросы, бродяги и еще какие-то приятели, не подходившие ни к одной категории. Теперь, когда создались подходящие условия, Джек стал созывать в гости весь белый свет. Каждый день сделался «средой открытых дверей». Кто бы ни приехал на запад — артист, литератор или философ, он обязательно хоть на пару дней заезжал на Бьюти Ранч — Ранчо Красоты — так Джек назвал свою усадьбу.

В каждом из десятков тысяч писем, которые он отправил с ранчо, — а значительная доля была адресована тем, кто ссорился и враждовал с ним, кто оскорблял его, — он никогда не забывал сделать приписку: «Щеколды на воротах легко открыть снаружи, а одеяла и еда на Ранчо Красоты для друзей всегда найдутся. Приезжайте погостить и живите сколько захочется». Желающих принять приглашение было так много, что Джек был вынужден напечатать специальный проспект с указанием, как добраться в Глен-Эллен из Сан-Франциско и Окленда. Редко случалось, чтобы за поместительным — «резиновым» — обеденным столом собиралось меньше десяти гостей, а частенько бывало и двадцать, если не больше. Как-то раз, например, за обедом встретились Хайар Дайалл, основатель диалистского движения индийцев против англичан, один американский писатель-романист, профессор математики Станфордского университета, сосед-фермер, инженер Лютер Бербанк, матрос, только что возвратившийся с острова Пенанг, принцесса Ула Хамфри, актриса, побывавшая в султанском гареме, трое бродяг и какой-то сумасшедший, который собирался строить дом от Сан-Франциско до Нью-Йорка!

Каково бы ни было общественное положение гостей, всех в равной степени поражало собиравшееся здесь общество. Иные из друзей хозяина — люди блистательные, но праздные, месяцами торчавшие на ранчо, ванну считали излишней роскошью и издавали такой «аромат», что для них был специально построен дом в лесу. Впрочем, ели все вместе, все за тем же большим столом в каменной столовой. Тысячи людей побывали у Джека в гостях за эти пять лет: европейские политические деятели и философы, священники, каторжники, магнаты Большого Бизнеса, инженеры и домашние хозяйки. Ему наскучило путешествовать по

свету — пусть теперь свет сам является к нему. Когда к станции Глен-Эллен подходил поезд, не было случая, чтобы его не встретил фургон, отвозивший гостей на Ранчо Красоты по извилистой грунтовой дороге, которая прежде служила для перевозки бесконечных тонн винограда.

Джек расцвел от радости: быть хозяином, благосклонным главой этого поместья, этой общины, видеть, что друзьям и знакомым нравится есть за его столом, ездить на его лошадях по его холмам, спать на его кроватях, — все это было для него высшим блаженством. Но больше всего любил он допытываться, что представляют собой гости, нащупывать, «что там в этих часиках тикает». Склад характера, мысли и суждения, слабые струнки натуры, колорит речи, повесть чьей-то жизни — вот он, пробный камень для проверки его догадок, предположений. Гостей же — о чем свидетельствуют сотни отзывов — изумляли и восхищали ясность его ума, четкая, быстрая мысль, глубина и разносторонность знаний, а главное — стремительность, с которой он извлекал и усваивал мудрость своих посетителей — всемирно известных специалистов различных областей науки, техники, искусства, собиравшихся к его столу. Пусть сведения, принесенные гостем с собою, были ничтожны — все равно к тому моменту, когда приезжий готовился покинуть ранчо, и они были достоянием хозяина. Говорил Джек всегда на темы, занимавшие не его, а собеседника, искусно задавал вопросы, горячо спорил, ставил под сомнение самые коренные понятия — и при этом корректировал, уточнял собственные впечатления, сведения, представления, методы рассуждений. Не раз в научном диспуте он клал противника на обе лопатки в его же специальной области. Он упивался подобным состязанием умов. «Я готов принять любую точку зрения» — был его излюбленный девиз.

Он обладал пытливым умом, любознательностью истинного ученого; собрал у себя одну из лучших в Америке коллекций книг, брошюр, докладов, газетных и журнальных статей по социализму; стены его рабочей комнаты были до потолка уставлены книгами, которые он постоянно выписывал из Нью-Йорка, из Англии. «Что до меня, книг у меня никогда не будет вдоволь, никогда не покажется, что они охватывают слишком многое. Я, быть может, их все и не прочту, но они всегда при мне, а кто знает, какой еще незнакомый берег увидит меня, совершающего плавание по морю знаний». Светила разных областей горячо подтверждают, что такого богатого интеллекта, как у Джека Лондона, они не встречали; их единодушие в этом пункте — дань высокого уважения человеку, которому в тринадцать лет пришлось наняться рабочим на консервную

фабрику, потому что он был слишком беден, чтобы учиться в школе.

Александр Ирвин рассказывает, что Джек говорил почти шепотом, тихим, ласкающим слух, нежным, как у женщины. Он оставался неизменно учтив и любезен, даже столкнувшись с ханжеством, глупостью — встречалось и такое. Иначе и быть не могло — ведь на ранчо приглашалось множество совершенно незнакомых людей. Приезжали мужчины и женщины, убеждения которых он презирал, которых считал врагами цивилизации. Эти люди спали, ели и пили в его доме, садились на его лошадей и, как бы долго ни гостили у него, никогда не догадывались, какие чувства он питает к ним. В его доме перебывали человеческие особи всевозможных школ и направлений, различные по духовному и материальному уровню, по происхождению… и все для того, чтобы Джек Лондон мог влить все их духовное богатство и многообразие в свои произведения. Он брал у гостей все, что они могли предложить ему: ученость и невежество, мужество и слабость, низость, веселый задор. Стараться перекричать противника, подчинить его себе силой? Никогда! Он интересовался существом спора, а не его исходом.

Все в один голос говорят о неотразимом обаянии его могучей натуры. Жительница города Напа Джанет Виншип, родители которой были дружны с Лондоном, вспоминает, как иная компания, собравшаяся где-нибудь в комнате, скучала, развалившись в креслах. Молчали — разговор не клеился. Вдруг входил Джек — и точно заряд электричества врывался в комнату. Все мгновенно оживали телом и душой. Он обладал огромным запасом энергии, но это было еще не все. Он был так насыщен жизнью — горячей, трепетной, сияющей, что вселял в каждого встречного счастливое ощущение радости, довольства. Всему, что говорят об этом многочисленные друзья Джека, Ирвин подвел итог краткой фразой: «Джек Лондон— это колосс на равнине жизни».

Перед тем как Джек ложился спать, обычно часов в одиннадцать, Наката раскладывал на ночном столике бумагу, карандаш, гранки для правки, книги и брошюры, которые он читал в данный момент; рукописи начинающих писателей — для редакции и на отзыв, легкую закуску — погрызешь что-нибудь, и сна как не бывало, коробку сигарет и кувшин с каким-нибудь напитком на льду: Джек то и дело прихлебывал, чтобы не пересыхало во рту от непрерывного курения. И долго в гулкой тишине горела лампа, и один у себя на террасе работал человек — читал, делал заметки, курил, потягивал ледяное питье, размышляя над печатным словом, словом правды и лжи,

справедливости и жестокости человека к человеку… И так, пока не подкрадывалась усталость, не забивалась, подобно крохотным песчинкам, под воспаленные веки. Побуждаемый не только любовью к знаниям, но и страхом, как бы не пропустить что-то новое, важное, что зародилось в мире, он непрестанно подстегивал себя: «Познавай!» На его ночном столике постоянно лежал неприкосновенный двухтомник Поля де Шейю, чьи «Африканские путешествия» были первой книжкой приключений, попавшей в руки восьмилетнему мальчику на ранчо в Ливерморе. Двухтомник Поля де Шейю назывался «Век викингов» и исчез с ночного столика только после смерти Джека.

Около часа ночи, заложив спичкой то место в книге, на котором он остановился, Джек переводил стрелки на картонном циферблате, висевшем на дверях кабинета, чтобы Наката знал, в котором часу разбудить хозяина. Редко он позволял себе больше пяти часов сна; самое позднее время, указанное на циферблате, было шесть часов утра. Как правило, ровно в пять Наката приносил утренний кофе. Не вставая с постели, Джек правил вчерашнюю рукопись, отпечатанною Чармиан, читал доставленные по его заказу официальные доклады и технические статьи, корректировал стопку свежих оттисков, присланных издательствами, составлял план текущей работы, наброски будущих рассказов. В восемь он уже сидел за письменным столом и писал тысячу слов — первоначальный вариант очередной вещи, изредка поглядывая на четверостишие, прикрепленное кнопками к стенке:

С постели вставая, берусь я за дело — О господи! Только бы не надоело. А если я к ночи в могилу сойду, О господи! Дай сохраниться труду.

К одиннадцати дневная норма была закончена, и засучив рукава он набрасывался на умопомрачительные ворохи деловой и личной корреспонденции. В среднем Джек теперь получал десять тысяч писем в год и тщательно, вдумчиво отвечал на каждое. Нередко он «проворачивал» за день кругленькую цифру — сто писем и в тот же день диктовал сто ответов.

Гости знали, что утренние часы отведены для работы, и в это время соблюдали тишину. Ровно в час, после восьмичасового рабочего дня, Джек «выползал» на заднюю веранду, взлохмаченный, в распахнутой на груди белой рубашке, с косо сидящим на лбу зеленым козырьком, с папиросой в зубах и пачкой бумаг в руке. «Здорово, граждане!» — восклицал он с широкой усмешкой и тут же все заполнял собою, своей неотразимой теплотой, своим милым, чистым, мальчишеским обаянием, своей неистребимой жизненной силой и заразительной

общительностью. Его появление означало, что сейчас пойдет потеха на весь день.

Начинался завтрак, который мог затянуться и на два часа, если завязалась интересная беседа или подвернулся забавный объект для дружеских шуток. Затем во двор, расположенный между домом и амбаром, выводили верховых лошадей, компания рассаживалась верхом и вслед за Джеком направлялась к вершине горы Сонома, а там — вдоль гребня горной цепи, откуда открывался вид на бухту Сан-Франциско. Если день был солнечный, кавалькада вслед за хозяином галопом мчалась к озеру, устроенному для орошения; раньше это был пруд, питавшийся родниками, и Джек построил на нем каменную плотину. Здесь, в купальне, сложенной из свежесрубленных бревен, все переодевались в купальные костюмы, плавали, катались на боевых каноэ, привезенных с Южных морей, загорали на пристани, играли в чехарду, устраивали турниры всадников, занимались боксом и индейской борьбой, переворачивали лодки гостей, катавшихся по озеру в городских костюмах. В сумерки Джек во главе отряда ехал через лес, где росли секвойи, ели и земляничные деревья, на тропу, проходящую мимо Дома Волка. Там гости спешивались, и он водил их среди строительных лесов, рассказывая, что это будет за красота, его Дом Волка, с гордостью обращая их внимание на безукоризненное качество каменной кладки и объясняя, что ему не нужно страховать дом на случай пожара: трубы будут покрыты асбестом, деревянные конструкции — огнеупорной краской, стены — каменные, крыша — черепичная. Такому дому не страшен огонь.

Возвратившись на ранчо, переодевались, знакомились с вновь прибывшими, плотно обедали и заводили политические и философские споры. Любимым развлечением Джека были карты, и вскоре все уже играли в «красную собаку» или «педро» по двадцать пять центов с «носа». Джек по-прежнему придумывал всевозможные шутки, одна смешнее другой. Когда на ранчо приезжал кто-нибудь из анархистов, вроде Эммы Гоулдман, он клал на обеденный прибор книгу с заглавием «Громкий шум», напечатанным большими буквами на переплете. Стоило ничего не подозревающему анархисту открыть книгу, как она взрывалась у него в руках: внутри была спрятана хлопушка.

Анархист цепенел от ужаса, а Джек, воспользовавшись моментом, разъяснял: «Вот видите, вам никогда не подчинить мир силой, даже если бы и представился случай — куда уж вам!» Стакан с дырочкой сбоку был припасен для скромного и незначительного гостя, который бывал до такой степени потрясен — он на самом деле сидит за столом рядом с великим

Лондоном, — что боялся дохнуть от волнения, а уж о еде не помышлял и подавно.

Норвежский скульптор, он же моряк Финн Фролих, произведенный Джеком в сан придворного скульптора и шута — норвежец был наделен способностью разражаться оглушительным хохотом, нечеловеческим, громоподобным, — рассказывает: «Приехал я на ранчо и вижу: ба, да тут все резвятся, как дети, потешаются друг над другом, заводят самые что ни есть веселые игры. А когда разыгрывали Джека, он смеялся громче всех». Большим успехом пользовалась такая забава: человека ставили к дверям в столовой — будто бы измерить рост, а в это время за дверью кто-то бил деревянным молотком как раз в то место, куда у бедняги приходилась голова.

Но больше всего смеха вызывала другая проделка: в комнате гостя в полу просверливались дырки, сквозь них пропускали веревку и оплетали ею ножки кровати. Когда гость засыпал, шутники принимались тянуть за веревку и что есть силы раскачивать кровать, а гость с криком «Караул! Землетрясение!» пулей выскакивал в ночной рубашке во двор. В шутке под названием «Шлеп-стоп» нового гостя усаживали на землю с раздвинутыми ногами и лили перед ним воду, а он должен был, шлепая руками по грязи, лепить плотину, чтоб ее остановить. Когда воды набиралось достаточно и строитель развивал бешеную деятельность, чтобы не прорвало плотину, его хватали за ноги, дергали вперед, и он шлепался в лужу собственного изготовления. «Джек?

Просто большое дитя, — говорит соседка из долины Сонома Кэрри Берлингейм. — Что бы он ни делал — непременно на полную мощность, даже отдыхал и веселился». Ради шутки и смеха он был готов зайти далеко. Как-то вечером гости пронюхали, что на Соломоновых островах он ел сырую рыбу. Тогда Джек предложил тянуть жребий: тот, кому попадется самая младшая карта в колоде, глотает живьем… ну, хотя бы золотую рыбку из аквариума, стоящего посреди стола. Все согласились. Сняли колоду карт, и младшая карта досталась гостю, который собирался жениться. Жених извлек из аквариума за хвост рыбешку и действительно проглотил ее, что вызвало общий смех и аплодисменты. А невеста закричала, что — кончено, больше она его уже никогда не поцелует.

Ранчо было как будто создано для веселья, и за это Джек любил его вдвойне. Неразлучным его товарищем был Джордж Стерлинг: резко очерченное лицо индейца, покатый лоб, острым углом уходящий назад от бровей и тщательно скрытый нависающей челкой, — великолепное лицо, безобразное и

одновременно прекрасное: нервное, чуткое, прозрачно-выразительное. Боль, страдание — это в жизни он воспринимал с необыкновенной остротой. В поэзии его много блистательных строк; порою она звучит напыщенно, уснащенная библейскими мотивами, обремененная благозвучными, но бессодержательными фразами. Стерлинг был женат на красивой женщине, величавой и статной, того же типа, что и Бэсси Маддерн. Но хотя у него в доме не разрешалось тронуть и козявку— так мягок он был по натуре, — он со спокойной совестью увлекался женщинами, зная, что это причиняет страдания Керри, его жене. В отличие от Джека он пользовался покровительством богатого дядюшки и о пролетарской основе жизни имел очень смутное представление, этот неотразимый донжуан, любитель вина и женщин — почти законченный образец вымирающей богемы.

Говорят, что, проиграв партию «красной собаки» или «педро», Джордж Стерлинг в виде компенсации пропускал рюмочку спиртного из запасов Джека, а Джек в случае проигрыша неизменно дописывал слово к очередной рукописи, чтобы вернуть потерянные двадцать пять центов. В столовой стоял буфет, где выстроился длинный ряд бутылок, и гостям предлагалось пить сколько душе угодно. Сам Джек неделями не подходил к буфету даже для того, чтобы выпить традиционный коктейль перед обедом. В Токио, во время путешествия на «Снарке» и в Рено он, случалось, пил с корреспондентской братией; на ранчо — ни глотка, если не считать редких случаев, когда в часы отдыха он позволял себе выпить бокал ради компании.

Глен-Эллен превратился в ту пору в спортивный поселок с главной улицей, застроенной по обеим сторонам винными лавками и кабачками. Когда Джеку хотелось уйти от семьи, от тяжелого ярма обязанностей и дел, от друзей, вечно наполняющих дом, он запрягал свою «коляску четверкой лошадей, надевал им на хомуты специальные колокольцы и во весь опор летел вниз к поселку по извилистой грунтовой дороге. Заслышав звон колокольчиков, размякший от жары Глен-Эллен пробуждался. «Джек Лондон едет с горы!» — кричал кто-нибудь, и в одно мгновение эта весть облетала всю деревушку. Радостные, улыбающиеся люди валом валили на улицу; буфетчики с новым воодушевлением кидались доставать бутылки и протирать до блеска бокалы и рюмки. Когда Джек несся по главной улице, каждый кричал ему: «Здоров, Джек!», а он, завидев знакомого, успевал крикнуть: «Мое почтение, Билл!» — и помахать ему своим сомбреро.

Привязав лошадей к первой коновязи, он заходил в ближайший кабачок и там, как в те дни, когда был матросом,

«скликал всю команду к стойке». В его присутствии никто не смел и заикнуться о том, чтобы платить. Собравшиеся беззлобно поддразнивали его, покатывались со смеху, слушая его истории, выкладывали свое мнение о его последней книжке, рассказывали свеженькие анекдоты, в особенности еврейские — их он обожал. Еще несколько минут, еще рюмочка — и он направлялся в следующий по очереди кабачок, где его уже поджидали завсегдатаи, чтоб пожать ему руку, похлопать по плечу. И тут платил за выпивку только он, и тут грохотал раскатистый мужской смех и царил тот же добрый товарищеский дух. В поселке было, вероятно, десятка полтора «злачных» заведений; к вечеру он успевал побывать в каждом из них, влить в себя кварту виски, перекинуться шуткой с доброй сотней людей. Потом он возвращался к упряжке, отвязывал лошадей и под крики столпившихся жителей Глен-Эллен «До скорого, Джек! Почаще навещай!» трогал лошадей и поднимался по длинной грунтовой дороге, мимо своих садов и виноградников, с одного холма на другой. В Глен-Эллен вспоминают, что то были самые радужные дни в году — услышишь высоко на холмах знакомый звон колокольчиков, и вот по дороге на четверке огненных коней мчится вниз Джек Лондон в ковбойской шляпе, галстуке бабочкой, белой рубахе, с безмятежной улыбкой и словом дружеского привета для каждого.

Раз в неделю, после обеда, он запрягал пару самых быстроногих лошадей и на предельной скорости катил в Санта-Роза, главный город округа и центр пивоваренной и винодельческой промышленности. Пили здешние старожилы лихо, но в политике придерживались таких реакционных взглядов, что Джека с его социалистическими убеждениями считали не заблудшей овцой, а просто-напросто сумасшедшим. С трезвоном колокольчиков он проносился по главной улице, останавливался у конторы Айры Пайла — «Агентство по продаже недвижимого имущества», звал: «Эй, Па-айл! Поехали!» — и оба направлялись в бар гостиницы Овертон. Здесь Джек подходил к стойке, занимал свое место — с самого края, спиною к залу — и требовал кварту шотландского виски. Пил он из высокого стакана, куда входило унций двенадцать, и всегда сам наливал два первых стакана для Пайла, после чего Пайл мог уже пить сколько пожелает или совсем не пить.

Когда кто-то назвал Пайла партнером Джека Лондона по части выпивки, тот воскликнул:

— Куда мне претендовать на такое звание! Да и кому это по плечу! Джек — это была совершенно особая статья. Какой-то двужильный, честное слово. Я пропускаю один стаканчик, он —

четыре, а то и пять. И вот ведь занятная штука: девяносто процентов всех разговоров у стойки — о чем бы вы думали? О социализме. Он для того и являлся в Санта-Роза — лучших спорщиков, чем в здешних местах, не найдешь. Тут его не любили: он ведь не разбирал, кто перед ним— судья, бизнесмен или директор торговой палаты, и прямо при них говорил о том, как прогнила капиталистическая система.

Сколько лет он приезжал в Санта-Роза, а я ни разу не слыхал, чтобы с ним кто-нибудь согласился. Когда я задавал ему каверзный вопрос о новом, социалистическом государстве, он, бывало, на секунду задумается, потом тряхнет головой и скажет: «Постой, надо заложить за воротник еще раз, тогда в голове сразу станет яснее». Глоток — и дело сделано: он пускался рассуждать о том, как дешево будут доставаться потребителю товары, когда их будут производить ради пользы, а не ради выгоды.

Когда Пайла с ним не было, Джек заходил в бар Овертон, быстро оглядывал зал, шел в свой уголок промочить горло раз-другой, а потом подзывал кого-нибудь к себе и заводил беседу.

— Так вот насчет того пункта, о котором вы говорили на днях, — начинал он, — что будто бы социализм уничтожает личную инициативу. Я об этом думал, и у меня появились кой-какие новые идеи…

Друзья, которым случалось пить с ним вместе, вспоминают, что темы споров были самые различные: война, бедность как источник преступности, биология, организация труда, психоанализ Фрейда, коррупция в системе судопроизводства, литература, путешествия и грядущее социалистическое общество. В шесть часов, распив с очередным компаньоном бутылку шотландского, он садился в коляску и ехал домой. С лошадьми он умел обращаться прекрасно, но после выпивки любил быструю езду. Билли Хилл, который обслуживал его за стойкой бара Овертон, а потом и в других барах, говорит:

— Джек был способен выпить больше спиртного, чем любой другой, но ему это было нипочем. Он всегда держался прямо, с достоинством. Когда наступало время уйти из заведения, он уходил, как джентльмен. Если чувствовал, что выпил достаточно, — значат достаточно. Мне никогда не приходилось видеть его сварливым, злобным — он постоянно оставался благодушным и общительным, не ввязывался в споры, если только не попадался кто-нибудь, умеющий спорить по-настоящему; но куда им было до него! Он мог хоть кого переспорить.

Пайл тоже говорит, что никогда не видел Джека пьяным — тот обладал поистине ирландской способностью поглощать

виски. Он пил, чтобы развеять усталость и нервное напряжение, развязать язык, смазать «винтики» в голове, отвлечься, устроить себе передышку.

За бутылкой и возник замысел книги, которая принесла ему больше славы — и доброй и дурной, — чем любая другая. «Джон Ячменное Зерно» — повесть автобиографическая; то, что в ней сказано о его пьянстве, — правда, но, как это случается с большинством автобиографических произведений, «вся беда в том, что в «Джоне Ячменное Зерно» высказана не вся правда до конца. Изложить всю правду я не решился». Он умолчал о том, что в его жизни бывают периоды, когда он падает духом. В припадке уныния мысль о том, что он незаконнорожденный, гнетет, отравляет мозг и сердце, хотя в хорошем состоянии он легко может доказать себе, что это пустяк, отмахнуться, забыть.

Зачастую он и пил-то для того, чтобы заглушить неистребимую горечь, так глубоко укоренившуюся в сердце, цепко прижившуюся в его душе. С величайшей тщательностью скрывал он от всех периодические приступы депрессии. Случались они редко — самое большее раз пять-шесть в год — и не успевали превратить его в маниакально-депрессивного больного, каким зачастую является человек творчества, художник. И все-таки, когда эти приступы нападали на него, он мог возненавидеть свою работу, социализм, ранчо, друзей, свою механистическую философию и блестяще отстаивать право человека покончить с собой. В такие минуты лямка, которую он тянул, казалась непосильной, он божился, что шагу дальше не шагнет с этой ношей; много пил, становился грубым, нечутким, черствым, придирчивым. Но это проходило — часто в тот же день.

Литературные достоинства «Джона Ячменное Зерно» не определяются тем, насколько точно он отражает действительность. Его читаешь как роман — свежий, простой, откровенный и трогательный. Страницы, посвященные Белой Логике, великолепны; а книга в целом — классическое произведение о пьянстве. Даже если бы все в ней было сплошным вымыслом, она оставалась бы образцом первоклассной убедительной художественной прозы. Сначала она появилась в журнале «Сатердей ивнинг пост», затем вышла отдельной книжкой, и читали ее миллионы людей. Священники так и ухватились за нее, видя в ней моральное наставление о вреде пьянства; на нее предъявили права союзы трезвенников, организации сторонников запрещения спиртных напитков, лиги борцов за уничтожение питейных заведений — они составляли из «Ячменного Зерна» памфлеты и, напечатав, разбрасывали повсюду сотнями тысяч. «Джон Ячменное Зерно» объединил на

борьбу против заправил винной промышленности такие организации, которых ничто другое на земле не заставило бы действовать рука об руку: педагогов, политиков, журналистов, ученых.

Повесть была экранизирована, и заводчики-винокуры предлагали огромные деньги, чтобы фильм был запрещен. Шум и волнение были так велики, что сотни тысяч людей, не бравшихся за книгу с тех пор, как встали со школьной скамьи, жадно набрасывались на «Джона Ячменное Зерно». Джек изобразил в нем свою победу над алкоголем, но публика, привыкшая вычитывать из книги то, что ей по вкусу, решила, что автор — горький пьяница.

Вызвав новую мощную вспышку движения трезвенников, «Джон Ячменное Зерно» стал одним из решающих факторов, которые повлекли за собою закон о запрещении спиртных напитков, принятый в Соединенных Штатах в 1919 году. Вообразите: человек, который часто пьет, чтобы заглушить неутихающую боль от мысли, что он незаконнорожденный; который проводит за бутылкой немало приятных минут в славной компании друзей, в радостном оживлении; который и не помышляет о том, чтобы бросить пить, — этот человек ускорил наступление мрачной Эпохи Запрета. Поистине горькая ирония судьбы, и без того не щадившей этого человека.

Шло время; Джек наблюдал, как пашут и засевают его поля весной, как с наступлением лета они зеленеют, потом желтеют, становятся красно-коричневыми под палящим солнцем долгой засушливой осени, как их заливают зимние дожди. Он гордился своей работой, гордился заново расчищенной, возрожденной землей, своими бесчисленными друзьями. Все в жизни шло хорошо, и знаменитая улыбка опять не сходила с его лица. «Я никогда не видел, чтобы в ком-нибудь было столько неотразимого очарования, — рассказывает Финн Фролих. — Если бы какой-нибудь проповедник сумел внушить к себе подобную любовь, он приобщил бы к религии весь мир. Разговаривая, Джек был бесподобен: глаза большие, выразительные, не менее выразительный, нервный рот, а слова просто журчат. Что-то особенное сидело у него там внутри; мысль работала со скоростью шестидесяти миль в минуту, угнаться за ним было невозможно. О чем бы он ни говорил, уголки губ поднимались кверху, в словах звенел юмор — и тут уж хочешь не хочешь, а смеешься до упаду».

Он был счастлив, все любили его, и работа двигалась вперед семимильными шагами.

Вскоре после приобретения ранчо Хилла Джек писал

Клаудсли Джонсу: «Разводить хозяйство я не собираюсь; на ранчо всего один расчищенный участок, и тот пойдет под кормовую траву». Но оказалось, что интерес к земледелию и скотоводству растет у него не по дням, а по часам; любое усовершенствование влечет за собой освоение новых отраслей хозяйства. Он подписался на газеты и журналы по сельскому хозяйству, стал обращаться за советами и информацией в сельскохозяйственное отделение Калифорнийского университета и сельскохозяйственный департамент штата.

Мало-помалу он открыл, что это интереснейшее занятие начинает увлекать его не на шутку.

Устав от поисков Приключения в чужих краях, он стал искать его дома: фермерство сделалось его страстью. Отдавшись новой деятельности с обычным для него пылом, Джек в скором времени почувствовал, что того и гляди станет авторитетным специалистом — так много он успел узнать.

Чем больше он изучал сельское хозяйство Калифорнии, тем больше убеждался, что дело обстоит неладно, что здесь со всей точностью отражаются пороки экономической системы; все делается наудачу, нерационально, расточительно, все нуждается в коренном, научно обоснованном преобразовании. У него есть земля, есть средства, есть знания и решимость; сложив их воедино, он спасет от гибели сельское хозяйство Калифорнии. Постепенно изучая свой предмет, вникая в него все глубже, он составил себе ясное представление, какой должна быть образцовая ферма — та, которую думал когда-то построить его отчим Джон Лондон — сначала в Аламеде, затем в Ливерморе. Эта образцовая ферма, которую он со временем построит, укажет всей стране путь к высшему типу сельского хозяйства, даст фермерам возможность получить от земли и скота продукцию более высокого качества.

Он узнал, что ранчо Колера и Ламотт истощены, никуда не годны, потому что прежние хозяева сорок лет возделывали землю, не удобряя ее, не оставляя под паром. Скот в округе выродился, на племя брали малорослых, непородистых быков; такими же были лошади, свиньи и козы. Плодородные калифорнийские холмы пропадали зря. «Нужно выработать научные методы для превращения склонов в продуктивные площади». Джек рассуждал так: если он восстановит истощенные силы земли, возродит высокие породы скота, раз и навсегда отметет опустошительные, хищнические методы соседей-фермеров, терпевших один крах за другим; если он будет добиваться только самой высокосортной продукции, ему удастся спасти сельское хозяйство в своем районе Калифорнии. Этой задаче он целиком посвятил свою энергию,

способности и средства. Все планы Джек составлял вместе с Элизой, а уж она потом давала нужные распоряжения и наблюдала за работой.

«В настоящий момент я хозяин шести разоренных ранчо, объединившихся в одно владение. Эти шесть разоренных ранчо символизируют по меньшей мере восемнадцать банкротств; иными словами, не менее восемнадцати фермеров старого толка потеряли свои деньги и свою землю; разбиты восемнадцать сердец. Мне брошен вызов: смогу ли я собственным умом, используя новейшие достижения сельскохозяйственной науки, добиться успеха там, где потерпели поражение эти восемнадцать? Ручаюсь — да, ручаюсь своим мужеством, состоянием, книгами — всем, чем я владею».

Расчищенные поля он засеял викой и канадским горохом и три года подряд перепахивал урожай, чтобы обогатить почву. Напротив его дома находились невозделанные склоны холмов; Джек поставил людей расчистить и устроить участки в виде террас — он видел, как это делается в Корее. Двадцать два человека работали на виноградниках, подрезая лозы, удаляя боковые побеги. Джек заявил Элизе, что виноград сам себя окупит, а потом оседлал Уошо Бана и поскакал в Глен-Эллен голосовать за запрещение продажи спиртных напитков в поселке, считая, что питейные заведения представляют собой угрозу для рабочих семей. Убедившись, что через несколько лет виноторговля будет запрещена в общегосударственном масштабе, и узнав вдобавок, что почва под виноградниками слишком истощена, чтобы дать хороший урожай, он велел срыть лозы с участка в семьсот акров, удобрить землю и засадить ее эвкалиптовыми деревьями. Изучая сельское хозяйство, он пришел к выводу, что в будущем появится большой спрос на эвкалипт, который дает так называемый «черкасский орех» и твердая древесина которого идет на отделку и строительные детали.

В первый год он посадил десять тысяч деревьев, во второй — еще двадцать тысяч, затем еще, пока на его земле не оказалось сто сорок тысяч эвкалиптов, а на посадку было истрачено сорок шесть тысяч восемьсот шестьдесят два доллара. «Сейчас я их посажу — и все тут, а через двадцать лет они будут стоить целое состояние, без всяких усилий с моей стороны». Он рассчитал, что капитал вложен не менее надежно, чем в банк, и к тому же принесет ему тридцать процентов прибыли.

На других полях он сажал свеклу, морковь, сеял овес, пшеницу, ячмень, клевер и люцерну — словом, все, что, по его мнению, полагалось разводить на первоклассном скотоводческом ранчо, которое он создает. Чтобы выращивать все это, Элиза

прошла заочный курс обучения в Калифорнийском университете. Когда Лютер Бербанк привез из своих опытных садов в Санта-Роза несколько экземпляров нового кактуса без колючек, Джек, всегда готовый испробовать все новое, засадил на корма целое поле.

Чтобы положить начало выведению племенных лошадей, он купил за две тысячи пятьсот долларов премированного широкого жеребца, а потом четверку породистых широких кобыл, по семьсот долларов за каждую. Полагая, что снова наступает пора крупных ломовых лошадей, он скупил у сан-францисских ломовиков всех кобыл, сбивших себе ноги на булыжных мостовых. Когда ему понадобились новые ломовые лошади на расчистку и вспашку полей и подходящих не оказалось, он поехал покупать их в Южную Калифорнию. Если не удавалось найти коров и телок нужной породы, он давал объявления в сельскохозяйственных журналах, ехал на выставку животноводства в Сакраменто и приобретал премированных животных: призового короткорогого быка-производителя за восемьсот долларов, восемь отличных телок по триста пятьдесят. Побывал он и на базаре, купил чудесных породистых поросят и целое стадо ангорских коз — восемьдесят пять голов.

Со временем он проектировал продать часть своих животных по низкой цене соседям, чтобы повысить качество местного скота, но прежде предстояло увеличить поголовье собственного стада и улучшить научными методами его породу. Кроме того, он предполагал сортировать говядину и свинину, подобно тому как отчим в свое время учил его сортировать овощи, с тем чтобы поставлять отелям Сан-Франциско лишь отборное мясо. Для размещения животных, число которых быстро росло, он строил новые конюшни, коровники, свинарники; купил в Глен-Эллен кузницу с полным оборудованием и перенес ее на ранчо. Для рабочих — их тоже становилось все больше — он строил коттеджи и домики, в которых селились семейные и одиночки.

Он писал статьи о новых методах ведения сельского хозяйства, делал заметки для романа на тему о возвращении назад, к земле, обменивался бесчисленными письмами с сельскохозяйственными обществами и опытными фермами, давал интервью о своей новой деятельности любопытным газетным репортерам. Одна экспедиция по закупке скота привела его в Лос-Анжелос, где, остановившись у старого друга, скульптора Феликса Пиано, Джек сообщил газетчикам следующее: «Я начал исследовать вопрос о том, почему у нас в Калифорнии земля за каких-то сорок-пятьдесят лет стала бесплодной, в то время как в Китае, где почву возделывают тысячи лет, она плодородна и по сей день. Я избрал такой курс: решительно ничего не брать от

ранчо. Я выращивал зелень и скармливал ее скоту; достал первый в здешних местах разбрасыватель удобрений; поставил людей на расчистку кустарников и новые площади превратил в пашни.

Положение в стране отчаянное, и вот почему: за десять лет количество голодных ртов в Соединенных Штатах увеличилось на шестнадцать миллионов. Это означает, что при правильном ведении сельское хозяйство — занятие, которое приносит верный доход. За эти же десять лет поголовье свиней, овец, молочных и мясных коров фактически сократилось вследствие того, что крупные ранчо раздробились на мелкие фермы. Хозяин, который выводит породистых животных, бережет и восстанавливает плодородность почвы, наверняка добьется успеха».

Обрабатывая тысячу сто акров земли, он получил возможность дать людям работу и, следовательно, прокормиться. Он распорядился, чтобы Элиза ни при каких обстоятельствах не отказывала никому, кто пришел на ранчо в поисках работы. Пусть человек сначала поработает хоть три-четыре дня, и это деньги!

Пусть за это время он ест досыта три-четыре раза в день. Если для кого-нибудь не нашлось работы, значит Элиза должна что-то придумать, поставить человека на расчистку склонов от камней, на постройку заборов между полями. Форни, руководившему постройкой Дома Волка, было сказано: «Форни, никогда не отпускай человека, пока он не поработал дня три-четыре, а если окажется хорошим работником, оставь на постоянную работу».

Заключенные Сан-квентинской и Фолсомской тюрем, которых могли бы освободить досрочно, если бы для них нашлась работа, просили Джека взять их на ранчо. Почти всегда он сообщ-ал тюремным властям, что готов предоставить освобожденному место, отказывая только в том случае, если не было ни одной лишней постели, ни одного незанятого угла в домах для рабочих. Один такой проситель, получив отказ, написал: «Не бойтесь, я могу делать и что-нибудь по дому. Зачем мне красть — ведь я всего лишь убийца!» Обычно на ранчо жили и работали человек десять бывших заключенных.

К тому времени, как его занятия сельским хозяйством достигли апогея (а это произошло в 1913 году), сумма, указанная в его платежной ведомости, представляла собою нечто головокружительное: три тысячи долларов в месяц. Пятьдесят три человека работали на ранчо, тридцать пять — на постройке Дома Волка, иными словами, около него кормилась почти сотня рабочих с семьями — стало быть, на круг, добрых пятьсот душ. По платежным дням он объезжал на Уошо Бане поля и холмы, выплачивая рабочим их заработок золотыми монетами, которые доставал из мешочков, висевших на поясе, — кисетов для

золотого песка, сохранившихся еще со времен Клондайка. Сознание, что он дает людям работу, доставляло ему бесконечное удовлетворение, не менее глубокое, чем занятие фермерством или мысль о том, что он спаситель сельского хозяйства Калифорнии.

Фермеры по всей округе глумились над ним за то, что он перепахал три урожая, высмеивали рабочих, именуя их «восьмичасовыми социалистами», издевались над ним за то, что он строит образцовое ранчо, точно так же как раньше смеялись над сооружением «Снарка». А он еще в те времена сетовал: «Человек избрал для себя чистый, полезный способ зарабатывать и тратить деньги, а всякий, кому не лень, готов вынуть из него душу. Вот если бы я увлекся скачками или девочками из мюзик-холлов, тогда другое дело. Тогда ко мне отнеслись бы куда как благодушно». Тем, кто предостерегал его, советуя не вкладывать такие громадные суммы в эксперименты, он отвечал:

«Я не выколачиваю денег из рабочих, а честно зарабатываю их сам и хочу истратить на то, чтобы предоставить людям работу, чтобы восстановить земледелие в Калифорнии. Отчего же я не вправе распоряжаться собственными деньгами так, чтобы это доставляло мне удовольствие?»

А удовольствие он получал большое. Каждого нового гостя он вел на молочную ферму и с гордостью демонстрировал показатели удоя, каждой отдельной коровы, сочную люцерну и кукурузу, выращенную на его полях, улучшенные породы скота, козлят и барашков, выведенных на ранчо. Когда одно из его животных получило главный приз на выставке, он испытал огромное удовольствие. Уходя плавать на «Ромере» или затевая поездку на четверке лошадей с Чармиан и Накатой, Джек то и дело писал Элизе письма с советами и наставлениями, а она, в свою очередь, во всех подробностях сообщала, что делается на ранчо. «Смотри, чтобы свиней на выгоне подкармливали. Как же это случилось, что затопило ячменные поля? Мотор и поливной шланг укрыты от солнца? У поросят холера — вот горе так горе! Распорядись, чтобы починили фундамент у коровника с двадцатью стойлами. Сейчас самое время последить, чтобы всех лошадей, занятых на работах, и всех жеребят подкармливали вдобавок к подножному корму. Когда будут ставить каменную ограду рядом с фруктовым садом, обязательно посмотри, чтобы туда свозили только большие камни, — пусть будет красивая стенка». Все самое большое, самое лучшее: Дом Волка, каменная стена, люцерна и кукуруза, широкие кони, коровы, свиньи, козы… Сила и энергия будили в нем сознание собственного превосходства, внушали навязчивую мысль о том, что он должен

быть королем среди людей (да будут последние первыми, да станет ублюдок королем). Не менее отчетливой и навязчивой была мысль о том, что он мессия, призванный спасти от гибели и упадка американскую литературу и экономику, а теперь еще и сельское хозяйство.

Литературная деятельность приносила семьдесят пять тысяч долларов в год, а тратил он сто. Все, чем он владел — не исключая и его будущего, — было заложено и перезаложено. Первого числа каждою месяца Джек и Элиза сидели бок о бок у конторки в углу столовой, склонившись над конторской книгой, мучительно соображая, как извернуться, чтобы покрыть все долги. Однажды настала минута такого безденежья, что Элиза была вынуждена заложить свой оклендский дом и на полученные пятьсот долларов купить корм для животных. Письма, которые Джек посылал на восток, — это непрерывный вопль:

«Денег!» «Пожалуйста, пришлите 2000 долларов, которые Вы должны за рассказы, так как я строю первую в Калифорнии силосную башню…». «Вы должны выдать мне еще 5000 долларов в счет публикации книги; предстоит строить новый коровник…». «Срочно нужны 1200 долларов на приобретение камнедробилки…». «Немедленно вышлите 1 500 долларов; я должен устроить у себя керамическую дренажную систему, чтобы верхний плодородный слой почвы не вымывало…».

«Если мы с Вами заключим предварительный договор на эту серию рассказов, Вы дадите мне возможность купить примыкающее к моей земле ранчо Фрунда — четыреста акров — за умеренную цену: 4500 долларов». Восточные издатели стали по его милости людьми широко образованными во всем, что касалось научного земледелия и скотоводства, и все же порой они доходили до белого каления. «Мистер Лондон, но мы решительно ничего не можем поделать, даже если Вам действительно необходима еще одна партия поросят». Или: «Нам почему-то вовсе не кажется, что в наши обязанности входит расчистка Ваших полей». Один даже набрался храбрости заявить ему, что «нет ничего плохого, если писатель владеет фермой, — при условии, что он не лезет в фермеры».

Начиналась волокита, огорчения, пререкания, дождем сыпались тревожные, а порой и сердитые телеграммы, но он неизменно добивался денег; тысяча за тысячей они шли к нему — и возводилась не одна каменная силосная башня для хранения кукурузы, а две, строился новый коровник, покупалась камнедробилка, прокладывались целые мили дренажных и оросительных труб. Было куплено ранчо Фрунда, и в результате его владения составляли теперь уже тысячу пятьсот акров. Дом

Волка был покрыт черепичной крышей стоимостью в две тысячи пятьсот долларов — стоимость самого дома, кстати сказать, после трех лет, затраченных на его постройку, возросла до семидесяти тысяч, а работы оставалось еще немало. Чем быстрее поступали деньги, тем быстрее уходили они сквозь Элизины пальцы, часто вопреки ее желанию. Больше денег? Значит, можно нанять больше рабочих, расчистить больше полей, прикупить новых животных, устроить новую дренажную и оросительную системы. Не было месяца, когда бы он остался должен меньше двадцати пяти тысяч долларов; чаще всего долг доходил до пятидесяти.

Кроме того, что на его ответственности было отныне обеспечение рабочих, он продолжал обеспечивать избранный, но непрестанно расширяющийся круг родственников (и их родственников), приятелей (и их приятелей), гостей, бедняков, которым он помогал, прихлебателей и тунеядцев всевозможного свойства. Щедрость и великодушие были для него такой же естественной потребностью, как воздух, которым он дышал. Последнему бродяге в Америке было известно, что у самого знаменитого из его былых друзей можно спокойно поесть, выпить и переночевать, так что большинство из них включало Ранчо Красоты в свой маршрут. Джим Талли, подобно Джеку снискавший себе славу писателя-романиста, после того как побывал на Дороге, рассказывает, как однажды вечером в Лос-Анжелосе какой-то забулдыга стал клянчить у Джека денег на ночлег, и тот сунул ему в протянутую руку пять долларов. А Джонни Хейноулд вспоминает, как Джек заходил к нему в кабачок «Ласт Чане», наливал себе одну рюмку виски из полной бутылки и, положив на стойку пять долларов, говорил: «Слушай, Джонни, скажи ребятам, что был Джек Лондон; пусть выпьют, я угощаю».

Заключенные присылали плетеные уздечки ручной работы, которые были ему, конечно, совершенно не нужны. В ответ он слал им по двадцать долларов за штуку — как отказать узнику, который пытается заработать немного денег?

Почти все друзья занимали у него деньги — и не один раз, а систематически. Ни одного доллара он не получил обратно. Тысячи людей писали ему с просьбой выслать денег; львиную долю этих просьб он удовлетворял. Какие-то совершенно незнакомые писатели просили субсидировать их, пока они не закончат свои романы; он ежемесячно переводил им чеки. Когда у социалистических и рабочих газет бывали финансовые осложнения, что случалось почти непрерывно, он бесплатно посылал им свои очерки и рассказы, подписывался на эти газеты для себя и для друзей. Когда социалистических или профсоюзных

деятелей брали под арест, он посылал деньги, чтобы пригласить адвоката. Когда из-за нехватки средств забастовке грозил провал, на его деньги открывались бесплатные столовые. Когда он случайно услышал, "то в Австралии живет женщина, потерявшая во время мировой войны обоих сыновей, он без всяких просьб стал ежемесячно высылать ей пятьдесят долларов и делал это до самой смерти. Когда какая-то старушка с гор штата Нью-Порк написала *ему,* что терпит пытки бедности, а у Джека в это время не было на счету ни единого доллара, он засыпал Бретта душераздирающими письмами, умоляя послать несчастной денег в счет будущих гонораров.

Когда в Сан-Франциско задумали открыть оперную студию, он обязался ежемесячно давать определенную сумму на ее нужды. Когда незнакомый товарищ-социалист из Орегона написал, что везет беременную жену и четверых детей, чтобы оставить их на ранчо, пока сам будет лечиться от туберкулеза в Аризоне, Джек послал в ответ телеграмму, что остановиться негде: нет не то что свободного коттеджа — ни одной кровати. Но семейство уже уехало из Орегона. Когда они явились на ранчо, Джек, не сказав ни слова о телеграмме, все-таки разыскал для них коттедж, кормил всю семью, заботился о ней, наладил необходимую помощь, когда пришел срок появления на свет пятого ребенка, а через шесть месяцев, когда отец семейства вернулся из Аризоны, вручил ему жену и детишек в целости и сохранности.

Он получал тысячи писем от собратьев социалистов, которые добивались возможности приехать и поселиться на ранчо.

«Всего один акр земли, несколько кур — у меня и с этим пойдет дело».

«Не могли бы Вы уделить мне пару акров земли и корову? Это все, что нужно моей семье».

Он велел Элизе не нанимать больше людей; но вот, прослышав о том, что здесь всегда найдется работа, на ранчо забредал рабочий с женою и детьми — и Джек нанимал его сам. Элиза, которая ведала всей бухгалтерией, говорит, что половину заработка Джек отдавал другим. Если добавить, что он платил за работу, в которой не имел ни малейшей нужды, эта цифра будет составлять уже приблизительно две трети его дохода. За его счет мог поживиться каждый, у кого имелась в запасе подходящая история, но добрую половину денег он раздавал, не дожидаясь, пока его попросят. И лишь однажды он отказался помочь: жена боксера Боба Фицсиммонса прислала телеграмму с просьбой немедленно перевести ей сто долларов, но зачем — не объяснила. Ломая голову над тем, где бы найти три тысячи для уплаты страховой компании и процентов по закладным, он

телеграфировал в ответ, что сам сидит без гроша. Через два дня он прочел в газетах, что миссис Фицсиммонс оперировали в клинике для бедных при окружной больнице. Этого Джек себе не простил; отныне, если к нему обращались за деньгами, когда у него их не было, он шел и занимал нужную сумму.

На себя лично он тратил мало, ел простую пищу, одевался скромно. Зато на друзей, на гостеприимство расходовал целое состояние, сам редко пользуясь гостеприимством. Если ему и случалось идти к кому-нибудь обедать, он раньше съедал дома рубленый сырой шницель эдак на полфунта, потому что не любил чужой стряпни. Он был так щепетилен во всем, что касалось денег, что за его карточным столом ни одному гостю не разрешалось выдать другому домовую расписку. Он сам платил тому, кто выиграл, а расписку отбирал и прятал в коробочку из-под сигар. Как-то, проходя мимо его кабинета, Фролих увидел, что из окна дождем сыплются белые бумажки. Подобрав пару клочков, он понял: Джек только что разорвал и выбросил еще одну пачку расписок.

Жизнь его рисует нам портрет подлинного калифорнийца — необычный образчик рода человеческого, неотделимый от почвы родного штата. Другого такого не сыщешь нигде. Обладая, подобно большинству уроженцев Калифорнии, манией величия — правда, в умеренной форме, — он в обществе друзей, товарищей по работе относился к своим достижениям с неподдельной скромностью и простотой, зато наедине с собою становился предельно самоуверен. В сотнях черновых набросков к рассказам, очеркам и романам, которые он рассчитывал написать в будущем, постоянно натыкаешься на приписки: «Знаменитый рассказ», «Сильнейший роман», «Потрясающая идея», «Чудо, что за материал», «Колоссальная повесть». Как и многие прирожденные калифорнийцы, это был дюжий человечище, сердечный в обращении, со здоровыми физиологическими наклонностями; он преклонялся перед телесной красотой, силой, ловкостью, что, в свою очередь, заставляло его восхищаться искусством и культурой. Он как ребенок жаждал забав и веселья, но больше всего любил смеяться, и не втихомолку, деликатно, а неистово, во все горло. Он был человеком непринужденным и — так уж ведется среди жителей Калифорнии — ненавидел чопорность в характере или взглядах, терпеть не мог предвзятые мнения, предрассудки, нетерпимо относился к узам традиций, боролся против них рьяно и с наслаждением. Как и у прежних обитателей Калифорнии — испанцев, дом его был убежищем, равно открытым для путников знатных и незнатных, богатых и бедных.

Пока гость не поест, не утолит жажду, не переночует, его не

отпускали. Пределом блаженства для него было, когда за его стол усаживались человек двадцать. Подобно своим испанским предшественникам, он не выносил тесноты, любил, чтобы вокруг было просторно, хотел быть властелином земель столь обширных, что их и за день не объедешь.

Потомок золотоискателей, открывших Калифорнию, он презирал деньги за то, что они достаются так легко и помногу, сорил деньгами, чтобы мир видел, как ничтожна их власть над ним. Да, он не жалел ни земли, ни своего кошелька, ни дружбы, ни сокровищ своего ума. Он был истым калифорнийцем и хотел все делать в полную силу: работать так уж работать, творить, побеждать, развлекаться, шутить, хохотать, любить — вовсю. Независимый и своенравный, он с трудом поддавался влияниям и легко — настроениям, был непостоянен, порой упрям как козел, склонен к буйству и обдуманно-жесток. Верный сын Калифорнии, он презирал духовную и физическую трусость и сам отличался редкой отвагой. «Хватка и твердость в нем была медвежья, — говорит Айра Пайл. — Что бы его ни ждало — он лез напролом! Как истый калифорниец, он считал себя пионером, новатором, творцом высшей цивилизации. Вокруг него царила такая мощь, такое изобилие и раздолье, что он был полон безграничной уверенности в себе: ведь все самое лучшее на свете родится на калифорнийской земле.

Живя среди вольной, богатой природы, он и сам был волен, как стихия, быстро загорался новыми идеями, планами, воспламенялся любовью или гневом. Величественная красота окружала его — вот почему он чтил красоту человека и природы. Нетерпеливый, неистовый, порывистый, он отчаянно любил щегольнуть, поразить, преувеличить; первобытно-грубые ощущения неизменно привлекали его, но и романтическая прелесть, изобилие родных мест сказались в его натуре: его горячая сила сочеталась с почти женской восприимчивостью к красоте и к страданиям. Прямой, искренний, нередко шумливый, грубоватый, он никогда и ни в чем не подозревал своих братьев людей и верил в честность каждого до тех пор, пока не убеждался в обратном. Вот почему он был зачастую чрезмерно доверчив, легковерен, вот почему ничего не стоило сыграть над ним любую шутку.

Своим бесстрашием, выносливостью, живучестью он напоминал медведя гризли — эмблему, изображенную на флаге штата. Верный своим убеждениям, привязанностям, щедрый и великодушный, способный испытывать злобу, лишь столкнувшись с нищетой или несправедливостью, он был настоящим язычником, пантеистом, который как божество почитал красоту и

стихийные силы природы. Неисправимый оптимист, исполненный веры в прогресс, он был готов посвятить жизнь построению разумного человеческого общества на земле.

***

К весне 1913 года он стал самым знаменитым и высокооплачиваемым писателем в мире, заняв место, принадлежавшее Киплингу на заре столетия. Его рассказы и романы переводились на русский, французский, голландский, датский, польский, испанский, итальянский и древнееврейский языки. Его фотографии появлялись в таком количестве, что миллионам людей стало знакомо и дорого это молодое, красивое, четко очерченное лицо.

До самых глухих уголков земли доползали небылицы о Джеке Лондоне. Каждое его слово, каждый шаг тотчас подхватывали и повторяли газеты, а если повторять было нечего — что за беда, газетчики сами фабриковали свеженький материал. «Помнится, в один и тот же день обо мне появилось три сообщения. В первом утверждалось, что в городе Портленд (штат Орегон) со мной поссорилась жена, сложила свои вещи в чемодан и отбыла на пароходе в Сан-Франциско, к матери. Ложь номер два заключалась в том, что в городе Эврика (штат Калифорния) я затеял скандал в пивной и меня избил какой-то лесопромышленник-миллионер. Третья выдумка гласила, что на одном горном курорте (штат Вашингтон, на сей раз) я выиграл пари на сто долларов, поймав в озере форель какой-то совершенно не поддающейся лову разновидности. Нужно сказать, что в тот день, о котором идет речь, мы с женой находились в глуши заповедных лесов на юго-западе Орегона, вдали от железных и автомобильных дорог, телефонных и телеграфных линий».

Он никогда не отвечал на подобные фальшивки, никогда не защищался, хотя порой они больно задевали и раздражали его. «А известно ли вам, что когда некая студенточка забрела на холмы возле Беркли и на нее напал бродяга, газеты заявили, что это был, без сомнения, не кто иной, как Джек Лондон!» Его ни разу не приглашали в Сан-францисский клуб печати, однако когда членам клуба понадобилось выстроить себе помещение, они, не задумываясь, попросили его пожертвовать две тысячи долларов, — единственный случай, когда отказ доставил ему удовольствие».

Но куда хуже этих лживых и чаще всего клеветнических измышлений, появлявшихся в печати, были статьи и брошюры, распространявшиеся под его именем. Больше всего неприятностей причинил ему печатный листок под названием

«Идеальный вояка»: «Молодой человек! Стать хорошим солдатом — самая низменная цель, какую ты можешь избрать себе в жизни. Хороший солдат никогда не пытается определить, что хорошо, а что плохо. Если ему прикажут стрелять в сограждан, друзей, соседей, он, не колеблясь, повинуется. Если прикажут стрелять в толпу бедняков, вышедших на улицу, чтобы потребовать хлеба, он не откажется. Он видит, как алыми пятнами окропляются седины стариков, как из груди женщины потоками хлещет кровь, унося с собою жизнь, и не чувствует ни угрызений совести, ни сострадания. Хороший солдат — слепая, бессердечная, бездушная машина смерти».

Статья, сфабрикованная очень искусно, по духу и стилю поразительно напоминала то, что писал Джек. Среди офицеров армии Соединенных Штатов поднялся шум: это-де оскорбление личного состава! Начали поступать жалобы в конгресс. Министерство почты решило привлечь его к уголовной ответственности за распространение листка по почте. Возмещенное опровержение Джека прекратило судебное преследование, но его травили до самой смерти из-за этой «военной утки».

По всей Америке невесть откуда стали возникать его двойники в знаменитом сомбреро, галстуке бабочкой, в пальто его фасона: они-то уж, конечно, послужили источником не одной газетной стряпни. От его лица двойники делали доклады, продавали редакциям рукописи, якобы написанные им, сражались во главе мексиканских революционеров против Диаса, ставили подпись Джека на подложных чеках и, наконец, под видом темпераментного, грубовато-примитивного Джека Лондона завязывали любовные истории. То и дело приходили письма от людей, встречавшихся с ним там, где он никогда не бывал. Все это казалось забавным, пока в Сан-Франциско не объявился двойник, который стал ухаживать за дамочкой по имени Бэйб. Дамочка присылала в Глен-Эллен открытки (без конверта), вопрошая: «Разве ты уже больше не любишь меня?», и подписывалась: «Твоя возлюбленная». Сомнительность его происхождения приводила к тому, что какие-то совершенно чуждые люди заявляли, что Джек Лондон — их сын, брат, дядя, племянник. Одна версия подобного рода возникла в городе Осзиго (штат Нью-Йорк), где местное семейство заявило, что Джек Лондон — это на самом деле не кто иной, как Гарри Сэндс, убежавший из родительского дома, когда ему было четырнадцать лет. Газеты поместили фотографии Гарри Сэндса и Джека рядом, чтобы читатели могли убедиться в сходстве.

Положительные отзывы и благожелательные критические

статьи перемежались с нападками на его литературную деятельность. Его обвиняли в том, что он представляет жизнь Аляски в извращенном свете, что он не знаком с жизнью этого края. Фред Томпсон, вместе с Джеком добиравшийся с грузом на Юкон и проживший потом на Аляске двадцать лет, лишь посмеивался над этими знатоками, вспоминая, с каким нетерпением дожидались старожилы Аляски появления каждой клондайкской повести Джека, зная, что это и есть правда.

Его так часто обвиняли в плагиате, что дня не проходило без какой-нибудь тяжбы. Еще в 1902 году его уличили в том, что он украл сюжет рассказа у Франка Норриса. Потом выяснилось, что на аналогичную тему опубликован рассказ, принадлежащий еще и третьему автору. Оказалось, что всех троих взволновало одно и то же сообщение о каком-то происшествии в Сиэтле. После выхода в свет книжки «До Адама» Стенли Ватерлоо (чья «История Эба» легла в основу повести) учинил скандал международного масштаба. Признав, что он многим обязан Ватерлоо, Джек настоял на том, что первобытный человек — достояние не частное, а общественное.

Фрэнк Гаррис — писатель и редактор, смотря по обстоятельствам, — заслужил известность тем, что привел отрывок из «Железной пяты» и рядом одну свою статью, из которой Джек заимствовал речь, якобы произнесенную лондонским епископом. Джек Лондон — литературный вор! Чтобы унять шумиху, Джеку оставалось только сказать: «Я не плагиатор, я простак: решил, что Гаррис цитирует подлинный исторический документ».

Для того чтобы угнаться за своими тратами, что-бы покрыть непомерные расходы по содержанию ранчо и постройке Дома Волка, он был вынужден непрерывно писать рассказы, пригодные для рынка. Если бы он посмел остановиться, дать себе передышку, сложное нагромождение долгов и обязательств рухнуло и придавило бы его всей своей тяжестью. Самый верный сбыт находили истории об Аляске, я он выжимал их из себя одну за другой — мучительно, со стоном: «А мне все никак не выбраться из Клондайка». С его живым умом, кипучим, богатым воображением многие рассказы об Аляске удавались, несмотря на гнетущую необходимость подгонять их под вкус покупателя. Таковы также «Отпрыск Мак-Кея» и «Неотвратимый белый человек» в сборнике «Сказки Южных морей»; «Храм гордыни» и «Шериф Кода» в сборнике «Храм гордыни». Только рассказы о Смоке Беллью были сделаны исключительно ради денег (Джек Лондон тяготится давлением издателей. Он признается в эти годы, что испытывает отвращение к писательской профессии.

«Имей я возможность выбирать, — пишет он в письме, — я никогда бы не прикоснулся пером к бумаге, за одним исключением — чтобы написать социалистическую статью и выразить буржуазному миру, как глубоко я его презираю».).

Истории, возникшие под его пером, рождались в его мозгу и-властно рвались наружу — нужда в деньгах была лишь непосредственным поводом, заставляющим его писать сейчас же, немедленно. Если не считать ранней «халтуры», серия «Смок Беллью» — его первая работа, лишенная литературной ценности: чистая поденщина; цемент, бревна и медь на постройку дома. В обмен на эти товары и он честно поставлял добротный материал: «Писать тринадцать рассказов о Омске Беллью было неприятным занятием, но, взявшись за них, я уже постарался дать лучшее, что могу, без всяких скидок!»

Уровень мастерства в его рассказах стал падать— потому, отчасти, что он устал от тесных рамок малых форм, не дававших ему развернуться. Хотелось писать только романы. Те два, что были созданы в этот период — «Джон Ячменное Зерно» и «Лунная Долина», — вошли в число лучших его вещей; мало того, они достойны стоять в одном ряду с самыми совершенными образцами американского романа. Если не считать третьей части, содержащей высказывания о сельском хозяйстве, ее бы следовало выделить в отдельную книжку: в «Лунной Долине» содержатся глубочайшие мысли, блестящие строки — лучшее, что породили ум и сердце Джека Лондона. Образы гладильщицы Саксон и возчика Билли необычайно убедительны, описание драки на гулянье «Клуба каменщиков» в Визель-парке, где Джек мальчиком воскресными вечерами подметал пол в ресторанчиках, — пример классического американо-ирландского фольклора; описание драмы, разыгравшейся во время забастовки оклендских железнодорожников, и четверть века спустя по-прежнему остается образцом для произведений, посвященных забастовочному движению.

Иногда ему приходилось мучительно выискивать сюжеты, подходящие для журналов. Именно в такой напряженный момент пришло письмо от Синклера Льюиса, того самого рыжего верзилы, который когда-то добивался интервью для «йелских новостей», а теперь пробовал стать писателем. Льюис предлагал ему несколько сюжетных набросков по… семи с половиной долларов за штуку. Может быть, пригодятся? Рассмотрев их, Джек отобрал «Сад ужаса» и еще один сюжет и выслал Льюису чек на пятнадцать долларов. С быстротою молнии последовал ответ: Льюис благодарил и уведомлял, что в данный момент вышеупомянутые пятнадцать долларов представляют собою

деталь пальто, назначение коего— защитить своего обладателя от холодного нью-йоркского ветра.

Позднее, работая в «Вольта ревю», органе Американской ассоциации содействия обучению глухих, Льюис прислал новую партию сюжетных набросков в количестве двадцати одного, в виде, как он выразился, «составленной вполне по-деловому накладной на товары, доставленные через посредство нижеподписавшегося такого-то дня, с указанием цен при оной». И подписался: «Синклер Льюис, иначе— Хэл, он же Рыжий». В приложенном к этому посланию письме он выражал надежду, что Джек широко воспользуется его сюжетами, и это в конце концов даст Льюису возможность бросить кабалу и вернуться к свободному творчеству. Если ему что-нибудь и удалось, утверждал Льюис, так исключительно за счет сна, а он, то есть сон, развлечение настолько дешевое и в то же время поучительное, что им не стоит попусту швыряться.

Джек купил у него идею под названием «Дом иллюзий» за указанную в накладной цену — два с половиной доллара, купил. «Блудного отца», «Преступление Джона Авери», «Объяснения», «Рекомендации», «Без страха и упрека», «Женщину, отдавшую душу мужчине», по пяти долларов, «Боксера во фраке», «Тюрьму здравого смысла» по семь с половиной долларов и «Господина Цннциннатуса» за десять долларов и направил Льюису чек на пятьдесят два доллара пятьдесят центов. Каким образом Льюис истратил деньги — неизвестно, однако он с гордостью сообщил Джеку, что его Красная карта — партийный билет социалиста — содержится теперь в полном порядке. Идеи Льюиса легли в основу рассказа «Когда весь мир был молод», напечатанного в «Пост», и повести «Лютый зверь», напечатанной выпусками в журнале «Популярный». Когда он написал Льюису, что впервые в жизни чувствует к работе отвращение и не знает, как поступить с льюисовским «Бюро убийств», в Синклере Льюисе взыграла профессиональная гордость, и он совершенно безвозмездно прислал Джеку конспект, из которого становилось ясно, как следует перестроить фабулу.

С особой силой широта и благородство натуры Джека проявлялись в отношении к начинающим писателям, одолевавшим его со всех сторон, — их рукописи сыпались на него в таком количестве, что темнело в глазах, будто полчища саранчи заслонили солнце. Дня не проходило, чтобы какой-нибудь подающий надежды автор не присылал ему манускрипт с просьбой высказать свое мнение, исправить, помочь напечатать. Эти манускрипты, начиная от стихотворений на одной страничке и кончая романами и трактатами страниц по восемьсот, он читал

с величайшим вниманием и затем посылал авторам развернутые критические разборы — воплощение литературной техники, выработанной за многие годы. Этим неведомым людям он отдавал все, что было в нем лучшего, не жалея ни времени, ни энергии. Если вещь казалась ему стоящей, он старался пристроить ее в журнал, сбыть какому-нибудь издателю; если находил ее слабой — напрямик выкладывал автору свое мнение. Нередко искренней критикой он навлекал на себя бурные обвинения, но, зная, что в ответ его почти наверняка станут ругать последними словами, он тем не менее указывал писателям, в чем кроются недостатки и как их можно исправить. Один автор, получивший от него вместе с отвергнутой рукописью резкий отзыв, ответил особенно черной руганью. Оставив себе лишь три часа сна, о котором взывал его утомленный мозг, Джек чуть ли не целую ночь просидел над блистательным и терпеливым письмом на семи страницах (то есть величиною с рассказ, который мог бы принести ему пятьсот долларов) — письмом, где он всячески уговаривал адресата учиться принимать критику так, чтобы она шла на пользу работе.

Сердиться он мог на одну лишь категорию писателей — на тех, кому хотелось, чтобы он указал им самую легкую дорожку к успеху. Этим Джек говорил: «Человек, который мечтает овладеть мастерством и считает тем не менее, что кто-то другой обязан отшлифовать его талант, — это человек обреченный: посредственность — вот его удел. Если ты собираешься выполнить задачу с честью, ты должен совершенствоваться сам. Смелей за дело! Ломись в дверь! Держи нос по ветру, не сдавайся! Не хнычь. Не говори мне или другим, как нравится тебе то, что ты сделал, не говори, что твои вещи не хуже, чем у других. Делай их во сто крат лучше, и тогда у тебя не будет ни времени, ни охоты сравнивать их с посредственной рабочей другого».

Среди его бумаг хранятся письма чуть ли не всех известных писателей того времени, делившихся с ним своими нуждами, неприятностями, тревогами. Делился и он с ними — сочувствием, любовью, одобрял их, вселял в них твердость, веру в себя, в литературу, в мир, который они старались постигнуть. Когда в издательство попадала книга, значительная по своему общественному смыслу, один экземпляр посылали ему; он добросовестно читал ее и отправлял одобрительную телеграмму, необходимую, чтобы дать книге ход.

В деловых отношениях с редакторами и издателями Джек был не менее честен и великодушен. Он всегда любил «вести игру на широкую ногу» и постоянно огорчался тем, что другая сторона, люди бизнеса, в игре «мельчат». Мягок, покладист и деликатен он

был лишь до той поры, пока не понимал, что его обманывают или портят его работу, и тогда он обрушивался на обидчика со свирепостью разъяренного медведя.

Начиная с 1910 года, когда вышел в свет роман «Время-не-ждет», Джек направил Макмиллану пьесу «Кража», сборник очерков о Южных морях под названием «Путешествие на «Снарке» и четыре томика коротких рассказов. Ни одна из этих вещей не имела большого успеха. Теперь Бретт сообщил, что короткие рассказы не расходятся: рынок заполонили десятки дешевых журналов, поставляющих вполне сносные подражания тем рассказам, которыми продавился Джек. Бретт больше не мог посылать ему авансы, составлявшие чаще всего тысяч пять и выше. Итак, в 1912 году, после десяти лет успешного сотрудничества, Джек расстался с Бреттом и компанией Макмиллана и подписал контракт с компанией «Век» («Сенчури Компани»).

Новое издательство выпустило его серию «Смок Беллью», сборник «Рожденная в ночи» и повесть «Лютый зверь», но отказалось финансировать три месяца работы над «Джоном Ячменное Зерно» — по тысяче долларов в месяц. За три года «Джон Ячменное Зерно» был первым произведением, сулившим автору блестящий успех, и Джек, которому не особенно нравились отношения с «Веком», выпустил в своих издателей целую очередь огнеметных телеграмм, пытаясь избавиться от контракта и вернуться к Макмиллану.

«Все издатели сходятся в мнении, что вы можете передать «Ячменное Зерно» другой компании. Единственное, что в состоянии вам помешать, — это надежда на крупные барыши. За горсть серебра вы готовы продать и доброе имя своей компании и самих себя в придачу. Так вот будьте добры запомнить, что я-то — не хапуга и что миллионы читателей «Ячменного Зерна» в ближайшее время прочтут кое-что и о вас. Грянет гром, и тогда не один день придется вам вымаливать прощение и кланяться перед всем светом; а когда вы станете прахом, отзвуки этой грозы дойдут до тех, кто ныне еще не родился, и вы перевернетесь в гробах. Ну же!

Скажите мне, что не променяете звание человека на кличку стяжателя… Я вынес на своем горбу такие адские трудности, какие вам, друзья любезные, и не снились; набрался такого терпения, о котором вы не имеете никакого понятия. К личному благополучию, к финансовой выгоде я отношусь с беззаботным презрением, едва ли способным уложиться в рамки вашего убогого сознания. Зато стоит мне взглянуть на себя в зеркало, и я всегда доволен тем, что в нем вижу — не то, что вы, господа

хорошие; посмотрю на книжную полку, а на ней выстроились мои книги — те тридцать четыре, которые уже напечатаны. Во всем этом ряду — лишь одна невзрачная книжонка: только что изданный вами «Лютый зверь». Старая история: издатель размером два на четыре берется выпустить работу автора размером восемь на десять… По-прежнему жду ответа на длинную телеграмму от 10 мая 1913 года.

За эти дни у вас была возможность насладиться воскресным обедом в кругу семьи, повидать жену и детей, проявить доброту и даже принять человеческий облик. Так решайтесь же, черт побери! Проявите и ко мне доброту и человечность, отцепитесь от меня. Вы же знаете — мне нечего принести новому издателю, кроме «Ячменного Зерна», это весь мой актив. Откажитесь же от нескольких долларов прибыли и дайте мне уйти, не содрав с меня все до последней нитки». «Век» не отозвался. Последняя отчаянная телеграмма: «Гнев — это я могу понять, но дуться, упираться подобно тупому ослу — это так примитивно, что я не понимаю, как люди, считающие себя современными и вполне цивилизованными, могут поступать таким образом».

Дело кончилось тем, что «Век» все-таки не пожелал отказаться от «Ячменного Зерна». «Меня в жизни слишком часто клали на лопатки, чтобы я стал таить обиду или вражду только потому, что меня побили», — написал издателям Джек, сотрудничая с ними на совесть. Тем не менее по выходе в свет «Джона Ячменное Зерно» он вернулся к Макмиллану и больше уже не рискнул ему изменить. Он признался Бретту, что и сам-то был не на высоте, пытаясь отделаться от контракта с «Веком».

Летом 1913 года они с Чармиан поехали в Кармел к Стерлингам и провели у них несколько счастливых недель. Плавали в волнах прибоя, принимали солнечные ванны на песке, собирали моллюсков-абелонов и лакомились их мясом, зажаренным на костре, добавляя несчетное множество новых четверостиший к шуточной поэме об абелонах. Как ни забавно, лучше других запомнился стишок Стерлинга!

Кто любит плов, перепелов,
Еще бы! Ужин тонный,
А мне бы денежки считать,
Смакуя абелоны.

(Перевод В. Станевич и Л. Бродской)

Дома, на Ранчо Красоты, в прохладные утренние часы он продолжал работать над рядом задуманных крупных романов.

Так, был написан «Мятеж на «Эльсиноре», который под названием «Морские разбойники» был напечатан выпусками в журнале «Космополит». Та часть книги, в которой развертывается сюжетная линия, сделана отлично, особенно все, что относится к морю: недаром Джека стали называть американским Конрадом; другая часть, где главный герой не действует, а рассуждает, сделана слабо и так портит книгу, что «Мятеж на «Эльсиноре» постигла скорая и заслуженная кончина.

Во второй половине дня Джек объезжал верхом плодородные поля, где под могучими лучами солнца созревал урожай, и завершал день, купаясь с друзьями в бассейне Бойз Слрингз. На обратном пути он заходил в каждый бар — выпить рюмочку, послушать новый анекдот, посмеяться. Темнело, когда он подъезжал к Дому Волка, чтобы побеседовать с Форни и рабочими. Дом был почти закончен и стоил ему к августу 1913 года восемьдесят тысяч долларов. Газеты бичевали его немилосердно за то, что, отступив от социалистических принципов, он строит себе замок; разгневанные социалисты считали, что он их предал. Пайл говорит, что когда Джека начинали попрекать великолепием его дома, он приходил в замешательство. Репортерам же он твердил одно: как бы ни был огромен Дом Волка, он — не капиталист; он выстроил его на свои заработки. Когда все называли Дом Волка замком, он возражал, говоря, что царственные секвойи и красный камень — его собственные, а если дом и похож на дворец Юстиниана или Цезаря, то это счастливая случайность, не стоившая ему ни доллара. И когда Гаррисон Фишер заявил, что это самый красивый дом в Америке, Джек окончательно убедился, что деньги и усилия, затраченные на Дом Волка, окупились.

Наконец 18 августа наступил день уборки. Электрики завершили проводку, кончили работу плотники и водопроводчики. Рабочие Форни ходили по дому, подбирая пропитанную скипидаром ветошь, которой они протирали деревянные части строения. На другое утро бригада рабочих поможет Джеку и Чармиан переехать в новый дом. В тот вечер Форни до одиннадцати проработал вместе с Джеком в старом доме и потом потащился мимо Дома Волка к себе. Около двух часов ночи его разбудил фермер-сосед, ворвавшийся с криком:

— Форни, горит! Дом Волка горит!

Когда Форни достиг каньона, весь Дом Волка был объят пламенем.

Через несколько минут прибежал Джек — запыхавшийся, с развевающимися волосами. На бугре, где он, бывало, распевал песни и пил вино с рабочими-итальянцами, он остановился как

вкопанный. Перед ним с ревом бушевал адский огонь; горели все части дома одновременно. Стояла середина августа; воды не было. Ему ничего не оставалось делать, как стоять с мокрым от слез лицом и глядеть, как рушится еще одна заветная мечта его жизни.

Горели все деревянные конструкции, даже подоконники были охвачены странным синеватым пламенем. Вокруг дома кольцом росли секвойи, а за ними были сложены штабелем доски — тоже секвойя, — приготовленные для отделки спальни Джека. Секвойи вокруг дома не загорелись, но доски, лежавшие позади, пылали. В поджоге подозревали многих. В анонимных письмах, приходивших на имя Джека, называли Шепарда, с которым разводилась Элиза, — он в тот самый день поссорился с Джеком. Кто-то видел недалеко от Дома Волка рабочего, которого Джек вышвырнул с ранчо за то, что тот избил жену; кое-кто думал, что дом поджег он. Называли десятника — человека вспыльчивого и неприятного. Да и кого только не обвиняли: и Форни, и завистников-социалистов, и чем-нибудь обиженных бродяг. По мнению Форни, пожар явился следствием самовоспламенения — быть может, вспыхнули пропитанные скипидаром тряпки, которыми протирали деревянные части. Да, но тогда непонятно, почему сразу загорелся весь дом. Если бы пожар начался в какой-то одной комнате, каменные стены помешали бы ему распространиться. Все комнаты могли бы загореться одновременно из-за неисправности в электропроводке, если бы был включен ток… но ведь к штабелю за кольцом секвой, окружавших дом, не шли провода.

Джек был убежден, что дом подожгла чья-то рука — если не человека, то судьбы, не желавшей, чтобы он насладился плодами своей работы; судьбы, считавшей, что социалисту не подобает жить в замке. За эту долгую горькую ночь он заговорил всего два раза. Когда пожар был в самом разгаре, он прошептал:

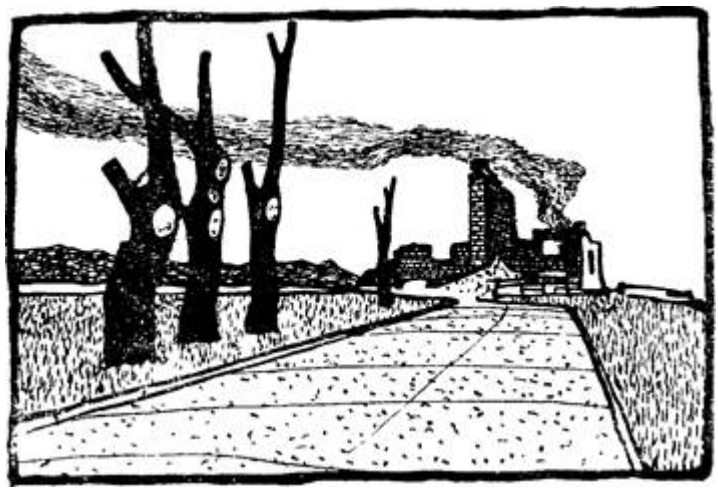
— Я охотно предпочту быть тем, у кого сожгли дом, чем поджигателем.

На заре, когда от дома остался лишь наружный каменный каркас, сложенный, чтобы простоять века, он спокойно произнес:

— Форни, завтра начнем строить заново.

Он так и не выстроил Дом Волка заново. Что-то в его сердце сгорело в ту ночь и погибло безвозвратно.

X



Четыре дня Джек пролежал в постели на закрытой веранде, выходящей в тропический сад. Его разом одолели все болезни, какие он только испытал, начиная с дней Дороги и Клондайка и кончая Кореей и Соломоновыми островами. Уверенный, что поджог совершил кто-то из тех, кого он приютил и пригрел, Джек боролся с чувством жгучего отвращения. Не только опустошительное разорение Дома Волка сокрушило его; он был подавлен тем, что теряет любовь и доверие к людям, и это угнетало его ежечасно. У него. внезапно открылись глаза на многое, чего он прежде не замечал или, заметив, не удостаивал вниманием. Пожар Дома Волка представлялся ему символическим: точно так же погибнет все, что он пытался сделать для социализма и литературы. Он заметно постарел за эти дни.

Едва поднявшись с постели, он первым делом поехал на Уошо Бане полевой тропой к Дому Волка и долго, пристально, тоскливо глядел на величественный остов из красного камня, простирающий свои обнаженные башни к синему небу Сономы. Отныне остатки пожарища стали называться «Руины». Джек мог бы объявить себя банкротом, но вместо этого заплатил подрядчикам сполна. Семьдесят тысяч чистого убытка; время и силы, отданные рассказам о Смоке Беллью, тоже потрачены даром. Все это снова наводило его на мысль о том, не кроется ли где-то там, под пеплом, мораль, которую ему надлежит усвоить? Из писем известно, что его долг в то время составлял сто тысяч долларов, но не эта непомерная сумма удручала его — нет,

тяжелым камнем давила мысль о том, сколько тысяч слов предстоит ему написать, пока он выручит эти деньги.

Он опять сказал Форни и Элизе, что отстроит Дом Волка заново; велел Форни убрать мусор с развалин, а Элизе — распорядиться, чтобы срубили для просушки новую партию секвой. Но в глубине души он знал, что все напрасно… дом снова подожгут, только и всего. Когда «Космополит» из сочувствия к его потере раньше времени выслал ежемесячный чек на две тысячи долларов, Джек сделал в тени ветвистого дуба пристройку к загроможденному вещами кабинету и перенес сюда письменные принадлежности, стол-бюро с крышкой на роликах, проволочные корзинки, набитые бумагами и письмами, стальные регистраторы с собранными им материалами, картонные коробки-картотеки с заметками для сотен рассказов.

Он вошел в обычную колею, все было, как прежде, и все казалось совсем другим. Объезжая ранчо, он замечал теперь, что рабочие увиливают от дела, стараются содрать с него побольше, а сделать поменьше. Исподволь порасспросив тут и там, он понял, что они считают ранчо прихотью богача и не принимают его всерьез, как в свое время портовые рабочие не принимали всерьез «Снарка». Это относилось не только к рабочим. Соскочив однажды с Уошо Бана около кузницы, Джек оглядел только что подкованную лошадь и увидел, что кузнец спилил копыто сантиметра на полтора, чтобы подкова пришлась впору. Просмотрев счета и заподозрив, что они чересчур велики, он поехал в город, чтобы справиться у лавочников, в чем дело. Ему сказали, что десятник требовал взятку в двадцать процентов с каждого доллара, и им оставалось только прибавлять эту сумму к каждому счету.

В 1900 году он писал Анне Струнской: «Я осуждаю недостатки друзей, но разве это означает, что я не должен любить их?» Любовь, терпимость и великодушие — вот три источника, питавшие его натуру. Увы! Теперь они все чаще грозили иссякнуть. Как-то раз он попросил своего приятеля Эрнста, жившего в Окленде, купить для него несколько тяжеловозов. За услугу Эрнст взял комиссионные, включил в счет еще и свои расходы, а потом отправил на ранчо двух лошадей ниже установленного веса и пару хворых кляч в придачу. Когда Джек написал, что такие лошади его не устраивают, Эрнст ответил сердитым, обиженным письмом. «Ты ходишь и скулишь, что тебя оскорбили, а каково мне? — писал ему Джек. — Я, видите ли, совсем обнаглел: осмелился сказать, что пара рабочих лошадей весит не тысячу пятьсот фунтов, как ты говорил, а тысячу триста пятьдесят и что вторая пара — старая дохлятина, пригодная разве

что на корм цыплятам. Готово! Ты взорвался, ты кричишь во все горло, что тебя назвали жуликом. Ты вколотил мои деньги неизвестно во что и говоришь мне: «Пойди достань!» Тебя обидели — скажите, пожалуйста! А ты подумал, на сколько сот долларов обидели меня? Я-то с чем остался? Все, что я смог ассигновать на покупку лошадей, мне уже не принадлежит, а, чтобы обрабатывать ранчо… лошадей не хватает».

Еще в 1904 году, узнав, что его приятель, газетный работник Ноул сидит без работы, Джек предоставил ему право переделать «Морского волка» для сцены или экрана. За инсценировку Ноул получал две трети авторских отчислений. Вместо этого он перепродал права на драматизацию кому-то другому, а себе оставил вырученную сумму — три с половиной тысячи долларов. Теперь, заключая с Гобартом Бозвортом контракт на экранизацию «Морского волка», Джек, чтобы выкупить права, должен был выпрашивать у издателей эти деньги. Между тем Ноул явился снова, уговаривая его вложить деньги в «Миллер-граф Компани» — дело, которое он собирался основать, с тем чтобы создать рынок сбыта литографическим изделиям, изготовляемым усовершенствованным способом. Твердо решив не ожесточаться, не становиться циником, Джек распорядился, чтобы Бретт уплатил Ноулу тысячу долларов. Компании потребовались новые средства, и он опять за четыре тысячи заложил дом Флоры. «Я играю в открытую, я целиком полагаюсь на друзей», — писал он Ноулу. Принадлежавшие Джеку акции оказались дутыми; компания обанкротилась.

Однажды Чармиан сказала, что ей срочно нужно триста долларов. Джек с просьбой вернуть долг написал сотням мужчин и женщин, которые заняли у него в совокупности более пятидесяти тысяч долларов и божились, что вернут все до последнего цента. Он собрал всего пятьдесят долларов. Впервые закралась мысль: уж не смеются ли над ним друзья? А что, если его давным-давно записали в простофили, считая повесой-ирландцем, который швыряется деньгами, как пьяный матрос? История повторялась без конца: он все давал и давал, другие — брали и брали. Прежние приступы уныния возникали у него сами собой и быстро проходили. Теперь, как перестоявшийся чай, думы его становились все чернее и горше.

Вот уже несколько лет он убеждал Бэсси привезти обеих девочек в Глен-Эллен на летние каникулы, чтобы и они полюбили Ранчо Красоты. Лишь один раз приняла Бэсси приглашение, приехав к нему на пикник с Джоан, Бэсс и компанией знакомых. Не успели разложить на траве все для завтрака, как мимо верхом в красной жокейской кепке, в красной мужской рубашке галопом

пронеслась Чармиан — тонкий слой пыли покрыл еду. Джек клялся всеми святыми, что если Бэсси разрешит построить для нее коттедж на ранчо, он и близко не подпустит к ней Чармиан. Бэсси отказалась. Лишившись по вине Чармиан мужа, она боялась лишиться и дочерей. Она сказала, что, по ее мнению, вторая миссис Лондон с точки зрения нравственности не подходящий пример для девочек-подростков.

Потерпели неудачу и попытки Джека добиться хоть одного доброго слова или жеста участия от Джоан, которой исполнилось уже тринадцать лет. А он-то надеялся, что она уже достаточно выросла, чтобы стать ему соратницей и другом. 24 августа, через четыре дня после того, как сгорел Дом Волка, он пишет дочери, заклиная ее вспомнить, что он ее отец, что он кормил и одевал ее, дал ей кров и приют, любил с первого ее вздоха. «Как ты ко мне относишься? — спрашивает он. — Неужели я просто глупец, который много дает и ничего не получает взамен? Я шлю тебе письма, телеграммы, а от тебя — ни слова. Значит, ты не желаешь снизойти до меня? Я лишь талон на бесплатный обед, не более? Да любишь ли ты меня вообще? Значу ли я для тебя хоть что-нибудь? Я болен — ты молчишь. Погиб мой дом — у тебя и тогда не нашлось ни слова. Нет, мир принадлежит не тем, кто молчит. Самое молчание — ложь, если с его помощью делают из любви посмешище, а из отца — талон на бесплатный обед. Не кажется ли тебе, что мне уже пора услышать что-нибудь от тебя? Или ты ждешь, чтобы мне навсегда расхотелось слышать от тебя хоть слово?»

Но было еще одно открытие, которое он сделал во время своего пробуждения, — самое жестокое. Он с беспощадной ясностью увидел, что Чармиан в возрасте сорока трех лет — все еще ребенок, целиком поглощенный ничтожными ребяческими забавами. Соседи вспоминают, как она «рассказывала нескончаемые истории, по-детски болтала вздор о своих драгоценностях, античных нарядах, шапочках и других мелочах. Ей хотелось быть вечно женственной, вечно очаровывать и покорять». Он страдал, замечая, что гости пытаются скрыть замешательство, что они смущены ее деланными манерами, кокетством, стараниями изобразить юную, прелестную девушку, которой она постоянно мнила себя; что они озадачены ее причудливыми, украшенными драгоценностями, ярко-красными, точно маскарадными, костюмами, чепчиками в кружевных оборках, которые носили еще в девятнадцатом веке.

Ее сводная сестра вспоминает, что в детстве у Чармиан была привычка выглянуть из-за угла, скорчить рожу или сострить и пуститься бежать, чтобы ее догоняли. Она и сейчас выглядывала

из-за угла, острила, ждала, что будут догонять. Однажды вечером Джек и Элиза сидели за конторкой в столовой, ломая голову, как справиться с уплатой долгов. В этот момент в комнату влетела Чармиан, прихотливо задрапированная куском бархатной ткани, и манерно прошлась по комнате: «Посмотри-ка, Друг, ну не дивная ли получится вещичка? Я только что купила два отреза». Она ушла, и наступило долгое грустное молчание. Потом Джек повернулся к Элизе и сказал;

— Это наше дитя. Мы всегда должны заботиться о ней.

Если бы он мог снова отправиться в плавание по Южным морям, затеять поездку на четверке лошадей, пуститься на поиски приключений, Чармиан по-прежнему была бы идеальным товарищем. Но теперь Джек жил дома, он устал, он был разочарован. Ему была нужна зрелая женщина, которая «обеими ногами твердо стояла бы подле него» в мире зрелых людей; жена, которая разделила бы с ним широкое ложе, которой он, проснувшись в тревоге ночью, мог бы коснуться рукой.

Окруженный друзьями и родственниками, имея сотни тысяч поклонников, рассыпанных по всему западному миру, он чувствовал себя невыразимо одиноким. Со всей силой, на какую способен тот, чьи дни уже клонятся к закату, томился он по родной плоти и крови, томился желанием иметь сына, которому можно довериться, чье сильное плечо будет ему опорой в годы старости, сына, которому он передаст свое имя, который станет продолжателем его дел.

Сгорел Дом Волка, сгорел урожай во время долгой летней засухи, и все же именно 1913 год оказался для него самым плодотворным; в этом году его творчество достигло зенита (Оценки, даваемые И. Стоуном отдельным произведениям Д. Лондона, зачастую крайне субъективны. В данном случае он ошибается, называя 1913 год годом высшего развития творческого дарования Лондона. Некоторые перечисляемые Стоуном произведения Лондона написаны ранее: в частности, рассказы «Мексиканец» и «Рожденная в ночи» впервые опубликованы в 1911 г., «Убить человека» — в 1910 г., повесть «Лютый зверь» — в 1911 г. и т. д.).

В журналах вышли четыре его романа, среди них — «Алая чума», повествующая о том, как человечество возвратилось к первобытной жизни, когда чума стерла с лица земли современную цивилизацию. Отдельными изданиями вышли: во-первых, сборник «Рожденная в ночи», с такими сильными рассказами, как «Мексиканец», «Убить человека» и «Когда мир был молод»; во-вторых, повесть о боксерах — «Лютый зверь», построенная на основе одного из сюжетов Синклера Льюиса; и, в-

третьих, один за другим в течение каких-нибудь шестидесяти дней появились два выдающихся романа: «Джон Ячменное Зерно» и «Лунная Долина». Этот рекордный перечень объясняет, почему в издательском мире Джека Лондона стали рассматривать не как человека, а уж скорее как стихийное явление природы.

Судьба, которая подвергла его столь сокрушительным ударам, была еще, оказывается, способна и баловать его и обращаться с ним, как со своим любимцем. В конце года, когда, завершив утомительный «Мятеж на «Эльсиноре», Джек почувствовал, что ему нужна большая, свежая идея, из Сан-Квентинской тюрьмы был освобожден его друг Эд Моррелл. После пяти лет одиночного заключения с Моррелла сняли смирительную тюремную куртку, выпустили из карцера и назначили главным тюремным старостой. Джек много лет прилагал усилия к тому, чтобы Моррелла помиловали, и, в конце концов добившись своего, телеграфировал ему: «Поздравляю; милости просим домой».

Впервые он встретился с Морреллом в оклендском ресторане Сэддл Рок, и это знакомство, завязавшееся, как и многие другие, во время переписки, быстро превратилось в прочную дружбу. Моррелл стал подолгу бывать на Ранчо Красоты, где Джек с глубоким интересом слушал его рассказы: недаром он всю жизнь интересовался криминологией и пенологией, преступлением и системой наказаний.

Вскоре он окунулся в работу по созданию своего восьмого и последнего крупного романа — «Межзвездный скиталец». Нельзя без содрогания читать строки, посвященные мукам заключенных, томящихся в тесном плену холщовых смирительных курток; с нежностью говорит автор о том, как в душных тюремных камерах рождаеюя дружба; его смелая фантазия летит вслед за узниками назад по просторам времени. Читая эту книгу, чувствуешь, что вот-вот случится нечто ужасное, и замираешь в тревожном ожидании; «Межзвездный скиталец» проникнут глубоким состраданием к человеку, написан лирически-тонко, музыкально. Это поистине замечательное литературное произведение.

Работа принесла Джеку облегчение, явилась для него источником такой радости, что душевные и физические недуги отступили на задний план. Как некогда в Пьедмонте, ему доставляло удовольствие, окончив главу, прочесть ее гостям. Одному юноше, обратившемуся к нему за поддержкой, он ответил: «В шестнадцать лет, а потом — в двадцать и я пережил период разочарований; в двадцать пять и тридцать и я, как водится, был пресыщен, равнодушен ко всему, изнемогал, не зная, куда деться от скуки. И вот пожалуйста! Живу себе, толстею

и, когда не сплю, только и делаю, что смеюсь». А вот что рассказывает об этом периоде Моррелл: «Что бы он ни сказал, что бы ни сделал, вас неизменно покоряла его доброта. Он мог сказать что-нибудь обидное, выпалить сгоряча любую дерзость, но это никого не задевало, потому что говорилось беззлобно. Да, это была личность редкостного обаяния, таких немного».

Человек, который давно печатается, у которого за плечами удачная карьера, поневоле вынужден все больше времени посвящать устройству дел, защите своих интересов. Джек предоставил актеру Гобарту Бозворту право на экранизацию всех своих произведений, получая взамен определенную долю дохода. Не успел Бозворт приступить к работе, как другие кинокомпании, самовольно распорядились книгами Лондона: начали их экранизировать, да так рьяно, что на этой стороне улицы, допустим, демонстрировался один вариант «Морского волка», а в кинотеатре напротив — другой. В авторских правах царила полная неразбериха; более того — суд выносил решения не в пользу автора: оказывается, когда писатель передает материал журналу для серийного издания, последний автоматически получает все права на этот материал. Джек узнал, что любая его вещь, которая впервые вышла в свет на страницах журнала, принадлежит в большей степени журналу, чем ему, автору. Что касается кинопиратов, они по дешевке скупали авторские права у журналов.

Совместно с Артуром Трейном и только что организованной Лигой писателей Джек повел борьбу за пересмотр закона об авторском праве, с тем чтобы, продавая вещь журналу, автор сохранял на нее права. В этот «юридический бой», затянувшийся на несколько лет, он ввел все свои резервы: силу, энергию, денежные средства; ездил в Нью-Йорк и Голливуд, нанимал адвокатов, выступал на суде, составлял сотни горячих писем, телеграмм. Время, которое он мог бы посвятить новым произведениям, было отдано этим долгим и трудным боям. Ну что ж! Он помогал будущим поколениям американских писателей, с темчтобы плоды их работы доставались им и никому другому.

В Мексике шла революция под руководством Вильи и Каррансы. В мае 1914 года (вскоре после того, как был закончен «Межзвездный скиталец») правительство Соединенных Штатов решило выслать линейные корабли с солдатами и занять порт Вера-Крус. С тех самых пор, как Джеку помешали работать военным корреспондентом на фронтах русско-японской войны, он не мог дождаться того дня, когда сможет показать себя в этом деле. Получив предложение отправиться в Мексику

корреспондентом «Кольерса» (тысяча сто долларов в неделю плюс расходы), он через двадцать четыре часа выехал в Гальвестон, а оттуда на корабле отплыл в Вера-Крус.

Но ему опять не удалось стать военным корреспондентом — на сей раз по той причине, что не состоялась война. Завоевание Мексики и превращение ее в протекторат не входило в планы Соединенных Штатов; показали силу своего оружия в Вера-Крус— и ограничились этим. Джек опять составлял мужественные статьи: «Кровавое дело войны» и «Мексиканская армия»; писал о том, как армия Соединенных Штатов наводила чистоту и порядок в клоаке Вера-Крус, о том, как в Темпико революционеры напали на иностранных нефтепромышленников. Почти два месяца он провел в погоне за военными новостями, но достались ему только жестокая дизентерия да воспоминания о том, как однажды, играя в кости, он дочиста выпотрошил карманы корреспондентов и дипломатических представителей Франции и Испании. Вот и все, что он вывез из Мексики, если не считать материала для серии коротких рассказов об этой стране. Джек загорелся этой мыслью и, когда редактор «Космополита» проявил к ней интерес, взялся за составление планов и заметок.

Истерзанный дизентерией, бледный и ослабевший, вернулся он в Глен-Эллен. Стремясь как можно скорее поправиться, он на несколько недель ушел в плавание по заливу Сан-Франциско на «Ромере». Выздоровление было болезненным и затянулось надолго. Редактор «Космополита», решив, что американский читатель по горло сыт Мексикой, раздумал печатать серию рассказов. В былые дни, когда в нем горел боевой дух, Джек все равно написал бы мексиканские рассказы и еще заставил бы журналы поблагодарить его за это. Теперь же он сразу забросил материал, не прибавив к рукописи ни слова. Быть может, он лишил весь мир и самого себя прекрасной книги, особенно если намеченные рассказы получились бы такими же, как «Мексиканец» (Рассказ «Мексиканец» был написан за три года до Поездки в Мексику, в 1911 году.) — единственный, который он все-таки написал.

Здоровье его расшатывалось все сильнее; участились, как говорит Клаудсли Джонс, «периоды душевной депрессии, когда великолепная воля к жизни почти совершенно покидала его»; цикл настроений начал проходить ускоренным темпом. Становилось все труднее выжимать из себя ежедневно тысячу слов… Тем не менее осенью 1914 года он сообщил своему издателю, что втянулся в работу над новым романом и что это будет нечто грандиозное, самое замечательное из всего, что им написано. Обстоятельства, при которых разворачивается

действие, так необычайны, что «…история мировой литературы еще не знает ничего подобного. Три сильные фигуры в необычайной ситуации. Просматривая план романа, я готов поверить, что это и есть то самое, к чему я стремился с тех пор, как начал писать. Это будет вещь совершенно свежая. нимало не похожая на все, что я делал до сих пор».

Было ли это убеждение искренним? Не старался ли он, подстегивая себя, преодолевая усталость и отчаянье, заинтересовать работой не столько редактора, сколько самого себя? Как бы то ни было, он приступил к роману «Маленькая хозяйка большого дома», в основе которого заложена мысль о возвращении к земле. Задуманный, как книга о сельском хозяйстве, в основу которой положены идеи создания образцовой фермы и возрождении фермерства Калифорнии, роман мало-помалу сходит в разряд литературы о так называемом «любовном треугольнике», с полным набором цветистых, сентиментальных преувеличений, столь милых сердцу писателей девятнадцатого века. Это фальшивая, надуманная, напыщенная книга; читатель поражен, не понимая, как эти натянутые мыслишки могут исходить от Джека Лондона. А ведь за каких-то несколько месяцев до этого он закончил «Межзвездного скитальца», создал такие первоклассные рассказы, как «Записано в приюте для слабоумных», действие которого происходит в психиатрической больнице, примыкавшей к ранчо Хилла, и «По ту сторону черты», сильный и убедительный рассказ о пролетариате.

Уверенность в себе, дисциплина, сосредоточенность, творческий пыл — все служило ему по-прежнему; но мозг Джека Лондона, этот мощный механизм, создавший сорок одну книгу за четырнадцать лет, начинал, наконец, уставать, терять свою хватку.

Как ни глубока была обида, нанесенная ему Джоан в прошлом году, Джек все же предпринял еще одну решительную попытку привлечь к себе дочерей. Когда Джоан, только что перешедшая во вторую ступень средней школы, прислала ему пьесу своего сочинения, он так радовался, как будто сам написал что-то необыкновенное. «Ужасно понравилось! Просто не верится: неужели у меня уже такая взрослая дочь? Неужели она может написать этакую пьесу!» И долго еще сообщал всем как в деловых, так и в личных письмах, что его дочь уже ученица второй ступени.

Хорошенько обдумав планы действий, он смиренно явился в Пьедмонт и выложил Бэсси свои предложения. Если бы только она разрешила детям бывать у него на ранчо, дала им возможность заново познакомиться с отцом, полюбить ранчо,

вместе объезжая все его тропинки, тогда он меняет завещание, по которому после его смерти все переходит к Чармиан, и оставляет имущество девочкам. Он построит для Бэсси дом на уединенном участке ранчо, чтобы она могла находиться при детях. У нее всегда будет возможность приезжать вместе с ними и убеждаться, что Чармиан находится на почтительном расстоянии. Он сделает все, о чем бы Бэсси ни попросила, решительно все — только бы она согласилась вернуть ему детей. Бэсси не уступила.

Тогда несколько дней спустя он обратился непосредственно к Джоан. «Подумай, Джоан. В твоем возрасте нелегко ответить на подобное предложение; не исключена возможность, что, обдумывая то, что я сказал тебе в воскресенье вечером, ты примешь неверное решение — остаться маленькой обитательницей маленького мира. Ты сделаешь эту ошибку, послушавшись матери — маленького существа из маленького городишки на ничтожном кусочке земли. Из ревности к другой женщине она поступилась твоим будущим. Я открываю перед тобой большой мир, то настоящее, ради чего живут, познают, думают и вершат дела большие люди».

Последовала вереница тревожных, умоляющих писем. Джоан долго молчала. Наконец, уступая его настояниям, она прислала письмо на одной страничке. Она вполне довольна своей жизнью и не имеет никакого желания ее менять. Она всегда будет с матерью. Ее возмущают его высказывания о Бэсси; у нее хорошая мать, и она, Джоан, любит ее. В заключение она убедительно проси г не вынуждать ее писать ему такие ужасные письма; пусть это будет последним. Прощальное письмо; конец.

Чармиан попыталась лишить его общества «бродячих философов», которых он постоянно содержал на ранчо. Его ответ — это вопль, исторгнутый из глубины души. «Час беседы со Строн Гамильтоном — несравненно большее удовольствие, чем то, что мне дали все мои горе-рабочие. Господи, да ведь он же *возвращает* все, что я на него трачу. А рабочие? *Никогда!* Запомни, пожалуйста, что ранчо— *моя* забота. Из-за разных там типов, работавших у меня, я потерял в тысячу раз больше того, что стоят постель и крохи еды, которые я даю моим бродягам. Это жалкие гроши, но они идут от чистого сердца, а у меня в сердце осталось не так уж много нежных чувств к ближним. Прикажешь покончить и с этим?»

Чармиан ходила мрачная, надутая, во все вмешивалась, всем распоряжалась, указывала, какое дерево нужно срубить, а какое — нет, мешала работать, заявляя, что страдает бессонницей, все ночи не спит, и требовала, чтобы рабочие, которые являются на ранчо в семь утра, не смели подходить к дому раньше девяти,

иначе они ее разбудят. Когда Джек попытался внушить ей, что она задерживает работу, она взяла свои постельные принадлежности и удалилась в амбар. Делать нечего, Джек велел рабочим держаться подальше от дома, даже если из-за этого придется сидеть без работы. Так продолжалось до тех пор, пока, объезжая поля в пять часов утра, он не застал ее на копне сена с одним из молодых гостей. Они любовались восходом солнца.

Когда-то он осуждал Бэсси за то, что она нелюбезная хозяйка, не одевается как следует и слишком ревнива. По прихоти судьбы те же самые свойства он обнаружил и в Чармиан. Она и не пыталась нести обязанности хозяйки, следить за порядком в доме. Со всем управлялись слуги японцы, а она — она была гостьей в доме. Когда приезжали друзья, их провожали в отведенную для них комнату либо Джек, либо Наката. Одна гостья вспоминает, в каком неловком положении оказывался Джек из-за того, что Чармиан никогда не утруждала себя заботами о вновь прибывших: показывать дамам, где находится туалет, — это тоже входило в обязанности Джека. В то время как Бэсси не обращала особенного внимания на женщин, — не считая тех, которые просто вешались ему на шею, — Чармиан бурно ревновала его ко всем без исключения. Ему редко разрешалось появляться где бы то ни было без нее, а когда они ходили куда-нибудь вместе, она заводила игру, которую свидетельницы прозвали «разбивалочка». Джек имел право говорить с другой женщиной минуты две, не более, пусть даже разговор шел о предстоящих выборах. По истечении этого срока Чармиан прерывала беседу пространным монологом.

Однажды, составляя Джеку телеграмму в Лос-Анжелос, Джек Бирнс, его секретарь, в заключение сделал приписку, что одна давнишняя приятельница Джека (все ее семейство он знал и любил долгие годы) хотела бы с ним повидаться. Чармиан велела Бирнсу вычеркнуть это, сказав, что сама вскоре пошлет Джеку телеграмму и все ему сообщит. Никакой телеграммы она не послала. Она была. готова уморить себя работой, лишь бы Джек не взял женщину-секретаря. «Я никого сюда не пущу, — говорила она. — Нельзя выпускать это дело из рук». И только когда умерла мать Джонни Миллера, а ее второй муж — Джек Бирнс — остался без работы, Джек получил разрешение пригласить к себе постоянного секретаря, который был ему крайне необходим.

Из Нью-Йорка Чармиан прислали телеграмму, где говорилось: «Джек проводит все свое время с женщиной, которая живет на Сорок восьмой улице в отеле Ван Кортлендт. Эми». Чувствуя себя удрученным, несчастным, Джек метался, ища связей с женщинами. Много лет тому назад он писал Чармиан:

«Позвольте рассказать Вам маленький эпизод, из которого Вам станет ясно, с какой легкостью я даю волю чувственному началу». Однако подобная неразборчивость была, по-видимому, скорее результатом семейного разлада, а не врожденной распущенности. Он ведь был верен Бэсси, пока что-то помешавшее их физической близости, не нарушило их семейную жизнь. Он девять лет хранил верность Чармиан, пока не порвалась их духовная связь. Тогда снова произошло то же самое.

Пил он и раньше: иногда — пытаясь побороть очередной приступ меланхолии, чаще — ради компании, в виде развлечения, разрядки. Теперь он начал пить помногу — не для того, чтобы вызвать приятное ощущение, но чтобы заглушить боль. Прежде он редко пил на ранчо, теперь то и дело! Уже не один раз в неделю, а три или четыре запрягал он лошадей и отправлялся после обеда в Санта-Роза. Айра Пайл вспоминает, что теперь он уже спорил не просто так, шутки ради, — он сердился, стучал кулаком по стойке, не скрывал, как ему противны люди, которые руководствуются в рассуждениях скорей своекорыстием, чем логикой. Если не считать тех буйных попоек, которым он предавался в юности, когда был устричным пиратом, он умел пить, но умел и не дотронуться до спиртного. Всего год назад, возвращаясь на пароходе «Дириго» через мыс Горн с востока, куда он ездил по делу, Джек захватил с собой из Балтимора, кроме тысячи книг и брошюр, которые он собирался проштудировать, сорок галлонов виски. «Когда мы пристанем в Сиэтле, либо будет прочитана тысяча книг, либо исчезнут эти сорок галлонов». Он сошел с корабля, проглотив тысячу томов и оставив нетронутым виски.

Все переменилось: теперь виски ему было необходимо, чтобы убить время. Болезнь заставляла его пить; пьянство усугубляло болезнь. Его толкали к виски утомление и упадок духа, но виски утомляло, и, напившись, он еще больше падал духом. Молодость ушла, ушло здоровье, ушли ясность мысли, свежесть, счастье, а работал он по-прежнему изо всех сил — и кварта шотландского виски (ежедневная порция) валила его с ног. Людям и раньше случалось видеть, как он пьет; теперь они видели, как он напивается.

Все горше разочаровывался он в друзьях, в тех, с кем приходилось вести дела. Два приятеля, отведав виноградного сока, приготовленного на ранчо, предложили организовать компанию по сбыту. Они дают капитал, он — свое имя и виноград. Не успел он оглянуться, как его уже потянули в суд: преданные друзья возбудили дело, задумав выжать из него тридцать одну тысячу долларов. После того как Джек истратил

три с половиной тысячи, чтобы выкупить права на драматизацию «Морского волка», и передал лучшие свои вещи кинокомпаниям, он получил уведомление от продюсеров, что доходов нет и ему ничего не причитается. Кто-то сбыл ему половинную долю участия в Аризонском золотом прииске — Джек так и не доискался, где находится этот прииск. Купив пачку акций недавно созданной оклендской ссудной и закладной компании «Фиделити», он два года не вылезал из судов. «Биржевая авантюра, белая игральная фишка на столе, лотерейный билет»— они всегда приносили ему несчастье.

Но самый жестокий удар нанесли ему Нинетта и Эдвард Пэйны, которым он и по сей день оказывал материальную поддержку. Эта парочка стала мутить воду, подговаривая соседей подписать прошение о том, чтобы лишить Джека права пользоваться вторым водоемом на одном из его холмов, там, где он построил плотину, чтобы задержать влагу зимних дождей. Они выдвигали тот довод, что якобы от этого обмельчает речка, протекающая у них под боком. Другие соседи не выразили особого опасения, что могут лишиться воды. Другое дело — Нинетта и Эдвард; эти довели дело до конца и добились постановления суда в свою пользу.

До него дошло, что некоторые приятели, систематически выпрашивая у него деньги, за спиной говорят: «Денежки достаются Джеку так легко, что только дурак не поможет ему их истратить». Даже Джордж Стерлинг, которому он только что выслал сто долларов за ненужный сюжет, зная, что друг промотался, и тот осуждал его за то, что он пишет «ради херстовского золота». В прежние годы зарабатывать деньги было легче, веселей. Алчность, леность, лицемерие — в былые дни он шутя мирился с ними, как человек, который узнал о людях самое плохое и ничему не удивляется. Но сейчас, когда его все сильнее одолевали тоска и болезнь, он не мог без горечи видеть, каким злом платят за доброту и щедрость. День за днем он истязал свой утомленный мозг, чтобы помочь тем, кто наносил ему это зло.

Наступили пасмурные, холодные зимние месяцы 1915 года, и в феврале Джек вместе с Чармиан отправился на Гавайи, чтобы скоротать там остаток зимы. Здесь, под теплыми лучами солнца, ежедневно плавая и катаясь верхом, он настолько поправился, что мог взяться за новый роман — «Джерри-островитянин». Это была последняя вспышка — все, что осталось от пламенного лондоновского духа. «Хочу уверить Вас заранее, что Джерри — нечто единственное в своем роде, нечто новое, не похожее на все, что пока существует в беллетристике — и не только под рубрикой… «литературы о собаках», но в художественной

литературе вообще. Я напишу свежую, живую, яркую вещь, портрет собачьей души, который придется по вкусу психологам и по сердцу тем, кто любит собак». «Джерри-островитянин» и в самом деле восхитительная история о приключениях пса на Новогебридских островах. Сидя в свободном кимоно у стола на открытой веранде, выходящей на окаймленную пальмами лагуну, он мысленно переносился к снежным равнинам Аляски, к герою «Зова предков» Баку, который прямым путем вывел его на дорогу славы. Приятно думать и писать о собаках; эти умеют хранить верность!

К лету он закончил «Джерри-островитянина» и вернулся в Глен-Эллен. В Богемной роще на берегу речки Рашн Ривер был устроен веселый праздник клуба богемы; там Джек встретил много знакомых художников; отстаивая социалистические принципы, спорил со сторонниками непротивления злу, купался в реке и много пил. После праздника он привез с собой на ранчо Стерлинга, Мартинеса и еще нескольких друзей; попойка продолжалась. Его уремия стала принимать острую форму, но он не желал бросить виски хотя бы на время, пока не вылечится. Работал он в это время только над кинороманом «Сердца трех» — за эту забавную чепуху «Космополит» предложил двадцать пять тысяч. Радуясь возможности уйти от серьезной, вдумчивой работы, Джек каждый день «проворачивал» свою тысячу слов в полтора часа.

Он и сейчас еще изредка был не прочь посмеяться, но это было принужденное веселье. «Он уж не затевал, как бывало, веселые игры и забавы, — вспоминает Финн Фролих, — не боролся, не хотел ездить верхом по холмам. Глаза его потухли, прежний блеск исчез». Теперь он вступал в беседу не для того, чтобы узнать что-то новое, насладиться умственной дуэлью. Он хотел переспорить, раздражался, ссорился. Когда на ранчо собрался погостить Эптон Синклер, Джордж Стерлинг отсоветовал ему: Джек стал другим.

Ранчо — это было единственное, что еще приносило ему покой и радость. К тем, кто у него работал, он в основном проникся отвращением, но земля — в нее он никогда не переставал верить. «Я отношусь к той категории фермеров, которые, перерыв все книги на свете в поисках экономических ценностей, возвращаются к земле — источнику и основе всякой экономики». Он продолжал расчищать новые поля, выводить новые культуры, расширять и удлинять оросительную систему, возводить каменные помещения для животных. В письме в Сан-Квентинскую тюрьму к Джо Кингу, которому он шесть лет назад дал денег, чтобы опубликовать апелляцию, и для которого все

еще пытался добиться помилования, он писал: «Я только что достроил свинарник, да такой, что в него влюбится каждый, кто у нас в Штатах интересуется производством свинины. Такого свинарника не было и нет. Постройка его обошлась в три тысячи долларов, зато он сэкономит мне процентов двенадцать на одном только уходе. У меня на ранчо все свиньи с паспортами — других не держу. В ближайшем будущем рассчитываю построить бойню и рефрижератор».

Он ничего не преувеличивал, рассказывая о Поросячьем Дворце, как вскоре прозвали свинарник. Для каждого свиного семейства имелись отдельные «покои» внутри и снаружи, а в каждом из них — два водопроводных крана. Форни построил здание в виде правильного круга, в центре которого находилась каменная башня; в ней хранился корм. Это был не свинарник, а произведение искусства, безупречное архитектурное сооружение.

Джек планировал с Форни и постройку круглого каменного коровника, такого же основательного и экономичного, как Поросячий Дворец. «Запомните, прошу Вас, — пишет он редактору «Космополита», — что ранчо — это свет моих очей. Я добиваюсь результатов, и я их добьюсь, а они когда-нибудь займут свое место в книгах».

Медленно, но все отчетливее он обдумывал новую идею, возникшую как следующий этап его плана создания образцовой фермы. Он задумал основать сельскую общину для избранных. Убрав с ранчо плохих рабочих, он оставит у себя лишь людей честных, цельных и любящих землю. Для каждого он построит отдельный коттедж; откроет универсальную лавочку, где товары будут продаваться по себестоимости, и маленькую школу для детей рабочих. Число семей, включенных в эту образцовую общину, будет зависеть только от того, скольких прокормит земля. «Самая заветная моя надежда, что лет эдак через шесть-семь я смогу «остаться при своих» на ранчо». Он и не помышлял о доходах, о том, чтобы вернуть вложенную в ранчо добрую четверть миллиона; он только хотел «остаться при своих», быть в состоянии оказать поддержку настоящей общине рабочих, объединенных любовью к земле.

Эти планы стали рушиться немедленно, один за другим. Несмотря на то, что он ездил советоваться насчет свинарника на сельскохозяйственный факультет Калифорнийского университета, в Поросячьем Дворце были каменные полы; все его отборные чистокровные обитатели схватили воспаление легких и околели. Премированный короткорогий бык, надежда Джека, родоначальник будущей высокой породы, оступился в стойле и сломал себе шею. Стадо ангорских овец унесла эпидемия.

Многократно удостоенный высшей награды на выставках широкий жеребец, которого Джек любил, как человека, был найден мертвым где-то в поле. Да и вся затея с покупкой широких лошадей оказалась ошибкой; на ногах у этих лошадей растет густой волос, и поэтому оказалось невозможным зимой содержать их в чистоте, в рабочей форме. Это были пропащие деньги. Еще одним промахом оказались тяжеловозы; их отовсюду вытесняли: появились более легкие сельскохозяйственные орудия, с которыми соответственно могли справиться лошади более легкого веса; а кроме того, появились и тракторы. Внезапно оказалось, что никому не нужны и сто сорок тысяч эвкалиптовых деревьев, которым полагалось бы расти да расти, чтобы через двадцать лет принести хозяину состояние: интерес к черкесскому ореху исчез. Впрочем, они еще могли пригодиться — на дрова.

Он проиграл. Он знал, что дело проиграно, но не хотел признаться в этом. Если бы кто-нибудь решился подойти и сказать: «Слушай, Джек. Ранчо — ошибка, и дорогая ошибка. Откажись от него ради самого себя», — и в этом случае он крикнул бы: «Не могу отступиться!» — как и раньше, когда его убеждали бросить «Снарк».

Нужно было гнать деньги, содержать ранчо, и он с грехом пополам ежедневно выжимал из себя тысячу слов. Писать! Этот процесс, который раньше был ему нужен, как кровь, как воздух, теперь отравлял его. «Необходимость — вот что еще заставляет меня писать. Необходимость. Иначе я никогда больше не написал бы ни строчки. Так-то вот».

Не он один охладел к своей работе. Задыхаясь от изобилия его вещей, начинали остывать критики, читатели. Завершив «Сердца трех», он писал: «Это юбилейная вещь. Закончив ее, я отмечаю мое сорокалетие, появление моей пятидесятой книги и шестнадцатый год как я начал эту игру». Прошло несколько дней, и он ворчливо заметил: «Давненько что-то не видно ни одного бестселлера под моим именем. Разве другие пишут лучше? Может быть, я наскучил читателям?» Последней книгой, которую приняли благожелательно, была «Лунная Долина». «Силу сильных» встретили как нечто заурядное, еще один сборник Джека Лондона — и только. А ведь здесь были собраны его лучшие пролетарские рассказы, его пророческие произведения — великолепные образцы того, каким кратчайшим путем уносил его в будущее смелый и своеобразный талант. Какой-то одинокий обозреватель высказался дружески, и, обращаясь к нему, Джек пишет: «Вы единственный человек в Соединенных Штатах, которому все-таки не совсем наплевать на «Межзвездного скитальца». Остальные критики заявили, что это очередная и

обычная для меня книга. Смелость и отвага, знаете ли, крови — по горло, первобытной к тому же — словом, женщинам читать вредно, слишком много ужасов, разве что каким-нибудь выродкам, да и мужчинам не стоит. Какова жизнь со всей ее беспощадной злобой — таковы и мои книпи. Но жизнь, по-моему, полна не злобы, а силы, и той же силой я стараюсь наполнить мои рассказы».

У него был подписан контракт с «Космополитом», обязывающий его в течение пяти лет готовить для журнала два романа ежегодно. Слабеющий титан был так надежно закован в цепи, что его секретарь Бирнс, отвечая одному литератору, предложившему Джеку совместно работать над новой идеей, пишет;

«Достоинства его произведений целиком зависят от издателей, с которыми он еще на несколько лет связан контрактом». В двадцать четыре года, руководствуясь собственными воззрениями, он внес живительную струю в журнальный мир. А сейчас? Вот что он советует начинающему писателю: «Если Вы хотите работать для журналов, пишите то, что им нужно. Журналы ведут собственную игру. Хотите участвовать в ней — подчиняйтесь!»

Он был уже больше не в силах выпрямиться во весь рост и принять бой. Одна школьная учительница из маленького калифорнийского городка обратилась к нему с просьбой выступить в ее поддержку против продажной политической машины; вот что он ответил: «Немало лет прошло с тех пор, как я ринулся в битву за то, чтобы политические дела велись честно, чтобы с каждым мужчиной и каждой женщиной поступали по справедливости. Перебирая в памяти долгие годы сражений, действительно начинаешь чувствовать себя чем-то вроде ветерана. Нельзя сказать, что я ветеран, потерпевший поражение. Нет! Но в отличие от зеленых новобранцев я не жду, что стоит мне сегодня начать штурм, как завтра же к рассвету вражеский рубеж будет взят. Я из тех ветеранов, которые не рассчитывают увидеть, чем кончится кампания, и уже не берутся предсказывать, когда она кончится».

Другому знакомому, который надеялся, что Джек примкнет к совместному наступлению на религию, он написал: «Воевать из-за религии? Это кажется мне чем-то далеким, маленьким, туманным. Сражение еще идет, но где-то в глухом, неведомом углу земли. По-моему, Вы ведете борьбу с противником, и без того уже потерпевшим моральное поражение». На жалобу Мэри Остин о том, что самые удачные ее вещи остаются непонятыми, он устало отвечает: «Лучшее, что было создано моим умом и

сердцем, фактически прошло незамеченным для мирового читателя, и это меня не тревожит. Я иду дальше, я доволен и тем, что читатель восторгается в моих произведениях грубой, полнокровной силой и тому подобной ерундой, совершенно не характерной для моей работы. Ты обречен на одиночество — значит, стой один! Насколько помнится, во все времена уделом пророков и ясновидцев было одиночество — не считая, правда, тех случаев, когда их сжигали на кострах или забрасывали камнями».

Он скрылся в стенах кабинета, подобно тому как медведь уползает в берлогу зализывать раны. Он получал сердитые, огорченные, разочарованные письма его почитателей и последователей: люди бросали в огонь номера журнала, в которых появилась «Маленькая хозяйка большого дома». «Вернитесь на землю», — взывали они. Болезненно задетый, он в бешенстве отбивался: «Позвольте мне Вам заявить раз и навсегда, что я чертовски горжусь «Маленькой хозяйкой».

Но было еще кое-что, о чем не ведала ни одна живая душа, кроме Элизы: его мучил страх, что он сойдет с ума. Мозг его был слишком истощен, чтобы работать; а между тем Джек был вынужден писать каждый день. Когда-нибудь, под тяжким и неустранимым гнетом мозг не выдержит — вот чего он боялся. И потом мать — он был убежден, что она не совсем нормальна. Это еще больше пугало его. Он снова и снова молил Элизу: «Если я потеряю рассудок, обещай, что ты не отправишь меня в больницу. Обещай!»

Элизе ничем не удавалось унять его страх. Каждый раз она заверяла его торжественной клятвой, что никогда не расстанется с ним, не отправит в больницу, будет сама заботиться о нем.

Джек еще цеплялся за последнюю надежду: найти и полюбить настоящую, зрелую женщину, которая тоже полюбит его. И не только полюбит, но подарит сына. Зная, что Чармиан никогда не даст ему этого сына, которого он всю жизнь так страстно желал, он горевал, что умрет, не дождавшись ребенка, — он, создавший десятки людей на страницах своих многочисленных книг. Он поклялся, что «у него все равно будет сын, так или иначе. Он найдет женщину, которая даст ему сына, и привезет ее с собой на ранчо». Он нашел ее, эту женщину, горячо полюбил се, и она отплатила ему такой же любовью— доказательств сколько угодно. Но Джек остался с Чармиан — не смог заставить себя причинить ей горе: по-прежнему был с ней ласков, как с ребенком, по-прежнему дарил ей свои книги с пылкими посвящениями. Не один год оставалась она его верным товарищем, и он был благодарен ей за это.

Чармиан нервничала, томилась беспокойством, непрерывно страдала бессонницей; она знала, что Джек ей не верен, что на этот раз она рискует его потерять. По Окленду поползли слухи о разводе. На другой день после смерти Джека Чармиан объявила всем на ранчо, что впервые за много месяцев ей удалось уснуть.

Джек знал, что он в тупике. Спасаясь от горестей и невзгод — сколько у него их было! — он пил не переставая. Работа… Теперь это стало чем-то вроде рефлекса: механическим актом когда-то могучего организма. В 1915 году, кроме «Маленькой хозяйки большого дома», вышел его рассказ «Гиперборейский напиток»; но написаны обе эти вещи были еще год назад. 1 декабря 1914 года он писал: «Вчера закончил свой последний роман: «Маленькую хозяйку большого дома»; завтра берусь за план следующего, который думаю назвать «Ларец без крышки». Книга эта осталась ненаписанной. «Бюро убийств» он бросил на середине: безнадежно! В июле 1916 года, надеясь, что солнце снова исцелит его недуги, он отплыл вместе с Чармиан на Гавайи.

Когда-то, в самом начале своего пути, он бросил ликующий клич: «Социализм — величайшее, что есть на земле!» Еще месяц назад он начинал свои письма обращением «Дорогой товарищ» и подписывался «Ваш, во имя Революции». Только недавно он написал пламенное предисловие к антологии Эптона Синклера — «Зов к справедливости!» — суровый приговор произволу, жестокости, страданиям, господствующим на земле. Вероломство друзей и недобросовестность работников не коснулись его веры в социалистическое государство; тверже, чем когда-либо, верил он в экономическую философию и общечеловеческую логику социализма. Но он ожесточился против человечества, которое, вместо того чтобы сорвать свои оковы, с сонной апатией таскает их на себе. Сидя в своей каюте на пароходе, он писал:

«Я выхожу из социалистической партии, потому что она утратила свой огненный, воинственный дух и отвлеклась от классовой борьбы. Я вступал в ряды старой, революционной, неукротимой, боевой социалистической рабочей партии. Воспитанный в духе классовой борьбы, я верю: сражаясь, не теряя сплоченности, никогда не вступая в соглашения с врагом, рабочий класс мог бы добиться освобождения. Поскольку за последние годы социалистическое движение в Соединенных Штатах целиком прониклось духом умиротворенности и соглашательства, мой разум восстает против дальнейшего пребывания в рядах партии. Вот почему я заявляю, что выхожу из нее».

Он отдал социализму немало и очень многое от него получил. Он думал, что оставляет партию, чтобы взять курс левее,

но это ничего не изменило: прослужив партии верой и правдой пятнадцать лет, он своим уходом нанес ей тяжелый удар, а себе самому — смертельный. Не он ли в «Мартине Идене» устами Бриссендена предостерегал героя: «Свяжи себя покрепче с социализмом, иначе, когда придет успех, тебе незачем будет жить». Не он ли в ответе к почитателю таланта писал в декабре 1912 года:

«Как уже сказано в «Джоне Ячменное Зерно», Мартин Иден — это я. Мартин Иден умер, так как был индивидуалистом; я жив, так как я социалист и мне, стало быть, присуще общественное самосознание».

На этот раз Гавайские острова утратили свою целебную силу: ему не стало лучше ни физически, ни душевно. Он что-то писал: появился «Майкл, брат Джерри», появились какие-то слабенькие гавайские рассказы, был начат роман о Черри, девушке-евразийке, начат, но не кончен. Пытаясь залить вином горе, неуверенность в себе, он пил без конца. Ничто не помогало. Когда он возвратился в Глен-Эллен, друзья едва узнали его. По словам Элизы, это был совершенно другой человек. Он разжирел, у него отекли и распухли лодыжки, лицо обрюзгло, потухли глаза. Он, всегда имевший такой мальчишеский вид. теперь выглядел много старше своих лет — угрюмый, больной, подавленный. Редко звал он теперь приятелей на ранчо, чтобы угостить уткой за обедом. Утратив остатки душевного равновесия, он безвольно плыл по течению. Его встречали пьяным в Окленде, он устраивал скандалы в общественных местах.

Вскоре по приезде он побывал в Пьедмонте, у Бэсси. Бывшие супруги встретились нежно. Наконец-то он понял, что был жесток с ней, что потерял детей по собственной вине. Он предложил Бэсси удвоить ее ежемесячное содержание. Бэсси согласилась.

— Если я тебе когда-нибудь буду нужен, — сказал Джек бывшей жене, — я приду, как бы ни был далеко.

— Ты едва ли будешь нужен мне, Джек, но если это случится, я тебя позову, — ответила Бэсси.

Был на свете всего один человек, кроме Элизы, которого Джек любил, которому верил до конца: Наката. «Шесть или семь лет ты был со мной и днем и ночью. Куда бы меня ни носило по свету, ты прошел со мной через все опасности. Мы часто встречали бурю и смерть; они стали для нас обоих чем-то обычным. Я вспоминаю, с каким благородством держался ты рядом со мною в бурные дни. Я вспоминаю, как ты ухаживал за мной во время болезни, вспоминаю часы веселья, когда ты смеялся со мною, а я — с тобой». Наката, уехавший от «хозяина» в Гонолулу учиться на зубного врача, отвечает: «Вы дали мне кров и хлеб; Вы всю ночь

провели на ногах, чтобы спасти меня, когда я отравился. Вы тратили драгоценное время, чтоб научить меня читать и писать. Вы представляли меня гостям и знакомым как Вашего друга, как сына. И Вы были для меня отцом. Ваше большое сердце — вот что создало эти бесконечно дорогие для меня отношения». Так, в Накате, своем слуге японце, обрел Джек единственного сына, единственную сыновнюю любовь, которую ему суждено было изведать.

— Джек, ты самый одинокий человек на земле. Того, о чем ты мечтал в глубине души, у тебя ведь никогда не было, — сказала ему однажды Элиза.

— Господи, да как ты узнала? Он всегда говорил: «Хочу пожить недолго, но весело». Сверкнуть по небесному своду двадцатого века слепящей кометой так, чтобы отблеск его идей сохранился в каждой человеческой душе. Гореть ярким, высоким пламенем, сгореть дотла, чтобы смерть не застала его врасплох, пока не истрачен хотя бы медный грош, не доведена до конца последняя мысль. Он всегда был согласен с Джорджем Стерлингом: не засиживайся в обществе собственного трупа; дело сделано, жизнь кончилась — раскланивайся и уходи.

Оставались книги, которые все еще хотелось написать: роман «Христос», автобиография под названием «Моряк в седле», «Дальние дали» — повесть о тех днях, когда начнет остывать наша планета. Когда были силы, ни одна книга, казалось, не может выразить все, что ему хотелось сказать. Он написал пятьдесят книг — разве вложена в них до конца вся его сила? Но он устал. Проходя мимо белых картонных коробок, рядами выстроившихся у него в кабинете, он снова и снова твердил себе, что он уже не новобранец, а ветеран. Он знает, что вражеский рубеж не будет взят к рассвету — ни сегодня, ни через сотню лет.

Он отвоевал свое, сделал дело, сказал свое слово — и заслужил покой. Он сделал много ошибок, совершил несчетное множество глупостей, зато по крайней мере вел крупную игру и никогда в жизни не занимался с мелочами. Пора отойти в сторону, уступить место молодым, кто прокладывает свой путь наверх. Подобно боксерам, о которых он писал, ему нужно дать дорогу «молодости — неугасимой и неодолимой, которая всего добьется и никогда не умрет», как он частенько говорил.

Удивительно, размышлял он, как человек, сам того не желая, может заслужить известность тем, что ему совершенно чуждо. Критики, например, осуждают его за то, что ему не хватает одухотворенности — ему, работы которого насквозь пропитаны философией и любовью к человечеству. Разве не звучали в его книгах два мотива: один — внешний, поверхностный, другой —

глубокий, скрытый, который могли понять лишь немногие? Еще в то время, когда он был корреспондентом на русско-японской войне, к нему в гостиницу как-то явился представитель местной власти и сообщил, что все население собралось внизу на площади посмотреть на него. Джек был страшно польщен: подумать только — даже до далекой корейской глуши дошла слава о нем! Но когда он взошел на трибуну, воздвигнутую специально для него, чиновник осведомился, не согласится ли он сделать им любезность и… вынуть изо рта вставные зубы? И целых полчаса стоял Джек на трибуне, вынимая и вставляя обратно искусственную челюсть под аплодисменты толпы. Тогда-то у него. впервые и блеснула мысль, что человек редко бывает знаменит тем, ради чего он борется и умирает.

В письме к одной девушке, обратившейся к нему за поддержкой, он пишет: «Теперь, в зрелом возрасте, я убежден, что игра стоит свеч. Я прожил очень счастливую жизнь. Мне повезло больше, чем миллионам людей моего поколения. Пусть я много страдал, зато я пережил, повидал и чувствовал многое, что не дано обычному человеку. Да, игра, несомненно, стоит свеч. А вот и подтверждение этому: все друзья твердят в один голос, что я толстею. Разве это само по себе не служит наглядным свидетельством моей духовной победы?»

Но оказалось, что долгое сражение гораздо приятнее самой победы: в детстве ввергнутый по милости матери в самую бездну нищеты, он сам, без чьей либо помощи, пробился наверх.

Джеку казалось, что вместе с ним стареет весь свет. «С миром приключений, можно сказать, покончено. Поблекли и стали прозаическими даже причудливо-красочные портовые города семи морей». Он еще давным-давно говорил: «Я — идеалист, который верит в реальную действительность. Вот почему во всех моих книгах я стремлюсь остаться ей верен, то есть обеими ногами вместе с моим читателем стоять на земле; как бы высоко ни залетели наши мечты, основанием для них должна служить реальность». Да, он мечтал, и это были высокие мечты, а теперь он вернется к действительности — и не дрогнет, увидев, что и мечтам и жизни пришел конец.

Но прежде чем этот конец наступил, угасающий дух Джека Лондона в последний раз вспыхнул с прежней силой. Он написал два прекрасных рассказа — один об Аляске: «Как аргонавты в старину», а другой — о Дороге: «Принцесса», снова перенесший его к буйным и романтическим дням юности, к первым успехам. Он велел Форни приступить к постройке круглого каменного здания молочной фермы; по длинной дороге вверх, на ранчо потянулись подводы с мешками цемента. Он еще будет посылать

в Сан-Франциско молоко, масло, сыр — самый высокосортный товар марки «Джи Эл» — Джек Лондон…

И старый Джон Лондон, будь он в живых, тоже гордился бы сыном. Вместе с Элизой Джек съездил в Сакраменто на калифорнийскую ярмарку. Все, что намечено, будет создано на ранчо, говорил он Элизе. Три четверти дела сделано, и скоро они ни от кого не будут зависеть. Он выписал из Нью-Йорка и Англии книги: «Осада порта Ля Рошель», «Расовый распад», «Счастье в браке», драйзеровского «Гения», «Конго» Стенли и с полдюжины других — о ботанике и эволюции, обезьянах и калифорнийской флоре, о голландцах — основателях Нью-Йорка.

Он задумал путешествие по странам востока, заказал билеты на пароход, потом вернул их обратно. Задумал поехать в Нью-Йорк, один, но Нинетта Пэйн как раз в это время затеяла против него судебное дело о водоемах, и пришлось остаться в Глен-Эллен. Почти все соглашались с тем, что он имеет право пользоваться водой. В последний день судебного разбирательства он давал показания четыре часа подряд и покинул зал суда вместе с Форни, который говорит, что у Джека в этот день были сильные боли: начиналась уремия. Несколько дней спустя он пригласил к себе на завтрак всех соседей, от имени которых было подано прошение в суд Вот тогда-то за дружеской беседой они и стали уверять его. что никогда не хотели, чтобы суд запретил ему пользоваться водоемом.

Во вторник, 21 ноября 1916 года, он закончил все сборы, чтобы на другой день уехать в Нью-Йорк, и до девяти часов вечера мирно беседовал с глазу на глаз с Элизой. Он сказал ей, что заедет на скотный базар в Чикаго, отберет подходящих животных и отправит на ранчо, а Элиза согласилась съездить на ярмарку в орегонский город Пендлтон и посмотреть, нельзя ли там подыскать короткорогих телок и бычков. Джек велел ей, во-первых, выделить в распоряжение каждой рабочей семьи участок земли в один акр и на каждом участке построить дом; во-вторых, подобрать площадку для общинной школы и, в-третьих, обратиться в специальные агентства, чтобы нашли хорошую учительницу. Кроме того, нужно было также выбрать участок для постройки магазина. Он стремился поставить дело так, чтобы все необходимое производить здесь же, на ранчо, создать натуральное хозяйство — кроме муки и сахара, ничего не привозить.

Пора было ложиться спать. Через длинный холл Элиза проводила его до дверей кабинета.

— Вот ты вернешься, — сказала она ему, — а я уж и магазин построю, и товаров туда навезу, и школу отделаю. Выпишу

учительницу — ну и что там еще? Да, потом мы с тобой обратимся к правительству — пускай уж у нас откроют и почтовое отделение; поднимем флаг, и будет у нас здесь свой собственный городок, и назовем мы его «Независимость», верно?

Джек положил ей руку на плечи, грубовато стиснул и совершенно серьезно ответил:

— Идет, старушка, — и прошел сквозь кабинет на террасу в свою спальню.

Элиза отправилась спать.

В семь часов утра к ней в комнату с перекошенным лицом влетел Секинэ, слуга японец, сменивший Накату:

— Мисси, скорей! Хозяин не в себе, вроде пьяный!

Элиза побежала на балкон. Одного взгляда было достаточно: Джек — без сознания. Она бросилась к телефону: Сонома, доктор Аллен Томпсон. Врач обнаружил, что Джек уже давно находится в глубоком обмороке. На полу он нашел два пустых флакона с этикетками: морфий и атропин, а на ночном столике — блокнот, исписанный цифрами — вычислениями смертельной дозы яда. Томпсон распорядился по телефону, чтобы сономский аптекарь приготовил противоядие от отравления морфием, и попросил своего ассистента, доктора Хейса, привезти препарат на ранчо. Врачи промыли Джеку желудок, ввели возбуждающие вещества, растерли конечности. Лишь однажды во время всех этих процедур им показалось, что он приходит в себя. Глаза Джека медленно приоткрылись, губы задвигались, он пробормотал что-то похожее на «Хелло» и снова потерял сознание.

Обязанности сестры, вспоминает доктор Томпсон, исполняла убитая горем Элиза. Что касается миссис Чармиан Лондон (которой Джек в 1911 году завещал все свое состояние), «она в тот же день упомянула в разговоре со мной, что если Джек Лондон умрет, — а сейчас это представляется весьма вероятным, — его смерть не должна быть приписана ничему, кроме уремического отравления. Я возразил. Приписать кончину ее мужа только этому будет трудно, любой утренний разговор по телефону могли нечаянно услышать. Да и аптекарь мог рассказать кому-нибудь о том, что приготовил противоядие; таким образом, причину смерти все равно будут искать в отравлении морфием».

Около семи часов вечера Джек умер. На другой день его тело перевезли в Окленд, где Флора, Бэсси и обе дочери устроили ему панихиду. Весь мир оплакивал его смерть. В европейской прессе этому событию уделялось больше внимания, чем смерти австрийского императора Франца Иосифа, скончавшегося накануне. Поступок жены Лютера Бербанка лучше всего рисует

скорбь американцев: в ее доме веселилась компания молодежи, собравшейся в университетский городок. Развернув газету, миссис Бербанк крикнула им: «Перестаньте смеяться! Джек Лондон умер!»

Эдвин Маркгэм назвал его когда-то частицей юности, отваги и героизма на земле. С его уходом еще один светоч мира погас.

Ночью его кремировали, а прах привезли обратно на Ранчо Красоты. Всего две недели назад, проезжая с Элизой по величественному холму, Джек остановил своего коня:

— Элиза, когда я умру, зарой мой пепел на этом холме.

Элиза вырыла яму на самой вершине холма, защищенной от жаркого солнца земляничными и мансанитовыми деревьями, опустила туда урну с прахом Джека и залила могилу цементом. Сверху она поместила громадный красный камень. Джек называл его: «Камень, который не пригодился рабочим».

Послесловие

Книга американского писателя Ирвинга Стоуна — первая подробная биография Джека Лондона, появляющаяся на русском языке. Биограф широко использовал автобиографические произведения Лондона, его переписку, воспоминания друзей и близких. Он листал газеты того времени, беседовал с современниками писателя, еще жившими в конце тридцатых годов, когда создавалась книга. Автор стремился сделать свою работу о Лондоне убедительной и увлекательной — и это ему удалось.

Однако следует обратить внимание читателя на некоторые существенные пробелы в этой в целом оригинальной книге.

Слишком поверхностно, на наш взгляд, Стоун изображает жизненную трагедию Джека Лондона. Он рассказывает нам о неумении писателя распоряжаться деньгами, показывает, как долги толкали Лондона к сочинительству малохудожественных произведений, как творческое перенапряжение породило у него усталость, а затем и разочарование в писательском труде. Но Ирвинг Стоун не видит более глубоких, социальных причин, которые в действительности определили и содержание творчества писателя и его судьбу. А они-то в конечном счете и привели Джека Лондона к духовному и творческому кризису.

Ни в одной стране мира культ денег не существует в столь нагло-обнаженной форме, как в США. Доллару поклоняются и чтят его не ниже самого всевышнего Дух наживы пронизывает все сферы американской жизни, заражает все возрасты и все классы, определяет мораль и вкусы, взгляды и цели. Культ доллара и всепроникающий дух наживы клеймили великие американцы Уолт Уитмен, Марк Твен, Теодор Драйзер, против него боролись тысячи простых людей США, но и по сей день он с утроенной силой лихорадит американское общество. Это первое, что необходимо учитывать, пытаясь понять причины личной трагедии Джека Лондона.

Далее, нельзя забывать, что Лондон вступил в литературу, когда в ней сильны были традиции так называемых «нежных реалистов» — авторов сладеньких романов и рассказов, обходящих жестокую правду американской действительности, ее социальные конфликты, ее противоречия и пороки. «Нежные реалисты» выступали против обсуждения проблем, «нарушающих общественное равновесие», против изображения «грубого, вульгарного» в жизни. Они шли в русле традиций буржуазной

морали и церкви. Утверждая в своих произведениях все американское, они пытались утверждать и капиталистический строй, замалчивая его все более обнажающиеся пороки.

Стремление некоторых писателей изобразить жизнь такою, как она есть, обратиться к темам, волнующим простого человека, использовать литературу в борьбе против социальной несправедливости подавлялось и издателями и критикой.

Судьбу многих писателей-реалистов, современников Лондона, исковеркала капиталистическая Америка. Она подкупила талантливого Хэмлина Гарленда, начавшего свой творческий путь откровенными рассказами о разоряющемся американском фермерстве. Она третировала и объявила «безнравственным» самобытного художника Стивена Крейна, рисовавшего жизнь низов американского города. Она затравила Генри Фуллера, пытавшегося выступить с разоблачениями бизнесмена. Она на десятилетие принудила умолкнуть Теодора Драйзера, объявив аморальным его первый роман — «Сестра Керри». Марк Твен, великий сатирик и отважный человек, вынужден был, по его собственному признанию, всю жизнь писать полуправду из опасения потерять кусок хлеба для семьи.

Есть и еще один момент, мимо которого нельзя пройти, стараясь уяснить причины перелома в творческом развитии Джека Лондона, наступившего после 1910 года.

На рубеже веков Соединенные Штаты превратились в агрессивную империалистическую державу. Широкое распространение получают здесь теории расового превосходства англосаксов, книги, содержащие проповедь захватов, воспевающие колонизаторов. С подобными произведениями выступают социолога Джошуа Строит, Джон Фиск, будущий президент Теодор Рузвельт.

Шовинистическая и расистская пропаганда заметно влияла на сознание американца. Сказывалась она и на рабочем движении. Это выражалось в дискриминации рабочих иностранного происхождения, в отказе принимать в профсоюз негров и т. д. Отразилась она и на мировоззрении даже прогрессивно мыслящих людей того времени.

Эти социальные факторы: господствующий дух наживы, реакционные литературные традиции и расистская идеология — по-разному в разное время и в различной степени оказали влияние на Джека Лондона и сыграли решающую роль в его судьбе.

На поверхности было глубокое отвращение Лондона к писательскому труду, а подоплекой был гнет издателей, прессы, так называемого «общественного мнения». На поверхности

оказывались такие низкопробные, недостойные пера Лондона романы, как «Приключение» и проникнутый расовыми предрассудками «Мятеж на «Эльсиноре», а причиной их появления — соблазнительная возможность заработать, подобно десяткам предприимчивых литераторов, на вкусах невзыскательного читателя. На поверхности было появившееся к концу жизни желание расширить свое ранчо, построить роскошный Дом Волка, а основой — развращающее влияние торгашеской Америки.

Творчество Лондона, отразившее противоречия действительности и общественных движений, тяжелую борьбу в душе самого художника, неравноценно по своему художественному и идейному уровню. Н. К. Крупская рассказывала, как читала Владимиру Ильичу за два дня до смерти рассказ Джека Лондона «Любовь к жизни», который, по ее словам, Ленину чрезвычайно понравился. Прочла Надежда Константиновна Ильичу и другой рассказ Лондона — о капитане, обещавшем владельцу корабля выгодно сбыть груз пшеницы; капитан, чтобы только сдержать слово, готов пожертвовать жизнью. Рассказ был пропитан буржуазной моралью. «Засмеялся Ильич и махнул рукой».

Советский читатель любит в творчестве Лондона все сильное, свежее, проникнутое подлинной верой в человека. Его романы «Мартин Иден», «Морской волк», «Белый клык», «Железная пята», повесть «Зов предков», рассказы северного цикла (такие, как «Любовь к жизни»), новеллы из сборника «Дорога» и сборников, посвященных южным морям, «Отступник», «Сила эта сильных», «Мексиканец», статьи и очерки Лондона — шедевры американской и мировой литературы. Главным образом это произведения, написанные до 1910 года Именно благодаря им писатель жив в сердцах миллионов. И Лондон написал бы немало еще великолепных вещей, не изуродуй, не исковеркай его душу капиталистическая Америка. Но есть у писателя вещи, художественно слабые, отражающие его буржуазные предрассудки.

С первых же шагов ощутил он на себе сокрушающее воздействие буржуазных литературных традиций, издателей, прессы, формирующей общественное мнение, церкви Стоун не сообщает, что написанная Лондоном в 1898 году, на заре творческой деятельности, статья «Вопрос о максимуме», которая доказывала неизбежность превращения капиталистического строя в олигархию и его гибель, была куплена издателями и в течение семи лет не печаталась. Что пламенная его статья «Революция», которая подводила итоги социалистического движения и смело

заявляла о неумолимом приближении социалистической революции, была приобретена издателем «Кольерса» и не публиковалась до 1908 года. Два с половиной критических года мировой истории!

Стоун пишет об издателе Мак Клюре как о благодетеле молодого Лондона. Но вот как сам автор «Мартина Идена» охарактеризовал Мак Клюра: «Он хотел сделать из меня евнуха, хотел, чтобы я писал мелочные, ограниченные, беззлобные буржуазные рассказы, он хотел, чтобы я встал в ряды умных посредственностей и тем потворствовал бесхарактерным, ожиревшим, трусливым буржуазным инстинктам». Лондон почувствовал, как Мак Клюр, ссужая щедрые авансы, все крепче забирает его в руки, и решительно порвал с ним.

В своих статьях Лондон гневно протестовал против реакционных традиций и политики издательств, вынуждающих писателя создавать произведения малохудожественные, фальшивые; именно такие книги обеспечивают высокие гонорары, а правдивые произведения издатели отвергают.

Вырвавшись из-под опеки Мак Клюра, Лондон почувствовал себя увереннее. На предложения издателей опустить наиболее «опасные» места в сочинениях он отвечает отказом. Так было с очерками «Люди бездны», с романом «Железная пята». Он пишет в эти годы (1902–1909) на темы, к которым влекут его талант и гражданская совесть. Именно в эти годы созданы его наиболее зрелые рассказы, романы, статьи и очерки. Именно в эти годы Максим Горький писал: «Джек Лондон пробил огромную брешь в литературной плотине, которая окружала Америку с тех пор, как средний класс, состоящий из промышленников и лавочников, пришел к власти… Идет великая пролетарская литература, и Джек Лондон будет чествоваться, потому что он указал путь».

Однако давление буржуазной прессы и критики не прекращалось ни на минуту; и чем откровеннее выступал писатель против общественной системы США, тем яростнее становились атаки. На Лондона сыпались обвинения в социализме, безнравственности, в плагиате, его книги запрещались, газеты с радостью подхватывали лживые сплетни о жизни писателя. Следствием злобной травли явилось охлаждение читателя к произведениям Джека Лондона. А главное — горький осадок оставался в душе писателя. Ко всему присовокуплялось влияние реакционной идеологии, духа наживы, господствовавшего в Америке. И писатель, согласившийся вначале на незначительные уступки (как было с идиллическим финалом «Морского волка»), пошел на более серьезные.

Джек Лондон, искренне преданный идеям революции, одна

из виднейших фигур американского социалистического движения начала XX века, в десятых годах начинает отходить от активной общественной деятельности. Этому содействовали раскол, переживаемый Социалистической партией, и принятое в 1912 году партийной конференцией добавление к уставу, означавшее, что партия отказывается от революционных методов борьбы и даже изгоняет из своих рядов тех, кто их защищает. Так исключен был выдающийся руководитель пролетариата Билл Хейвуд. Джек Лондон не мог не переживать разочарования от победы курса на реформистские методы, и это, конечно, усиливало индивидуалистические тенденции в его мировоззрении. Постепенно он почти утрачивает связь с социалистическим и рабочим движением США, хотя свои революционные идеалы он сохранил до конца.

В последние годы жизни отвращение к писательской деятельности овладевает Лондоном. В порыве откровенности он заявляет, что, будь его воля, он никогда бы не прикоснулся пером к бумаге — разве лишь, чтобы написать социалистическую статью и выразить буржуазному миру, как глубоко он его презирает.

Лондон был способен жить, только что-то открывая, занимаясь чем-то значительным — ив своих глазах и в глазах окружающих; он мог жить только среди друзей, представителей честной Америки, ежечасно ощущая их моральную поддержку. Переживая неудачу за неудачей, Лондон искал отдохновения в творчестве, но и процесс творчества становился ненавистен ему. Он мог бы обратиться к общественной деятельности, которая однажды уже вывела его из мучительного кризиса, но порвались его связи с соратниками по борьбе. Тяжелая болезнь подтачивала здоровье и волю. Чармиан, пытаясь заменить писателю мир, только содействовала еще большей его изоляции.

Некогда, объясняя причины крушения Мартина Идена, Лондон сказал, что тот погиб, потому что был индивидуалистом и ему в жизни не оставалось ничего, ради чего стоило бы жить.

И вот в один из осенних вечеров писатель сам пришел к этому же трагическому выводу — и принял смертельную дозу морфия.

Однако до последних своих дней Джек Лондон был человеком, преданным идее освобождения трудящихся. Об этом свидетельствует написанное им за год до смерти предисловие к антологии «Зов к справедливости» — здесь он говорил о необходимости строить новую культуру, которая раскрывалась бы в любви к человеку. «Мы уже знаем, — писал Лондон, — как создаются боги. Пришло время создавать мир». О том же говорит и отношение писателя к простым труженикам — это хорошо

показано в книге Стоуна — и мотив, которым он объяснил свой уход из зараженной оппортунизмом Социалистической партии.

Получи рабочее движение Америки новый толчок к развитию, писатель примкнул бы к наиболее революционному его крылу, и, несомненно, доживи до Великого Октября, Лондон приветствовал бы его торжество так же, как приветствовал русскую революцию 1905 года.

Остановимся еще на одном положении, которое, возможно, и не заслуживало бы специального разъяснения, не стань оно общим местом в статьях зарубежных литературоведов. Речь идет о «ницшеанстве» Лондона.

Вслед за буржуазными литературоведами, которые упорно зачисляют прогрессивного писателя в разряд «ницшеанцев», И. Стоун называет реакционного немецкого философа Фридриха Ницше одним из духовных отцов Джека Лондона — наряду с Карлом Марксом и Гербертом Спенсером. Кстати сказать, автор романа «Как закалялась сталь», замечательный советский писатель Николай Островский тоже причисляется некоторыми буржуазными критиками к «ницшеанцам». Факты, однако, показывают, что, называя Маркса и Спенсера своими учителями, Лондон никогда не считал своим учителем Ницше. Ницшеанские идеи сказались главным образом на некоторых поздних произведениях писателя. Нет оснований утверждать, что до 1903 года — года творческой зрелости — Лондон вообще был знаком с работами реакционного немецкого философа, малоизвестного в то время в США. И первый же свой роман, где упоминалось имя Ницше, «Морской волк» (1904 г.), Лондон посвятил разоблачению ницшеанского «сверхчеловека». Той же задаче должен был, по замыслу, служить и «Мартин Иден» (1909 г.). Критиков, видимо, сбило с толку то обстоятельство, что некоторые герои Лондона (например, Вульф Ларсен из «Морского волка») — ницшеанцы. Но Лондон развенчал Ларсена, показал, что он обречен на гибель.

Основой философии Ницше являлась идея подчинения массы господину. Лондон же, как известно, был сторонником революционной борьбы против господ и победы массы над кучкой власть имущих. Он не питал, подобно Ницше, ненависти к социализму — напротив, был его убежденным сторонником и за него боролся. У реакционного философа человек аморален. Ницше проповедовал: «падающего. подтолкни». У Лондона основное качество положительных персонажей — душевное благородство, товарищеская взаимопомощь. В романе «Железная пята» (1908 г.) он показал, что выдающаяся личность должна действовать во имя счастья массы, трудящихся, и в том увидел ее величие. Выразитель идей Лондона в этом романе

Энтони Мередит презрительно именует Ницше «бесноватым философом».

Весь гуманистический пафос творчества Джека Лондона в корне противоречит человеконенавистнической философии ницшеанства. Да и облик самого Лондона, человека великодушного, щедрого, готового последним поделиться с товарищем, — таким он правильно рисуется в книге И. Стоуна — никак не вяжется с представлениями о лишенном моральных устоев, исповедующем культ силы ницшеанском герое-одиночке.

А вот что сам Джек Лондон написал о ницшеанстве всего за месяц до смерти: «Мартин Иден» и «Морской волк» — задолго до «Мартина Идена» — были протестом против философии Ницше постольку, поскольку ницшеанская философия доводит силу и индивидуализм вплоть до войны и уничтожения, выступает прочив сотрудничества, демократии и социализма Мировая война — вот вам логический результат ницшеанской философии».

Книга Ирвинга Стоуна, разумеется, не исчерпывает всего богатства документов и фактов, связанных с биографией большого и интересного писателя. Особенно досадно, что автор почти ничего не говорит о взаимоотношениях Джека Лондона с наиболее передовыми его современниками, недооценивает его роль как одного из первых популяризаторов социализма на страницах ведущих американских журналов (на эти недостатки в свое время указывала газета «Дейли уоркер»). Почти ничего не узнает читатель из книги Стоуна об интереснейшей, но, к сожалению, пока еще не изученной проблеме — о внимании Лондона к русской культуре и русскому революционному движению.

Возможно, автору было неизвестно, что в 1905 году Лондон подписал воззвание американского Общества друзей русской свободы, энергично поддержавшего русских революционеров и собиравшего для них деньги Весной 1906 года, когда по заданию партии в Америку приехал Горький, Лондон был в числе тех, кто материально и морально пришел на помощь революционной России.

К сожалению, пока еще не существует книги, в которой более или менее подробно рассматривалось бы творческое наследие Лондона, и «Моряк в седле» лишь отчасти восполняет этот пробел. Как и другие книги серии «Жизнь замечательных людей», это не монография, а жизнеописание, и писатель не ставит своей целью анализировать творчество Джека Лондона. Но нужно иметь в виду, что и некоторые краткие оценки Стоуна подчас крайне субъективны и небрежны (в важнейших случаях это отмечено в подстрочных примечаниях). Иногда автор основывается на

ошибочной хронологии, порой говорит о малозначительных произведениях Лондона и не замечает существенно важных. Так, статью Лондона о романе М Горького «Фома Гордеев», сыгравшую принципиальную роль в развитии взглядов писателя на литературу, и ряд других его статей Стоун даже не упоминает.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, книга Ирвинга Стоуна представляет немалый интерес. Тем более что от первой и до последней страницы она проникнута искренней любовью к выдающемуся сыну американского народа Джек Лондон, по словам Стоуна, был с детства для него великим примером. Шести лет познакомился он с рассказами выдающегося писателя, и книги его сыграли решающую роль в формировании образа мыслей Стоуна. «Мартин Иден» вдохновил Стоуна на писательскую деятельность. С пятнадцатилетнего возраста лелеял Ирвинг мечту создать биографию писателя. Она была написана в 1938 году и с тех пор остается одной из лучших книг о жизни Джека Лондона.

В. БЫКОВ

Основные даты жизни и творчества Джека Лондона

1876, 12 января — в Сан-Франциско в доме на углу Третьей и Брайант-стрит у Флоры Уэллман родился сын Джон, будущий писатель Джек Лондон.

1876, 7 сентября — Флора выходит замуж за Джона Лондона.

1876–1889 — семья живет в различных городках и местечках в округе залива Сан-Франциско.

1886— десятилетний Джек начинает материально помогать семье; торгует газетами.

1888–1889 — Джек сменяет ряд профессий, учится в школе, часто посещает Оклендскую библиотеку.

1889–1893 — проводит много времени в порту. Работает на консервном заводе. Устричный пират. Рыбачий патруль.

1893 — матросом на шхуне «Софи Сазерленд» совершает семимесячное плавание к берегам Японии. По возвращении работает подсобным рабочим в котельной и на джутовой фабрике.

12 ноября — опубликован очерк «Тайфун у берегов Японии» — первое произведение писателя.

1894 — Лондон присоединяется к армии безработных, руководимой Келли, которая направляется в Вашингтон требовать у правительства помощи безработным. За бродяжничество арестовывается в городе Буффало и получает месяц тюремного заключения. Вернувшись в Окленд, поступает в среднюю школу.

1895— печатается в школьном журнале «Эгида». Сближается с социалистами и вступает в Социалистическую рабочую партию. За антикапиталистическое выступление на площади Сити Холл Парк в Окленде вторично арестовывается.

1896 — подготовившись, сдает вступительные экзамены в Калифорнийский университет.

1897— проучившись один семестр, оставляет университет и отплывает на Аляску за золотом.

1898 — возвращается с Аляски больной и без гроша в кармане. Ведет полуголодное существование, упорно работает над рассказами.

1899, январь — «Трансконтинентальный ежемесячник» публикует рассказ «За тех, кто в пути».

февраль — в том же журнале появляется второй рассказ — «Белое безмолвие». Лондон знакомится с Анной Струнской.

1900, апрель— выходит в свет первый сборник рассказов «Сын волка». Лондон женится на Элизабет Маддерн.

1901, январь — рождение дочери Джоан. Второй сборник рассказов «Бог его отцов». Заканчивает работу над первым романом «Дочь снегов» (опубликован в 1902 году). Знакомится с романом А. М. Горького «Фома Гордеев».

1902, июль — отплывает в Англию, где в течение нескольких недель переодетый живет в лондонских трущобах, пишет очерки «Люди бездны» (опубликованы в 1903 году). Выходят в свет сборник рассказов «Дети Мороза», повесть «Путешествие на «Ослепительном».

1903 — Лондон уходит от семьи. Опубликованы повесть «Зов предков» и написанная в содружестве с Анной Струнской книга «Письма Кемптона и Уэйса».

1904, январь— в качестве корреспондента уезжает в Японию, затем в Корею к театру военных действий русско-японской войны. Летом возвращается. Выходят в свет сборник рассказов «Вера в человека» и роман «Морской волк».

1905 — занимается активной политической деятельностью, подписывает воззвание Общества друзей русской свободы, избирается президентом Студенческого социалистического общества. Читает лекции в различных городах Калифорнии, совершает лекционное турне по США. Пишет статью «Революция».

Разводится с Элизабет Маддерн, женится на Чармиан Киттредж.

Опубликованы: сборник статей «Борьба классов», повесть «Игра» и «Рассказы рыбачьего патруля».

1906 —посещает Ямайку, Кубу, Флориду. Поселяется в местечке Глен-Эллен (Лунная Долина). Приступает к постройке яхты «Снарк». Выступает с докладами о социализме.

В декабре заканчивает работу над романом «Железная пята» (опубликован в 1908 году).

Вышли в свет сборник «Лунный лик и другие рассказы» и роман «Белый клык».

1907, апрель — 1909, июль — путешествие на «Снарке».

1907 — выход в свет сборников: «Любовь к жизни и другие рассказы», «Дорога», повести «До Адама».

1908 — на месяц покидает «Снарк» и возвращается в Сан-Франциско, чтобы уладить финансовые дела. Вернувшись на «Снарк», серьезно заболевает. Помещен в Сиднее (Австралия) в больницу.

1909 — После операции вынужден отказаться от кругосветного путешествия и вернуться в Глен-Эллен. В свет выходит роман «Мартин Иден».

1910 — опубликованы сборники «Лунный лик» и «Революция», роман «Время-не-ждет», пьеса «Кража». Живет в Лунной Долине. Совершает кратковременные плавания на небольшой яхте «Ромер».

1911 — путешествует на четверке лошадей по Калифорнии и соседним штатам.

Выходят в свет сборники рассказов «Когда боги смеются» и «Сказки Южных морей», очерки «Путешествие на «Снарке», роман «Приключение».

1912 —на судне «Дириго» путешествует вокруг мыса Горн. Строит Дом Волка.

Выходят в свет сборники рассказов «Сын солнца», «Храм гордыни» и «Смок Беллью».

1913 — выходят в свет сборник «Рожденная в ночи», повести «Зверь из бездны» и «Джон Ячменное Зерно» и роман «Лунная Долина»

1914 — в качестве корреспондента отправляется в Мексику. Опубликованы сборник рассказов «Сила сильных» и роман «Мятеж на «Эльсиноре».

1915 — путешествие на Гавайи. Опубликованы повесть «Алая чума» и роман «Межзвездный скиталец».

1916 — болезнь Джека Лондона Поездка на Гавайи. Лондон выходит из Социалистической рабочей партии Опубликованы роман «Маленькая хозяйка большого дома» и сборник «Черепахи Тэсмана» — последняя изданная при жизни книга Джека Лондона.

22 ноября — Джек Лондон умер.

Краткая библиография

I. Сочинения Джека Лондона

Полное собрание сочинений (в 24 томах). “Земля и фабрика”, М.—Л., 1929. Наиболее полное собрание сочинений на русском языке. Содержит только художественные произведения, за исключением некоторых очерков и рассказов, поэзии и драматургии.

т. I. Коган П. С., О Джеке Лондоне. Лондон Чармиан, Жизнь Джека Лондона. Дорога (The Road). Рассказы.

т. II. Морской волк (The Sea-Wolf). Роман. Рассказы рыбачьего патруля (Taies of the Fish Patrol).

т. III. Приключение (Adventure). Роман.

т. IV.Дочь снегов (A Daughter of the Snows). Роман. Северная Одиссея (An Odyssey of the North). Рассказы. (Сборник „Сын волка".)

т. V. Смок Беллью (Smoke Bellew). Рассказы. Смок и малыш (Smoke and Shorty). Рассказы.

т. VI. Игра (The Game). Повесть. Первобытный зверь (The Abysmal Brute). Повесть. Сила сильных (The Strength of the Strong). Рассказы.

т. VII.Путешествие на „Снарке" (The Cruise of the Snark). Путевые очерки. На циновке Макалоа (On the Makaloa Mat). Рассказы.

т. VIII. Сердца трех (Hearts of Three). Роман.

т. IX. Джерри-островитянин (Jerry of the Islands). Роман. Майкл, брат Джерри (Michael Brother of Jerry). Повесть.

т. X. Сын солнца (A Son of the Sun). Рассказы. Принцесса. Рассказы. (Сборник “Красное божество".) (The Red One.)

т. XI. Зов предков (The Call of the Wild). Повесть. Белый клык (White Fang). Роман. До Адама (Before Adam). Повесть.

т. XII. Межзвездный скиталец (The Star — Rover). Роман. Алая чума (The Scarlet Plague). Повесть. Вечные формы и другие рассказы (Storles). (Сборник. Рассказы".)

т. XIII. Мартин Идеи (Martin Eden). Роман. т.

т. XIV.Дети Мороза (Children of the Frost). Рассказы. Бог его отцов (The God of His Fathers). Рассказы.

т. XV. Мятеж на „Эльсиноре" (The Mutiny of the Elsinore). Роман.

т. XVI. Путешествие на Ослепительном" (The Cruise of the „Dazzler"). Повесть. Голландская доблесть (Dutch Courage). Рассказы. Сказки Южных морей (South Sea Tales). Рассказы.

т. XVII. Вера в человека (The Faith of Men). Рассказы. Лунный лик (Moon Face). Рассказы.

т. XVIII. Лунная Долина (The Valley of the Moon). Роман.

т. XIX.Потерянный лик (Lost Face). Рассказы. Любовь к жизни (Love of Life). Рассказы. Храм гордыни (The House of Pride). Рассказы.

т. XX. День пламенеет (Burning Daylight). Роман.

т. XXI. Рожденная в ночи (The Night-Born). Рассказы. Когда боги смеются (When God Laughs). Рассказы.

т. XXII. Маленькая хозяйка большого дома (The Little Lady of the Big House). Роман. Черепахи Тэсмана (Turtles of Tasman). Рассказы.

т. XXIII. Железная пята (The Jron Heel). Роман. Люди бездны (The People of the Abyss). Очерки.

т. XXIV.Джон Ячменное Зерно. Воспоминания алкоголика (John Barleycorn or Alcoholic Memories). Повесть. Письма Кемптона и Уэйса (The Kempton-Wace Leiters). Повесть. Черри (Cherry). Незаконченная повесть. Джек Лондон о себе.

Сочинения в семи томах. Под наблюдением Р. М. Самарина. М-, Гослитиздат, 1954–1955. Издание избранных сочинений. Содержит, кроме художественных произведений, также некоторые статьи.

т. 1. Рассказы 1899–1903 гг. Зов предков (повесть).

т. 2. Рассказы 1901–1909 гг. Игра (повесть). Люди бездны (книга очерков).

т. 3. Рассказы 1910–1916 гг. Смок Беллью (цикл рассказов).

т. 4. Морской волк (роман). Белый клык (повесть).

т. 5. Железная пята (роман). Мартин Идеи (роман). Статьи.

т. 6. Лунная Долина (роман). Лютый зверь (повесгь).

т. 7. Время-не-ждет (роман). Майкл, брат Джерри (роман).

т. 8 (дополнительный). Маленькая хозяйка большого дома (роман). Сердца трех (роман). Борьба классов". Сборник статей. Мысль", 1925. Революция". Сборник статей. Мысль", 1925. Кража". Пьеса. „Искусство", 1955.

II. Литература о Джеке Лондоне

На русском языке

Крупская Н. К., Что нравилось Ильичу из художественной литературы. В книге: Ленин о культуре и искусстве. Искусство", 1956.

Антонова Т., „Северные рассказы" Джека Лондона. В книге: Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина, 1958 г., т. CXXX, вып. 3.

Богословский В., Джек Лондон. В книге: Курс лекций по истории зарубежных литератур XX в. под ред. Л. Андреева и Р. Самарина. Т. 1. Изд-во МГУ, 1956.

Богословский В., Джек Лондон. Очерк творчества. В книге: Ученые записки Московского областного пединститута, 1956 г., т. 37, вып. 3.

Богословский В. Н., Северные рассказы Джека Лондона. В книге: Ученые записки Московского областного пединститута, 1959 г., т. 78, вып. 6.

Баданова И. М., Книга революционного гнева (о романе Дж, Лондона «Железная пята"). В книге: Ученые записки Ташкентского педагогического института иностранных языков, 1956 г., вып. 1. Быков В., По следам Джека Лондона.»Комсомольская правда" от 20, 23, 24, 27 сентября 1959 г. и 3 июля 1960 г.

Данилин Ю., Джек Лондон учится писательству. „На литературном посту", 1929, № 23.

Кулле Р., Этюды по современной западноевропейской и американской литературе. М.—Л., 1930.

Кучерявенко Н., В Окленде, на родине Джека Лондона.»Звезда", 1949, № 7.

Лондон Чармиан, Жизнь Джека Лондона. В книге: Джек Лондон, Полное собрание сочинений, т. 1. ЗИФ М. — Л-, 1929.

Пелузо Э., Из дней знакомства с Джеком Лондоном. „Красная новь", 1933, № 1.

Поллит Г., Железная пята. «Смена», 1956, № 23.

Синклер Э., Мои собратья по перу. В книге: Эптон Синклер, Собрание сочинений. ГИЗ, 1926, т. VII.

Суховерхов С., М. Горький за рубежом. (Д. Лондон и М.

Горький.) В книге: Научно-методический сборник Шадринский государственный пединститут, вып. 1, 1957.

Суховерхов С., Джек Лондон в СССР. В книге: Ученые записки Шадринского государственного пединститута, 1958, вып. 2.

Федунов П., Джек Лондон. В книге: Джек Лондон,

Сочинения в семи томах. Т. 1. М., 1954. Франс А., Предисловие к первому изданию. Железной пяты" во французском переводе. В книге: А. Франс, Собрание сочинений. Т. 8, М., 1950. Юнг Франц, Джек Лондон как поэт рабочего класса Книга", 1925.

На английском языке

Bamford, Georgia, The Mystery of Jack London. Oakland,1931.

Foner, Philip, Jack London: American Rebel. N.Y., 1947

Gallacher, William, The Story of Jack the Rebel. Daily

Worker Lond., 3/1V 1960.

Garst, Shannon, Jack London, Magnet for Adventure. N.Y.,1945. Johnstone, A., Socialist readers love Jack London Best of all, Workei", N.-Y, 8/1 1956.London,

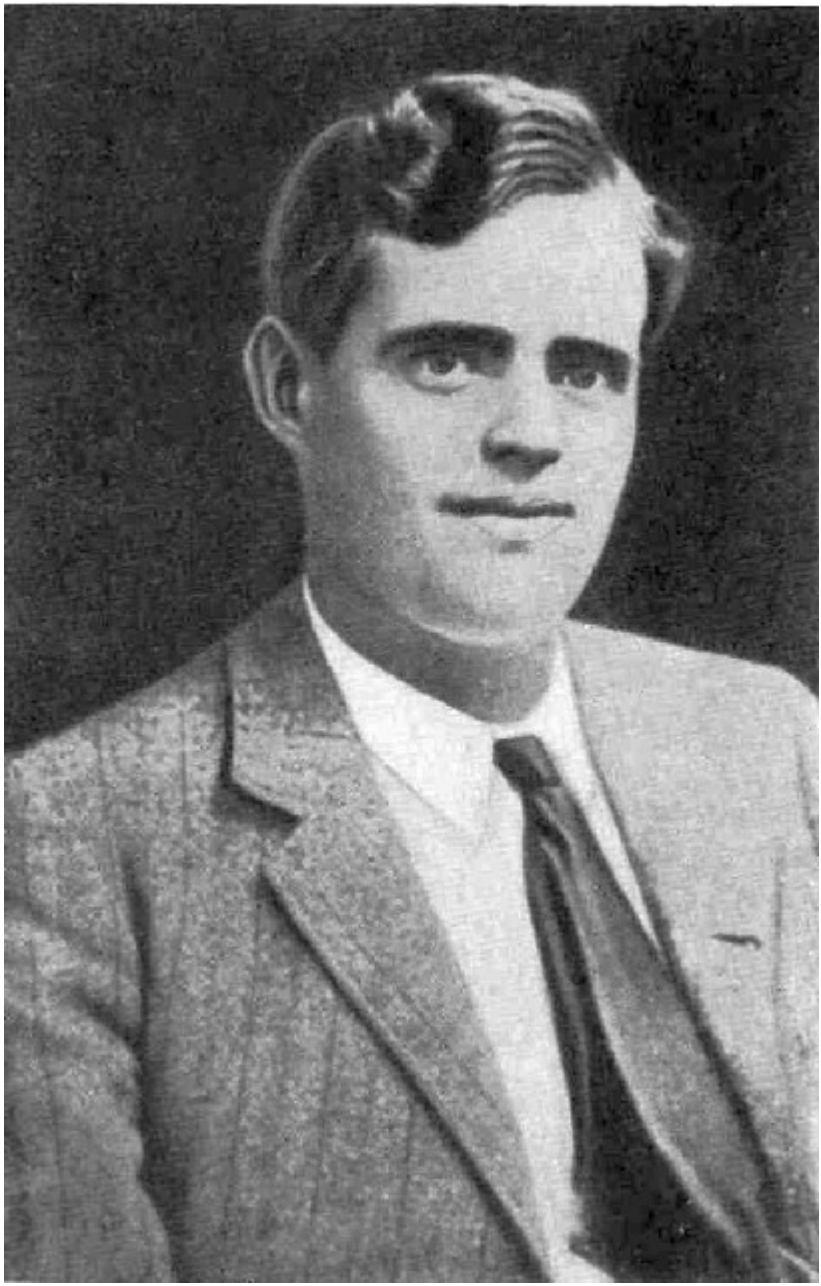
Charinian. Jack London, vol. 1–2. London. 1921. Shleids, A. I. remember Jack London. „Daily Peoples World", 30/XI 1956.

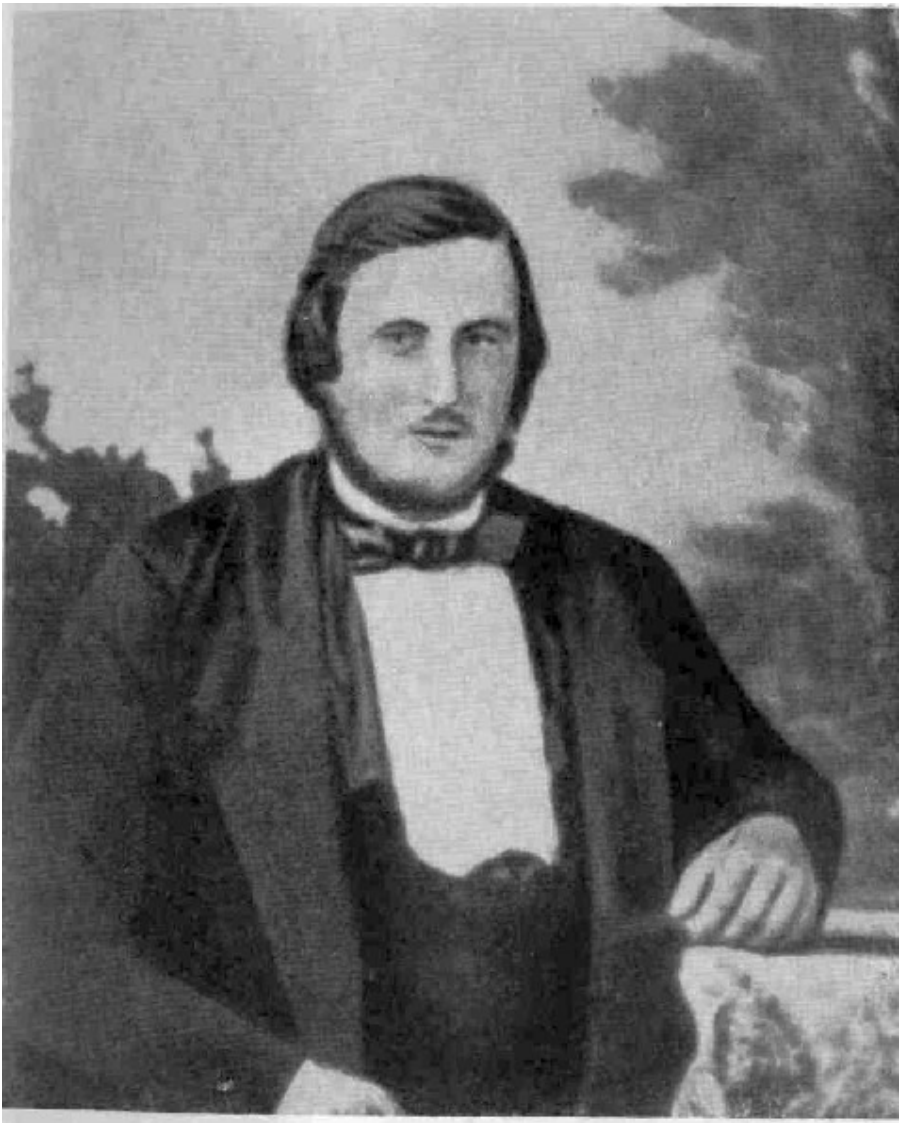
Stone, Irving. Sailor on Horseback. Cambridge, 1958.

Strunsky-Walling, Anna. Memories of Jack London. „Massis", X 1917, № 9 Issue 73.

Основные даты жизни и творчества Джека Лондона, краткая библиография и примечания в тексте составлены В. М. Быковым.

Иллюстрации





Джон Лондон, отчим писателя.

Флора Уэллман-Лондон, мать писателя.

Джек в десятилетнем возрасте.

Джек в возрасте девяти лет.

Джек Лондон
(1897 г.).

Джек-золотоискатель.

В первом плавании.

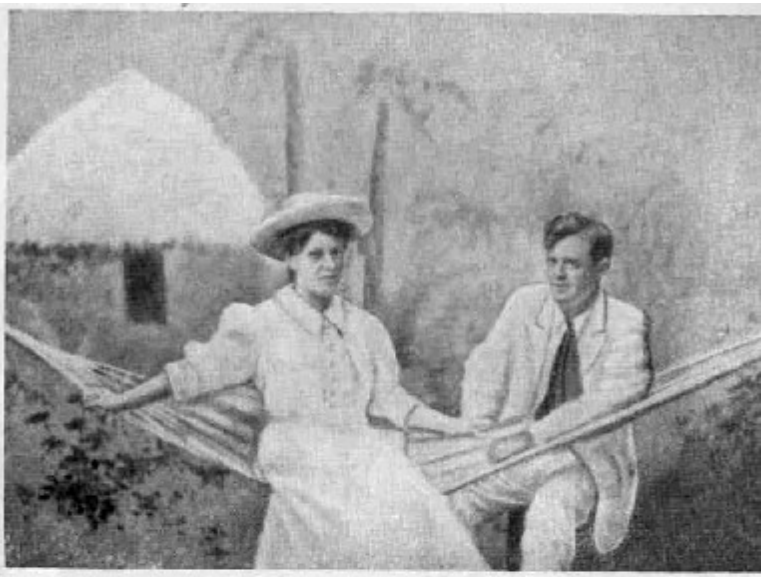
Джек Лондон — обитатель лондонских трущоб.

Джек Лондон *(1903 г.)*.

Лондон с дочерьми Джоан и Бэсс *(1905 г.)*.

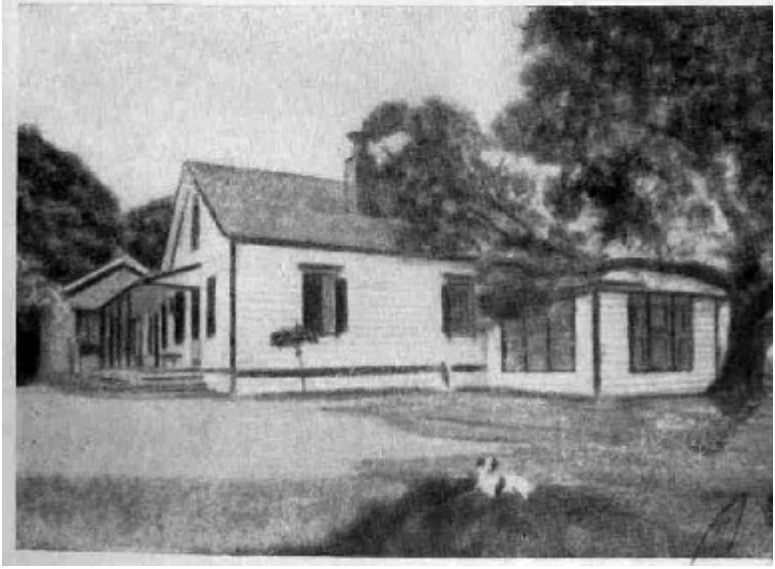
Джек Лондон.

На борту «Спрея»
(1904 г.).



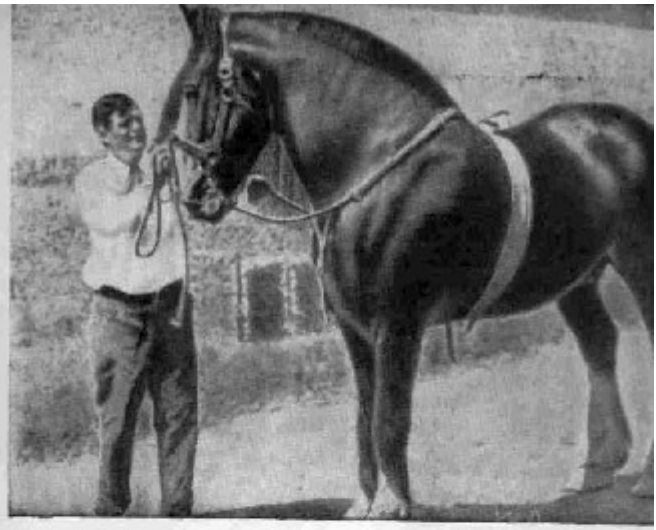
Джек Лондон и Чармиан на Гавайских островах.

Дом Лондона на Ранчо Красоты.

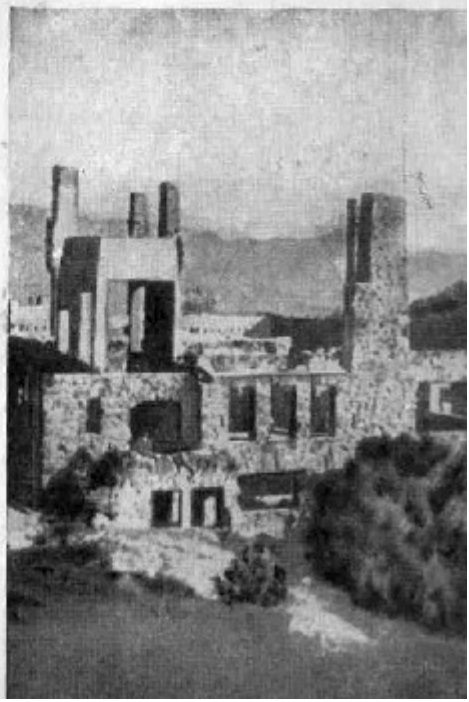


В рабочем кабинете.

Джек Лондон (1908 г.).



На ранчо *(1916 г.)*.



Руины Дома Волка.

За несколько дней до смерти.

Об авторе

Американский писатель Ирвинг Стоун родился в 1903 году в Сан-Франциско. С десяти лет он, как и герой его книги, продавал газеты, работал на ферме, на консервном заводе, испробовал ряд других профессий

Стоун — автор ряда романов и биографий, среди которых книги, посвященные Ван-Гогу и Юджину Дебсу. Биография Джека Лондона — наиболее известная из его работ.